

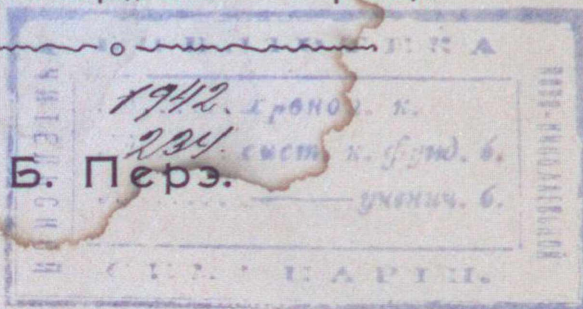
379
П 27

ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДѢТЕЙ.

БИБЛИОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

подъ редакціей

прив.-доц. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха.

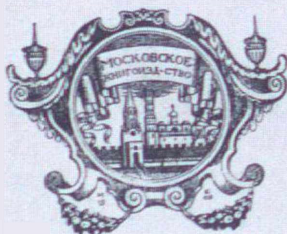

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ

НАЧИНАЯ СЪ КОЛЫБЕЛИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ 4-го ФРАНЦУЗСКАГО ИЗДАНІЯ.

«МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО».

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.
Леситьевский пер., д. № 5
1910.

Предисловіе къ русскому изданію.

Имя Б. Перэ пользуется заслуженною извѣстностью во Франціи, гдѣ его сочиненія по психологіи ранняго дѣтства выдержали нѣсколько изданій ¹⁾. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій уже имѣются въ русскомъ переводѣ ²⁾. Извѣстны положительныя черты этихъ работъ, которыя обезпечили имъ упомянутый успѣхъ. Это, прежде всего, ясная и интересная постановка важнѣйшихъ педагогическихъ вопросовъ, не затемняемая напрасными уклоненіями въ сторону иногда недостаточно выясненныхъ теоретическихъ проблемъ. Затѣмъ, обращаетъ на себя вниманіе обиліе и разнообразіе матеріала по психологіи дѣтства, самостоятельно собраннаго авторомъ или извлекаемаго имъ изъ сочиненій самаго разнообразнаго характера. Далѣе, бросается въ глаза попытка индивидуализировать тѣ педагогическія нормы, которыя вырабатываются на почвѣ этого матеріала, не впадая въ тотъ тонъ предписаній-рецептовъ, который такъ нерѣдко можно встрѣтить въ шаблонныхъ руководствахъ по педагогикѣ. Наконецъ, необходимо упомянуть о чрезвычайной доступности и легкости изложенія, каковая черта присуща всѣмъ работамъ Перэ, дѣлая ихъ, въ связи съ глубоко проникающимъ чувствомъ любви къ объектамъ своего изслѣдованія, осо-

¹⁾ Les trois premières années de l'enfant, ed. 5, 1902 (переведено на англ. и итальян. яз.); L'enfant de trois à sept ans, 4 ed., 1907 (переведено на итальян. яз.); L'éducation intellectuelle dès le berceau, 2 ed., 1901; L'éducation morale dès le berceau, 4 ed., 1901; L'art et la poésie chez l'enfant, 1888; Le caractère de l'enfant à l'homme, 1892.

²⁾ Перэ. Первые три года жизни ребенка. Спб. 1879.

Перэ. Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. М., 1897.

бенно привлекательными для родителей и других лиц, близко стоящих къ дѣтямъ. Всѣ эти особенности вскрываются передъ нами и въ только что переведенной книжкѣ „L'éducation morale dès le berceau“, гдѣ терминъ „моральный“ берется въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ наше понятіе „нравственный“, и благодаря этому въ этомъ сочиненіи предлагается достаточно матеріала для характеристики самыхъ разнообразныхъ проявленій дѣтской психики. Конечно, эта работа не удовлетворитъ современнаго читателя во *всѣхъ* отношеніяхъ. Такъ, мы не встрѣтимъ здѣсь нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдованій по дѣтской психологіи, которыя не могли быть использованы авторомъ въ виду того, что книга вышла первымъ изданіемъ еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія. Иногда можетъ показаться не достаточно углубленнымъ самый анализъ отдѣльныхъ психологическихъ и педагогическихъ проблемъ, когда авторъ старается, быть можетъ, нѣсколько упростить пониманіе очень сложнаго вопроса изъ области дѣтской психики. Возможны, далѣе, частичныя возраженія въ связи съ самымъ методомъ изслѣдованія—иногда не достаточно строгимъ и выдержаннымъ—и самымъ матеріаломъ, съ научной точки зрѣнія не всегда одинаково цѣннымъ. Наконецъ, не всегда, конечно, можно согласиться съ отдѣльными выводами и заключеніями автора, при чемъ нерѣдко основаніемъ для такого несогласія можетъ служить различіе въ общихъ условіяхъ жизни и воспитанія во Франціи и у насъ. Но всѣ эти недостатки не затемняютъ упомянутыхъ положительныхъ качествъ переведенной работы, которая и въ настоящемъ своемъ видѣ даетъ очень много цѣннаго матеріала для однихъ читателей и наведетъ другихъ на болѣе углубленное размышленіе о важнѣйшихъ вопросахъ изъ области дѣтской психологіи и общей педагогики.

Н. Виноградовъ.

Нравственное воспитаніе начиная съ колыбели.

Общія соображенія о сущности и предѣлахъ нравственнаго воспитанія.

I.

Нравственное воспитаніе имѣетъ цѣлью развитіе и дисциплинированіе, ради наибольшаго блага личности и общества, прирожденныхъ силъ человѣка, побуждающихъ его къ дѣйствию. Развивать наклонности, признанныя полезными со стороны избранныхъ людей просвѣщенія и практики, доводить до минимума вліяніе наклонностей противоположнаго характера и если не окончательно искоренить, то по крайней мѣрѣ направить ихъ къ добру, — такова должна быть цѣль воспитанія, при всякомъ состояніи научныхъ знаній, учреждений и социальныхъ стремленій. Наклонности, о которыхъ идетъ рѣчь, питаются ощущеніями, чувствованіями и хотѣніями. На урегулированіе этихъ трехъ видовъ духовныхъ силъ и направляется нравственное воспитаніе.

Что же такое въ концѣ-концовъ эти наклонности, дѣйствию которыхъ воспитаніе должно помогать или препятствовать? Это — инстинкты, наследственные предрасположенія, то есть привычки, укоренившіяся въ теченіе вѣковъ. Благодаря присущей нервной системѣ

способности воспоминанія, повтореніе дѣйствій облегчаетъ ихъ дальнѣйшее воспроизведеніе, — вотъ почему наиболѣе сильными являются привычки, ведущія свое происхожденіе отъ жизни предковъ, по отношенію къ которымъ вновь образовавшіяся привычки являются часто лишь способностями производнаго характера. Въ сферѣ добра, какъ и въ сферѣ зла, источникъ этихъ наслѣдственныхъ предрасположеній представляетъ неисчерпаемое богатство; воспитатель можетъ увѣренно черпать изъ него элементы для образованія новыхъ привычекъ. «Его роль, говоритъ Гёксли, состоитъ въ образованіи привычекъ, въ дополненіи естественной организаціи тѣла организаціей искусственной, такъ чтобы дѣйствія, требующія вначалѣ сознательнаго усилія, въ концѣ-концовъ становились безсознательными и выполнялись машинально. Если бы дѣйствіе, потребовавшее сначала участія, во всѣхъ своихъ деталяхъ, сознанія воли, всегда нуждалось въ такомъ же усиліи, воспитаніе стало бы невозможнымъ». Правда, по отношенію къ маленькому ребенку дѣло состоитъ въ облегченіи посредствомъ привычки скорѣе безсознательныхъ, чѣмъ сознательныхъ дѣйствій. Но какъ сознательныя, такъ и безсознательныя привычки возникаютъ только въ результатъ повторенія дѣйствій, а потому этотъ единственный способъ образованія привычекъ и представляетъ интересъ для воспитателя.

Однако какъ ни могущественно вліяніе привычки въ дѣлѣ образованія нравственности и характера, все же не слѣдуетъ ласкать себя иллюзіей — милой сердцу столькихъ воспитателей — что можно по своему усмотрѣнію вырабатывать способности ребенка. Въ самомъ дѣлѣ, хотя и не слѣдуетъ буквально понимать знаменитый афоризмъ, что «каждый нервъ хранитъ воспоминаніе прошлой жизни», все же невозможно положить предѣлъ силѣ переживанія воспоминаній, накопившихся въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ. Истинность французской народной поговорки «Bel

oiseau se fait de lui-même»¹⁾ обнаруживается чаще, чѣмъ этого бы хотѣлось. Но если бы даже ограничить индивидуальное воспитаніе лишь воспрепятствованіемъ — на всю жизнь или на значительную часть жизни — развитію нѣкотораго числа вредныхъ наклонностей, то и это представляло бы немаловажный результатъ. Такимъ образомъ, воспитатель можетъ поставить передъ собой слѣдующую задачу: нравственная гигиена ребенка — подобно физической гигиенѣ, съ которой она тѣсно соприкасается — должна ставить себѣ главнѣйшей цѣлью — возможно, больше отдалять и тормазить дѣйствіе причинъ, которыя могли бы роковымъ образомъ повести къ порокамъ, безумію или преступленію. Съ одной стороны, сила прививаемыхъ воспитаніемъ искусственныхъ привычекъ, съ другой стороны — сила индивидуальной дисциплины, основаніе которой тоже кладется воспитаніемъ, — могутъ оказать неоцѣнимыя услуги въ борьбѣ съ наклонностями или врожденными навыками.

Даже фізіологія, выдвигающая на самый первый планъ вліяніе наслѣдственности, даетъ намъ возможность отвести широкій просторъ для завоеваній воли. «Упражненіе воли, говоритъ Шарль Рише, повидимому, состоитъ главнымъ образомъ въ ея задерживающемъ, уменьшающемъ и ослабляющемъ вліяніи на рефлекторныя и инстинктивныя дѣйствія. Эта задерживающая сила не у всѣхъ одинакова: она зависитъ отъ состоянія мозга и, подобно самому мозгу, имѣетъ свои степени и разновидности, свои болѣзни и аномаліи». Но «какъ и всѣ мозговія функціи, эта задерживающая способность можетъ упражняться, культивироваться и развиваться посредствомъ навыка; въ этомъ сказывается могущественная сила привычки... Молодой солдатъ, слыша свистъ пули, наклоняетъ голову, — пусть такъ. Но онъ можетъ приучить себя и не наклонять головы. Сначала результаты усилій будутъ ничтожны, потомъ, понемногу, — потому ли что стимулирующее ощущеніе

1) Хорошая птица дѣлается таковой отъ самой себя.

постепенно притупится, или потому что увеличится сила задерживающей способности,—въ концѣ-концовъ онъ перестанетъ наклонять голову; привычка дать ему силу справляться съ инстинктивнымъ побужденіемъ»¹⁾. Механизмъ мозговыхъ привычекъ не заведень разъ навсегда, и это даетъ извѣстный просторъ воспитанію во всѣхъ его формахъ,—отъ самыхъ простыхъ до самыхъ сложныхъ.

Тѣмъ не менѣе намъ не слѣдуетъ забывать, что завоеванія нравственнаго порядка находятся въ органически худшихъ условіяхъ. Согласно физиологическому закону, который, какъ общее правило, находитъ себѣ подтвержденіе въ фактѣ упадка памяти у отдѣльныхъ лицъ и который можно прослѣдить въ примѣненіи къ эволюціи видовъ,—приобрѣтенія нравственнаго характера должны быть отнесены къ разряду самыхъ неустойчивыхъ. «Нравственное чувство, по мнѣнію эволюціонистовъ, является послѣднимъ приобретеніемъ человѣческаго рода; но, какъ послѣднее, оно именно потому и самое неустойчивое, и передача его наименѣе обезпечена. Безъ сомнѣнія, нравственное чувство не такъ органически связано съ самой субстанціей человѣческаго мозга, какъ, напримѣръ, законы ума... Пусть половой подборъ и наследственность продолжаютъ свое дѣло: нравственное чувство укрѣпится въ человѣческомъ сознаніи, и несомнѣнно, настанетъ день — день еще далекій отъ насъ—когда нравственность будетъ такъ же естественно присуща каждому человѣку, какъ теперь умственные способности. Она станетъ существеннымъ и постояннымъ элементомъ его духовной организаци»²⁾.

Авторъ настоящихъ строкъ находитъ эту доктрину «заманчивой», но мало «доказанной». Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать факта органической пере-

¹⁾ Ch. Richet. *Psychologie générale*, стр. 172—179. (Рише. Опытъ общей психологіи, Спб. 1903).

²⁾ Lévy-Bruhl. *Revue bleue*, отъ 8 января 1887 года.

дачи отдѣльныхъ нравственныхъ наклонностей среди немногихъ поколѣній, доступныхъ для нашего наблюденія. Такимъ образомъ, можно констатировать, что нравственный прогрессъ, когда таковой налицо, совершается постепенно то въ одномъ поколѣнн, то немного больше—въ другомъ. Но если бы даже надежда на серьезный прогрессъ могла относиться лишь къ небольшой послѣдовательной серіи индивидуумовъ,—и этимъ не слѣдовало бы пренебрегать. Тѣмъ лучше для дальнѣйшихъ поколѣній, хотя бы достигнутыя пріобрѣтенія стояли не очень высоко и хотя бы иногда потребовалось возвращаться назадъ.

II.

Аристотель, одинъ изъ первыхъ и знаменитѣйшихъ представителей опытной философіи, сильно преувеличивавшій—какъ Монтэнь и Локкъ спустя нѣсколько столѣтій послѣ него—вліяніе пріобрѣтенныхъ привычекъ на счастье и нравственность людей, все же далъ такое опредѣленіе добродѣтели, надъ которымъ воспитателю постоянно приходится задумываться. Съ точки зрѣнія этого практическаго философа добродѣтель составляетъ среднее пропорціональное между двумя противоположными отклоненіями отъ нея, обусловленными, съ одной стороны, избыткомъ, а съ другой—недостаткомъ опредѣленныхъ навыковъ и прирожденныхъ склонностей. Не всегда легко точно опредѣлить эту золотую середину добродѣтели, которая на обыденномъ языкѣ часто смѣшивается съ противоположными ей крайностями; тѣмъ не менѣе крайне полезно убѣдиться въ томъ, что добродѣтель можетъ разсматриваться какъ система хорошо урегулированныхъ навыковъ, а порокъ—какъ система навыковъ, плохо урегулированныхъ, и въ особенности въ томъ, что и добродѣтель, и порокъ могутъ проистекать различными путями изъ одной и той же склон-

ности. Это—общее положеніе, которое находитъ приложеніе къ частнымъ случаямъ, и Аристотель не преминулъ сдѣлать такое приложеніе.

«Средина между робостью и отвагою, говоритъ онъ ¹⁾, это—мужество; но избытокъ самоувѣренности, или полное отсутствіе робости, не имѣетъ никакого названія, подобно довольно многимъ человѣческимъ страстямъ. Избытокъ смѣлости называется безразсудствомъ; противоположный ему избытокъ робости, т. е. полное отсутствіе смѣлости, называется трусостью. Въ дѣлѣ удовольствій и страданій средина—это умѣренность, а избытокъ—распутство; впрочемъ, мало найдется людей, которые бы грѣшили отсутствіемъ склонности къ удовольствіямъ, а потому не существуетъ и термина для опредѣленія этой черты; назовемъ ее безчувственностью. Въ дѣлѣ склонности давать или получать деньги средина называется щедростью, а названія мотовство и скупость служатъ для опредѣленія избытка и полного отсутствія этой склонности. Но люди, грѣшащіе какимъ-либо изъ этихъ недостатковъ, обнаруживаютъ преувеличенную неспособность къ противоположнымъ чертамъ: мотъ, чрезвычайно склонный раздавать, не обладаетъ достаточной склонностью получать или брать, тогда какъ, наоборотъ, скупецъ имѣетъ слишкомъ большую склонность брать и недостаточную склонность давать... Средина между почтительностью и полнымъ отсутствіемъ всякаго уваженія называется великодушіемъ; избытокъ великодушія носитъ названіе безпечности, а недостатокъ его—названіе душевной низости...

«Что касается склонности къ гнѣву, то въ этомъ отношеніи тоже бываетъ и избытокъ, и недостатокъ, и средина, но для обозначенія такихъ состояній почти не имѣется особыхъ названій; назовемъ характеръ, въ которомъ обнаруживается склонность къ гнѣву, в с п ы л ь-

¹⁾ Этика, кн. II, гл. VII.

чивостью, отсутствіе этой склонности—незлобивостью, а промежуточный характер—снисходительностью. Назовемъ правдивостью средину между тщеславнымъ самохвальствомъ человѣка, старающагося внушить другимъ преувеличенное представленіе о своихъ достоинствахъ, и притворствомъ человѣка, неискренно умаляющаго свои достоинства; характеръ, составляющій средину между этими двумя противоположностями, назовемъ правдивымъ. Что касается забавы, состоящей въ умѣнніи пріятно острить, то о человѣкѣ, соблюдающемъ средину въ этомъ развлеченіи, можно сказать, что онъ обладаетъ живымъ, веселымъ нравомъ, тогда какъ избытокъ въ этомъ отношеніи называется гаерствомъ, а недостатокъ—простоватостью.

«Существуютъ также черты, которымъ можно дать названіе «среднихъ состояній» въ области человѣческихъ страстей и соприкасающихся съ ними проявленій. Стыдливость, напримѣръ, собственно не составляетъ добродѣтели; однако принято хвалить людей, обладающихъ способностью къ ней, потому что въ дѣлѣ проявленія этого чувства можно соблюдать средину, но можно и грѣшить избыткомъ и недостаткомъ стыдливости. Человѣкъ, котораго все заставляетъ краснѣть, доводя чуть ли не до столбняка, грѣшитъ избыткомъ стыдливости; человѣкъ, ни отъ чего не краснѣющій, безстыдный, грѣшитъ недостаткомъ ея; скромный человѣкъ держится середины.

«Что касается справедливости, то въ виду не вполне опредѣленнаго значенія этого слова я поговорю въ дальнѣйшемъ изложеніи о тѣхъ двухъ отношеніяхъ, въ которыхъ ее слѣдуетъ разсматривать, и укажу, въ чемъ состоитъ соблюденіе середины въ этомъ дѣлѣ».

Эта сравнительная характеристика человѣческихъ страстей, наклонностей и навыковъ, разсматриваемыхъ и квалифицируемыхъ въ зависимости отъ степени, далеко не такъ произвольна, какъ это можетъ здѣсь

показаться. Аристотель не закрываетъ глазъ на исключенія и не стремится безусловно прилагать правило золотой середины ко всѣмъ поступкамъ и наклонностямъ. «Онъ очень далекъ отъ того, чтобы придавать своей теоріи абсолютное значеніе и предлагаетъ ее лишь какъ обыкновенно довольно вѣрное обобщеніе опыта. Онъ извлекаетъ изъ нея очень хорошее правило нравственнаго совершенствованія, воскрешенное въ послѣдствіи Франклиномъ, а именно, что, желая исправиться отъ склонности, ведущей къ пороку, нужно отклониться въ сторону противоположной склонности. «Ибо, употребляя всѣ усилія, чтобы избѣжать ошибки, которой мы опасаемся, мы останавливаемся на срединѣ, какъ это дѣлается обыкновенно, когда требуется выпрямить согнутую деревянную палку»¹⁾).

Руководящая идея этой знаменитой классификаціи имѣетъ коренное значеніе для педагога, стремящагося поставить нравственныя способности ребенка въ истинно гигиеническія условія. Построенная на данныхъ экспериментальнаго анализа, эта теорія неоднократно найдетъ себѣ приложеніе въ моихъ педагогическихъ указаніяхъ.

III.

Факты, которыми я обязанъ собственнымъ наблюденіямъ, а также заимствованные изъ наблюденій другихъ, еще важнѣе и многочисленнѣе, такъ что самъ я могу надѣяться привести здѣсь лишь практическія соображенія до извѣстной степени общаго характера. Между тѣмъ основныя способности, составляющія нравственную сторону человѣка, допускаютъ безконечное разнообразіе ихъ сочетаній, степеней и формъ со-

¹⁾ Carreau. Introduction à la Morale à Nicomaque, стр. 15, изд. Alcan.

отвѣтственно различію индивидуальныхъ организацій. Нѣтъ двухъ характеровъ, совершенно одинаковыхъ,—и естественно возникаетъ вопросъ, насколько возможна и желательна система воспитанія, основанная на общей психологіи ребенка. На это возраженіе, давно ставшее общимъ мѣстомъ, я отвѣчу слѣдующимъ простымъ вопросомъ: разъ нѣтъ двухъ одинаковыхъ темпераментовъ, значитъ ли это, что гигиена и терапевтика, науки общаго характера, не оказываютъ несомнѣнныхъ услугъ? То же можно сказать и объ указаніяхъ, относящихся къ образованію нравственнаго темперамента ребенка.

Скажу болѣе,—если нравственное воспитаніе маленькаго ребенка и представляется мнѣ заслуживающимъ спеціальнаго теоретическаго изученія, на практикѣ я не отдѣляю его отъ другихъ формъ воспитанія челоуѣка, съ которыми оно непосредственно связано: отъ физическаго воспитанія, включающаго въ себя гигиену, и умственнаго воспитанія, или обученія въ собственномъ смыслѣ. Физическій организмъ, умъ, нравственность—вотъ тройной и въ то же время единый объектъ, на который должны быть направлены усилія воспитателя съ самаго рожденія ребенка. Это ходячая истина. Вся моя книга направлена къ обнаруженію тѣснаго соотношенія между физическимъ воспитаніемъ и гигиеной—съ одной стороны и образованіемъ нравственныхъ привычекъ—съ другой. Нельзя, однако, сказать того же о соотношеніи между умственнымъ воспитаніемъ, точнѣе, обученіемъ, и между воспитаніемъ вообще. Это соотношеніе до сихъ поръ понималось довольно различно.

Послушайте Спенсера: онъ скажетъ вамъ, что обученіе ни въ чемъ не вліяетъ на поведеніе и что теченіемъ нашихъ идей и нашими рѣшеніями управляетъ чувство. Онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ увѣренъ въ отсутствіи тождества между добродѣтелью и знаніемъ, между порокомъ и невѣжествомъ. Правда, у профессиональныхъ преступниковъ невѣжество со-

ставляетъ общую черту, но статистика преступности, имѣющая такіа сложныя причины, освѣщаетъ пока только одну сторону вопроса. Надлежало бы установить въ видѣ общаго правила или—что при на-личности образованія способы удовлетворенія дурныхъ наклонностей могутъ кореннымъ образомъ измѣниться, или же—что это измѣненіе только поверхностное, а сущность остается та же.

Мы не знаемъ всѣхъ коренныхъ результатовъ научнаго образованія какъ со стороны его внутренняго содержанія, такъ и со стороны его приѣмовъ. Многие мыслители, вмѣстѣ съ Маудсли—все же убѣжденнымъ послѣдователемъ теоріи наслѣдственности—полагаютъ, что въ конечномъ счетѣ «направленіе нашихъ чувствъ, а иногда и возникновеніе ихъ, зависятъ отъ идей и научныхъ знаній»¹⁾. Можно было бы подтвердить фактами мнѣніе Спенсера, что образованіе, нравственное обученіе даютъ благопріятныя результаты, повидимому, только тогда, когда попадаютъ въ души съ хорошими природными расположеніями. Если образованный человѣкъ или ученый не обнаруживаютъ тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыя можно назвать «научными», то, согласно этой гипотезѣ, причину этого слѣдовало бы искать въ убожествѣ ихъ нравственнаго темперамента. Но кто можетъ сказать намъ, что ихъ нравственное воспитаніе и даже ихъ умственное воспитаніе во всемъ его цѣломъ дѣйствительно соотвѣтствовали духу тѣхъ наукъ, которыми они такъ успѣшно занимались? «Знаніе,—говоритъ одинъ авторъ, глубоко убѣжденный въ морализующемъ влияніи естественныхъ наукъ,—когда оно надлежащимъ образомъ сообщено, это порядокъ, дисциплина, краеугольный камень ума; это—распространеніе въ мірѣ человѣческихъ отношеній наибольшей суммы умственныхъ приобрѣтеній и въ цѣломъ возвышеніе человѣческаго существованія надъ

¹⁾ Angiulli. La pédagogie, l'état et la famille.

условіями животнаго міра» ¹⁾. Какъ много смысла заключается въ этихъ словахъ: «надлежащимъ образомъ сообщенное знаніе»!

Литература и изящныя искусства, эти зеркала и прожекторы человѣческихъ страстей, имѣютъ болѣе вѣрное вліяніе на образованіе или порчу характера. Среди этихъ, часто скрытыхъ, сотрудниковъ воспитателя, дѣйствующихъ на чувство помимо его вѣдома и вопреки самой широкой постановки образованія,—какимъ могущественнымъ вліяніемъ пользуется чтеніе! Всякая книга, увлекающая, поражающая или волнующая воображеніе, послѣ одного раза прочтенія можетъ оставить неизгладимый слѣдъ. Книги, хватающія ребенка за душу, вотъ его всемогущіе и часто опасные, страшные воспитатели. Поль Бурже, говорившій до нѣкоторой степени отъ имени наиболѣе тонко образованной части нашего юношества, искренно сознался намъ въ этомъ въ своихъ «Опытахъ современной психологіи» (*«Essais de psychologie contemporaine»*) и въ своихъ романахъ, которые всѣ служатъ иллюстраціей того же тезиса. Это должно навести на размышленіе тѣхъ педагоговъ, которые въ дѣлѣ нравственнаго воздѣйствія на дѣтей и юношество рассчитываютъ на могущественное вліяніе только ими самими направляемаго образованія и воспитанія.

Но не станемъ преувеличивать ни хорошаго, ни дурного. Остановимся на оцѣнкѣ вещей, средней между оптимизмомъ однихъ и пессимизмомъ другихъ. Если правда, что «первоначальная основа души, характеръ, противится вліянію эстетическаго или научнаго образованія, когда оно ей противорѣчитъ, но пользуется имъ, когда оно дѣйствуетъ въ направленіи ея природныхъ склонностей» ²⁾, тѣмъ лучше,—мы сдѣлаемъ изъ этого выводъ, что серьезную заботу воспитателя

¹⁾ N. Fornelli. *L'éducation moderne.*

²⁾ A. Martin. *L'éducation du caractère*, p. 162 (Мартэнъ, Воспитаніе характера, перев. В. Ревякина, Москва, 1888).

должно составлять стремленіе дать своему воспитаннику эстетическую пищу, наиболѣе соответствующую его обнаружившимся наклонностямъ: среди нихъ всегда найдется какая-нибудь хорошая наклонность, къ которой можно будетъ обратиться. И съ другой стороны, если считать доказаннымъ, что «дурная литература можетъ принести гораздо больше вреда, чѣмъ хорошая—пользы» ¹⁾, вернемся къ доброй старой методѣ—запретъ ящики нашихъ столовъ и библіотечные шкафы и станемъ повсюду сопровождать нашего ребенка или оставлять его только въ вѣрныхъ рукахъ. Всѣ эти соблазны, проистекающіе отъ книги, газеты, гравюры, художественнаго или якобы художественнаго произведенія, всѣ эти открыто происходящія на улицахъ большихъ городовъ ежедневныя сцены преступленія и разврата,—не опасны для хорошихъ людей: они умѣютъ проходить мимо нихъ, не прикасаясь съ ними, и всегда смогутъ, даже безъ особеннаго труда, оградить своихъ дѣтей отъ ихъ вліянія.

IV.

Роль воспитателя въ дѣлѣ развитія эмоциональной и нравственной стороны ребенка, въ особенности въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ жизни, должна сводиться къ руководству, попеченію и наблюденію. Слѣдить за пробужденіемъ преобладающихъ склонностей, давать имъ или отнимать у нихъ усиливающую ихъ пищу, то есть обычное упражненіе,—въ зависимости отъ того, представляются ли онѣ полезными или вредными,—такова должна быть постоянная забота родителей и наставниковъ. Далѣе мы увидимъ, какой способъ обращенія соответствуетъ въ частности каждой изъ такихъ склонностей. Удовольствіе и страданіе—это первые наставники ребенка, но это на-

¹⁾ Ib.

ставники безличныя, неумолимые, которые не всегда сами знаютъ, что дѣлають: необходимо часто смягчать и по возможности всегда контролировать уроки, даваемые дѣтямъ окружающею средою: неодушевленными предметами, животными или людьми, нашими невольными сотрудниками,—уроки, могущіе оказаться дурными или слишкомъ сильными безъ нашего справедливаго и благожелательнаго вмѣшательства. Эти два нераздѣльные условія необходимы для нравственности и счастья ребенка.

Отмѣтимъ при этомъ случаѣ разъ навсегда, что слишкомъ часто моралисты и даже гигиенисты обнаруживаютъ склонность жертвовать счастьемъ ребенка въ данное время для его будущаго счастья. Напримѣръ, подъ предлогомъ физическаго укрѣпленія организма нѣкоторые изъ нихъ не прочь потребовать отъ ребенка такого воздержанія и терпѣнія, какое не всегда встрѣчается и у взрослыхъ. Если они говорятъ о чувствѣ вкуса, то только затѣмъ, чтобы отмѣтить возможные опасности и ограничить его требованія. Такъ же обстоитъ дѣло и съ другими удовольствіями, связанными съ удовлетвореніемъ внѣшнихъ чувствъ, которыя природа позаботилась создать вовсе не для того только, чтобы на долю человѣка выпала заслуга подавлять ихъ или бѣжать отъ нихъ. Для всякаго возраста существуютъ законныя удовольствія и удовлетворенія въ области чувствъ,—возможное счастье.

Руссо написалъ превосходную страницу объ этомъ счастьеѣ, по праву принадлежащемъ ребенку, который, быть можетъ, и не будетъ знать другого счастья. «Зачѣмъ, говоритъ онъ, хотите вы отнять у этихъ невинныхъ существъ наслажденіе уходящимъ отъ нихъ быстротечнымъ временемъ, драгоценнымъ благомъ, которымъ они не въ состояніи злоупотребить? Зачѣмъ хотите вы наполнить страданіемъ и горечью эти первые, столь быстро уходящіе годы, которые уже не вернутся для нихъ, какъ не могутъ вернуться для васъ?

Отцы, знаете ли вы тотъ моментъ, когда смерть ожидаетъ вашихъ дѣтей? Не готовите ли вы себѣ раскаянія, отнимая у нихъ тѣ немногія минуты, которыя отпущены на ихъ долю природой? Какъ только они станутъ способны ощущать наслажденіе жизнью, поступайте такъ, чтобы они могли пользоваться ею, поступайте такъ, чтобы—въ какой бы часъ Богъ ни призвалъ ихъ къ себѣ—они не умерли, не вкусивши жизни»¹⁾.

Это прекрасное мѣсто изъ «Эмиля» подверглось строгому осужденію со стороны Мартэна, выдающагося писателя, недавно присоединившаго свое имя къ богатому перечню именъ нашихъ педагоговъ-психологовъ. «Въ сущности это, говоритъ онъ, тотъ же языкъ,—лишь въ болѣе серьезной формѣ,—которымъ говорятъ съ нами безчисленные произведенія эпикурейской поэзіи, въ которыхъ изъ краткости жизни дѣлается выводъ о необходимости искать удовольствій и наслажденій. *Carpe diem, quam minimum credula postero*»²⁾, говорилъ Горацій Левконофъ. Разсуждая такимъ образомъ, можно жить изо дня въ день, не дѣлая ничего для будущаго, потому что никогда нельзя быть увѣреннымъ, что удастся воспользоваться плодами своихъ трудовъ. Безъ сомнѣнія, если ребенку не суждено жить, наше воспитаніе—если судить только по видимости—окажется напраснымъ, и всѣ стѣсненія, которыя мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность примѣнять къ нему, поведутъ только къ лишенію его удовольствій. Но въ педагогії лучше примѣнять слѣдующія разсужденія Вовенарга: «Нельзя судить о жизни, пользуясь такимъ ложнымъ мѣриломъ, какъ смерть... Чтобы совершать великія дѣла, нужно жить такъ, какъ будто никогда не придется умирать». Мы должны, слѣдовательно, смотрѣть на ребенка не какъ на существо, жизнь котораго виситъ на волоскѣ

¹⁾ Эмиль, кн. II.

²⁾ Пользуйся настоящимъ днемъ, меньше всего полагайся на завтрашній.

и которому слѣдуетъ предоставить забавляться возможно больше, чтобы онъ не ушелъ изъ жизни, не вкусивши ея, а какъ на будущаго человѣка, призваннаго взять отъ жизни свою долю испытаній и борьбы, первые годы котораго представляютъ лишь подготовительный этапъ, періодъ ученичества въ виду будущаго»¹⁾.

Нѣтъ, первые годы жизни это не только ученичество; это въ то же время наиболѣе опасный, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и наиболѣе свѣтлый жизненный періодъ. Поистинѣ кантіанскій языкъ вышеприведенныхъ разсужденій недоступенъ для слуха матерей, и онѣ никогда не стануть руководствоваться его доводами. Постараемся же согласовать для нихъ мораль долга съ моралью удовольствія, потому что безъ нашихъ указаній онѣ, быть можетъ, сдѣлають это нѣсколько хуже. Признавая, что цѣль нравственнаго воспитанія состоитъ въ сообщеніи дѣтямъ возможно большаго количества здоровыхъ и полезныхъ привычекъ, я полагаю, — что, впрочемъ, если не ошибаюсь, подтверждается и всей моей книгой, — что сообщеніе такихъ привычекъ почти всегда достигается при помощи сравнительно небольшихъ усилій и при содѣйствіи скорѣе пріятныхъ, чѣмъ непріятныхъ впечатлѣній. Только ради счастья ребенка, какъ и въ интересахъ его нравственности, я требую «пріученія его къ тягостнымъ и непріятнымъ впечатлѣніямъ, которыя составляютъ какъ бы первые камни при созиданіи благоразумнаго характера, приверженнаго къ порядку, мало склоннаго къ перениманію чужеземныхъ новшествъ». Но еще съ большимъ основаніемъ какъ хотѣлось бы мнѣ оградить его отъ всякихъ сильныхъ ощущеній, тревожащихъ его умъ и могущихъ своими неожиданными потрясеніями лишить его душевнаго спокойствія и смутить на всю жизнь!»²⁾ Воспитаніе

¹⁾ A. Martin. L'éducation du caractère, стр. 334.

²⁾ G. Compayré. Revue philosophique, августъ 1881 года.

какъ по своимъ конечнымъ цѣлямъ, такъ и по своимъ средствамъ,—дѣло оптимизма, дѣло доброты и довѣрія.

Не думаю, впрочемъ, чтобы меня можно было упрекнуть въ томъ, будто я для ребенка мечтаю о чисто животномъ счастьѣ. Отъ послѣдователей ученія, признающаго у животныхъ существованіе чело-вѣческихъ способностей, въ зачаточномъ или эквивалентномъ состояніи, нельзя ожидать низведенія чело-вѣка на низшую ступень животности. Для такихъ опасеній совершенно не можетъ быть мѣста послѣ ознакомленія съ слѣдующимъ прекраснымъ и энергичнымъ протестомъ Эспинаса: «Что касается насъ, не менѣе кого бы то ни было заинтересованныхъ въ вопросѣ о благородствѣ и судьбахъ чело-вѣческой расы, то если бы кто-нибудь по прочтеніи нашего изслѣдованія сказалъ: «Какъ? Есть животныя общества, въ которыхъ слабыя особи пользуются покровительствомъ, а старыя—даже уходомъ, дѣтеныши заботливо воспитываются, животныя одной породы, одного семейства готовы жертвовать собою другъ за друга, безъ надежды на какое-либо воздаяніе,—и еще могутъ существовать люди, способные сомнѣваться въ томъ, что это и есть добродѣтель!» Мы можемъ только привѣтствовать такія рѣчи. Возвысить животныя общества, это значить—поднять на высшую ступень и чело-вѣческое общество, такъ много превосходящее ихъ во всѣхъ отношеніяхъ»¹⁾.

¹⁾ А. Espinas. Les Sociétés animales, стр. 154. (Эспинасъ. Соціальная жизнь животныхъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Первоначальное развитіе и нравственное формированіе воли.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Развитіе воли въ ея активной или положительной формѣ.

I. Воля, какъ и всѣ душевныя силы, развивается посредствомъ методическаго упражненія, стремящагося превратить ее въ преобладающую привычку. — II. Первоначальное развитіе воли. — Самопроизвольное упражненіе воли, направляемое, но не подавляемое воспитаніемъ. — Непосредственныя проявленія воли у ребенка. — III. Основные стимулы дѣятельности согласно различнымъ характерамъ. — Воля ребенка, обнаруживающаяся въ дѣятельности непосредственно за впечатлѣніемъ. — IV. Слѣдуетъ обращать вниманіе ребенка скорѣе на мотивы и средства дѣйствія, чѣмъ на основные стимулы дѣятельности. — V. Полезность обсужденія только что совершенныхъ дѣйствій. — VI. Не слѣдуетъ упускать изъ виду фізіологическія условія воли; при своемъ слабомъ мозгѣ ребенокъ обладаетъ крайне незначительной силой хотѣнія. — VII. Мѣра и сообразованіе съ обстоятельствами въ дѣлѣ упражненія воли.

I. Воспитаніе, говоритъ Рибо, это—сумма навыковъ. Опредѣленіе это особенно вѣрно по отношенію къ воспитанію воли, которая представляетъ собою не простую силу рѣшимости, а сочетаніе различныхъ склонностей, обусловленныхъ фізіологическими, эмоціональными, умственными и двигательными функціями. Сила и направленіе этихъ различныхъ элементовъ, сообщенныя воспитаніемъ, и создаютъ

у ребенка способность полезно комбинировать их и сохранять въ равновѣсїи, обыкновенно столь неустойчивомъ, что оно, по мнѣнію Рибо, является лишь «счастливой случайностью».

При правильномъ воспитаніи ребенка развитіе воли совершается инстинктивно и механически, при чемъ она вырабатывается какъ бы въ особый видъ разсудочной дѣятельности, которая, въ свою очередь, можетъ стать почти механической функціей. Но для достиженія этого результата ребенокъ долженъ подвергнуться длинному ряду попытокъ, производимыхъ съ затратою усилія и сознательности. Въ жизни все служить матеріаломъ для упражненія и принятія рѣшеній въ области произвольной дѣятельности, но только серьезное воспитаніе, съ свойственными ему приѣмами, можетъ доставить волѣ всю сферу ея дѣйствія и возможность развить всю энергію, на какую она способна.

II. Воля порождается постепенно изъ рефлексивныхъ, импульсивныхъ и инстинктивныхъ движеній, которыя, съ развитіемъ способностей воспріятія и идеаци и послѣ многократнаго повторенія и видоизмѣненія, попадаютъ въ поле вниманія и становятся сознательными, осмысленными,—словомъ, произвольными. Болѣе опредѣленные и болѣе совершенныя движенія, лучше воспріятыя и локализованныя ощущенія, умственные представленія, достаточно хорошо сложившіяся, чтобы играть роль двигательныхъ возбуждителей,—таковы, по мнѣнію Преяера, необходимыя условія для упражненія воли. Такіе результаты достижимы только по истеченіи первыхъ мѣсяцевъ жизни. Чтобы ребенокъ научился прямо держать голову, которая раньше качалась изъ стороны въ сторону, необходимо, чтобы развитіе центральныхъ и периферическихъ органовъ нервной системы и органовъ движенія допускало извѣстныя мускульныя сокращенія въ отвѣтъ на извѣстныя ассоціаціи идей и воспріятій.

Остановимся на этомъ психо-фізіологическомъ генезисѣ воли. Актъ хватанія рукой является однимъ изъ важнѣйшихъ актовъ для психическаго развитія. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ родовъ движеній. Прежде всего подниманіе рукъ вверхъ, въ особенности къ лицу, является движеніемъ врожденнымъ, инстинктивнымъ, ведущимъ свое происхожденіе отъ положенія зародыша во время утробной жизни. Охватываніе пальцами разныхъ предметовъ представляетъ чистый рефлексъ. Механическое, безъ всякаго проявленія вниманія, держаніе въ рукѣ попавшаго въ нее предмета еще совершенно безсознательно у ребенка двухъ-трехъ недѣль. Если предметъ положить такъ, что рука при маханіи ею изъ стороны въ сторону наталкивается на него, большой палецъ зажимаетъ его и происходитъ актъ хватанія. Если актъ продолжается нѣкоторое время и вниманіе останавливается на немъ, онъ перестаетъ быть безсознательнымъ; но онъ еще не является произвольнымъ. «Ребенокъ еще не протягиваетъ рукъ, но онъ старается удержать въ рукѣ случайно схваченный предметъ. Онъ его видитъ, и въ умѣ его составляется представленіе о немъ. Разъ ребенокъ уже замѣчаетъ предметы, до акта схватыванія замѣченныхъ предметовъ остается только одинъ шагъ. Когда этотъ шагъ пройденъ, мы имѣемъ передъ собою произвольный актъ хватанія»¹⁾.

Прейеръ, говоря объ этихъ сравнительно несложныхъ актахъ, констатировалъ появленіе первыхъ произвольныхъ попытокъ начиная съ третьяго или четвертаго мѣсяца жизни; но мнѣ кажется, что онъ слишкомъ ужъ далеко отодвигаетъ моментъ появленія дѣйствительно произвольныхъ актовъ. «Годы нужны, говоритъ онъ, на усовершенствованіе акта хватанія и на то, чтобы явилась возможность противо-дѣйствовать ему посредствомъ идей, внушенныхъ воспитаніемъ». Мы же думаемъ, что мѣриломъ воли не

¹⁾ Preyer. *L'âme de l'enfant*, книга II.

можетъ служить усовершенствованіе движеній, направленныхъ къ опредѣленной цѣли, и считаемъ даже нужнымъ отмѣтить, что относительное несовершенство актовъ еще болѣе возбуждаетъ желаніе ихъ совершенія. Конечно, полное и регулярное упражненіе воли требуетъ такого сосредоточенія вниманія, которое и очень трудно достигается, и рѣдко встрѣчается у маленькаго ребенка; но какъ ни кратковременно и мимолетно оно у ребенка, въ качественномъ отношеніи оно ничѣмъ не отличается отъ концентраціи вниманія у взрослага человѣка. Оно дѣлаетъ свое дѣло въ маленькихъ размѣрахъ.

Самопроизвольное упражненіе воли должно быть направляемо воспитаніемъ, но оно никогда не должно подавляться имъ. Ребенокъ самъ производитъ первоначальное воспитаніе своей воли во время игръ и различныхъ упражненій, требующихъ все болѣе и болѣе совершенной координаціи движеній. Сначала онъ собственными усиліями приучается управлять своими органами движеній и пользоваться ими для самыхъ разнообразныхъ цѣлей — ради собственного удовольствія или удовольствія другихъ. Онъ самъ приучается также исполнять множество движеній, направленныхъ къ избѣжанію опасности или непріятныхъ впечатлѣній. Слѣдуетъ поэтому предоставить ему большую свободу и широкую инициативу во всѣхъ его дѣйствіяхъ второстепенной важности. Но, не подавляя его воли и не стѣсняя его самопроизвольной дѣятельности, можно иногда съ большой пользой вмѣшаться въ игры ребенка десяти-пятнадцати мѣсяцевъ. Можно научить его производить тѣ или иныя движенія, помогая ему немного или медленно исполняя ихъ въ его присутствіи. Можно протянуть ему руку, открыть дверь, подать предметъ, находящійся слишкомъ далеко или слишкомъ высоко, когда ребенокъ уже приступилъ къ дѣйствію по собственному желанію, чтобы облегченіе этого дѣйствія могло вызвать у ребенка желаніе повторить его.

По мѣрѣ роста силъ, ума и ловкости ребенка онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ все болѣе и болѣе подвергается контролю и руководству своихъ воспитателей. Изъ чувства симпатіи или любопытства или изъ потребности въ дѣятельности онъ уже болѣе вмѣшивается въ дѣла семьи. Мы сами и его товарищи доставляемъ ему ежеминутно цѣли, образцы и мотивы для его дѣйствій. Намъ необходимо ограждать его отъ нѣкоторыхъ примѣровъ, сдерживать порывы его еще крайне непосредственной натуры. Намъ необходимо въ особенности научить его, посредствомъ личнаго примѣра или при помощи объясненій, какъ слѣдуетъ всего лучше пользоваться своими органами движенія, съ соблюденіемъ наибольшей экономіи силъ и времени.

III. Очень важно знать побудительныя причины дѣйствій, проявляющіяся сообразно съ различными характерами. Всякое дѣйствіе направлено къ желанной цѣли. Отсюда — тѣсное сродство между волею и чувствами, т. е. двигателями, заставляющими человѣческое существо стремиться къ этой цѣли. Воспитатель, желающій приучить ребенка принимать сознательныя рѣшенія и такимъ образомъ создать у него привычку къ усиліямъ воли, долженъ сначала постараться узнать его эмоціональный темпераментъ.

Въ этомъ отношеніи можно установить двѣ болѣе или менѣе рѣзко разграниченныя категоріи характеровъ: дѣти вялыя, лѣнныя, у которыхъ инертность, иногда болѣзненная, можетъ доходить до упорства и сопротивленія, и дѣти живыя, впечатлительныя, увлекающіяся, всегда готовые за все приняться, все испробовать и тотчасъ же все бросить безъ разсужденій и стѣсненій.

Къ недостаткамъ cadaго изъ этихъ двухъ характеровъ присоединяются еще, въ большей или меньшей степени, нерѣшительность и непостоянство, потому что слишкомъ впечатлительныя дѣти не въ состояніи сдѣлать сознательный выборъ между двумя

или нѣсколькими мотивами, а у вялыхъ, лѣнивыхъ дѣтей не является даже побужденія сдѣлать этотъ выборъ ¹⁾.

Само собой разумѣется, что воспитатель долженъ воздѣйствовать на тѣ именно стимулы, которые всего болѣе способны побудить каждый изъ этихъ темпераментовъ къ дѣйствіямъ, направленнымъ къ намѣченной цѣли. Чтобы побудить къ дѣйствию вялаго, инертнаго ребенка, ему придется часто обращаться къ болѣе чѣмъ одному стимулу; если дѣйствіе нѣсколько продолжительно и довольно сложно или трудно, возбужденіе эмоціональной стороны ребенка придется повторить во время самага дѣйствія. Стимулы непріятнаго характера, напримѣръ страхъ передъ лишеніями, наказаніемъ, рѣзкимъ порицаніемъ, всего скорѣе могутъ оказать воздѣйствіе на эти апатичныя и равнодушныя натуры; не мѣшало бы почаще и побольнѣе вонзать жало соревнованія въ ихъ нечувствительную кожу. Наоборотъ, по отношенію къ впечатлительному ребенку, чтобы побудить къ рѣшенію и затѣмъ направлять ребенка, не стѣсня въ то же время его воли,—обыкновенно достаточно бываетъ слабыхъ стимуловъ, въ особенности небольшого количества стимуловъ пріятнаго характера—похвалы, одобренія, сочувствія, соревнованія и, лишь въ случаѣ надобности, легкаго наморщенія бровей, сухого тона голоса, небольшого упрека или недо-вѣрія.

Такъ, обращаясь къ мало поддающемуся ребенку, можно, напримѣръ, сказать: «Я разсчитываю на тебя,—и мама тоже;—я знаю, что ты можешь это сдѣлать, я увѣренъ;—скорѣе, пожалуйста, и дѣлай, какъ слѣдуетъ;—ну, милый, поскорѣй, смѣлѣй;—ну! я больше ожидалъ отъ тебя;—ты знаешь, что сдѣлаешь мнѣ удовольствіе;—посмотри, твой братъ совсѣмъ легко

¹⁾ Я полагаю, что мнѣ лучше удалось сдѣлать опредѣленіе этихъ двухъ видовъ нравственнаго темперамента въ моей книгѣ „Характеръ у ребенка и у взрослага чловѣка“.

дѣлаеть (или сдѣлалъ) то же самое» и т. д. Можно послѣдовательно дѣйствовать на различныя чувства его, усиливая вліяніе словъ выраженіемъ лица и тономъ голоса. Съ ребенкомъ противоположнаго характера нѣтъ надобности поступать такъ, и часто было бы неразумно въ отношеніи его увеличивать число или силу эмоціональных стимуловъ. Нѣкотораго побужденія и повторенія его отъ времени до времени достаточно для полученія желательнаго результата: «У тебя уже достаточно силы, чтобы сдѣлать это, не такъ ли?—могу я разсчитывать, что ты это сдѣлаешь?—ты будешь такъ милъ и принесешь то-то, сдѣлаешь то-то;—ну-ка, мы сейчасъ сдѣлаемъ что-то хорошенькое;—братъ твой былъ бы очень радъ, если бы ты сдѣлалъ для него то-то или то-то» и т. д.

Въ окончательномъ счетѣ дѣло сводится къ тому, чтобы при воздѣйствіи на впечатлительнаго ребенка сосредоточить чувство и вниманіе на отдѣльных, точно опредѣленныхъ дѣйствіяхъ, а при воздѣйствіи на ребенка апатичнаго—возбуждать, усиливать и поддерживать его эмоціи, регулировать его вкусы, привычки, сильныя чувства и мелкія страстишки. Только такимъ образомъ можно направлять и совершенствовать эти двѣ различныя натуры, насколько не надѣясь, впрочемъ, радикально измѣнить ихъ.

IV. Въ дѣйствіяхъ, не зависящихъ отъ непосредственныхъ импульсовъ или инстинктовъ, между желаніемъ и его выполненіемъ всегда существуетъ нѣкоторый промежутокъ, хотя бы крайне кратковременный. Этотъ промежутокъ наполненъ борьбой мотивовъ, подготовляющей выборъ. Тутъ и опредѣляется окончательное рѣшеніе. Иногда оно бываетъ очень просто и состоитъ лишь въ выборѣ между рѣшеніемъ—дѣлать или не дѣлать. Воля представляетъ часто не что иное, какъ одобреніе какого-либо одного мотива или способа дѣйствія въ предположеніи, что они являются

единственными. Впрочемъ, колебанія маленькаго ребенка гораздо чаще относятся къ выбору способовъ дѣйствія, чѣмъ къ выбору мотивовъ ихъ; они рѣдко продолжаются болѣе нѣсколькихъ секундъ, такъ какъ сомнѣнія и нерѣшительность не свойственны этому возрасту. Если дѣйствіе испытываетъ кратковременную задержку, мотивъ его почти тотчасъ же сглаживается, уступая мѣсто слѣдующему изъ борющихся съ самаго начала мотивовъ или даже какому-нибудь 'постороннему, случайному мотиву.

Въ дѣйствіяхъ, подчиненныхъ контролю воспитателя, или въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ предлагаетъ ребенку маленькія проблемы для разрѣшенія, слѣдуетъ сосредоточивать вниманіе ребенка скорѣе на мотивахъ и средствахъ дѣйствія, чѣмъ на побуждающихъ къ нему основныхъ импульсахъ. Если вліяніе чувства имѣетъ преобладающее значеніе, съ точки зрѣнія выполненія дѣйствія, то вліяніе ума гораздо важнѣе съ точки зрѣнія сознательности рѣшенія и нравственнаго значенія акта. Импульсъ—это нѣчто неопредѣленное, неясное: «Это двойная эмоція,—съ одной стороны—чувство удовольствія отъ предвкушенія пользования желаннымъ благомъ, съ другой стороны—чувство страданія,—потому что, по существу, всякое желаніе есть неудовлетворенность: желаніе сопровождается волненіемъ и тревогою, и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ оно сильнѣе; оно «направлено на вещи, всего чаще находящіяся внѣ насъ, не всегда зависящія отъ насъ и могущія оказаться недостижимыми». При помощи ума и разсудка мы, насколько это возможно, овладѣваемъ нашими мыслями: «на мѣсто желанія, направленнаго на какой-нибудь предметъ, является желаніе совершить какое-нибудь дѣйствіе или не совершать его, говорить или молчать, и т. д.»¹⁾. Мы снова обрѣтаемъ душевное спокойствіе и ясность, позволяющія намъ прилагать наши средства

¹⁾ Н. Marion. Leçons de psychologie, стр. 93—94.

къ достиженію желанныхъ цѣлей, выбирать изъ двухъ или нѣсколькихъ движеній тѣ именно, которыя всего вѣрнѣе могутъ привести къ этимъ цѣлямъ. Мы чувствуемъ при этихъ условіяхъ, что дѣйствуемъ по всей мѣрѣ возможности, пуская въ ходъ всѣ ресурсы прошлаго опыта, всѣ свои наиболѣе индивидуальныя силы.

Главное—это приучить ребенка не столько къ быстрымъ рѣшеніямъ, сколько къ сильной волѣ. Разъ стимулъ къ дѣйствію уже существуетъ, ничто такъ не побуждаетъ къ совершенію дѣйствія, какъ сосредоточеніе вниманія на вѣроятныхъ слѣдствіяхъ поступка и на его средствахъ къ его выполненію. Въ конечномъ счетѣ мысль о дѣйствіи есть не что иное, какъ мысль о средствахъ его выполненія. Всѣмъ извѣстно въ настоящее время, что мысль есть начало дѣйствія. Это тѣмъ болѣе справедливо въ тѣхъ случаяхъ, когда эта мысль принимаетъ, насколько это возможно, конкретную форму, когда передъ глазами и подъ рукою имѣется объектъ и средство дѣйствія. Напримѣръ, вы говорите четырехлѣтнему ребенку, чтобы онъ принесъ вамъ табуретъ, стаканъ или книгу со стола. Если для васъ достаточно лишь выразить свое желаніе, чтобы побудить ребенка оказать вамъ эту услугу, вамъ не зачѣмъ заботиться о стимулѣ къ дѣйствію: ребенокъ уже находится въ его власти. Скорѣе вамъ придется умѣрять его собственные нетерпѣливые порывы, обращая его вниманіе на то, что онъ рискуетъ упасть, быстро бѣгая по скользкому паркету, или уронить предметъ, который онъ хочетъ принести, опрометчиво хватая и таща его. Вы говорите ему: «Не торопись, другъ мой;—возьми табуретъ (или книгу, или стаканъ) обѣими руками, держи крѣпче и иди спокойно, потихонечку и т. д.»

Въ этомъ и состоятъ настоящія упражненія воли. Если разнообразить ихъ, сообразуясь съ умственнымъ развитіемъ и силами ребенка, съ его опытностью и ловкостью, они могутъ быть для него очень полезны.

Заставляя его, такимъ образомъ, анализировать собственные дѣйствія, наблюдать составные элементы своихъ самыхъ простыхъ поступковъ, приучая его не торопиться съ исполненіемъ своихъ рѣшеній, не уступать первоначальнымъ побужденіямъ воли, вы сообщаете ему привычку, навыкъ, а слѣдовательно, и способность дѣйствовать такимъ же образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, предоставленный самому себѣ, онъ будетъ принужденъ совершать аналогичныя дѣйствія. Конечно, нельзя быть увѣреннымъ, что впечатлительный малютка всегда будетъ управлять своими желаніями, взвѣшивать свои мотивы, хладнокровно выбирать средства для наилучшаго совершенія дѣйствія, какъ только ему придется имѣть дѣло съ труднымъ или новымъ для него дѣйствіемъ. Но онъ понемногу приучится къ этому, если вы будете часто заставлять его поступать такимъ образомъ при совершеніи болѣе важныхъ дѣйствій, и если вы при этомъ будете относиться съ похвалой не столько къ усердію, сколько къ заботливости о хорошемъ выполненіи дѣйствій.

V. Эти упражненія разсудочной способности ребенка примѣнительно къ дѣятельнымъ проявленіямъ воли должны производиться не только при обстоятельствахъ, сопровождающихъ самое дѣйствіе. Бываетъ полезно часто направлять вниманіе ребенка на только что совершенные имъ хорошіе или дурные поступки¹⁾. Случается часто, что ребенокъ послѣ нѣкотораго колебанія, носящаго всѣ признаки размышленія, рѣшается на поступокъ, самъ не зная почему, и совершаетъ его, самъ не замѣчая какъ. Эти «почему» и «какъ» могутъ уясниться для него, хотя бы послѣ совершенія поступка. Въ это время его мысли и чувства уже не тѣ, что были прежде. Или желаніе его достигло удовлетворенія и уже не препятствуетъ возникновенію въ умѣ представленія о мотивахъ, которые

¹⁾ См. B. Pérez. L'enfant de trois à sept ans, стр. 291.

могли вытекать изъ мысли о дѣйствиі, или же дѣйствіе не достигло цѣли, и тогда тѣмъ болѣе оно становится предметомъ вниманія, при чемъ относящіяся къ нему мысли и мотивы тѣмъ легче могутъ всплыть въ сознаніи. «Если бы я подумалъ объ этомъ, часто говоримъ мы сами, я бы такъ не поступилъ; но я объ этомъ не думалъ». Именно такимъ образомъ послѣ періода капризовъ наступаетъ промежуточный періодъ преобладанія ума. Когда ребенокъ совершаетъ поступокъ, противорѣчащій его утилитарному опыту, онъ, тотчасъ же по совершеніи поступка, вспоминаетъ объ этомъ опытѣ, подобно намъ онъ умѣетъ найти оправданія, извиняющія его поступокъ, и даже основанія для того, чтобы свалить его на другихъ.

Даваемый мною совѣтъ—обращать вниманіе ребенка на уже совершенные имъ поступки—полезенъ для развитія воли не только въ примѣненіи къ опрометчивымъ и безразсуднымъ дѣтямъ. Конечно, болѣе серьезный ребенокъ пяти-шести лѣтъ, а тѣмъ болѣе восьми-десяти лѣтъ, часто и самъ умѣетъ, съ пользой для себя, обратиться къ воспоминанію о томъ, какъ онъ поступалъ раньше. Но не слѣдуетъ слишкомъ полагаться на его способность самостоятельно управлять собою; не слѣдуетъ давать ему полную волю въ дѣлѣ контроля своихъ мыслей, чувствъ и поступковъ. Это могло бы повести къ крупнымъ разочарованіямъ для насъ и къ серьезному ущербу для него. Дѣйствительно, сообразно со своимъ темпераментомъ, приобретенными вкусами и привычками, онъ могъ бы обратить исключительное вниманіе на поступки, результаты которыхъ были для него очень полезны или очень вредны; онъ не обратилъ бы вниманія на массу другихъ, менѣе для него интересныхъ, поступковъ. Поэтому, если бы ему пришлось совершать такого рода поступки, онъ отнесся бы къ нимъ индифферентно или небрежно, и это могло бы повести къ вреднымъ результатамъ. Въ то же время это повело бы и къ пробѣламъ въ дѣлѣ воспитанія

его воли. Кому не приходилось встрѣчать людей, сильно одаренныхъ способностью къ опредѣленному образу дѣйствій, всегда готовыхъ ко всякимъ случайностямъ, вооруженныхъ силой для перенесенія опредѣленнаго рода испытаній, поражающихъ самопожертвованіемъ для друзей или родины, способныхъ устоять въ борьбѣ съ самыми страшными силами, спасать проигранныя дѣла, надѣяться вопреки всякой надеждѣ,—словомъ, съ честью выходить изъ всевозможныхъ положеній,—но въ то же время не привыкшихъ слѣдить за своими слабостями, принимать рѣшенія въ маленькихъ дѣлахъ, приносящихъ свой крупный умъ въ жертву своимъ симпатіямъ или антипатіямъ и, наконецъ, изнемогающихъ въ неравной борьбѣ съ гораздо менѣе достойными противниками? Было бы очень полезно, поэтому, знать всѣ недостатки вниманія и воли у дѣтей разныхъ характеровъ, чтобы возбуждать въ послѣдствіи ихъ разсудочную дѣятельность, на которую они такъ скупы во время совершенія нѣкоторыхъ поступковъ, и при этомъ преимущественно обращать заднимъ числомъ ихъ вниманіе именно на мотивы и способы совершенія этихъ поступковъ.

VI. При всѣхъ упражненіяхъ, относящихся къ образованію воли у ребенка, никогда не слѣдуетъ терять изъ виду фізіологическія условія этого душевнаго состоянія. Рѣшенія, какъ и убѣжденія ребенка—очень неустойчивы: это—солома, быстро воспламеняющаяся и такъ же быстро потухающая. Оба эти недостатка зависятъ не столько отъ неопытности ребенка, сколько отъ легкой возбудимости его нервной системы, отъ сравнительной слабости его мозга и его мускуловъ. Сикорскій приводитъ примѣръ, который можетъ служить иллюстраціей для всѣхъ такого рода случаевъ: «Когда дѣти хорошо ознакомились съ механизмомъ разныхъ манипуляцій, они не хотятъ, чтобы ихъ кормили другіе, даже когда бываютъ голодны, хотя ребенокъ прекрасно понимаетъ всю ме-

дленность процедуры ѣсть самому и всѣ преимущества ѣсть изъ руки другого. Очевидно, что въ этомъ случаѣ непреодолимое желаніе и удовольствіе, проистекающее изъ функционированія воли, побѣждаютъ ощущеніе голода. Однако случается неоднократно, что въ срединѣ и даже къ концу обѣда ребенокъ слагаетъ оружіе и начинаетъ ѣсть изъ чужой руки. Его побуждаетъ къ этому не голодъ, который, уже на половину утоленъ, а усталость воли отъ ставшаго утомительнымъ труда по координированію импульсовъ. Наблюденіе показываетъ иногда съ полной очевидностью, что въ этихъ случаяхъ только утомленіе воли заставляетъ ребенка согласиться, чтобы его кормили другіе»¹⁾.

VII. Упражненія воли, о которыхъ мы сейчасъ говорили, требуютъ всегда соблюденія мѣры и извѣстнаго сообразованія съ обстоятельствами. Необходимо, прежде всего, выбирать для нихъ такіе моменты, когда все способствуетъ наибольшей энергіи, сознательности и полнотѣ дѣйствія. Но развѣ возможно всегда знать объемъ волевыхъ силъ у ребенка того или иного возраста, въ зависимости отъ часа дня, свѣжести его физическихъ силъ или утомленія его мозга, нервовъ и мускуловъ, въ результатѣ игры, всевозможныхъ движеній или умственной и эмоциональной работы? Существуетъ очеркъ такого рода данныхъ, относящійся къ изученію вниманія у дѣтей школьнаго возраста; намъ хотѣлось бы имѣть, если возможно, еще болѣе точныя данныя относительно всѣхъ вообще душевныхъ способностей и, въ особенности, относительно воли. Это дѣло родителей знать, когда ребенокъ въ состояніи сосредоточить свое вниманіе и свои мысли на собственныхъ дѣйствіяхъ. Мы должны, для блага ребенка и для нашего собственнаго блага, заставлять ребенка дѣлать такія усилія въ возможно большемъ количествѣ случаевъ. Но прибѣгать къ этому, какъ

¹⁾ L'évolution psychique de l'enfant, Revue philosophique, mai 1885 г., стр. 535.

къ средству упражненія воли, въ особенности по отношенію къ совсѣмъ маленькому ребенку, можно только тогда, когда расположеніе духа ребенка и его веселое настроеніе какъ бы сами вызываютъ насъ на это.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Развитіе воли въ ея отрицательной или репрессивной формѣ.

I. Въ чемъ состоитъ репрессивная воля, т. е. сила задержки или запрета?—Задержка сводится только къ ослабленію дѣйствія.— II. Роль подавляющихъ чувствъ въ дѣлѣ задержки.— III. У самыхъ маленькихъ дѣтей задержку рефлексовъ производятъ пріятныя чувства въ соединеніи съ чувствами непріятными.—Репрессивная воля, благодаря отвлеченіямъ со стороны вниманія, привыкаетъ понемногу побуждать инстинкты и успѣшно бороться съ непріятными ощущеніями.— IV. Для достиженія этой цѣли нужно развивать волю одновременно и какъ побуждающую, и какъ задерживающую силу.—Соціальныя стимулы или стимулы сочувствія имѣютъ въ такихъ случаяхъ очень большое вліяніе.— V. Не слѣдуетъ широко прибѣгать къ отвлеченіямъ вниманія ребенка въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ можетъ пользоваться своими силами безъ всякой опасности.—VI. Не слѣдуетъ смѣшивать добровольное терпѣніе съ силою воли, имѣющей до нѣкоторой степени органической характеръ.— VII. Точная оцѣнка вещей способствуетъ возникновенію терпѣнія и разсудочнаго мужества.— VIII. Нужно, чтобы нравственное чувство приходило на помощь разсудочной дѣятельности для поддержанія волевыхъ привычекъ.

I. «Въ дѣйствіе переходитъ, говоритъ Рибо, не самое состояніе сознанія, какъ таковое, а соотвѣтствующее ему фізіологическое состояніе. Другими словами, данное соотношеніе имѣетъ мѣсто не между психическимъ явленіемъ и движеніемъ, а между двумя состояніями одного порядка,—между двумя фізіологическими состояніями, двумя группами нервныхъ эле-

ментовъ—чувствительной (или идео-чувствительной), съ одной стороны, и двигательной—съ другой»¹⁾. Этого простого объясненія достаточно, чтобы уяснить себѣ роль, если не самую сущность, той задерживающей, запретительной или репрессивной силы, которую мы приписываемъ волѣ. Она составляетъ результатъ лишь фізіологическаго механизма, производящаго ее, а не сопровождающаго этотъ результатъ состоянія сознанія.

Первоначально задержка является безсознательной и произвольной. Это—прекращеніе или, по крайней мѣрѣ, ослабленіе рефлекторныхъ, импульсивныхъ, инстинктивныхъ движеній, посредствомъ какого-нибудь мозгового возбужденія, какого-нибудь ощущенія. Такъ, напримѣръ, шумъ, свистъ, шлепокъ, быстрое движеніе предметовъ передъ глазами, внезапный свѣтъ—могутъ остановить, иногда моментально, а по большей части довольно скоро, крики боли, необузданныя проявленія радости и т. п. Одинъ двигательный импульсъ замѣняется другимъ, вотъ и все.

Власть ребенка надъ своими эмоціями зависитъ, слѣдовательно, отъ власти его надъ внѣшними ихъ проявленіями. «Прекищеніе движеній, говоритъ Бэнъ, ведетъ къ прекращенію нервныхъ токовъ, ихъ производящихъ, и, такимъ образомъ, успокоеніе внѣшнее сопровождается успокоеніемъ внутреннимъ»²⁾.

«Чтобы задержка могла произойти, первое условіе—время. Если возбужденіе настолько сильно, что тотчасъ же переходитъ въ дѣйствіе,—все кончено; какая бы глупость ни воспослѣдовала, помѣшать этому уже слишкомъ поздно. Если же условіе времени налицо, если состояніе сознанія вызываетъ противодѣйствующія состоянія, если послѣднія достаточно устойчивы,—то задержка имѣетъ мѣсто. Новое со-

1) Ribot. Les maladies de la volonté, стр. 8. (Рибо, Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніи. Перев. подъ ред. д-ра Аболенскаго. Спб.).

2) Bain. Les émotions et la volonté, стр. 351.

стояніе сознанія стремится къ уничтоженію прежняго и, ослабляя причину, уничтожаетъ слѣдствія ея»... 1)

«Но задержка, если она происходитъ, всегда бываетъ только относительная, и весь ея результатъ сводится лишь къ ослабленію дѣйствія. Остатокъ первоначальнаго импульса тратится какъ попало: на полусдержанные жесты, нарушение кишечныхъ отправлений или на какое-нибудь искусственное отвлечение, какъ, напримѣръ, у того солдата, который, когда его разстрѣливали, жеваль пулю, чтобы не кричать. Очень немногіе въ достаточной мѣрѣ одарены отъ природы и воспитаны привычкой, чтобы низводить рефлексы до неуловимыхъ движеній» 2).

II. Очень важно знать роль подавляющихъ чувствъ въ дѣлѣ образованія задержки. Среди чувствъ, которыя могутъ вызвать задержку движеній, выражающихъ опредѣленное состояніе сознанія, и которыя соотвѣтственнымъ образомъ могутъ ослабить это состояніе сознанія, первенствующее мѣсто занимаютъ, по мнѣнію Рибо, чувства подавляющаго характера, наиболѣе типичнымъ, крайнимъ выраженіемъ которыхъ является ужасъ. «Если, вмѣсто этого крайняго проявленія, возьмемъ умѣренный страхъ, то и подавляющее дѣйствіе его уменьшается, хотя сущность его останется та же. Какимъ образомъ, напримѣръ, задерживаются движенія гнѣва у ребенка? Угрозами, упреками, т. е. посредствомъ образованія новаго состоянія сознанія, обладающаго подавляющимъ характеромъ и, слѣдовательно, способнаго парализовать дѣйствіе. Дѣвочка трехъ съ половиною мѣсяцевъ, говоритъ Б. Перэ, понимаетъ по выраженію лица и по тону голоса, что ее бранятъ; лобъ ея морщится, губы конвульсивно сжимаются и въ одинъ мигъ складываются въ гримасу,—она готова заплакать 3). Новое состояніе сознанія приводитъ такимъ

1) Ribot. Les maladies de la volonté, стр. 15.

2) Ribot. Les maladies de la volonté.

3) Pérez B. Les trois premières années de l'enfant, стр. 33 (Перэ Б. Первые три года жизни ребенка. Пер. М. Цебриковой, Спб., 1879).

образомъ къ вытѣсненію прежнее, и не только вслѣдствіе собственной силы, но и вслѣдствіе причиняемаго имъ общаго ослабленія всего существа».

«Если, несмотря на повтореніе угрозъ, задержки не происходитъ, то это значить, что данный субъектъ очень мало или вовсе не поддается воспитанію въ этомъ отношеніи. Если же задержка происходитъ, то въ результатъ ея, въ силу хорошо извѣстнаго закона, между двумя состояніями возникаетъ ассоціація; первое состояніе вызываетъ второе, ослабляющее его, и задержка, благодаря привычкѣ, достигается все легче и все быстрѣе. У людей, хорошо владѣющихъ собою, задержка достигается при полной увѣренности въ этомъ, составляющей признакъ всякой вполнѣ усвоенной привычки. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ темпераментъ и характеръ играютъ большую роль, чѣмъ воспитаніе»¹⁾, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ обычное воспитаніе.

III. Въ дѣлѣ задержки рефлексовъ пріятныя чувства конкурируютъ съ непріятными. Даже по отношенію къ совсѣмъ маленькому ребенку для подавленія его эмоций не слѣдуетъ пользоваться исключительно проявленіями чувствъ депрессивнаго характера, — умѣреннаго страха, изумленія, страданія и неудовольствія. Нѣжное выраженіе голоса, тихая ласка, ободреніе, а въ случаѣ остраго страданія—кроткія слова утѣшенія производятъ часто такое же дѣйствіе. Отсутствіе этихъ пріятныхъ и успокаивающихъ впечатлѣній скоро становится для ребенка очень чувствительнымъ лишеніемъ, и это побуждаетъ его вести себя такъ, чтобы снова обрѣсти ихъ. Такъ, одинъ маленькій ребенокъ, котораго, когда ему было три съ половиною мѣсяца, бранили за то, что онъ не предупреждалъ крикомъ о моментахъ чисто рефлекторнаго изверженія продуктовъ пищеваренія,—въ полугодовомъ возрастѣ обнаруживалъ большое удовольствіе, когда его хвалили за то, что онъ удержался отъ этого, находясь

¹⁾ Ribot. Les maladies de la volonté, стр. 22.

на рукахъ у няньки или у матери. Онъ, казалось, говорилъ своимъ родителямъ: «Помогайте же мнѣ, если вы довольны, когда я васъ предупреждаю, и сердитесь, когда я забываю сдѣлать это»¹⁾).

Подавляющая воля, благодаря вмѣшательству вниманія, привыкаетъ понемногу побѣждать инстинкты и бороться съ непріятными чувствами. Умѣренность въ наслажденіи удовлетвореніемъ чувства вкуса и побѣда надъ собственными отвращеніями зависятъ, съ одной стороны, отъ привитыхъ ребенку привычекъ, съ другой стороны — отъ развитія его подавляющей воли. Сикорскій предлагаетъ мягкое и вѣрное средство приучать дѣтей къ терпѣнію, отвращая ихъ вниманіе отъ непріятныхъ ощущеній голода и направляя его къ предметамъ наблюденія, относящимся именно къ чувству вкуса. Само собой понятно, что это не относится къ совершенно маленькимъ дѣтямъ, которыхъ, впрочемъ, кормленіе черезъ опредѣленные промежутки времени могло бы до нѣкоторой степени приучить къ перенесенію голода. «Когда ребенокъ начинаетъ принимать пищу взрослыхъ, систематическое упражненіе становится очень полезнымъ. По отношенію къ своимъ собственнымъ дѣтямъ я пользовался слѣдующимъ методомъ, который считаю очень практичнымъ. Каждое утро молоко грѣлось на спиртовой лампѣ въ присутствіи ребенка. Кипяченіе молока, а затѣмъ охлажденіе его, требующія въ общемъ отъ пятнадцати до двадцати минутъ, доставляли ребенку поучительное развлеченіе и приучали его подавлять непріятное чувство голода. Дѣти, которымъ даютъ совершенно приготовленное молоко, не знаютъ, какъ это дѣлается, и по утрамъ просятъ ѣсть, какъ только проснутся. Именно этотъ моментъ наиболѣе интенсивнаго голода и особенно удобенъ для упражненія воли. Вниманіе ребенка ко всѣмъ деталямъ приготовленія пищи вообще очень велико; ожиданіе сопровождается у него большимъ нетерпѣніемъ

¹⁾ Pérez B. Les trois premières années de l'enfant, стр. 245.

и вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ напряженіемъ воли. Такимъ образомъ, противодѣйствіе ощущенію голода совершается при помощи самыхъ могущественныхъ средствъ воли и сознанія. Если только дѣйствовать осмотрительно, дѣти вовсе не обнаруживаютъ утомленія или раздраженія; наоборотъ, ожиданіе является для нихъ интереснѣйшимъ препровожденіемъ времени. Въ свою очередь, ожиданіе за столомъ, практикуемое родителями съ той же цѣлью, тоже очень полезно; но оно должно производиться каждый день, и взрослые должны подвергаться ему наравнѣ съ дѣтьми» ¹⁾).

Этотъ примѣръ представляетъ всѣ необходимыя условія для полезнаго упражненія воли у ребенка: легкое, приноровленное къ возрасту, непродолжительное усиліе, допускающее пріятное вмѣшательство вниманія, въ соединеніи удовольствія съ нѣкоторымъ страданіемъ. Именно такимъ образомъ воля понемногу, постепенно пріучается побѣждать самые могущественныя инстинкты и переносить самыя непріятныя ощущенія. Даже при упражненіи воздержанія и терпѣнія слѣдуетъ вести дѣло такъ, чтобы, поскольку это возможно, опровергнуть поговорку: «только первый шагъ особенно труденъ».

IV. Почти всегда безошибочное средство для развитія у дѣтей задерживающихъ склонностей составляетъ возбужденіе у нихъ въ одно и то же время и силы побужденія и силы задержки. Напримѣръ, ребенокъ мѣшаетъ мнѣ своими криками и шумными играми; я приглашаю его сѣсть рядомъ съ моимъ рабочимъ столомъ. Онъ смотритъ на свои оставленныя въ углу игрушки, и я читаю въ его взглядѣ нѣкоторое сожалѣніе; но такъ какъ онъ довольно послушенъ, то онъ не обнаруживаетъ ни малѣйшей охоты встать и снова приняться за нихъ. Между тѣмъ неутолимая потребность въ мускульномъ движеніи опять овладѣваетъ имъ; онъ начинаетъ болтать руками и

¹⁾ Sikorski. *Revue philosophique*, май 1885 г., стр. 540.

ногами, трясти свой табуретъ, двигать его то туда, то сюда. Я говорю ему: «Пожалуйста, посиди спокойно одну минутку, я работаю». Ребенокъ тотчасъ же принимаетъ неподвижное положеніе. Видя, что онъ остается въ этомъ положеніи около трехъ минутъ, я говорю ему: «Не хочешь ли тоже поработать, рядомъ со мною?» Онъ подпрыгиваетъ отъ удовольствія: «О да! Мнѣ хочется кончить рисовать моего льва!» Я поддвигаю высокій стулъ, удобно усаживаю ребенка и подаю его рабочія принадлежности, — черную и желтую краску, уже въ разведенномъ видѣ, кисточки, бумагу. Съ четверть часа мы работаемъ, какъ добрые товарищи, не разговаривая другъ съ другомъ, но отъ времени до времени украдкой взаимно поглядывая на наши работы.

Въ общемъ стимулы соціальнаго характера имѣютъ въ этихъ случаяхъ очень большое значеніе. Имѣя дѣло съ ребенкомъ, всегда нужно подвигивать его волевой механизмъ, то-есть всегда имѣть наготовѣ новые мотивы и импульсы, чтобы при ихъ помощи можно было опять вступить въ уже выигранную было битву. Наиболѣе дѣйствительными являются вообще стимулы сочувствія, а за отсутствіемъ ихъ—стимулы соревнованія.

Мнѣ приходилось видѣть шестилѣтняго мальчика, котораго отецъ приучилъ учить свои уроки въ саду, не отвлекаясь никакими, даже самыми захватывающими впечатлѣніями. Когда ребенокъ ловилъ себя на томъ, что глаза его поднимаются отъ книги, чтобы посмотреть на птичку, бабочку или пчелу, онъ тотчасъ же взглядывалъ въ сторону дома, какъ бы опасаясь, нѣтъ ли тамъ свидѣтеля его поступка. Но когда онъ работалъ въ комнатѣ, рядомъ со своимъ маленькимъ братомъ, съ которымъ иногда не ладилъ, малѣйшій шумъ, производимый послѣднимъ, волновалъ его. Братъ подражалъ его безпокойнымъ движеніямъ, и то и дѣло слышался голосъ того либо другого: «Замолчи же, наконецъ!.. Здѣсь нельзя ничего дѣлать!..» Однажды

отецъ сказалъ старшему: «Ты долженъ подавать хорошій примѣръ брату, — ты достаточно уменъ для этого». Онъ прибавилъ, что въ нѣкоторыхъ колледжахъ ученики вслухъ учатъ уроки въ классѣ, и что, когда они погружаются въ работу, имъ никогда не мѣшаетъ работа ихъ товарищей. Онъ закончилъ слѣдующимъ аргументомъ, обращаясь къ самолюбію ребенка: «Ну, что сталъ бы ты дѣлать въ многолюдномъ классѣ, если теряешь голову изъ-за такого пустяка? Смотри на своего брата какъ на большую птицу, еще плохо прирученную, нѣсколько несуразную и шумливую, и работай рядомъ съ нимъ, какъ ты работалъ бы въ саду рядомъ съ стрекозущей птичкой». Оба мальчика разсмѣялись, и съ тѣхъ поръ, каждый со своей стороны, они напрягали усилія, чтобы отецъ не могъ ихъ назвать «большими несуразными птицами».

V. Столь излюбленная нѣкоторыми родителями система отвлеченія вниманія всего болѣе примѣнима къ дѣтямъ самаго нѣжнаго возраста, къ дѣтямъ слабымъ и раздражительнымъ, а также и въ тѣхъ случаяхъ, когда авторитету приходится стушеваться на время ради того, чтобы потомъ снова возстановить свое вліяніе. Эта система, вмѣстѣ съ другими пріемами мягкой предусмотрительности, способствуетъ поддержанію хорошаго настроенія у ребенка. Этимъ она облегчаетъ воспитаніе воли, которая для того, чтобы функционировать въ соотвѣтствіи съ возрастомъ ребенка и обстоятельствами, нуждается въ обстановкѣ душевнаго спокойствія. Но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда воспитаніе имѣетъ дѣло съ дѣтьми не старше одного года, болѣзненными и впечатлительными, оно не должно упускать изъ виду непосредственнаго формированія воли. Замѣнить у ребенка одну эмоцію другою, и ничего болѣе, еще не значитъ создать для него возможность приложенія хотя бы немногихъ сознательныхъ усилій къ подавленію первой изъ этихъ эмоцій. «Съ того момента, какъ умъ ребенка начинаетъ

раскрываться для предметовъ внѣшняго міра, нужно, чтобы онъ сталъ въ такое отношеніе къ нимъ,—справедливо говорить г-жа Гизо,—какое только возможно при его возрастѣ, слабости и неопытности». Онъ долженъ познавать ихъ по отношенію къ себѣ, познавать себя по отношенію къ нимъ, долженъ узнать постепенно, «чего онъ можетъ просто, разумно и безъ страха ожидать отъ нихъ». Для этого нужно, чтобы впечатлѣнія отъ предметовъ внѣшняго міра доходили до сознанія ребенка проконтролированныя и исправленныя нами. «Было бы странно удалять отъ ребенка до окончанія его воспитанія предметы, при посредствѣ которыхъ онъ получаетъ это воспитаніе, но, съ другой стороны, было бы абсурдомъ позволять ему пользоваться этими предметами по своему усмотрѣнію, безъ всякихъ предосторожностей и безъ всякой системы,—рискуя увидать, какъ онъ ухватится за остріе шпата и лезвіе ножа. Научить его соприкасаться съ этими предметами, подходя къ нимъ съ наиболѣе безопасной стороны,—въ этомъ секретъ воспитанія» ¹⁾. Мы видимъ, что по этому важному вопросу идеи г-жи Гизо шире идей Локка, меньше страдаютъ искусственностью, чѣмъ идеи Руссо, и разумнѣе идей Герберта Спенсера.

Эта система приложима ко всѣмъ видамъ подавляющей воли,—направляется ли она на регулированіе пріятныхъ или устраненіе непріятныхъ ощущеній, или же на подавленіе или ослабленіе опасныхъ или несвоевременныхъ чувствъ. Она одинаково приложима какъ къ мужеству, такъ и къ терпѣнію, умѣренности и воздержанію. Поэтому мы должны требовать для ребенка права пользоваться своими маленькими силами и своимъ маленькимъ умомъ. Учителемъ его долженъ быть его собственный опытъ, но безъ риска и опасностей. Слишкомъ сильное сознаніе своей слабости можетъ сдѣлать его малодушнымъ скорѣе, чѣмъ

¹⁾ M-me Guizot. Lettres de famille sur l'éducation, т. I, стр. 40.

избытокъ предосторожностей. Превосходная воспитательница, на свидѣтельство которой я никогда не устану ссылаться, совѣтуетъ избѣгать слишкомъ сильныхъ потрясеній, могущихъ вызвать у ребенка чувство страха. Нравственная энергія понемногу войдетъ въ его привычки, если вы не станете подвергать его испытаніямъ, превышающимъ его силы. Онъ научится сообразоваться съ условіями физической необходимости, если ваши благоразумные запреты «прекратятся въ тотъ моментъ, когда вы сможете предоставить ему средства для безопаснаго пользованія ими»¹⁾. Онъ удовольствуется устраненіемъ излишнихъ предосторожностей и будетъ полагать свою гордость въ возможности доказать вамъ ихъ бесполезность или въ спокойномъ перенесеніи неудобствъ, сопряженныхъ съ несоблюденіемъ ихъ.

VI. Не слѣдуетъ смѣшивать извѣстную силу физическаго противодѣйствія злу — скорѣе силу инерціи, чѣмъ терпѣніе — съ добровольнымъ терпѣніемъ — добродѣтелью, полублагопріобрѣтенною и близко соприкасающеюся съ разсудочной дѣятельностью. Ребенокъ съ живымъ темпераментомъ, получившій деревенское воспитаніе, то и дѣло набиваетъ себѣ шишки на лбу, ссадины на ногахъ и рукахъ, и только смѣется надъ ними. Когда же у него заболѣлъ шатающійся зубъ, онъ пришелъ въ отчаяніе, какъ это бываетъ съ крестьянами, которые оказываются иногда невѣроятными нѣженками при самой незначительной боли. Онъ черезъ силу далъ привязать себѣ нитку къ зубу; но потомъ тянулъ за нее долго, со слезами на глазахъ, конечно, лишь съ воображаемымъ усиліемъ, какъ знаменитый Бальзакъ въ такихъ же условіяхъ. Прошелъ цѣлый часъ, пока, наконецъ, видя, что братъ его хохочетъ надъ нимъ, онъ сталъ тянуть, какъ слѣдуетъ. Этотъ послѣдній, девятилѣтній мальчикъ, умный, серьезный, всегда охотно выслушивалъ доводы, ко-

¹⁾ M-me Guizot, т. I, письмо XXIX.

торые ему приводили за и противъ необходимости что-нибудь сдѣлать или не сдѣлать. Когда ему приходилось вырывать себѣ зубъ, онъ дѣйствовалъ рѣшительно; не требовалось никакой нитки, его пальцы лучше справлялись съ дѣломъ: онъ до тѣхъ поръ расшатывалъ во всѣ стороны несносный зубъ, пока тотъ не подавался. Въ первый разъ онъ позволилъ привязать себѣ къ зубу нитку, и такъ какъ ему сказали, что можно сократить ощущеніе боли, если смѣло примется за дѣло, онъ, отчасти изъ тщеславнаго желанія самостоятельно справиться съ этой важной задачей, быстро выдернулъ зубъ.

VII. Когда приходится сталкиваться лицомъ къ лицу съ опасностью, устранять или смягчать неприятныя впечатлѣнія, первымъ условіемъ для этого является правильная оцѣнка вещей: въ результатѣ получается смѣлость и сознательное терпѣніе. Благодаря этому ребенокъ шести или семи лѣтъ, а особенно немного постарше, въ иныхъ случаяхъ оказывается стоящимъ выше взрослыхъ, даже образованныхъ и въ другихъ отношеніяхъ очень благоразумныхъ. Двое маленькихъ дѣтей очень рано были приучены своимъ отцомъ проходить не спѣша, но принимая всѣ желательныя предосторожности, мимо стоявшихъ въ саду двухъ ульевъ. Они умѣли отгонять насѣкомыхъ, если тѣ преслѣдовали ихъ, и если имъ случалось быть ужаленными, они спокойно приходили, чтобы имъ помазали масломъ укусы. Не такъ было съ молодой няней, уже годъ жившей въ домѣ. Послѣ одного укуса въ щеку она никогда не могла привыкнуть къ пчеламъ. Если, проходя по саду, она слышала, какъ онѣ летаютъ вокругъ нея, она пускалась бѣгомъ къ кухнѣ съ взволнованнымъ выраженіемъ лица и криками испуга¹⁾.

Вотъ послѣдній примѣръ, заимствуемый, какъ и предыдущій, изъ психологіи ребенка отъ трехъ до

¹⁾ B. Pérez. L'enfant de trois à sept ans, стр. 296—306.

семи лѣтъ. Анри семь съ половиною лѣтъ. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, когда мать его принимала съ большимъ отвращеніемъ противное лѣкарство, онъ плакалъ и кричалъ при видѣ ея гримасъ. Два мѣсяца онъ провелъ у своего дяди, деревенскаго врача. Тамъ онъ присутствовалъ при нѣсколькихъ мелкихъ операціяхъ. Онъ видѣлъ, какъ его дядя, человѣкъ очень добрый, грубо обращался съ пациентами, кричавшими по пустякамъ. Чтобы вызвать его одобреніе, ребенокъ однажды попросилъ, чтобы ему дали слабительнаго «самаго невкуснаго, какое только бываетъ». Дядя много смѣялся, но исполнилъ его желаніе. По возвращеніи къ своимъ родителямъ, когда онъ увидалъ, какъ его мать, взявъ въ руки лѣкарство, сдѣлала опять гримасу, онъ взялъ у нея изъ рукъ стаканъ со словами: «Вотъ какъ надо это пить!» и однимъ глоткомъ выпилъ непріятное питье. Затѣмъ съ торжествующимъ видомъ сказалъ:— «Мой дядя говоритъ, что горькое—другъ желудка!»—Въ этомъ поступкѣ, навѣрное, нѣкоторую, а можетъ быть, и большую роль сыграла рисовка; но небольшое количество самолюбія ничего не портитъ, когда оно побуждаетъ волю къ выполненію непріятныхъ, но полезныхъ дѣйствій.

VIII. Нужно, наконецъ, чтобы нравственное чувство приходило на помощь разсудку, чтобы поддерживать волевые навыки. Г-жа Гизо въ своихъ превосходныхъ «Письмахъ о воспитаніи» даетъ намъ типическій примѣръ. Героиня ея педагогическаго романа, г-жа д'Альи, по настоянію своего мужа начинаетъ слѣдовать системѣ привычекъ, основанныхъ на принципахъ. Въ первые два дня послѣ того, какъ она начала примѣнять эту систему, все совершалось съ удивительной точностью. Необходимость точности увеличиваетъ рвеніе. По болѣе спокойному настроенію въ ея домашней обстановкѣ она убѣдилась въ способности этого внутренняго закона дѣйствовать сдерживающе на проявленія внутреннихъ волненій.

Она надѣется, что искреннее рвеніе сильно поможетъ ей побороть у Софи ея наклонность къ капризамъ и гнѣву. Желаніе доставить удовольствіе своей матери до того волновало ее, что она приходила въ раздраженіе изъ-за каждаго дурного исполненія обязанности и въ самой незначительной строгости своей матери видѣла возмутительную суровость. Мать заперла ее на все время работы въ ея комнату, потому что та не умѣла сдерживать своихъ дурныхъ привычекъ. Дѣвочка умоляла мать дать ей еще немного времени. Г-жа д'Альи дала ей еще недѣлю. Но предоставимъ слово самой писательницѣ:

«Подумайте, какой взрывъ признательности, какія горячія обѣщанія были отвѣтомъ на мое предложеніе, какіе совѣты благоразумія были выслушаны и приняты дѣвочкой; съ какимъ благожелательнымъ чувствомъ мы попрощались на ночь! На другой день рѣшенія не были забыты; но наплывъ чувства прошелъ и привычка вступала снова въ силу. При первомъ плохо выученномъ урокъ дѣвочка схватила книгу капризнымъ движеніемъ, что всегда предшествовало сильному приступу гнѣва. Я ее удержала. — «Дитя мое, — сказала я мягко, — не начинай, вспомни вчерашнее; единственное средство исполнить твои намѣренія, — это тотчасъ же взять себя въ руки; садись сейчасъ же рядомъ со мною и не говоря ни слова начинай снова учиться». — Она сѣла, — взволнованная, но сдерживаясь. Двѣ минуты спустя она склонилась къ моей рукѣ и цѣлуя ее сказала: — «Мама, я больше не капризничаю». — Она была награждена за свою побѣду самой нѣжной лаской; я была счастлива: похвала послужила необходимымъ урокомъ. Въ теченіе всего дня мнѣ было достаточно напомнить достигнутый утроемъ успѣхъ, чтобы сдержать готовя возобновиться нервныя движенія, и каждый разъ нѣсколько принужденно, но искренняя улыбка показывала мнѣ, что если врагъ еще не отступилъ, то борьба во всякомъ случаѣ начата».

«Съ тѣхъ поръ она сдерживалась съ большими или меньшими усилями, но безъ замѣтныхъ неудачъ, и я подала ей надежду, что въ концѣ недѣли я соглашусь продлить время испытанія. Позавчера я воспользовалась тѣмъ, что Софи достигла восьми лѣтъ, чтобы объяснить ей новыя правила исполнительности, которыя я предполагала установить.—«Предупреждаю тебя,—сказала я ей,—берегись, чтобы изъ этого не вышло повода для капризовъ!»—Она улыбнулась, повидимому, чувствуя гордость отъ борьбы съ искушеніемъ. Луиза заявила, что она хочетъ быть послушной и исполнительной, какъ ея сестра. Софи, проникнутая сознаниемъ превосходства восьмилѣтней дѣвочки, взглядомъ дала мнѣ понять, что нельзя многого требовать отъ этого ребенка. Что касается ея самой, то въ теченіе этихъ двухъ дней ея старанія предупреждать приказанія все время избавляли ее отъ непріятности ихъ получать, и всѣ эти два дня мы почти совершенно благоразумны»¹⁾.

Въ этомъ примѣрѣ мы наблюдаемъ, какъ множество чувствъ и между ними любовь къ родителямъ, самолюбіе, гордость отъ сознанія своихъ хорошихъ поступковъ, при содѣйствіи разсудка и внимательнаго отношенія къ себѣ, способствовали побѣдѣ надъ инстинктами. Вся роль разсудка сводилась къ созданію образовъ болѣе сильныхъ, чѣмъ другіе, вызывающихъ большое количество эмоцій и, слѣдовательно, возбуждающихъ сдерживающее вліяніе нервовъ.

«Вниманіе, — говоритъ Ш. Рише, — это аппаратъ возбудимости, увеличивающій силу образовъ»²⁾, — иными словами—сообщающій сдерживающую или увлекающую силу мыслямъ, что собственно и является волей. На воспитаніи лежитъ обязанность выработать въ каждомъ субъектѣ, въ соотвѣтствіи съ его физиологическими, умственными и эмоціональными наклон-

¹⁾ M-me Guizot. Lettres de famille sur l'éducation, т. I, стр. 93.

²⁾ Richet Ch. Psychologie générale, стр. 183.

ностями, кругъ идей, сужденій, физическихъ и двигательныхъ привычекъ,—однимъ словомъ, образовъ, возбужденіе которыхъ могло бы легко повести, при данномъ стеченіи обстоятельствъ, къ поступкамъ добрымъ, нравственнымъ, полезнымъ для самой личности и ея ближнихъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Послушаніе.

I. Послушаніе—одно изъ самыхъ широкихъ средствъ воспитанія.— II. Симпатія и педагогическій авторитетъ или вообще удовольствіе и страданіе составляютъ два крупныхъ средства для достиженія послушанія.— Предѣлы повиновенія изъ чувствъ симпатіи.— Портретъ избалованнаго ребенка.— III. Первенствующая роль авторитета въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія.— IV°. Воспитатель долженъ самъ серьезно относиться къ своему авторитету.— V. Авторитетъ долженъ обладать умѣніемъ идти иногда на уступки.— VI. Авторитетъ имѣетъ свои границы въ законной свободѣ ребенка.— VII. Нехорошо слишкомъ много руководить ребенкомъ.— VIII. Роль логическихъ доводовъ по отношенію къ послушанію.— IX. Резюме.

I. Для того, чтобы жить, совершенствоваться, учиться, развиваться въ нравственномъ отношеніи, приобрѣтать правильныя привычки, а вмѣстѣ съ ними сознательность и какъ бы способность управлять собою, ребенку нужна та привычка или важнѣйшая способность, та добродѣтель, которая замѣняетъ ему умъ,—послушаніе. Возможно ли и легко ли согласовать права педагогическаго авторитета съ требованіями свободы? Монтэнь, Локкъ, Фенелонъ, Руссо и многіе другіе послѣ нихъ давно разрѣшили этотъ вопросъ, который все же никогда не мѣшаетъ заново

пересмотрѣть, чтобы еще болѣе уяснить и точнѣе опредѣлить его ¹⁾).

Ребенокъ стремится къ абсолютной свободѣ. Это—слѣдствіе его импульсивности, заставляющее его дѣйствовать по первому побужденію; но эта же его импульсивность является и средствомъ борьбы съ разрушительными силами, на каждомъ шагу угрожающими его существованію. Съ потребностью независимости у маленькаго существа соединяются, кромѣ того, не менѣе повелительныя влеченія,— преклоненіе, симпатія, страхъ,—побуждающія его къ послушанію совершенно такъ же, какъ инстинктъ свободы побуждаетъ его часто къ неповиновенію.

Послушаніе у дѣтей не является результатомъ тѣхъ или иныхъ специальныхъ приемовъ, но составляетъ привычку, образующуюся съ теченіемъ времени, по мѣрѣ нашего общенія съ дѣтьми. Для достиженія его не можетъ быть никакой универсальной системы. Локкъ основываетъ послушаніе на уваженіи; уваженіе же, по его мнѣнію, это—сначала страхъ, а потомъ любовь. Для Фенелона средствомъ достиженія послушанія является авторитетъ, никогда не ослабѣвающий, не уступающій, но выжидающій удобнаго момента, чтобы заставить признать, оцѣнить и полюбить себя, хотя бы для ускоренія этого момента понадобилось прибѣгать и къ невинному обману. Руссо, допускающій такой обманъ по другому поводу, особенно вѣрить въ дѣйствительность приказаній и запрещеній, основанныхъ на безусловной необходимости, а также въ нравственное вліяніе естественныхъ послѣдствій поступковъ. Гербертъ Спенсеръ воскресилъ и расширилъ теорію дисциплинирующаго вліянія послѣдствій. Его соотечественникъ и собратъ по философіи, Бэнъ, отвергаетъ эту систему и принимаетъ

¹⁾ Всякому воспитателю слѣдовало бы прочесть и продумать превосходный докладъ Грера (Gréard), въ которомъ онъ даетъ оцѣнку различныхъ педагогическихъ системъ, основанныхъ въ дисциплинѣ.

систему Локка, т. е. теорію страха, умѣряемаго привязанностью, и авторитета, добивающагося признанія посредствомъ увѣщанія, чаще посредствомъ уваженія, а при случаѣ и посредствомъ наказанія. Всѣ эти системы даютъ просторъ для критики, но тѣмъ не менѣе являются наиболѣе разумными изъ всѣхъ, предложенныхъ до сихъ поръ въ отношеніи занимающаго насъ вопроса. Мы будемъ имѣть случай произвести попутную ихъ оцѣнку.

II. Допустимъ сначала, въ принципѣ, что симпатія и авторитетъ, или, вообще, удовольствіе и страданіе, составляютъ два огромныя средства воспитанія. Страданіе не является, какъ утверждаетъ Бэнъ, первымъ воспитателемъ человѣка. Удовольствіе вступаетъ въ сотрудничество съ нимъ съ первыхъ же моментовъ жизни. Но можно сказать, что удовольствіе способствуетъ болѣе воспитанію положительной воли, а страданіе—воспитанію воли отрицательной. Первое является скорѣе цѣлью и стимуломъ дѣйствія, а второе—скорѣе стимуломъ и средствомъ волевой репрессіи. Поэтому довольно бесполезно доискиваться, что приучаетъ ребенка къ послушанію—симпатія или авторитетъ. Эти двѣ дисциплины составляютъ, въ сущности, одну. Правда, посредствомъ симпатіи и убѣжденія можно добиться многого такого, чего можно достигнуть, равнымъ образомъ, и посредствомъ стимуловъ уваженія или страха; но истинное, разумное и цѣлостное послушаніе вытекаетъ изъ соединенія этихъ двухъ средствъ. Инстинктъ матери не обманывается въ этомъ случаѣ; онъ заставляетъ ее дѣлать сначала—худо ли, хорошо ли—то, къ чему наука о воспитаніи привела бы ее какъ къ лучшему средству. Она утѣшаетъ, успокаиваетъ, убаюкиваетъ съ самыми нѣжными нотами въ голосъ своего ребенка, безпокоящагося отъ боли или гнѣва, а затѣмъ, минутой спустя, старается придать своему голосу выраженіе суровости, угрозы и раздраженія, чтобы заставить ребенка успокоиться и замолчать, чего ей не удалось добиться просьбами и ласками.

Разсмотримъ подробнѣе оба эти способа воспитанія.

Строгій тонъ, суровые жесты и взгляды, властное обращеніе допустимы лишь въ видѣ исключенія; обычные приемы—это приказаніе, запрещеніе, формулированныя съ мягкостью, не исключающей настойчивости. Мать, знающая свое дѣло, почти всегда добьется, чего хочетъ, словами, въ родѣ слѣдующихъ: «Ну же, дѣточка!—Что ты себѣ думаешь, милый?—Нѣтъ, не надо такъ, дружокъ: ты слишкомъ огорчаешь маму.—Вотъ это очень хорошо, мой мальчикъ».—Такимъ образомъ, проявленія симпатіи, похвала, порицаніе могутъ въ значительной степени способствовать развитію у ребенка послушанія,—драгоценной привычки, при посредствѣ которой можно уничтожить или приобрести такое множество другихъ привычекъ.

Ребенокъ повинуется не всѣмъ съ одинаковой покорностью и одинаковымъ видимымъ удовольствіемъ. Я знаю одну шестимѣсячную дѣвочку, которая слушается своей бабушки больше, чѣмъ матери, отца и даже кормилицы: если нужно унять ея слезы, прекратить крики, успокоить ее, когда она въ испугѣ просыпается ночью, заставить ее воспользоваться ночнымъ горшкомъ, дать себя выкупать или умыть, протянуть руку, принять лѣкарство,—достаточно бываетъ одного взгляда бабушки; въ рѣдкихъ случаяхъ помогаютъ увѣщанія матери или кормилицы, но никогда громкій голосъ отца. Значитъ ли это, что взглядъ или голосъ бабушки затрогиваетъ какія-то сокровенныя фибры симпатіи? Или, быть можетъ, какъ это говорятъ, иногда маленькій ребенокъ любитъ зависѣть исключительно отъ одного лица? Я видѣлъ, однако, дѣтей этого возраста, оказывавшихъ послушаніе всѣмъ, кто умѣлъ приобрести ихъ расположеніе или импонировать имъ спокойствіемъ и настойчивостью своихъ требованій, — словно слабость вообще склонна итти навстрѣчу силѣ и покровительству вездѣ, гдѣ только они обнаруживаются.

Маленькія домашнія животныя поступають точно такъ же: лица, всего болѣе любящія ихъ, всего менѣе могутъ держать ихъ въ послушаніи. Шестимѣсячный щенокъ, подобранный однимъ изъ моихъ друзей, не стѣснялся производить въ его квартирѣ грязь и беспорядокъ, отъ чего онъ тщательно воздерживался, когда зналъ, что дома гувернантка, которая тоже любила животныхъ, но, не колеблясь, наказывала ихъ. Мой другъ воспитывалъ также котятъ бродячей кошки, которую онъ уже нѣсколько лѣтъ какъ приручилъ; до четырехъ-пяти мѣсячнаго возраста они легко повиновались ему, потому что еще не знали его. Но скоро они замѣтили, что онъ не любилъ на нихъ кричать, а тѣмъ болѣе бить ихъ; кромѣ того, они знали, что имъ всегда даютъ, чего имъ захочется; поэтому они вели себя съ моимъ другомъ замѣчательно безцеремонно. Ребенокъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ общемъ, повидимому, точно такъ же понимаетъ послушаніе; оно дается ему очень легко, когда его держатъ въ строгости,—и это въ силу простой ассоціаціи идей.

При помощи стимуловъ любви и симпатіи мы часто можемъ добиться истиннаго желанія добра, подчиненія нравственному закону. Важно не столько побудить къ хорошимъ поступкамъ, сколько вызвать желаніе добра вообще. Къ стремленію угодить своимъ близкимъ должно непосредственно примѣшиваться, насколько это возможно, чувство долга. Первоначально для ребенка добро состоитъ въ удовлетвореніи тѣхъ, кто его любитъ; но послѣдніе могутъ считать себя удовлетворенными лишь тогда, когда имъ удастся внушить дѣйствительную любовь къ добру. Ребенокъ долженъ повиноваться не только потому, что онъ является социальнымъ существомъ, но и въ силу понимаемой имъ по-своему нравственной необходимости. Онъ долженъ знать, что, стараясь доставить удовольствіе своимъ поступкомъ, онъ повинуется требованію долга. Напоминаемъ объ этомъ двойствен-

номъ характерѣ послушанія родителямъ, желающимъ всего добиться однимъ стимуломъ любви.

Подобный образъ дѣйствій ведетъ къ неблагоприятнымъ результатамъ одновременно и для послушанія, и для чувства привязанности. Ребенку расточаются ласки, и вниманіе его, всецѣло поглощенное этими пріятными проявленіями, отвлекается отъ дѣйствія, которое отъ него требуется, отъ его средствъ и мотивовъ. Онъ рѣшается необдуманно, подъ вліяніемъ увлеченія: онъ заранѣе увѣренъ, что результаты будутъ одобрены. Матери, слѣдующія этой системѣ вліянія на чувство, вознаграждаютъ улыбками и ласками эту ласковость и угодливость, не обращая вниманія на качество дѣйствія, на незначительность усилія воли. Ихъ приказанія сводятся къ внушеніямъ, увѣщаніямъ, почти къ просьбамъ. Эти приказанія, обусловленные чувствомъ, не могутъ не находиться въ постоянномъ взаимномъ противорѣчій. Въ случаѣ необходимости потребовать отъ ребенка чего-нибудь, непріятнаго для него, онъ огорчается, встрѣтивъ неповиновеніе, и, оскорбленные въ своихъ чувствахъ, начинаютъ упрекать его въ безчувственности за то, что онъ не обнаруживаетъ послушанія. Эти столкновенія дѣтской свободы и материнской любви неизбѣжно ведутъ къ капризамъ и раздраженію; и, такимъ образомъ, ущербъ, нанесенный авторитету, не вознаграждается даже достиженіемъ добраго согласія.

Ребенокъ, еще въ колыбели, при всей безсознательности, обнаруживающейся въ большинствѣ его дѣйствій, поступаетъ такъ, какъ будто понимаетъ, что онъ можетъ подкупать своей прелестью и командовать своими криками и гримасами. Онъ очень скоро начинаетъ вполне ясно сознавать свое непослушаніе: это видно изъ того, какъ онъ относится ко всѣмъ, кто привыкъ подчиняться его капризамъ. Его привѣтливость скоро исчезаетъ, а послушаніе достигается уже не такъ быстро и не отличается прежней сердеч-

ностью. Онъ третируетъ свысока, какъ низшихъ, всѣхъ, кто имѣлъ слабость обращаться съ нимъ какъ съ равнымъ. Наученный опытомъ своихъ неоднократныхъ побѣдъ надъ авторитетомъ взрослыхъ, онъ требуетъ награды за каждую кажущуюся уступку. Его нельзя обмануть никакими уловками, къ которымъ приходится прибѣгать въ борьбѣ съ его капризами. Онъ снова начинаетъ капризничать и капризничаетъ вволю, какъ бы испытывая, до чего можетъ дойти слабость взрослыхъ, которые, ставъ съ нимъ на товарищескую ногу, кончаютъ тѣмъ, что становятся его игрушкой.

Какое противное зрѣлище представляетъ ребенокъ, еле достигшій полугодового возраста, когда онъ взглядомъ, улыбкой, слезами, криками, топаньемъ ногъ, трясеніемъ головы, упорными отказами и настойчивыми требованіями навязываетъ свою слабую волю всѣмъ членамъ цѣлой семьи! Его дѣйствительныя нужды, его фантазіи, всѣ его представленія о возможномъ становятся предлогомъ для тираническихъ капризовъ. Онъ не можетъ заснуть безъ укачиванія, онъ хочетъ часы своего отца, рубиновую брошку матери, картину со стѣны, уличный газовый фонарь или комнатную люстру; если его безумные взгляды, безсвязные крики, показываніе рукою остаются непонятыми, или если окружающіе не торопятся съ исполненіемъ выражаемыхъ имъ желаній, крики переходятъ въ ревъ, а повелительные жесты—въ судорожныя подергиванія. Что же бываетъ, когда маленькій властелинъ начинаетъ говорить и, такимъ образомъ, получаетъ возможность еще легче выражать свое раздраженіе и свои требованія?

Нѣтъ ничего досаднѣе, какъ это слово «нѣтъ!» настойчиво выговариваемое дѣтскимъ голоскомъ. А слово это ежеминутно, по самымъ разнообразнымъ поводамъ, повторяется непослушнымъ ребенкомъ. Чтобы удовлетворить его, нужно таскать руками горячіе угли изъ огня, глотать, не морщась, кофе,

въ который онъ бросилъ остатки своего десерта, ложиться въ постель послѣ обѣда, чтобы и онъ согласился лечь въ колыбельку, и мало ли что еще,— нужно тысячею самыхъ разнообразныхъ, неожиданныхъ, стѣснительныхъ и обидныхъ для самолюбія способовъ приносить свою собственную свободу въ жертву необузданной волѣ идола всего дома. Приходится, слѣдовательно, мириться съ неизбежностью сценъ раздраженія, гнѣва и жалкаго протеста. Если же воспитатель самъ подъ конецъ потеряетъ терпѣніе, если онъ попытается побороть безграничное упрямство, если захочетъ перекричать маленькаго деспота, если станетъ настаивать, во что бы то ни стало, и даже забудется до того, что ударить ребенка,—какой, въ довершеніе ко всѣмъ другимъ непріятностямъ, позоръ быть побѣжденнымъ въ неравной борьбѣ, уступить ребенку только потому, что воспитатель не сумѣлъ взяться за дѣло, тогда какъ ребенокъ изъ своей привычки къ неповиновенію почерпнулъ средство смирить воспитателя лаской или ненужнымъ раскаяніемъ, предварительно восторжествовавъ надъ нимъ своими безумными выходками! Когда ребенокъ такъ плохо воспитанъ своими, пожелаемъ ему, чтобы природа отнеслась къ нему благопріятнѣе, пожелаемъ ему быть одареннымъ отъ природы запасомъ хорошихъ наклонностей, достаточной прямоюю, любовью и великодушіемъ, въ противовѣсъ губительнымъ послѣдствіямъ воспитанія, способнаго повести лишь къ торжеству всевозможныхъ пороковъ и эгоизма.

III. Вліяніе на ребенка авторитета воспитателя, въ его двойной формѣ—приказанія и запрещенія, достигается прежде всего посредствомъ тона и жестовъ. Первенствующая роль въ этомъ отношеніи принадлежитъ голосу. Онъ производитъ на ребенка такое же дѣйствіе, какъ хлыстъ и поводъ на лошадь при ея дрессировкѣ. Нѣкоторыя интонаціи въ голосѣ, серьезные и увѣренные, но пріятныя сами по себѣ или

просто поощрительныя, въ соединеніи съ свободными, покровительственными движеніями, выражаютъ приказаніе; рѣзкіе, грубые, непріятные звуки голоса, сопровождающіе прекращеніе какихъ-либо дѣйствій, непріятное вмѣшательство,—выражаютъ запрещеніе. Какъ только звукъ голоса начинаетъ вызывать у ребенка переходъ, безъ колебаній, къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ или къ прекращенію ихъ, можно, по желанію, пользоваться этимъ для развитія повиновенія, начиная съ самыхъ простыхъ актовъ до все болѣе и болѣе сложныхъ.

Когда ребенокъ, умственные способности котораго уже получили первоначальное развитіе, можетъ понимать нѣкоторыя изъ нашихъ опредѣленно выраженныхъ показаній и, какъ говорится, наши доводы,—одного авторитетнаго тона достаточно, чтобы повліять на него съ той же силой, какъ и въ первое время. Но тогда, вмѣстѣ съ сознаніемъ собственной слабости и необходимости въ покровительствѣ, онъ понимаетъ также, что голосъ приказывающаго—голосъ друга. Авторитетъ переходитъ съ голоса на самое лицо, и воздѣйствіе на чувство начинаетъ становиться нравственнымъ обязательствомъ. Уваженіе должно итти еще дальше и повести къ признанію авторитета закона, правила, послѣ признанія авторитета лица, установившаго ихъ.

Свобода движеній, не ведущихъ ни къ какой опасности, свобода требованій, вытекающихъ изъ дѣйствительной потребности,—вотъ вся свобода, какую можно допустить въ первомъ періодѣ жизни. Развѣ игрѣ, удовольствіи отъ ласкъ, радостей дѣтской любознательности, восхищенія при первыхъ шагахъ ребенка, изумленія при первыхъ рѣчахъ, наслажденія отъ пользованія всѣми чувствами и всѣми способностями и безсознательной радости жизни недостаточно, чтобы вознаградить, и даже съ избыткомъ, за тѣ многочисленныя преграды, которыя мы должны ставить счастьемъ ребенка, съ цѣлью оградить его

отъ золь, болѣе значительныхъ, чѣмъ временныя лишенія и страданія? Противопоставимъ же нашу просвѣщенную волю его безстрашному, ничего не подозревающему невѣжеству и предоставимъ ему лучше плакать и кричать до утомленія, вмѣсто того, чтобы удовлетворять его незаконныя и опасныя фантазіи. Онъ долженъ рано привыкнуть къ всестороннимъ стѣсненіямъ своей свободы, чтобы научиться самому ограничивать свои желанія. Кромѣ того, наше спокойствіе и самые драгоценные интересы ребенка требуютъ того, чтобы мы неотступно слѣдили за нимъ, держали его въ повиновеніи, и тѣмъ строже, чѣмъ онъ меньше.

Чтобы понимать множество наблюдающихся у ребенка безпорядочныхъ движеній, нужно хорошо помнить, что онъ поступаетъ своей личностью лишь временно, но никогда всецѣло. Очень часто, даже у самыхъ маленькихъ дѣтей, наблюдается какъ бы потребность подчеркнуть свою независимость передъ лицомъ нашей власти. Они испытываютъ какъ бы влеченіе къ запретному плоду, но въ то же время и удовольствіе освобожденія, радость отъ нарушенія правила.

Г-жа Неккеръ-де-Соссюръ очень вѣрно описываетъ такой фактъ, не давая ему, впрочемъ, истиннаго объясненія. «Бываютъ моменты, говоритъ она, когда на ребенка такъ же, какъ и на взрослого человѣка, къ сожалѣнію, находятъ состояніе дикаго опьяненія,—моменты, когда долго подавляемые желанія одерживаютъ верхъ; бываютъ сатурналіи дурныхъ наклонностей. Тогда сцены, жестокость, страданія или униженіе другихъ, безпорядокъ, зло наконецъ, какъ бы доставляютъ удовольствіе душѣ, становятся ея стихіей... Одна маленькая дѣвочка, о которой я уже упоминала, всегда такая кроткая и послушная и, казалось, любившая повиноваться, иногда находила удовольствіе въ открытомъ непослушаніи. Уже въ полуторагодовомъ возрастѣ она обнаруживала двойственную потребность—соблюдать правила и нарушать

ихъ. Оставшись одна съ матерью, которая была больна и не вставала съ постели, она однажды безъ всякаго повода перешла въ открытое возмущеніе. Платья, шляпы, ширмы, разныя рукодѣлья,—словомъ, все, что попадалось ей подъ руку, она стаскивала на полъ и нагромождала посреди комнаты; она пѣла и плясала вокругъ этой кучи съ невыразимой радостью; довольно. неподдѣльный гнѣвъ матери нисколько не останавливалъ ее. Она хорошо сознавала, что это дурно; краска въ лицѣ выдавала мучившія ее угрызенія совѣсти, но она находила удовольствіе въ томъ, чтобы заглушать голосъ совѣсти» ¹⁾.

Правда, что эти приступы возмущенія и бунта могутъ вытекать иногда изъ потребности нарушить состояніе подчиненія и порядка, какъ не согласующееся съ столь ярко выраженной у дѣтей страстью къ разнообразію. Вотъ почему, повторяю я, чтобы заставить ребенка слушаться, недостаточно одного доброжелательнаго отношенія: необходимое условіе дѣтскаго послушанія составляетъ кроткая строгость, и болѣе того,—строгость, чередующаяся съ кротостью. Душевное состояніе, такъ хорошо описанное въ вышеприведенной цитатѣ, часто является просто взрывомъ долго подавляемаго стремленія къ дѣятельности. Не объясняется ли и случай съ дѣвочкой, приведенный г-жею Соссюръ, такого же рода подавленнымъ состояніемъ? Дѣвочка скучала при видѣ больной матери, прикованной къ постели, не могущей забавлять ее, гулять съ нею, и нервы малютки были сильно возбуждены этимъ ненормальнымъ состояніемъ. Дѣти, когда у нихъ прорѣзываются зубы или когда они страдаютъ какимъ-либо другимъ недомоганіемъ, обнаруживаютъ обыкновенно, подъ вліяніемъ неудовлетворенной потребности въ движеніи на чистомъ воздухѣ, такія именно раздражительныя состоянія. Я зналъ одного трехмѣсячнаго ребенка,

¹⁾ Necker de Saussure. L'éducation progressive, т. II, стр. 205. (Неккеръ - де - Соссюръ. Постепенное воспитаніе. М., 1860).

который всегда проявлялъ угрюмость и раздражительность по вечерамъ и на слѣдующій день, послѣ того какъ его не могли вынести на прогулку. Но въ возрастѣ десяти мѣсяцевъ онъ бывалъ невыносимъ: брюзжалъ, плакалъ, капризничалъ послѣ такихъ случайныхъ нарушеній его режима, лишившихъ его здороваго и пріятнаго упражненія, т. е. соединенныхъ съ двойнымъ лишеніемъ,—физическаго и нравственнаго характера. Такимъ образомъ, причины этихъ дѣтскихъ возмущеній не всегда лежатъ въ прирожденной потребности дѣтей въ свободѣ. Такія возмущенія должны часто встрѣчаться у дѣтей, которыхъ воспитываютъ или слишкомъ интенсивно, или слишкомъ слабо, а также у больныхъ дѣтей.

IV. Воспитатель долженъ самъ серьезно относиться къ своему авторитету, если желаетъ заставить уважать его. «Пусть товарищемъ въ игрѣ всегда, гдѣ нужно, выступаетъ мать». Самый большой вредъ, какой можно принести ребенку, это—кромѣ вступанія въ переговоры съ нимъ—подшучиваніе надъ его будущими дѣйствіями или надъ тѣмъ настроеніемъ, съ которымъ ребенокъ приступаетъ къ дѣйствию. Онъ и такъ слишкомъ склоненъ пользоваться нашей снисходительностью и даже шутками, чтобы вводить насъ въ заблужденіе относительно своихъ ошибокъ, обезоруживать наше сопротивленіе и избѣгать наказанія. Мы не должны ни примѣромъ, ни соучастіемъ побуждать его къ этому.

Двоюродный братъ одного трехлѣтняго мальчика, слишкомъ снисходительно относившійся къ нему, присутствовалъ при его отходѣ ко сну. Это—всегда торжественный моментъ, когда ребенка неожиданно будятъ и заставляютъ обойти всю собравшуюся въ кружокъ семью съ поцѣлуями и пожеланіями покойной ночи. Въ данномъ случаѣ, кромѣ того, усталость предрасполагала ребенка къ тому, что называется упорствомъ лѣни. Когда онъ подходилъ къ двоюродному брату, тотъ сказалъ ему: «Покойной ночи, су-

дарь»; ребенокъ тотчасъ же повернулъ назадъ, считая, что исполнилъ свою обязанность; шутливо повторивъ эту фразу. Мать приказала ему подойти поцѣловать двоюроднаго брата. «Покойной ночи, сударь», повторилъ ребенокъ и сдѣлалъ видъ, что направляется къ лѣстницѣ. Матери не хотѣлось оставить за нимъ послѣднее слово, такъ какъ онъ при первомъ же случаѣ сталъ бы хвастаться этимъ. Она быстро вернула его и подвела къ брату; ребенокъ поцѣловалъ его, правда, безъ особеннаго жара, сказавъ: «Покойной ночи, кузень Леонъ», но только послѣ новаго настоянія матери и короткаго выговора отца. Это одинъ изъ тысячи примѣровъ того, какъ опасно шутить съ маленькими дѣтьми относительно серьезныхъ вещей, и въ особенности, когда дѣло касается повиновенія и соблюденія приличій. Шутливая болтовня должна носить характеръ снисходительности, но никакъ не отказа отъ авторитета. Нравственный законъ олицетворяется для ребенка сначала въ его родителяхъ, а затѣмъ во всѣхъ, кто приходитъ въ частое соприкосновеніе съ нимъ; поэтому родители, желающіе видѣть своего ребенка послушнымъ и исправнымъ, должны требовать соотвѣтственнаго образа дѣйствій отъ окружающихъ его. Когда имъ приходится дѣлать заслуженный упрекъ или строгое замѣчаніе, они не должны допускать, чтобы кто-нибудь изъ присутствующихъ, подъ предлогомъ развлечь ребенка въ его огорченіи, пытался забавлять его жести, словами, улыбками или сочувственными взглядами. При такихъ обстоятельствахъ, непріятныхъ для его самолюбія, ребенокъ склоненъ немедленно ухватиться за предлагаемую ему, хотя бы нѣмую, поддержку, онъ быстро угадываетъ покровителя или защитника въ человѣкѣ, который смотритъ на него, ничего не говоря. Оцѣнивая вещи не по внутреннему достоинству, а лишь по сопровождающимъ ихъ чисто внѣшнимъ обстоятельствамъ, онъ слишкомъ склоненъ преувеличивать свои проступки; онъ соизмѣряетъ ихъ

съ огорченіемъ, которое они, повидимому, причинили тѣмъ, чье уваженіе ему необходимо, какъ синонимъ любви. Мой племянникъ однажды солгалъ, и когда мать вела его къ погребу, чтобы запереть тамъ, онъ сказалъ: «Но, мама, я слишкомъ мало буду наказанъ за такой большой проступокъ?» Если бы въ то время кто-нибудь присутствовалъ при этомъ и по опрометчивости или изъ любезности сталъ бы смѣяться или заговорилъ бы о снисхожденіи, мой племянникъ, вмѣсто того, чтобы получить нравственный урокъ, получилъ бы урокъ безнравственности.

Но не будемъ вдаваться и въ противоположную крайность, не станемъ серьезничать некстати или болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Вовсе не необходимо постоянно имѣть важный видъ и отказывать себѣ въ удовольствіи раздѣлять радости этихъ маленькихъ существъ, имѣющія для насъ столько прелести; нужно только умѣть, въ случаѣ надобности, положить этому конецъ и дать почувствовать дѣтямъ, что, играя съ ними, вы не нисходите на степень товарища, и что когда дѣло не касается совмѣстной игры, и одной сторонѣ придется приказывать, а другой — повиноваться, вы снова становитесь въ положеніе авторитета, требующаго повиновенія. Слѣдуетъ держаться на стражѣ и при случаѣ умѣть остановить дѣтей своей холодностью. Они уже способны чувствовать всю неловкость некстати затѣянной шутки ¹⁾. Къ этому они способны даже въ возрастѣ пятнадцати мѣсяцевъ.

V. Авторитетъ долженъ умѣть иногда ступаться. При тѣсномъ общеніи родителей съ дѣтьми устанавливается естественное соотношеніе между слабостью однихъ и немощностью другихъ. Нравственное воспитаніе часто можетъ извлекать пользу изъ этой столь извинительной слабости при условіи, что желанія и фантазіи дѣтей будутъ ограничиваться разу-

¹⁾ Martin A. L'éducation du caractère, стр. 257.

момъ. Бываютъ случаи, съ возрастомъ все менѣе и менѣе многочисленные, когда авторитетъ долженъ проявляться рѣшительно и настойчиво. Если приходится имѣть дѣло съ злостью, эгоизмомъ, жестокостью, упрямствомъ, разумъ долженъ вооружиться твердостью и сурово обуздывать проявленія даже малѣйшей видимости проступка. Но какое неудобство можетъ получиться, если мы сдѣлаемъ уступку обыкновеннымъ фантазіямъ ребенка и покажемъ ему, «что болѣе смиренная просьба, болѣе мягкое выраженіе, болѣе нѣжная ласка съ его стороны—вызвали желаніе сдѣлать для него нѣсколько больше, чѣмъ предполагалось сначала?» ¹⁾. По мнѣнію Руссо, всѣ отказы (такъ же, какъ и всѣ приказанія) никогда не должны отмѣняться. Бываетъ много случаевъ, когда ребенокъ долженъ видѣть въ нашей снисходительности достаточный поводъ для уступки его сначала неодобрительно встрѣченному желанію и для отмѣны уже даннаго распоряженія. Мы дадимъ ему даже прекрасный примѣръ, заявивъ, что нашли разумный поводъ отмѣнить наши приказанія и взять назадъ наши запрещенія. Такимъ пріемомъ можно пользоваться уже съ ребенкомъ двухъ-трехъ лѣтъ.

Уваженіе къ авторитету воспитателя тѣсно связано съ уваженіемъ свободы ребенка. Въ этомъ состоитъ средній выходъ изъ двухъ одинаково плохихъ системъ воспитанія—излишней слабости и излишней строгости. Излишекъ руководства, пожалуй, даже хуже недостаточности его. Такого рода манія вытекаетъ иногда изъ похвальныхъ намѣреній. Для совсѣмъ маленькаго и даже для болѣе взрослаго ребенка наша воля замѣняетъ и опытность, и здравый смыслъ, которыми они не обладаютъ: но плохо забывать, что опытность составляетъ прежде всего личное пріобрѣтеніе. Мы должны давать ребенку возможность пользоваться нашей опытностью, но не мѣшать ему день

¹⁾ M-me Guizot. Lettres sur l'éducation, VII, VIII и IX, passim.

ото дня пріобрѣтать и свою собственную. Правильность нашихъ дѣйствій, наша аккуратность, наша предусмотрительность, наша бдительность скорѣе, чѣмъ наши приказанія, могутъ способствовать образованію у ребенка привычекъ, которыя часто будутъ для него гораздо лучшими руководителями, чѣмъ мы сами. Настойчиво, а иногда силою прививая ему необходимыя привычки, мы не должны забывать, что задача наша состоитъ въ томъ, чтобы доставить ему орудіе, могущее способствовать образованію новыхъ привычекъ, то-есть создать ему волю.

VII. Нехорошо слишкомъ много руководить ребенкомъ. Но большинство родителей думаютъ, что послушаніе имѣетъ исключительной цѣлью побудить ребенка дѣлать по рутинѣ или по свободному выбору то, что, согласно ихъ указанію, является наилучшимъ. По ихъ мнѣнію, дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы образовать у ребенка волю, а въ томъ, чтобы подчинить себѣ или уничтожить волю, уже существующую у него. Развѣ они сами не олицетворяютъ для него и разумъ, и нравственный законъ? Увы! Слишкомъ даже. Энергичные или мягкіе, всѣ они нѣсколько любятъ власть, одни абсолютную, другіе конституціонную, иные даже анархическую. Такимъ образомъ любовь и власть воспитателя приказываютъ, запрещаютъ каждая по-своему, но та и другая съ избыткомъ. Родители, слабые воспитатели, всего болѣе злоупотребляютъ приказаніями и запрещеніями, правда, поочередно прибѣгая то къ насилію, то къ попустительству. Будемъ же пользоваться авторитетомъ съ умомъ и чувствомъ мѣры. Пусть наши приказанія будутъ ясны, согласованы съ умственными способностями и силами ребенка, пусть они будутъ разумны; будемъ предписывать ребенку только такія дѣйствія, къ которымъ можемъ его принудить, и запрещать лишь то, чему мы можемъ помѣшать; не станемъ отдавать слишкомъ много приказаній и запрещеній; этимъ мы

обрѣтемъ двойную выгоду—будемъ лучше поняты и останемся вѣрны самимъ себѣ,—а кромѣ того избѣжимъ опасности быть смѣшными и, согласно фѣдкой аллегоріи Ж. П. Рихтера, опасности противопоставить всѣмъ нашимъ приказаніямъ контръ-приказанія.

VIII. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ жизни ребенокъ повинуетъ изъ уваженія, симпатіи, по привычкѣ, но онъ не обдумываетъ своего послушанія. Онъ плохо понимаетъ объясненія нашихъ приказаній и нашихъ запрещеній. Не разсуждая съ нимъ, его приводятъ къ слѣпому послушанію, внушая послѣднее лаской, жестомъ, взглядомъ. Но какъ только ребенокъ начинаетъ говорить, можно и должно сдѣлать на немъ первые опыты дисциплины посредствомъ убѣжденія. Съ этого момента сужденія его начинаютъ прилагаться къ его повседневному опыту. Безсознательно онъ обсуждаетъ наши приказанія и наши запрещенія подобно тому, какъ мы квалифицируемъ и судимъ его поступки. Къ послушанію перваго времени, чисто машинальному и безусловному, присоединяется добровольное послушаніе или сознательное подчиненіе болѣе разумной и лучшей волѣ. Въ насъ основаніе для него всѣхъ его поступковъ; онъ оцѣниваетъ ихъ только сообразно съ нашимъ мнѣніемъ, онъ требуетъ для нихъ этой верховной санкціи. Если мы упрекаемъ его въ небрежности или неловкости, онъ говоритъ, что думалъ, что поступаетъ хорошо; если ему придется немного промедлить съ оказаніемъ послушанія, онъ тотчасъ же пытается доказать намъ, что не могъ поступить иначе. Съ этого времени мы можемъ разсуждать съ нимъ и даже оспаривать достоинство его поступковъ, но лишь послѣ того, какъ онъ уже совершилъ ихъ, притомъ съ чрезвычайной осторожностью и въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Было бы очень неблагоприятно съ нашей стороны, если бы мы вздумали, еще до совершенія поступка, воспользоваться этими объясненіями, какъ мотивами для требованія послушанія.

На первых порах послушаніе плохо выносить отсрочку. Ребенокъ не обладаетъ достаточной послѣдовательностью и устойчивостью мышленія, чтобы ему можно было безопасно дозволить производить выборъ, когда дѣло идетъ объ исполненіи приказаній. Съ одной стороны, его слабой волѣ трудно устоять противъ побужденій эмоциональной сферы, которая становится еще настойчивѣе, благодаря данной имъ отсрочкѣ; съ другой стороны, они вліяютъ на его молодой умъ, который тотчасъ же превращаетъ ихъ въ доводы, противоположные нашимъ; и, такимъ образомъ, послушаніе страдаетъ вдвойнѣ.

Авторитетъ воспитателя не могъ бы долго противостоять привычкѣ заранѣе обсуждать поступки. Эта привычка ведетъ для ребенка, въ большей или меньшей степени, къ привычкѣ оспаривать доводы родителей. Указывать на мотивы, это значить предвидѣть и вызывать возраженія. Человѣческіе законы, въ обращеніи къ народу,—своего рода ребенку, находящемуся подъ опекой,—не объясняютъ своихъ мотивовъ: они ограничиваются точнымъ опредѣленіемъ требованій и санкціи. Правитель, который допустилъ бы своихъ подданныхъ къ оспариванію уже установленнаго правила закона, тѣмъ самымъ даровалъ бы имъ право медлить съ исполненіемъ нравственныхъ обязательствъ, лукавить съ властью, игнорировать ее и насмѣхаться надъ нею. Именно такъ поступаетъ часто ребенокъ, когда къ нему обращаются какъ къ разумному существу. Одна мать, нѣсколько слабая къ своему младшему сынишкѣ двухъ лѣтъ, приказала ему отнести газету отцу, находившемуся въ глубинѣ сада; ребенокъ, отвлеченный какимъ-то пріятнымъ дѣломъ, поспѣшилъ возразить: «Мама, ты хочешь, чтобы я усталъ?».

Мать Поллака сообщила мнѣ аналогичный отвѣтъ своей внучки; она запретила ей что-то, и дѣвочка не торопилась повиноваться. «Когда я говорю: я хочу, значить, я хочу», сказала бабушка, «ты знаешь меня». И дѣвочка тотчасъ же возразила на это: «Да нѣтъ же,

я тебя совсѣмъ не знаю». Такіе отвѣты даются иногда такъ мило, такимъ дружелюбнымъ тономъ, и безъ малѣйшаго упрямства! Но было бы ошибочно съ нашей стороны разсмѣяться въ отвѣтъ, и ошибочно вдвойнѣ: ребенокъ увидѣлъ бы въ этомъ неуваженіе съ нашей стороны къ нашему же собственному авторитету, и это лишь благопріятствовало бы привычкѣ возражать намъ и затѣвать вздорные споры съ другими. Нашъ авторитетъ можетъ допускать снисходительность, но не слабость; онъ не подлежитъ ни оспариванію, ни недовѣрію.

Впрочемъ, дѣло здраваго смысла родителей—рѣшить, насколько они могутъ допускать свободу разсужденія, смотря по возрасту, характеру и умственному развитію каждаго ребенка. Вообще же, даже имѣя дѣло съ трехлѣтнимъ ребенкомъ, всего лучше говорить: «Сдѣлай то-то», «нужно сдѣлать то-то», но «не нужно дѣлать того-то потому-то». Доводы въ пользу необходимости дѣйствія не имѣютъ никакого значенія, если не возбуждено желаніе дѣйствовать. При случаѣ, прелесть новизны можетъ вызвать интересъ къ уроку морали по поводу какого-нибудь будущаго дѣйствія; но, по пословицѣ, «собака лаетъ, вѣтеръ носить». Напримѣръ, маленькій Тидеманъ, спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ его хорошенько отчитали за кражу сахара, попался въ кражѣ варенья. Мой племянникъ Шарль бросился бить кошку тотчасъ же послѣ того, какъ я ему прочелъ нотацию относительно безобразія такихъ поступковъ.

Отъ здраваго смысла родителей зависитъ также умѣніе своевременно воспользоваться общими правилами для обезпеченія, не скажу—нравственности, но послушанія дѣтей нѣсколько постарше. Иногда, при помощи обсужденія какихъ-нибудь отдѣльныхъ поступковъ, удается привести ребенка четырехъ-пяти лѣтъ къ общей идеѣ необходимости хорошо поступать. Такимъ путемъ подготавливается преобладаніе ума для дальнѣйшаго періода, когда нравственное воспитаніе

должно основываться одновременно и на правилахъ и на внѣшней дисциплинѣ. Но очень мало можно разсчитывать на то, что ребенокъ станетъ скоро и часто повиноваться общимъ правиламъ и субъективнымъ законамъ. «Вашъ дядя особенно потѣшаетъ меня, говорить героиня педагогическаго романа г-жи Гизо, когда, въ дни хорошаго расположенія духа, принимается заниматься воспитаніемъ, доказывая, напримѣръ, Софи, что ей не слѣдуетъ сердиться, потому что кротость составляетъ достоинство женщины, или пытаюсь помѣшать Луизѣ выбросить куклу за окно—разсужденіями о вредѣ расточительности» ¹⁾. Не пренебрегая общими правилами и помогая ребенку извлекать ихъ изъ собственнаго опыта, намъ слѣдуетъ опираться только на частные мотивы. Такъ нѣтъ лучшаго средства побудить ребенка къ тому, чтобы онъ далъ себѣ измѣрить температуру или вообще расположить его къ покорности, какъ напомнимъ ему о недавно испытанныхъ имъ боляхъ или о послѣднемъ понесенномъ наказаніи. Но нужно сдѣлать это такъ, чтобы произвести на ребенка сильное впечатлѣніе, потому что одного воспоминанія о страданіи недостаточно, чтобы убѣдить его въ необходимости благоразумія.

IX. Резюмируемъ наши совѣты, относящіеся къ послушанію.

Въ нашихъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ ребенкомъ, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ его привычки по отношенію къ предметамъ, животнымъ и людямъ,—будемъ постоянны, въ противовѣсъ импульсивности его характера, побуждающей его мѣнять привычки съ измѣненіемъ среды; будемъ настойчивы, чтобы держать его въ благотворной зависимости, составляющей условіе всякаго прогресса и всякаго счастья, будемъ терпѣливы, потому что у него нѣтъ сознанія добра и зла совершаемыхъ имъ поступковъ и потому что наши собственныя дѣйствія законны или

¹⁾ M-me Guizot. Lettres sur l'éducation, т. I, стр. 34.

незаконны лишь въ зависимости отъ условій или соціальной необходимости, о которыхъ онъ не можетъ имѣть никакого понятія; постараемся формировать постепенно его механическія привычки и его безсознательную волю, отстаивая съ мягкой настойчивостью разъ выраженныя нами желанія и стремясь согласовать съ нашими предписаніями поведеніе и распоряженія лицъ, допущенныхъ нами къ общенію съ ребенкомъ; не станемъ заранѣе обсуждать поступки, но, разъ дѣйствіе уже совершено, будемъ напоминать иногда о его послѣдствіяхъ, чтобы ассоціировать ихъ въ умъ ребенка съ мыслью о дѣйствіи и, такимъ образомъ, подготовить мотивы, могущіе руководить имъ безъ нашего вмѣшательства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Средства къ упроченію послушанія и нравственности. Дисциплина пріятныхъ послѣдствій.

I. О дисциплинѣ естественныхъ послѣдствій. — II. Пріятныя послѣдствія. — Соревнованіе. — Личное соревнованіе или сравненіе себя съ самимъ собою. — Сравненіе себя съ другими. — III. Различные стимулы соревнованія, въ свою очередь становящіяся предметомъ стремленій и зависти. — Похвала. — IV. Могутъ ли сами ученики выражать публично похвалу и порицаніе? — V. Почетныя отличія и награды. — VI. Привязанность, какъ стимулъ соревнованія. — VII. Матеріальныя награды. — VIII. Солидарность въ дѣлѣ санкціонированія поступковъ.

I. Естественныя послѣдствія нашихъ поступковъ, — это тѣ послѣдствія, которыя возникаютъ въ результатѣ этихъ поступковъ безъ непосредственнаго вмѣшательства нашихъ ближнихъ. Они бываютъ двухъ видовъ: физическіе, какъ боль, вызываемая прикосновеніемъ къ горячему или колючему предмету, и моральные, какъ угрызения совѣсти вслѣдствіе дурныхъ поступковъ, какъ сожалѣніе объ огорченіи, причиненномъ любимому или уважаемому человѣку. Изъ естественныхъ

эти послѣдствія становятся искусственными, когда наши ближніе вмѣшиваются съ цѣлю упрочить или продлить ихъ дѣйствіе, если они физическаго порядка, или чтобы подчеркнуть и увеличить силу ихъ, если они порядка нравственнаго. Послѣдствія бываютъ пріятныя и непріятныя: первыя ассоціируютъ мысль объ удовольствіи съ выполніемъ извѣстныхъ дѣйствій и такимъ образомъ побуждаютъ насъ къ повторенію этихъ дѣйствій, вторыя удерживаютъ насъ отъ опредѣленныхъ поступковъ, потому что ихъ выполнение обыкновенно влечетъ за собою страданіе. Займемся сначала послѣдствіями пріятными.

II. Первое мѣсто занимаютъ удовольствія отъ успѣшнаго соревнованія, въ которыхъ соединяются, съ одной стороны, различныя пріятныя стороны дѣйствія, съ другой стороны—чувство удовлетвореннаго самолюбія. Соревнованіе—прежде всего желаніе сдѣлать хорошо, такъ же хорошо, какъ другіе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—въ зависимости отъ характера и примѣровъ,—сдѣлать лучше, чѣмъ другіе. Въ общемъ, существеннымъ элементомъ его является удовольствіе отъ успѣха, одобренія.

Соревнованіе и, если угодно, подражаніе взрослымъ служить главнѣйшимъ стимуломъ. Его было бы почти достаточно для воспитанія ребенка, растущаго одиноко. Здѣсь нѣтъ соперничества, нѣтъ излишняго возбужденія и оскорбленія самолюбія; въ этомъ случаѣ соревнованіе направлено на качество, совершенство, достоинство дѣйствія, оставляя личность въ сторонѣ; здѣсь налицо также желаніе сдѣлать хорошо, но не лучше другихъ; успѣхъ возвышаетъ ребенка въ его собственныхъ глазахъ, а неуспѣхъ можетъ унижить его только по сравненію съ нимъ самимъ. Всѣ недостатки совмѣстнаго воспитанія могутъ встрѣтиться и при воспитаніи одиноко растущаго ребенка; но соревнованіе между нѣсколькими дѣтьми будетъ тѣмъ болѣе дѣйствительнымъ и достигающимъ цѣли, чѣмъ болѣе оно будетъ приближаться къ полезному по-

дражанію ребенка своимъ родителямъ или вообще взрослымъ.

Руссо и его ученикъ Кантъ, слишкомъ ужъ нетерпимые, считаютъ нежелательнымъ, чтобы ребенокъ производилъ самооцѣнку, сравнивая себя съ другими. У Эмиля нѣтъ соперниковъ, за исключеніемъ одного или двухъ случаевъ, когда дѣло идетъ, на примѣръ, о томъ, чтобы выиграть пирожное въ бѣгѣ на перегонки ¹⁾; онъ можетъ сравнивать себя только съ самимъ собою: какіе успѣхи сдѣлалъ онъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, въ теченіе года? ²⁾ Нелѣпо,—говорить Кантъ,—желать, чтобы ребенокъ ставилъ себя выше или ниже другихъ.—«Видишь, какъ ведетъ себя этотъ ребенокъ?» и т. д.—Такіе разговоры съ дѣтьми не могутъ служить средствомъ возбужденія у нихъ благородныхъ чувствъ ³⁾. По Руссо и Канту, ребенокъ долженъ производить самооцѣнку своимъ умомъ, основываясь на собственномъ опытѣ, на знаніи самого себя. Желательно, на самомъ дѣлѣ, чтобы происходило именно такъ, только бы ребенку въ этомъ помогали. Даже для взрослого крайне полезно спросить себя, какимъ онъ былъ годъ тому назадъ и какимъ онъ является сегодня въ отношеніи умственного и нравственного развитія. Это имѣетъ такое же, если не большее значеніе, какъ подсчитываніе своихъ прибылей и убытковъ въ концѣ года. Но, повторяемъ, нуженъ идеальный умъ, чтобы производить такую сравнительную оцѣнку самого себя. Въ раннемъ возрастѣ область такихъ сужденій очень ограничена, въ соотвѣтствіи съ силами и способностями ребенка: вообще же намъ слѣдовало бы указывать ему въ видѣ матеріала для этого на его собственные наиболѣе значительные поступки.

Въ иныхъ случаяхъ предметомъ для сравненія

¹⁾ Эмиль, книга II

²⁾ Ibid., книга III.

³⁾ Kant. *Traité de pédagogie*, изд. R. Thamin, стр. 109. (Кантъ. О педагогикѣ, М. 1896).

могутъ служить слабости ребенка. Вы поставили ему въ заслугу его искренность, терпѣливость, его смѣлость и честность (если это слово не будетъ слишкомъ громкимъ въ отношеніи ребенка двухъ или трехъ лѣтъ), его уваженіе къ чужой собственности; это сознаніе своихъ заслугъ скорѣе увеличитъ то хорошее мнѣніе о самомъ себѣ, которое онъ долженъ имѣть, и болѣе укрѣпитъ въ немъ чувство долга, чѣмъ если бы вы сказали ему:—«Другъ мой, я не ожидаю этого отъ тебя», въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствуетъ несогласно съ этими хорошими привычками. Такимъ же образомъ можно говорить съ нимъ въ случаяхъ слишкомъ медленнаго выполненія имъ своихъ несложныхъ обязанностей или требующихся отъ него услугъ, или же когда онъ нарушилъ чѣмъ-либо волю своихъ родителей въ ихъ отсутствіи.

Общіе принципы и объектъ соревнованія доставляютъ ему взрослые. Отъ нихъ ребенокъ узнаетъ, что хорошо; подражая имъ, онъ старается поступать такъ, чтобы заслужить ихъ похвалу. Онъ старается возможно лучше дѣлать то, что, повидимому, имъ нравится. Отъ нихъ же онъ ждетъ оцѣнки поступковъ своихъ братьевъ или своихъ товарищей.

III. Одобреніе выражается во внѣшнихъ проявленіяхъ, которыя, въ свою очередь, становятся объектомъ стремленій и стимуломъ къ дѣйствіямъ и соревнованію. Ихъ стараются заслужить, въ нихъ завидуютъ другимъ; отсутствіе ихъ вызываетъ страданіе; можно страдать, видя, что одобреніе расточается другому. Такими послѣдствіями соціального характера, такими наградами за наши поступки, получающими значеніе стимуловъ и цѣлей, являются похвалы, отличія, признаки расположенія, подарки, разрѣшеніе удовольствій или предоставленіе свободы дѣйствій. Всѣ эти двигатели, обладающіе неравною цѣнностью, оказываютъ свое полезное вліяніе при условіи, что воспитатель умѣетъ примѣнять ихъ справедливо, во-время и съ чувствомъ мѣры.

Простое и непосредственное одобреніе, выражаемое словами, движеніемъ головы, улыбкой, въ общемъ является вполне достаточной наградой. Оно тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ большимъ авторитетомъ пользуется воспитатель у своего воспитанника или воспитанниковъ. Въ важныхъ случаяхъ, когда поступокъ, вызвавшій одобреніе, живо интересуеъ его виновника или его свидѣтелей, одобреніе выражается болѣе живымъ проявленіемъ удовольствія, болѣе усиленными похвалами.

Хорошій воспитатель долженъ быть ни слишкомъ щедръ, ни слишкомъ скупъ на похвалы. Онъ олицетворяетъ совѣсть своего воспитанника, который уважаетъ себя постольку, поскольку уваженіе ему оказывается. Онъ старается не оскорбить какъ-нибудь врожденное или, по крайней мѣрѣ, рано проявившееся у ребенка чувство справедливаго воздаянія по заслугамъ; онъ хвалить не только за успѣхъ, какъ я уже говорилъ, но и за стремленіе, часто—за одно доброе намѣреніе. Онъ остерегается ставить кого-либо въ примѣръ его братьямъ или товарищамъ; но онъ хвалить его такимъ образомъ, что отношеніе его передается даже наиболѣе завистливымъ. Онъ старается поставить на видъ, что успѣхъ менѣе зависитъ отъ природныхъ качествъ, чѣмъ отъ настойчиваго и правильнаго ихъ примѣненія. Однихъ онъ хвалить не за достигнутый ими успѣхъ, но за то, что при исключительныхъ обстоятельствахъ они поступали или привыкли поступать такъ, какъ надлежитъ; другихъ онъ не станетъ бранить за ихъ неудачи, но скорѣе пожалѣетъ о томъ, что они не сумѣли использовать своихъ природныхъ способностей, что они провинились и провинились больше всего—недостаткомъ воли. Въ этомъ отношеніи онъ послѣдуетъ мудрымъ совѣтамъ Жакобъ. Точно такъ же хорошій воспитатель не станетъ возбуждать или обезкураживать дѣтскаго самолюбія, помня прекрасный совѣтъ г-жи Гизо: «Сравненію противопоставляйте сравненіе; пусть ребенокъ, который хвастается тѣмъ, что бѣгаетъ скорѣе другого, сейчасъ же услы-

шить, что онъ прыгаетъ хуже третьяго. Вмѣсто мелкаго тщеславія, получающаго удовлетвореніе отъ обращенія назадъ,—возбуждайте соревнованіе въ движеніи впередъ» ¹⁾).

Похвалы, расточаемыя осторожно и равномерно, являются самыми тонкими и драгоценными наградами. Ихъ однихъ можетъ быть достаточно даже при совмѣстномъ воспитаніи. Компейрэ, считающій, что преимущество соревнованія важнѣе его отрицательныхъ сторонъ, и высказывающійся за школьныя награды и знаки отличія, тѣмъ не менѣе находитъ, что въ хорошемъ классѣ, при наличности любимаго и уважаемаго учителя, «награды могутъ свестись къ словамъ похвалы» ¹⁾.—Тѣмъ болѣе это правило примѣнимо въ семьѣ. Сказанное нами примѣнимо, кромѣ того, и къ воспитанію дѣтей ранняго возраста, такъ какъ у насъ такія дѣти ходятъ въ школу. Въ похвалахъ, которыя наставникъ высказываетъ наиболѣе достойнымъ, такъ же, какъ и въ порицаніяхъ, онъ обращается къ коллективной совѣсти класса и говоритъ какъ бы отъ имени этого послѣдняго.—«Онъ только направляетъ мнѣніе коллектива, съ которымъ никогда не долженъ находиться въ несогласіи; частное свое мнѣніе онъ всегда долженъ выражать частнымъ образомъ. Мнѣніе класса во всей своей силѣ есть согласіе головы съ остальными членами тѣла, учителя—съ учениками» ²⁾).

IV. Стоитъ ли говорить, что ни въ какомъ случаѣ, въ особенности, когда дѣло касается маленькихъ дѣтей, сужденіе этихъ маленькихъ существъ не должно оказывать давленія на наставника или хотя бы уравнивать его мнѣніе? Можно ли допускать публичное выраженіе похвалы или порицаніе устами самихъ воспитанниковъ?

¹⁾ Цитиров. соч., т. II, XIX, стр. 202.

²⁾ Compaugé. Cours de pédagogie, стр. 438.

³⁾ Ibid., отчетъ, цитируемый Компейрэ, стр. 439.

Не одинъ изъ извѣстныхъ педагоговъ высказы-
вался за то, чтобы предоставить самимъ дѣтямъ заботу
о правосудіи награждающемъ и наказующемъ. Между
прочимъ аббатъ де-Сенъ-Пьеръ находилъ желатель-
нымъ существованіе жюри, избраннаго изъ ровесни-
ковъ провинившагося и состоящаго подъ предсѣла-
тельствомъ учителя, которое бы рѣшало вопросъ объ
исключительныхъ наказаніяхъ. Онъ предоставлялъ
также ученикамъ право распредѣленія почетныхъ на-
градъ. Гольдсмитъ также находилъ, что лучшими
судьями надъ ребенкомъ будутъ его ровесники.
Г-жа Мэри Кодвинъ видѣла въ этомъ приѣмѣ
средство глубоко заложить въ дѣтскихъ сердцахъ
принципы справедливости. Въ свою очередь Берра,
извѣстный педагогъ Буэносъ-Айреса, превозноситъ си-
стему школьной юрисдикціи, уже примѣненной, благо-
даря ему, въ Уругваѣ подъ именемъ школьнаго
вердикта. Система эта состоитъ въ замѣнѣ раз-
дачи наградъ преуспѣвающимъ ученикамъ простымъ
оглашеніемъ ихъ именъ по указанію жюри, составлен-
наго изъ экзаменаторовъ, учителей и учениковъ. Это—
всеобщее голосованіе въ школѣ.

Можно предвидѣть нѣкоторыя серьезныя возра-
женія противъ введенія въ школу выборнаго инсти-
тута. Полезно ли внесеніе въ школу элемента обще-
ственной санкціи? Будетъ ли нравственнымъ поощрять
аристократическій принципъ дѣленія на разряды и
возбуждать честолюбіе на почвѣ сравнительной
успѣшности? Могутъ ли дѣти быть дѣйствительно
просвѣщенными и безпристрастными судьями? Мо-
гутъ ли они считаться съ разнообразіемъ факторовъ
поступка, или даже понять абсолютную цѣнность
умственнаго и нравственнаго достоинства? Можно ли
придавать одинаковое значеніе сужденію ребенка и
взрослаго? Во всякомъ случаѣ Берра отвѣчаетъ: да—
на основаніи опыта. — «Что дѣти способны дѣйстви-
тельно сознательно и независимо, это хорошо доказано не-
однократнымъ совпаденіемъ ихъ сужденій съ мнѣніями

учителей и экзаменаторовъ». Если бы было такъ, то, какъ онъ говорить, всѣ преимущества оказались бы на сторонѣ системы, приучающей ребенка публично высказывать свое мнѣніе, дѣйствовать независимо, придавать высокое нравственное значеніе самымъ важнымъ обязанностямъ современнаго гражданина. Тѣмъ не менѣе у меня сохранилось бы нѣкоторое недовѣріе къ системѣ почетныхъ отличій въ школѣ: я былъ бы огорченъ, если бы, по упраздненіи школьныхъ премій, онѣ возродились въ другой формѣ.

Впрочемъ, фактъ, о которомъ свидѣтельствуетъ Берра, нуждается въ подтвержденіи новыми опытами. До сихъ поръ намъ приходилось приводить только факты, не говорящіе ни за, ни противъ законности существованія выборнаго школьнаго института. Вотъ, между прочимъ, два примѣра, пришедшіе намъ на память. Въ одномъ пансіонѣ для мальчиковъ была установлена премія за благонравіе, присужденная большинствомъ голосовъ. Сначала все шло вполне хорошо; но вскорѣ происки, подкупъ, запугиваніе, продажность,—однимъ словомъ, вся испорченность избирательныхъ нравовъ установилась здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Опыта не продолжали, и, съ точки зрѣнія педагогическаго прогресса, объ этомъ можно пожалѣть. Мы хорошо знаемъ, что система всеобщаго голосованія поддается воспитательному вліянію.

Второй случай произошелъ въ одномъ отличномъ пансіонѣ для дѣвицъ. Дѣвочки должны были выбрать изъ своей среды двухъ самыхъ благонравныхъ для врученія префекту суммы, собранной въ пользу раненыхъ: такіе два образца благонравія и были направлены къ этому высокому лицу. Однако въ послѣдствіи открылось, что одна маленькая честолюбивца покусилась на своеобразный подкупъ всеобщаго голосованія: она написала тайкомъ нѣсколькимъ изъ своихъ подругъ, обѣщая имъ подарки за ихъ голоса въ ея пользу. Избирательницы оказались неподкупными. При-

мемъ пока мнѣніе Берра, не отказываясь, однако, отъ нашихъ скромныхъ оговорокъ относительно нравственнаго вліянія почета, какъ побудительнаго средства.

V. Что касается соревнованія,—не ради самой чести, но ради почетныхъ отличій,—я настаиваю на своемъ мнѣніи, что само по себѣ оно нехорошо ни для взрослыхъ, ни для дѣтей. Мнѣ кажется, что наша демократія немного имъ злоупотребляетъ: не существуетъ ни одной заслуги въ области научной, артистической, дипломатической, промышленной, сельскохозяйственной, которая не была бы объектомъ конкурса или преміи. Раздача наградъ перешла отъ іезуитовъ въ среднюю школу, изъ гимназій—въ городскія начальныя училища и теперь уже установилась въ практикѣ сельскихъ школъ. Еще для дѣтей старшаго возраста я допускаю существованіе похвальныхъ листовъ, рядомъ съ неодобрительными отмѣтками, которыя заносятся въ школьный дневникъ и представляются родителямъ. Но къ чему же почетныя мѣста, ленты, медали, ордена, даже для дѣтей младшаго возраста?

Можно, однако, оправдывать нѣкоторые изъ этихъ отличій, говоря, что они назначаются въ награду не за успѣхи, а за усилія и достигнутыя улучшенія. Какъ бы тамъ ни было,—скоро установится различіе между наградами за превосходство и за простую заслугу.—«Дѣти,—говоритъ Греаръ,—не заблуждаются относительно сравнительнаго значенія этихъ наградъ. Превосходство дѣйствуетъ на нихъ. Они любятъ, чтобы во главѣ ихъ стояли избранные элементы,—это ихъ гордость. Не чувствуютъ ли они, что по характеру такого избранія никому не запрещается занять этого первенствующаго мѣста и что положеніе каждаго поднимается и понижается соотвѣтственно его заслугамъ? Во всякомъ случаѣ именно это чувство должно управлять развитіемъ современной аристократіи,—аристократіи, которая не принадлежитъ собственно ни къ какой кастѣ, которая обновляется или создается еже-

дневно, благодаря оказаннымъ ею услугамъ и труду, и всякая страна должна стремиться поддерживать ее не только какъ наиболѣе яркое выраженіе своей внутренней силы, но и какъ гарантію своей устойчивости: демократія, которая съ пренебреженіемъ отнеслась бы къ такимъ избранникамъ, вышедшимъ изъ ея среды, не замедлила бы пасть отъ собственной слабости, отъ недостатка въ людяхъ»¹⁾. Это разсужденіе очень логично и его выводы очень возвышенны. Но именно потому, что ученики расположены сами признавать превосходство надъ собою, уважать его и любить, я нахожу, что носителямъ этого превосходства достаточно ихъ собственныхъ дѣлъ и одобренія родителей и учителей при молчаливомъ одобреніи класса; оно вовсе не нуждается въ подтвержденіи и показныхъ признакахъ отличія съ ихъ мишурой и мелкимъ тщеславіемъ.

VI. Послѣ почета однимъ изъ самыхъ сильныхъ импульсовъ къ соревнованію служитъ привязанность. Одной изъ самыхъ пріятныхъ наградъ для ребенка въ кругу его семьи, для ученика въ классѣ является удовольствіе, которое вызываютъ у воспитателей его трудъ и его поведеніе. Такая санкція трудно поддается оцѣнкѣ въ виду того, что она предполагаетъ похвалу. Прилагая свое стараніе къ трудному дѣлу или подавляя въ себѣ дурныя наклонности, ребенокъ счастливъ прежде всего при мысли объ улыбкѣ, о дружеской ласкѣ, поцѣлуѣ, которые вознаграждаютъ его за его увѣнчавшіяся успѣхомъ старанія! Было бы плохо, если бы ребенокъ старался только ради подобной награды, какъ бы чиста она ни была.

Еще хуже, если эти выраженія привязанности расточаются безъ разбора, по слабости, снисходительности, въ видѣ утѣшенія и особенно если они допускаютъ предпочтеніе и несправедливость. Различные приемы такого рода создаютъ систему балов-

¹⁾ Gréard, L'esprit de discipline dans l'éducation, стр. 33.

ства и вызываютъ у однихъ притворную чувствительность, самодовольство, капризы, у другихъ—уменьшеніе привязанности, упадокъ духа и завистливость.

VII. Я не совѣтую вовсе изгонять матеріальныя награды, направленные на удовлетвореніе низшихъ импульсовъ чувствительности, на лакомство, потребность въ игрѣ, дѣятельности, независимости. Локкъ былъ слишкомъ строгъ въ этомъ отношеніи:—«Кто даетъ своему сыну яблоко, конфету или что-нибудь въ этомъ родѣ, чтобы заставить его выучить урокъ, тотъ только поддерживаетъ его любовь къ удовольствіямъ и лелѣетъ эту опасную склонность вмѣсто того, чтобы всѣми силами стараться побѣдить и заглушить ее въ немъ» ¹⁾. Комментаторъ Локка, Компейрэ, такъ далеко не идетъ. Если онъ, въ видѣ общаго правила, осуждаетъ денежныя награды, то въ то же время онъ допускаетъ лакомство для совсѣмъ маленькихъ дѣтей, которыхъ можно привлечь приманкой пирожного ²⁾.

Я допускаю, что трудъ и благонравіе ребенка не вознаграждаются золотыми или серебряными монетами, цѣны, цѣнности и способа употребленія которыхъ онъ не знаетъ и которыя прячутся для него въ запертую копилку, берегутся и расходуются на него, какъ воспитатель сочтетъ нужнымъ. Какой толкъ отъ этого ребенку, который въ одно и то же время можетъ быть и богатъ и бѣденъ,—въ зависимости отъ желанія другого лица? Что касается награды, относящихся въ особенности къ вкусовымъ наслажденіямъ, любви къ игрѣ и бѣготнѣ,—такая награда за трудъ и хорошее поведеніе можетъ носить характеръ случайный и даваться какъ бы дополнительно. Г-жа Гизо очень правильно говоритъ о такомъ случаѣ. Весьма энергично отвергая мораль интереса, она все же считаетъ возможнымъ соединять

¹⁾ Цитир. соч., 2, I, стр. 302.

²⁾ Цитир. соч., стр. 458.

соображенія о благодѣи ребенкѣ съ мыслью объ удовлетвореніи его желаній. Если ребенокъ дѣлаетъ что-либо въ виду ожидаемаго удовольствія или обѣщанной награды, то на слѣдующій день понадобится приманка новаго удовольствія, чтобы побудить его къ хорошимъ поступкамъ. Но одобреніе родителей можетъ быть высказано иногда въ видѣ снисхожденія. Въ этомъ случаѣ радость ребенка будетъ чиста отъ всякаго расчета и корыстныхъ соображеній.

VIII. Прекрасная и очень плодотворная идея, на которую справедливо опирается эта выдающаяся воспитательница, состоитъ въ томъ, чтобы и въ радости и въ горѣ, въ наградахъ и въ наказаніяхъ, «раздѣляя съ дѣтьми ихъ чувства, мы дѣлали бы для нихъ понятными наши соображенія» ¹⁾. — Дѣйствительно, никогда не окажется потеряннымъ время, посвященное укрѣпленію семейной солидарности. Если родители довольны кѣмъ-нибудь изъ своихъ дѣтей и если это проявляется въ формѣ, неожиданной для всѣхъ остальныхъ,—тѣмъ лучше; но то же правило слѣдуетъ примѣнять и къ непріятностямъ, которыя родителямъ приходится выносить по винѣ какого-либо одного изъ дѣтей. Напримѣръ, была намѣчена или хотя бы только предположена общая прогулка; но злополучный проступокъ одного изъ дѣтей не позволяетъ родителямъ воспользоваться этимъ удовольствіемъ въ отсутствіи провинившагося. Горе и радость,—все является общимъ въ этомъ единеніи умовъ и сердецъ, которое носитъ названіе семьи. Поэтому «семья есть по преимуществу школа, въ которой учатся легко подчиняться дисциплинѣ» ²⁾.

¹⁾ Цитиров. соч., т. I, стр. 58.

²⁾ Marion. La solidaritté morale, стр. 251.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Дисциплина неприятныхъ послѣдствій.

I. Неприятныя послѣдствія поступковъ. Забота объ этомъ не должна быть всецѣло предоставлена одной природѣ. — II. Связь между дисциплиной послѣдствій и упражненіемъ чувствъ. — III. Нѣсколько примѣровъ послѣдствій скорѣе моральнаго, чѣмъ физическаго свойства.

I. Неприятныя послѣдствія нашихъ дѣйствій, возникаютъ ли они самостоятельно или благодаря вмѣшательству нашихъ воспитателей, являются первыми и наиболѣе серьезными изъ нашихъ наказаній. Руссо признавалъ только ихъ. По его мнѣнію, только природа имѣетъ право наказывать за нарушеніе ея законовъ. — «Поддерживайте ребенка въ сознаніи единственной зависимости отъ вещей», — говоритъ онъ. Онъ не замѣчалъ, что слово «поддерживайте» содержитъ ясное указаніе на то, что ребенокъ зависитъ также и отъ людей. Онъ прибавляетъ: — «Никогда не противопоставляйте безразсуднымъ желаніямъ ребенка никакихъ препятствій и наказаній кромѣ тѣхъ, которыя вытекаютъ непосредственно изъ самыхъ поступковъ». Спенсеръ дальше развилъ эту строгую систему естественныхъ возмездій, исправивъ ее удачными возраженіями. Несмотря на это, онъ далекъ отъ мысли создать изъ нея исключительное воспитательное средство. Въ воспитаніи ребенка рядомъ съ естественными воздѣйствіями онъ допускаетъ и воздѣйствія соціальнаго характера, отводя первымъ главную роль, а вторымъ — вспомогательную. Въ кругъ предлагаемыхъ имъ дисциплинарныхъ мѣръ входятъ одобреніе, порицаніе, уваженіе, сочувствіе, моральное давленіе, предупрежденіе, при случаѣ даже приказаніе и принужденіе. Но пусть ихъ сила будетъ соответствовать

привычной для ребенка мѣрѣ естественныхъ послѣдствій его дѣйствій. При этихъ условіяхъ система естественной дисциплины укрѣпляетъ и дополняетъ всѣ другія средства нравственнаго воспитанія, которыя подчинены, но не приносятся ей въ жертву. Нужно хорошо обдумать эту удивительную III главу «Воспитанія», не забывая указаній авторитетныхъ критиковъ на возможные неудобства этой системы, преимущества которой съ полнымъ основаніемъ проповѣдуетъ Спенсеръ.

Было бы рискованно принимать эту систему слишкомъ буквально и оставлять на одной природѣ заботу о предупрежденіи и наказаніи ребенка за его грѣхи и ошибки. Неправильно, что всякое нарушеніе естественнаго порядка влечетъ за собою тяжелыя послѣдствія. Послѣдствія нѣкоторыхъ дѣйствій или привычекъ иногда бываютъ очень отдаленными; они не всегда соотвѣтствуютъ степени нарушенія закона; въ иныхъ случаяхъ они достигаютъ суровости, не имѣющей ничего общаго со справедливостью. Всѣ эти и другіе не менѣе серьезные недостатки дисциплины, придающей слишкомъ много значенія естественнымъ возмездіямъ, обстоятельно изложены въ уже цитированной запискѣ Грера.

II. Воспитателю представляется много случаевъ для вмѣшательства въ удобный моментъ въ уроки, даваемые ребенку самой природой, съ цѣлью ослабить или усилить полезныя впечатлѣнія, выяснить истинный ихъ характеръ и способствовать тому, чтобы эти уроки принесли всѣ свои плоды.

Всѣ мы знаемъ, что когда дѣло идетъ о вкусовыхъ наслажденіяхъ, то опытъ самъ по себѣ не научаетъ дѣйствовать благоразумно ни дѣтей, но даже многихъ взрослыхъ. Ребенку, отнимаемому отъ груди, рано или поздно, придется пострадать отъ послѣдствій своей неумѣренности; родители, заботливо угождая ему во всемъ, но не выражая открыто жалости къ нему, заставляютъ его понять, какъ важно придерживаться

необходимой мѣры въ удовлетвореніи своего голода или жажды. Если, спустя нѣсколько времени, они замѣтятъ, что ребенокъ готовъ забыть этотъ урокъ умѣренности, они должны повторить его въ мягкихъ и сдержанныхъ выраженіяхъ:—«Не ѣшь слишкомъ много, мой другъ,—скажутъ они,—ты вѣдь знаешь, что будешь потомъ боленъ».

Въ отношеніи врожденныхъ или пріобрѣтенныхъ антипатій къ нѣкоторымъ вкусовымъ ощущеніямъ воспитатель зачастую былъ бы безоруженъ, если бы вздумалъ предоставить природѣ дѣйствовать самостоятельно. Ребенокъ рѣдко возвращался бы къ своимъ первымъ впечатлѣніямъ, если они оставили у него дурныя воспоминанія. Напротивъ, обращаясь къ его зарождающемуся разуму, къ его маленькой доброй волѣ, можно заставить ребенка побѣждать свое отвращеніе, возобновлять свой, быть можетъ, неудачный опытъ. Если кушанье показалось ему сноснымъ, а лѣкарство—менѣе горькимъ, дѣло воспитателя почти выиграно. Новая попытка, сопровождаемая тѣми же замѣчаніями, окажется, быть можетъ, еще болѣе рѣшающей. Съ этого момента будетъ нетрудно пользоваться и въ другихъ случаяхъ этимъ нагляднымъ урокомъ, который не былъ бы урокомъ, если бы воспитатель своимъ вмѣшательствомъ не заставилъ ребенка извлечь изъ него пользу. Впрочемъ, къ этому предмету мы вернемся въ главѣ о Воспитаніи чувствъ.

То же происходитъ и въ отношеніи пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній обонянія. Вы въ концѣ-концовъ были бы крайне разочарованы, если бы понялись,—допуская невозможное,—что ребенокъ, замѣтивъ дурные для общаго своего здоровья или для состоянія нервовъ результаты пристрастія къ пріятнымъ запахамъ, перестанетъ насыщать ими воздухъ своей комнаты или душиться самъ. Но если бы случилось, что кто-нибудь, обезпокоенный этимъ, вышелъ изъ комнаты или открылъ въ ней двери и окна, чтобы очистить слишкомъ насыщенный воздухъ,—нужно удостовѣриться въ томъ, что ребенокъ хорошо

понять этот случайный урокъ. Особенно не слѣдуетъ забывать при случаѣ напомнить ему объ этомъ. Если у кого-нибудь изъ домашнихъ, а тѣмъ болѣе если у него самого разболится голова изъ-за оставленнаго въ запертой комнатѣ букета, постарайтесь, чтобы причина головной боли была ему хорошо извѣстна. Если онъ догадывается о ней,—вамъ нечего ему говорить; но нужно напомнить, если онъ ее забудетъ.

Такимъ же образомъ онъ научится переносить безъ жалобъ непріятные запахи, узнавъ по опыту, что до извѣстнаго предѣла можно пріучиться ихъ выносить. Тѣмъ болѣе не будетъ плохо, если въ вашемъ присутствіи ребенку придется переносить дурные и въ то же самое время нездоровые запахи для того, чтобы онъ научился избѣгать ихъ изъ-за этого ихъ свойства.

Когда гигиѣна и эстетика сдѣлали свое дѣло въ отношеніи пріятныхъ и непріятныхъ зрительныхъ ощущеній,—нравственному воспитанію уже почти нечего дѣлать. Однако будетъ полезно, по мѣрѣ умственнаго развитія ребенка, останавливать его вниманіе на нѣкоторыхъ явленіяхъ, на которыя онъ безъ этого не обратилъ бы большого вниманія. Такъ, напримѣръ, вы видите, что ребенокъ пристально смотритъ на блестящій предметъ, на солнце, на слишкомъ яркое пламя: онъ проводитъ рукой по глазамъ, опять смотритъ, опять третъ глаза,—и туманъ или свѣтовые круги, застилавшіе его зрѣніе, исчезаютъ. Пользуясь этимъ непріятнымъ дѣйствіемъ слишкомъ сильнаго свѣта, покажите ему книгу или какую-нибудь вещь, окраска которой ему мало знакома, и спросите, какого она цвѣта; или, если онъ умѣетъ читать, дайте ему печатную страницу и предложите прочесть первую строчку. Этотъ опытъ можетъ заставить ребенка понять, что маленькая непріятность, имъ только что испытанная,—ничто по сравненію съ тѣмъ зломъ, которое возможно впослѣдствіи. Вы можете прибавить, что блескъ молніи, длительное созерцаніе яркихъ цвѣтовъ,

напрѣмѣрь снѣга, лишили зрѣнія немало людей. Вы также научите его, прибѣгая къ собственному опыту, самому принимать нѣкоторыя предосторожности, которыми до этихъ поръ его окружали безъ его вѣдома.

Что касается злоупотребленія зрительными наслажденіями, которыя всегда сопровождаются удовольствіями другого рода,—удовольствіемъ игры, любопытства, привязанности,—то ребенокъ, даже въ возрастѣ 8—10 лѣтъ, съ трудомъ можетъ понять неблагопріятныя послѣдствія такого злоупотребленія для его нервной системы, здоровья, расположенія духа, общей жизнедѣятельности. Уроки природы должны въ этомъ отношеніи уступать мѣсто нашимъ урокамъ, а наша роль, особенно для младшаго возраста, должна состоять въ стараніи создать у ребенка привычку къ умѣренности.

Когда ребенокъ еще совсѣмъ малъ и неспособенъ собственными силами уклоняться отъ непріятныхъ впечатлѣній, воспитатель долженъ возможно внимательно слѣдить за его слуховыми ощущеніями. Нужно, по возможности, оберегать его отъ потрясеній слуха, которыя могутъ сильно отразиться на его нравственныхъ и умственныхъ способностяхъ. Мы знаемъ, какъ легко ребенокъ привыкаетъ къ сильнымъ и непріятнымъ звукамъ въ ущербъ своей эмоціональной воспріимчивости и эстетическому чувству. Поэтому было бы слишкомъ поздно обращать его вниманіе на это, когда его ухо уже привыкло къ этимъ грубымъ ощущеніямъ и когда его моральная чувствительность уже примѣнилась къ ихъ діапазону. Но если мы съ самаго начала приняли необходимыя предосторожности, если мы, по мѣрѣ возможности, удалили отъ колыбели ребенка грубые и нестройные звуки, крикливые, рѣзкіе и особенно фальшивые голоса, если мы постепенно приучили его слухъ къ пріятнымъ звукамъ и радостнымъ голосамъ, намъ будетъ легко, немного спустя, останавливать его вниманіе на слуховыхъ ощущеніяхъ, способныхъ дѣйствительно по-

нравиться ему или же оскорбить его слухъ, и заставить его искать однихъ и избѣгать другихъ, не проявляя излишней утонченности.

Одной изъ наиболѣе законныхъ заботъ воспитателя по отношенію къ термическому чувству ребенка является забота о регулированіи слишкомъ сильныхъ ощущеній этого рода и, прежде всего, ощущенія ожога. Опытъ ребенка въ этомъ отношеніи возникаетъ такъ рано и связанъ съ такими опасностями, что нужно задолго быть готовымъ къ тому, чтобы его контролировать и давать ему наиболѣе цѣлесообразное направленіе. Не обходится безъ того, чтобы ребенокъ не обжигался объ уголья, раскаленный каминъ или о пламя свѣчи, чтобы кипящая жидкость не попала на его кожу или чтобы онъ не обжегъ себя небо слишкомъ горячей пищей. Но нужно ли увеличивать силу этихъ естественныхъ предупрежденій? Какъ бы ни были въ самый моментъ тягостны для него такіа впечатлѣнія,—его память такъ коротка, смѣна ощущеній такъ стремительна, что полученный имъ опытъ рѣдко способенъ предохранить его отъ большихъ непріятностей. Постараемся же направлять его вниманіе на эту опасность, усиливая его страхъ передъ нею. Никогда не будетъ излишнимъ предостерегать и предохранять отъ такихъ случайностей даже подростка.

Итакъ, воспользуемся первымъ случаемъ, который доставитъ намъ ребенокъ, уже ставшій господиномъ своихъ движеній, для того, чтобы научить его осторожно обращаться съ огнемъ. Изъ простого любопытства онъ сжигаетъ при насъ листокъ бумаги; мы говоримъ ему мягко, слѣдуя совѣту Спенсера:—«Я боюсь, какъ бы ты не обжегся, если будешь такъ дѣлать».—Если, несмотря на наше предупрежденіе, онъ обожжетъ себя пальцы, опытъ будетъ для него вдвойнѣ полезенъ: онъ познакомится съ опасностью и испытаетъ разумность нашихъ совѣтовъ. Точно такъ же не слѣдуетъ давать маленькому

ребенку въ руки спички. Но съ пяти лѣтъ ему можно объяснить ихъ опасность и способы обращенія съ ними. Въ первый разъ, когда вы замѣтите, что ребенокъ играетъ со спичками,—запретили вы ему это или нѣтъ,—вы можете позволить ему подержать въ рукахъ зажженную спичку такъ, чтобы онъ испыталъ небольшую непріятность отъ ея запаха и слегка обжегъ пальцы. Этотъ опытъ, который можно повторить, если понадобится, несомнѣнно, отучить его трогать спички до наступленія возраста, когда онъ ему будетъ нужны.

Мысль о возможности важныхъ послѣдствій естественныхъ уроковъ заставляетъ остерегаться ихъ. Дѣйствительно,—пріятная картина: лобъ въ шишкахъ и ссадинахъ, носъ разбитый или искривленный, щеки и губы украшены шрамами, руки покрыты пестрящими кожу царапинами и пятнами! Если бы жизненный опытъ покупался цѣною нѣкотораго количества такихъ скверныхъ знаковъ, то ребенокъ всегда имѣлъ бы достаточно этого опыта. Кромѣ того, не количество и жестокость такихъ естественныхъ предостереженій могутъ сдѣлать ребенка благоразумнымъ и смѣлымъ. Оба эти послѣднія качества зависятъ скорѣе отъ того, какимъ образомъ эти случаи произошли, были оцѣнены ребенкомъ и какъ запечатлѣлись въ его памяти. По возможности будемъ предупреждать ихъ нашими точными указаніями; разъ случай произошелъ,—позаботимся о ребенкѣ съ серьезнымъ видомъ, не выказывая особенной жалости къ нему, такъ чтобы имѣть возможность спокойно поговорить съ нимъ о причинѣ зла, если она лежитъ въ неблагоразуміи или неловкости ребенка.

Одинъ мальчикъ, получившій въ подарокъ отъ своей тетки полный наборъ красокъ, кисточекъ, блюдечъ, пузырьковъ, спускался со второго этажа, торопясь рисовать «человѣковъ». Изъ-за развязавшагося шнурка отъ башмака на лѣстницѣ онъ поскользнулся. Когда онъ поднялся, вся рука у него была въ крови,

на первомъ суставѣ средняго пальца—большая царапина. Дядя и тетка заставили его поскорѣе опустить руку въ тазъ съ водою. Ребенокъ, видя вокругъ себя серьезные лица, самъ началъ говорить:—«Этотъ проклятый шнурокъ! Я думалъ его завязать, а потомъ забыть».—«Ты знаешь, кромѣ того,—прибавила одна изъ его тетокъ,—я много разъ тебѣ говорила, что нельзя бѣгомъ спускаться съ лѣстницы,—это опасно». Воспитателей не въ чемъ было упрекнуть: они даже предупредили ребенка, что надо хорошо завязывать башмаки, и, такъ какъ ему было восемь лѣтъ,—онъ не долженъ былъ забывать объ этомъ.

Вотъ другой случай, который могъ имѣть очень тяжелый исходъ и который мы приписываемъ и неловкости ребенка, и непредусмотрительности родителей. Этому ребенку было десять лѣтъ, онъ былъ довольно уменъ, но очень неловокъ и слабѣ большинства своихъ ровесниковъ. Ему обѣщали подарить на каникулы ножъ съ нѣсколькими лезвіями для рѣзанія дерева. При отъѣздѣ онъ его получилъ; но о томъ, что можетъ выйти изъ этого, не позаботились. Съ перваго дня ребенокъ не переставая игралъ съ пружиной, такъ какъ находилъ ее немного тугою, и сильно порѣзалъ себѣ большой палецъ. Мать его закричала; видя, что всѣ вскочили, онъ предположилъ, что дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ: онъ упалъ въ обморокъ—безъ сомнѣнія, отъ страха. Не правда ли, естественный урокъ, вызванный небрежностью родителей, которые должны были ослабить тугую пружину и научить ребенка съ нею обращаться, былъ еще болѣе испорченъ ихъ нелѣпымъ поведеніемъ при случаѣ, который легко можно было предвидѣть?

Есть случаи,—очень простые по внѣшности,—которые должны разрѣшаться здравымъ смысломъ родителей какъ въ интересахъ ихъ авторитета, такъ и въ интересахъ безопасности и нравственнаго развитія ребенка. Напримѣръ, ребенокъ непременно

хочетъ прыгать, стоя на стулѣ, что неминуемо грозитъ паденіемъ: по мнѣнію нѣкоторыхъ воспитателей, ему надо дать упасть, если это не слишкомъ высоко. Я предпочелъ бы снять ребенка со стула и сказать ему:—«Ты на него больше не влѣзешь». Если онъ упорствуетъ на томъ, чтобы приблизиться къ окну, къ бассейну, чтобы залить водою свое платье и всего себя, отвернувъ кранъ у водопровода,—вы должны рѣшительно помѣшать этому. Я знавалъ одного отца семейства, который въ такомъ случаѣ поступалъ слишкомъ по-спартански. Въ первый разъ у окна, во второй разъ у бассейна, онъ побѣждалъ за ребенкомъ, схватилъ его и сдѣлалъ видъ, что хочетъ его столкнуть. Въ третій разъ онъ насильно удерживалъ ребенка подъ краномъ, подставляя подъ струю его голову и плечи:—«Вотъ ты и вымокъ,—говорилъ онъ ему,—ты вѣдь хотѣлъ этого».—Можно быть строгимъ, не будучи жестокимъ.

III. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о моральныхъ воздѣйствіяхъ. Поступки дѣтей, которые можно считать ихъ провинностями, вызываютъ у свидѣтелей непріятное чувство, въ зависимости отъ сущности и важности проступка. Эти чувства могутъ проявляться простыми знаками неодобренія, досады, скорби, гнѣва, презрѣнія; способъ ихъ выраженія можетъ дойти до такихъ словъ и дѣйствій, которыя будутъ настоящимъ наказаніемъ для виновныхъ. Лучшія изъ нихъ тѣ, которыя являются естественными послѣдствіями самыхъ поступковъ и не выходятъ изъ области моральныхъ послѣдствій. Спенсеръ приводитъ нѣсколько сомнительныхъ примѣровъ, когда моральное чувство усиливается въ болѣе или менѣе цѣлесообразной формѣ матеріальнымъ подтвержденіемъ: маленькая дѣвочка была оставлена дома въ то время, какъ другія дѣти пошли гулять въ поле, за то, что по своей винѣ она не была готова къ назначенному часу; довольно большой мальчикъ, которому не дарили новыхъ игрушекъ, сейчасъ же послѣ того, какъ онъ поломалъ

старья; другой мальчикъ, съ которымъ за то, что онъ не постарался исполнить порученія своего дяди, этотъ дядя отказался играть въ тотъ же вечеръ въ обычную игру. Въ случаяхъ такого рода послѣдствія дурного поведенія сами собою производятъ давленіе на мысль ребенка. Въ другихъ случаяхъ, въ холодности, которую мы проявляемъ по отношенію къ нему, онъ безъ труда можетъ замѣтить косвенное послѣдствіе своей вины, и этотъ способъ, по-моему, предпочтителенъ.

Всего чаще, по моему мнѣнію, мы должны помогать ребенку понять связь между его виною и испытываемымъ имъ наказаніемъ, которое легко можетъ заставить его забыть о самой винѣ. Можно, напримѣръ, дать ему понять, что холодность, проявляемая къ нему, вызвана его невѣжливостью; объяснить, что товарищи смѣются надъ нимъ за проявленную имъ трусость. Если онъ ругалъ и обижалъ другого ребенка и тотъ далъ ему отпоръ и немного поколотилъ, надо сказать:—«Что жъ дѣлать? Онъ былъ въ правѣ такъ поступить». Если, несмотря на неоднократныя предупрежденія и запрещенія, онъ дразнилъ какое-нибудь животное и оно его поцарапало или покусало,—слѣдуетъ сказать ему:—«А вѣдь я предупреждалъ тебя, что животныя, какъ и люди, не любятъ, чтобы ихъ мучили».

Но всѣ эти случаи еще очень просты. Существуютъ болѣе затруднительные случаи, допускающіе крайне разнообразныя рѣшенія въ зависимости отъ возраста ребенка, степени его умственнаго развитія и нравственной чуткости, а также въ зависимости отъ очень различныхъ условій времени, мѣста и личныхъ особенностей. Такъ, вполне въ порядкѣ вещей, что высокомѣріе ослабляетъ привязанность, а ложь порождаетъ недовѣріе. Но если ребенокъ погрѣшилъ высокомѣріемъ, униженіе, которому будетъ подвергнуто его самолюбіе, раздражить и въ то же время оскорбить его. Плохимъ урокомъ скромности была бы, напримѣръ, насмѣшка надъ напыщенностью или ко-

кетничаніемъ ребенка: гораздо лучше съ огорченнымъ видомъ настойчиво обращать его вниманіе на то, что другіе смѣются надъ нимъ. Солгавшаго ребенка унижаютъ и огорчаютъ, не вѣря ему или дѣлая видъ, что не вѣрятъ его словамъ: достаточно одного огорченія и безъ униженія. Лучше, чтобы униженіе исходило отъ другихъ и безъ нашего вмѣшательства. Въ этомъ отношеніи я вполне согласенъ съ Мартэномъ. «Воспитатель безъ предвзятыхъ мыслей и прибѣгающій къ обычнымъ приемамъ, если они кажутся ему правильными, хорошенько разберитъ виновнаго, выразитъ ему все отвращеніе, вызываемое безобразіемъ его лжи, и постарается произвести на него при этомъ достаточно сильное и достаточно непріятное впечатлѣніе, чтобы мысль о лжи ассоціировалась въ умѣ ребенка съ мыслью о чемъ-то очень нехорошемъ и непріятномъ. Не такъ обращаются съ лжецами въ дѣйствительности: ихъ или высмѣиваютъ, или выражаютъ имъ холодное недовѣріе, или наносятъ имъ кровную обиду,—смотря по обстоятельствамъ. Эти приемы производятъ на ребенка совершенно иное вліяніе, чѣмъ на взрослого человѣка; въ частности, продолжительное отталкиваніе ребенка можетъ повести къ довольно печальнымъ результатамъ» ¹⁾).

Нѣсколько другихъ примѣровъ покажутъ намъ, до какой степени здравый смыслъ, осмотрительность и нравственный тактъ необходимы воспитателю, чтобы избѣжать злоупотребленія лучшимъ изъ дисциплинарныхъ средствъ. Есть тысячи способовъ для борьбы съ лѣнностью у ребенка или, вѣрнѣе, для возбужденія у него охоты къ дѣятельности. Но если, въ силу чисто нравственныхъ причинъ, здоровый ребенокъ обнаруживаетъ лѣнность,—какимъ образомъ примѣнить къ нему дисциплину естественныхъ послѣдствій? Я читалъ гдѣ-то, что ребенокъ одного рабо-

¹⁾ Martin. L'éducation du caractère, стр. 303.

чаго, погибшаго отъ бездѣлія и нищеты, попалъ на попеченіе общественнаго призрѣнія, а затѣмъ былъ отданъ въ ученіе, въ производство, находившееся въ вѣдѣніи администраціи, гдѣ имъ долго не могли нахвалиться. Въ одинъ прекрасный день, въ силу какихъ-то невѣдомыхъ наслѣдственныхъ вліяній, ему пришла фантазія не работать и онъ отказался итти въ мастерскую. Директоръ предоставилъ ему свободу дѣйствій; два-три дня спустя мальчикъ со стыдомъ и раскаяніемъ вернулся въ среду маленькихъ работниковъ. Но дверь мастерской была передъ нимъ безжалостно закрыта, и такъ продолжалось нѣсколько дней, съ цѣлю усилить значеніе урока. Мальчикъ, дѣйствительно, исправился на нѣкоторое время и сталъ образцовымъ рабочимъ. Но, выйдя изъ ученія, онъ не замедлилъ завести дурныя знакомства и, еще не достигнувъ совершеннолѣтія, подобно своему отцу былъ вынужденъ покинуть общество честныхъ людей. Оставляя въ сторонѣ всякій вопросъ о наслѣдственности, это можетъ означать, что дѣтскій пріютъ не обладаетъ всѣми средствами примѣненія естественной дисциплины, какими располагаетъ хорошая школа и, въ особенности, хорошая семья. Продолжая развивать ту же мысль, приведемъ слѣдующій примѣръ. Одинъ знакомый мнѣ отецъ, желая пристыдить своего восьмилѣтняго сына за лѣность и сдѣлать ее невыносимою для него, лишилъ его на нѣсколько дней всѣхъ его книгъ и тетрадей. Средство подѣйствовало, — по крайней мѣрѣ, для даннаго момента. Но я не совѣтовалъ бы злоупотреблять имъ: ребенокъ могъ бы войти во вкусъ бездѣятельности и стать нечувствительнымъ къ унижительности лишенія своихъ орудій труда.

Приведемъ еще одинъ изъ случаевъ, въ которыхъ родители доказываютъ часто свою полную глупость, не переставая считать себя самыми умными въ свѣтѣ. Напримѣръ, маленький ребенокъ наноситъ оскорбленіе или угрожаетъ взрослому лицу, слугѣ, учителю,

которые сочли себя въ правѣ поднять на него руку; родители, если они благоразумны, въ отвѣтъ на жалобу ребенка заставляютъ его признать свою ошибку, вызвавшую такое дурное обращеніе съ нимъ, и оставлять при себѣ суровое осужденіе тѣхъ, кто пустилъ его въ ходъ. Это будетъ правильнымъ примѣненіемъ дисциплины естественныхъ послѣдствій. Но предположите, что вы имѣете дѣло съ ребенкомъ семи или восьми лѣтъ, къ уму и великодушію котораго можно обратиться съ полнымъ довѣріемъ, — развѣ въ этомъ случаѣ необходимо примѣненіе той же дисциплины во всей ея прямолинейности и полнотѣ? При обращеніи къ такому ребенку, здравый смыслъ и сердце родителей найдутъ возможнымъ прибавить и нѣчто иное.

Вотъ, напримѣръ, одно изъ крайне разнообразныхъ рѣшеній, допускаемыхъ въ подобныхъ случаяхъ, которое, въ свою очередь, должно подсказать и другія рѣшенія.

Слуга Жераръ занимался мытьемъ бутылокъ. Жюсть подошелъ сзади и нанесъ ему сильный ударъ хлыстомъ по ногамъ. Жераръ, пораженный, внѣ себя, ударилъ ребенка, и былъ за это отставленъ хозяевами отъ должности. Онъ уходитъ въ отчаяніи, провожаемый сожалѣніемъ, потому что это былъ вѣрный слуга, служившій еще у бабушки Жюста. Мальчикъ узнаетъ объ уходѣ Жерара отъ опечаленныхъ остальныхъ слугъ; они говорятъ ему, что въ этомъ виноватъ онъ. Мать позвала мальчика къ себѣ. «Мнѣ хотѣлось, пишетъ она, заставить его рассказать подробности дѣла, чтобы узнать, что онъ думаетъ объ этомъ; но мнѣ ничего не удалось добиться, кромѣ того, что Жераръ тоже сдѣлалъ ему очень больно. Онъ чувствовалъ свою неправоту и думалъ лишь о томъ, чтобы оправдать себя. — «Такъ вотъ, — сказала я ему, — Жерара удалили, и ты его больше не увидишь». — Мнѣ показалось, что мысль объ этомъ начинала его волновать. — «Но почему же, — сказалъ онъ, — папа его удалил?» — «Потому что ты такъ золъ, что бьешь его, несмотря на его доброту къ тебѣ, и могло бы случиться,

что онъ снова бы тебя ударилъ».—«Лучше пусть ударить и останется».—«Мы вовсе не хотимъ, чтобы ты взялъ себѣ привычку драться».—«Но я такъ игралъ».—«У насъ будетъ другой слуга, съ которымъ ты не посмѣешь играть такимъ образомъ».—«Я не стану больше бить кнутомъ Жерара».—«Если бы знать, что это вѣрно,—сказала я,—тогда Жераръ, пожалуй, могъ бы вернуться».—«О, мама, это вѣрно, вѣрно». Раскаяніе овладѣло имъ, какъ только онъ увидѣлъ, что оно можетъ имѣть нѣкоторое вліяніе; но оно тотчасъ же охладѣло, когда я предложила пойти попросить, чтобы отецъ простилъ Жерара. Эдмондъ хорошенько побранилъ сына; дѣти обыкновенно пугаются всего, что ихъ удивляетъ, и Жюсть былъ такъ пораженъ раздраженіемъ отца противъ Жерара, что не рѣшился заговорить о немъ. Я не настаивала, я хотѣла, чтобы онъ рѣшился на это самостоятельно, но я перевела разговоръ на огорченіе этого бѣднаго Жерара, на его маленькаго внука въ возрастѣ Жюста, который станетъ говорить, что Жюсть потребовалъ удаленія Жерара, на телѣжку, которую Жераръ торопился кончить, чтобы покатавъ въ ней Жюста въ слѣдующее воскресенье. Бѣдный Жераръ! Все это зашевелилось въ его сердечкѣ, и онъ тотчасъ же рѣшился и сказалъ мнѣ: «Я хочу поговорить съ папой». Онъ побѣждалъ къ отцу въ садъ, потомъ, подходя къ нему, вдругъ остановился, опустивъ голову и бормоча какія-то непонятныя слова. Но я слѣдила издали; Эдмондъ, которому я сдѣлала знакъ, хорошо понялъ и быстро далъ свое согласіе. Произошло всеобщее примиреніе, были повторены торжественныя обѣщанія, было написано письмо на глазахъ Жюста, который до тѣхъ поръ не отходилъ отъ меня, пока я не отдала ему письма для передачи Жану, чтобы тотъ тотчасъ же снесъ его на почту; и вотъ письмо отправлено и всѣ мы довольны» ¹⁾.

¹⁾ M-me Guizot. Lettres sur l'éducation, письма XIV и XV, I, стр. 286—291.

Послѣдній изъ приведенныхъ примѣровъ связанъ съ представленіемъ объ искупленіи вины, которое въ своей наиболѣе матеріальной и наиболѣе простой формѣ доступно уже для двухлѣтняго ребенка. Маленькій Жанъ, полутора года отъ роду, притащилъ въ комнату отца весь свой кухонный приборъ, своихъ оловянныхъ солдатиковъ, игрушечную тачку съ пескомъ, лопатку и кружку съ водой. Отецъ, занятый писаніемъ спѣшнаго письма, сначала не обратилъ вниманія на это. Но вскорѣ онъ замѣтилъ разбросанныя вездѣ игрушки, перемѣшанные съ клочками ненужной бумаги изъ опрокинутой корзины и обильно присыпанные мокрымъ пескомъ. Онъ поднялся изъ-за стола и сердито сказалъ:—«Какую ужасную грязь ты развелъ въ моей комнатѣ! Ну, кто станетъ убирать все это?»—«Розалія, папа».—«Нѣтъ, у нея и безъ того много дѣла. Ей некогда возиться съ безпорядкомъ, который ты устроилъ».—«Ну, такъ ты, папа».—«Я? Ты думаешь? Много у меня было бы работы, если бы я сталъ постоянно убирать за тобою! Ну-ка, подбери бумажки и положи ихъ обратно въ корзину; потомъ ты соберешь игрушки, а потомъ подметешь песокъ вотъ этой маленькой метлой».—Приказаніе было отдано очень серьезнымъ тономъ, и сконфуженный ребенокъ счелъ себя обязаннымъ повиноваться. Онъ охотно, хотя и крайне неловко, принялся за дѣло.—«На этотъ разъ я помогу тебѣ»,—сказалъ отецъ,—но въ другое время ты самъ будешь возиться со всей кутерьмой, которую надѣлаешь».—«Да; папа, я самъ».—На слѣдующій день ребенокъ произвелъ такой же безпорядокъ въ коридорѣ, и отецъ натолкнулся на это. Завидѣвъ его, сидѣвшій на полу Жанъ тотчасъ же становится на колѣни и дѣлаетъ видъ, что подбираетъ игрушки, хватая ихъ одной рукой, а другой поднимая съ полу измятые лоскутки бумаги.—«Я самъ убираю, папа; не трогай».—Вотъ это—хорошо преподанный и хорошо воспринятый

урокъ. Въ случаѣ, если бы ребенокъ, въ особенности нѣсколько постарше, обнаружилъ нѣкоторую склонность къ упорству, — къ нему легко было бы примѣнить методъ, восхваляемый Спенсеромъ, а именно, — отнять у него игрушки какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ему всего болѣе хотѣлось бы ихъ имѣть, и заявить, что это дѣлается во избѣжаніе необходимости возстановливать нарушаемый имъ при игрѣ порядокъ.

У меня возникаетъ вопросъ, такъ ли удобно примѣнимъ тотъ же дисциплинарный методъ, — даже по отношенію къ дѣтямъ десяти-двѣнадцати лѣтъ, — въ другомъ случаѣ, приведенномъ у Спенсера. Передъ нами ребенокъ, «обыкновенно мало заботящійся о своемъ платьѣ, привыкшій неосторожно лазить по изгородямъ, не обращающій вниманія на грязь. Если его побьютъ или отправятъ спать, онъ обидится и скорѣе станетъ раздумывать о своей обидѣ, чѣмъ раскаиваться въ своемъ проступкѣ. Но предположимъ, что его заставятъ, по мѣрѣ возможности, исправить сдѣланное зло, почиститься отъ грязи, починить изорванное платье, — не пойметъ ли онъ, что самъ былъ причиной этихъ непріятныхъ послѣдствій? Неся заслуженную кару, не будетъ ли онъ все время думать о связи между карой и вызвавшей ее причиной? И, несмотря на свое раздраженіе, не придетъ ли онъ къ сознанию справедливости такого исхода? Если нѣсколько такихъ уроковъ не произведутъ желательнаго дѣйствія, если ребенокъ станетъ попрежнему скоро портить свое платье, отецъ, продолжая примѣненіе своей дисциплинарной системы, можетъ отказаться расходовать деньги на покупку новаго платья раньше обычнаго срока. И если въ теченіе этого срока случится, что ребенокъ, за неимѣніемъ подходящаго платья, будетъ принужденъ отказаться, напримѣръ, отъ воскресной прогулки съ другими членами семьи или отъ участія въ какомъ-нибудь торжествѣ у своихъ друзей, — ясно, что онъ живо восчувствуетъ наказаніе и постепенно додумается до пониманія связи между

причиной и слѣдствіемъ, между его собственной небрежностью и послѣдовавшимъ для него лишеніемъ удовольствія».

Въ принципѣ рѣшеніе вопроса, предлагаемое Спенсеромъ, вполне приемерно, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже примѣнимо къ маленькимъ дѣтямъ. Но едва ли можно допустить, хотя бы по отношенію къ дѣтямъ десяти-двѣнадцати лѣтъ, чтобы отказъ починить свое платье могъ повлечь за собою домашній арестъ для ребенка въ то время, когда остальные члены семьи отправляются на увеселительную прогулку. Не говоря уже о многочисленныхъ недостаткахъ одиночнаго заключенія, я считаю, что въ данномъ случаѣ послѣдствіе поступка отодвигается слишкомъ далеко и значительно превосходитъ мѣру: самъ Спенсеръ называетъ его настоящимъ наказаніемъ. А что, если случайно ребенокъ найдетъ удовольствіе въ такомъ искупленіи своей вины, если онъ привыкнетъ къ своей испачканной и изорванной одеждѣ и даже, подобно Діогену, начнетъ превозноситься своими дырами и лохмотьями? По-моему, всего проще было бы лишь приказать ребенку привести въ порядокъ свой костюмъ. Не слѣдуетъ слишкомъ смѣяться надъ возлагаемой на ребенка обязанностью чинить свою одежду. Отецъ, который пожелалъ бы потребовать этого отъ ребенка въ возрастѣ отъ трехъ до восьми лѣтъ, нѣсколько напоминаетъ бы знаменитаго въ римской исторіи консула. Консулъ Муммій, преемникъ Метелла, одержавшій побѣду въ Левкопетрѣ, въ 146 году овладѣлъ Коринѳомъ. Онъ приказалъ перенести на корабли своего флота статуи и картины, украшавшія этотъ богатый городъ.—«Будьте осторожны, чтобы не изломать ихъ,—говорилъ онъ носильщикамъ, переносившимъ вещи,—а то вамъ придется самимъ ихъ починять». Но, конечно, этотъ методъ можно съ осмотрительностью примѣнять къ дѣтямъ постарше.

Вотъ, наконецъ, еще одинъ случай, повидимому легко разрѣшимый, но далеко не всегда и неодина-

ково разрѣшаемый для различныхъ характеровъ и возрастовъ. Среди естественныхъ послѣдствій воровства, Спенсеръ различаетъ, съ одной стороны, прямое послѣдствіе—возмѣщеніе убытка, съ другой,—косвенное послѣдствіе—неудовольствіе родителей. Это вполне правильно, такъ какъ оба эти вида возмездія одинаково подходятъ для всѣхъ возрастовъ. Но въ одиночку ни тотъ, ни другой никогда не оказывается достаточнымъ.

Маленькій ребенокъ двухъ-трехъ лѣтъ никогда не придаетъ воровству большого значенія: хватать предметы, находящіеся подъ рукою, для него такое естественное дѣло, что почти достаточно ограничиться пріученіемъ его оставлять вещи на мѣстахъ и не брать безъ позволенія тѣхъ изъ нихъ, на пользованіе которыми онъ не получилъ формальнаго разрѣшенія. Но въ возрастѣ пяти-семи лѣтъ и въ особенности девяти-десяти лѣтъ уже нѣтъ ни маленькаго воровства, ни маленькаго воришки. Авторитетъ воспитателей долженъ проявляться во всей силѣ, чтобы оставить прочное воспоминаніе. Нужно также дѣйствовать съ крайней осторожностью, даже съ нѣкоторымъ искусствомъ, чтобы не оскорбить тонкую чувствительность ребенка. Не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что ребенокъ не долженъ смотрѣть на совершенные имъ проступки, какъ на свои недостатки: мысль о томъ, что онъ воръ, или что его считаютъ таковымъ, могла бы причинить ему горечь и бесполезное отчаяніе, или, что еще хуже, постепенно притупить у него сознаніе важности такого порока. Удачный выходъ изъ подобнаго затрудненія указываетъ слѣдующій примѣръ.—«Моему маленькому Жаку было около шести лѣтъ. Однажды, возвращаясь изъ школы, онъ принесъ съ собою бисерную цѣпочку и показалъ ее мнѣ.—«Кто тебѣ это далъ?»—«Мнѣ никто не давалъ».—«Такъ ты купилъ? Какъ же такъ? У тебя не было денегъ».—«Подлѣ церкви, на площади сидитъ торговка; я взялъ у нея съ лотка».—«Торговка тебя видѣла?»—«О, нѣтъ! Я спрятался».—«Почему же

ты спрятался? (Отвѣта не послѣдовало)... Такъ ты, значить, зналъ, что поступаешь нехорошо? (Отвѣта опять не было)... Наконецъ, думалъ же ты что-нибудь когда прятался; что ты думалъ?»—«Я думалъ, что торговка не позволила бы мнѣ взять этого».—Эти отвѣты и предшествовавшее имъ сознаніе въ своемъ проступкѣ ясно показывали, что наивный малышъ не имѣлъ яснаго представленія о серьезномъ значеніи воровства. Онъ не ясно чувствовалъ (въ силу ли наслѣдственного инстинкта или подъ вліяніемъ первоначальнаго воспитанія), что ребенокъ не долженъ присваивать себѣ того, что ему не принадлежитъ. Но слово принадлежать, повидимому, не имѣло для него никакого опредѣленнаго значенія: если различіе между твоимъ и моимъ когда-нибудь составилось въ его умѣ, то лишь потому, что онъ терпѣть не могъ, чтобы у него брали его мячики; но самъ онъ былъ не прочь безъ всякихъ стѣсненій присвоить мячъ своего товарища. Я взялъ Жака за руку: — «Иди со мной, — сказалъ я, — мы пойдемъ къ торговкѣ». — Онъ сильно поблѣднѣлъ и расплакался: — «Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу туда итти». — Пришлось, однако, повиноваться. — «Вотъ, сударыня, — серьезно сказалъ я торговкѣ, — мальчуганъ, который укралъ у васъ цѣпочку, когда вы отвернулись. Я пришелъ вернуть вамъ ее отъ его имени и принести извиненія». — Женщина подняла глаза къ небу. Она не въ состояніи была повѣрить, чтобы такой милый на видъ ребенокъ былъ настолько испорченъ. Лицо Жака стояло того, чтобы его нарисовать. — «Я не хочу, — возразила она, — чтобы кто-нибудь сказалъ, что вы однажды въ своей жизни что-то украли. Я дарю вамъ эту цѣпочку». — Мальчуганъ поднималъ на меня глаза съ выраженіемъ вопроса и желанія. — «Возьми, разъ тебѣ дадутъ. Но я надѣюсь, что униженіе, которое ты перенесъ, научить тебя, что въ мірѣ нѣтъ ничего отвратительнѣе воровства» ¹⁾.

¹⁾ Fr. Sarcey, въ l'Estafette, хроника отъ 19 августа 1886 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дисциплинарныя мѣры моральнаго и матеріальнаго возмездія.

I. Выговоры.—II. Угрозы.—III. Наказанія въ собственномъ смыслѣ слова.—IV. Различныя чувства какъ орудія воспитанія.

I. Выговоры не составляютъ простого выраженія неодобренія. Къ нимъ примѣшивается порицаніе, болѣе энергичное и причиняющее чувство нѣкотораго униженія, и выраженіе недовольства, очень тягостное въ устахъ любимаго существа. Иногда для ребенка бываетъ тяжелѣе тѣлеснаго наказанія видѣть своихъ родителей изумленными и огорченными его проступками.

Мы всегда должны умѣрять выраженія нашего болѣе живого неудовольствія. Оно, проявляясь внѣшнимъ образомъ въ нашемъ голосѣ, въ нашихъ движеніяхъ, взглядахъ, всегда кажется болѣе рѣзкимъ, чѣмъ мы можемъ это чувствовать, и впечатлѣніе, оказываемое имъ, часто оказывается гораздо непріятнѣе, чѣмъ мы того желали бы. Сверхъ того, эти дисциплинарныя средства слишкомъ легко осуществимы, чтобы всего чаще не пойти дальше цѣли, то-есть простого устрашенія. «Семейная власть въ своей грубой и суровой формѣ доступна самымъ неразвитымъ умамъ; удары и бранныя слова,—вотъ воспитательныя средства, имѣющіяся въ распоряженіи самаго первобытнаго варвара и самаго глупаго крестьянина. Даже животныя могутъ примѣнять этотъ дисциплинарный методъ, какъ это можно заключить по рычанію и легкимъ укусамъ, которыми собака умѣряетъ излишнюю требовательность своихъ щенятъ» ¹⁾. Даже по отношенію къ

¹⁾ Spencer. L'éducation, стр. 162. Edit. popul., Alcan. (Есть нѣсколько русскихъ переводовъ).

дѣтямъ нѣжнаго возраста, когда родители стремятся привить имъ пониманіе нравственнаго закона, они не должны слишкомъ проникаться своей ролью олицетворенной совѣсти. Они должны помнить, что, независимо отъ ихъ желанія, существуютъ, кромѣ ихъ авторитета, двѣ вещи, къ которымъ слѣдуетъ относиться съ такимъ же уваженіемъ: это свобода ребенка и его маленькій умъ, который хочетъ жить и питаться своимъ личнымъ опытомъ. Разъ они убѣждены въ этомъ, они не пожелаютъ заслужить упрека, который дѣлаетъ Спенсеръ нѣкоторымъ воспитателямъ: «Они отождествляютъ свой авторитетъ и свое достоинство съ соблюденіемъ многочисленныхъ законовъ, которые они сами создали; всякое ихъ нарушеніе считается личнымъ оскорбленіемъ и вызываетъ гнѣвъ съ ихъ стороны» ¹⁾.

«Никогда не браните ребенка, сказать Фенелонъ, при первомъ же его движеніи или съ первыхъ вашихъ словъ. Если вы съ первыхъ словъ станете бранить его, онъ замѣтитъ, что вами руководятъ не умъ и сердце, а досада и раздраженіе: вы окончательно уроните свой авторитетъ. Если вы обрушитесь на ребенка съ перваго же его движенія, онъ не будетъ обладать достаточной свободой ума, чтобы сознаться въ своей винѣ, восторжествовать надъ своими стремленіями и почувствовать важность вашего мнѣнія; благодаря этому ребенокъ можетъ даже потерять уваженіе къ вамъ, которое онъ долженъ питать. Всегда показывайте ему, что вы владѣете собою: ничто лучше вашего терпѣнія не докажетъ ему этого» ²⁾.

Какъ и всѣ воспитательныя средства, опирающіяся на самолюбіе, выговоры, вошедшіе въ обычай и расточаемые безъ разбора, могутъ представлять опасности, которыхъ намъ не пришлось вполне отмѣтить, когда мы говорили о соревнованіи. Неизсякаемая

¹⁾ Spencer, loc. cit., стр. 139.

²⁾ Fénelon. De l'éducation des filles, изд. Defodon, стр. 35. (Фенелонъ. О воспитаніи дѣвицъ, М.).

мудрость г-жи Гизо даетъ намъ лучшіе совѣты и въ этомъ отношеніи.

«Дѣти,—говоритъ она,—не соединяютъ со своими проступками мысли о собственныхъ недостаткахъ. Они привыкаютъ усматривать недостатки лишь въ ошибкахъ, за которыя ихъ обыкновенно упрекаютъ. Здѣсь они даже обнаруживаютъ особое самолюбіе. Если въ присутствіи ребенка, воспитаннаго такимъ образомъ, заговорить о пирожномъ или вареньи, онъ скажетъ: «Я лакомка, я ѣмъ все, что попадется». Если ему приводятъ въ примѣръ послушнаго и прилежнаго ребенка, онъ скажетъ: «Я лѣнтяй, я люблю ничего не дѣлать». Хорошо воспитанный ребенокъ точно такъ же легко можетъ поддаться искушенію пирожнымъ или фруктами и не побояться несваренія желудка, лишь бы отвѣдать того, что ему нравится. Онъ охотно предпочтетъ праздность любому знанію; но онъ не согласится прослыть за лакомку или за лѣнтяя!

Луизѣ, вѣроятно, никогда не приходилось выслушивать общаго упрека въ ея лакомствѣ и лѣнности, хотя замѣчанія она получала много разъ; но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ какъ бы предполагалось, что этотъ случай не повторится. Луиза, какъ и всѣ дѣти, убѣждена, что разъ ея ошибка исправлена или вина прощена, то этимъ дѣло и кончено; ей не приходитъ въ голову, что изъ этого снова можно сдѣлать предметъ для упрековъ и основаніе для общаго сужденія о ея характерѣ и поведеніи. Если я упрекаю Луизу за то, что она потеряла уже три или четыре пары перчатокъ, она мнѣ отвѣчаетъ: «Мама, я сегодня потеряла только одну», и если я скажу ей о проступкѣ, въ которомъ она провинилась уже нѣсколько разъ, она мнѣ отвѣтитъ: «Но сейчасъ я этого не дѣлаю». Никогда мысль о проступкѣ не ассоціируются у дѣтей съ мыслью о своемъ недостаткѣ или привычкѣ; и слова «я больше не буду» для нихъ гораздо болѣе естественны, чѣмъ мысль

о томъ, что завтра они снова будутъ дѣлать то же, что и сегодня.

«Что касается Софи, у которой самолюбіе болѣе развито, чѣмъ у ея сестры, я нашла другое затрудненіе, мѣшающее мнѣ дѣлать ей упреки за ея недостатки, называя ихъ своими именами: она можетъ начать ими хвастаться. Довольно распространено выраженіе: «Что жъ, я таковъ». Мы нѣкоторымъ образомъ создаемъ себѣ положеніе въ свѣтѣ, давая понять другимъ, что мы что-то изъ себя представляемъ. Софи начинаетъ понимать это и любить, чтобы на нее обращали вниманіе; все ей лично присущее — хорошее или дурное — приобретаетъ извѣстное значеніе. Ея няня много разъ говорила ей, что она нетерпѣлива; дѣвочкѣ нравилось повторять это, и мнѣ стоило нѣкотораго труда заставить ее отказаться отъ такого рода заслуги, тѣмъ болѣе, что дѣвочка была довольно мало расположена къ исправленію и не считала нетерпѣливость большимъ недостаткомъ. Для того, чтобы дать ей правильное представленіе объ этомъ, я жду случая, когда она проявитъ нетерпѣніе въ самой нелѣпой и смѣшной формѣ, и позабочусь о томъ, чтобы воспоминаніе, которое она сохранитъ объ этомъ случаѣ, было способно отбить у нея охоту рассказывать всѣмъ, какъ она нетерпѣлива» ¹⁾.

Постоянные выговоры имѣютъ много отрицательныхъ сторонъ. Ребенокъ, котораго часто бранятъ, очень хорошо замѣчаетъ, что онъ не всегда этого заслуживаетъ: сначала это оскорбляетъ его чувство справедливости, затѣмъ онъ становится равнодушнымъ и къ обыкновеннымъ замѣчаніямъ. Сверхъ того, выговоры не перестаютъ создавать у него хроническое состояніе недоброжелательства и раздраженія, ослабляя довѣріе и симпатію, — эти два наиболѣе могущественныя воспитательныя средства. Худшая изъ отрицательныхъ сторонъ этой дисциплинарной си-

¹⁾ M-me Guizot. Lettres sur l'éducation, т. I, письмо XX.

стемы, выражающейся въ употребленіи ругательныхъ словъ, состоятъ въ томъ, что бранныя слова входятъ въ постоянное употребленіе, и ребенокъ перестаетъ обращать на нихъ вниманіе. Какое нравственное вліяніе могутъ имѣть на ребенка родители и наставники, которые въ малѣйшей провинности видятъ угрозу своему авторитету? Фенелонъ, самъ подавая примѣръ, совѣтовалъ воспитателямъ прощать ребенку многое изъ его безразсудствъ и ошибокъ, «дѣлая видъ, что не замѣчаешь ихъ», или удовлетворяя легкими замѣчаніями и мягкими выговорами.

Локкъ заходилъ слишкомъ ужъ далеко: онъ забывалъ принципъ пропорціональности карательныхъ мѣръ, предоставляя родителямъ право проявлять свою власть по поводу мельчайшихъ пустяковъ, подъ предлогомъ, что дѣти всегда должны имъ повиноваться, а родители не должны допускать, чтобы тѣ имъ приказывали. Не слѣдуетъ создавать права, не имѣющаго основанія. Власть должна соразмѣрять возмездіе съ виною, подъ страхомъ оказаться деспотической, впасть въ противорѣчіе съ самой собой и часто не получать признанія, вслѣдствіе столкновенія съ чувствомъ справедливости, столь обостреннымъ у маленькаго ребенка.

Выговоры, чтобы сохранить уваженіе и удовлетворить этому чувству справедливости, должны имѣть строго-разумную продолжительность. Собственно говоря, можно не очень сильно упрекать мать совѣмъ маленькаго ребенка за ея способность, благодаря которой она почти одновременно и бранить и прощаетъ его. Но какъ общее правило, и особенно, когда дѣло идетъ о дѣтяхъ постарше, нѣтъ ничего болѣе фатальнаго для авторитета воспитателя, чѣмъ эти частыя перемѣны гнѣва на милость, характерныя для слабыхъ матерей. А сколько мужчинъ въ этомъ отношеніи — увы! — похожи на женщинъ! Ничто также не способно въ такой степени, какъ это, уменьшать привязанность ребенка; какъ основательно говоритъ Гер-

бертъ Спенсеръ: «Безъ необходимости не проявляйте холодности къ ребенку въ теченіе слишкомъ долгаго времени изъ страха, какъ бы онъ не привыкъ обходиться безъ вашей любви, и какъ бы вы, такимъ образомъ, ни потеряли своего вліянія на него» ¹⁾.

II. Угрозы являются предупрежденіями и запрещеніями, становящимися болѣе настойчивыми, соотвѣтственно значенію того наказанія, которое должно послѣдовать за выполненіемъ запрещеннаго поступка. Я не вижу для нихъ другой цѣли, кромѣ какъ облегчить повиновеніе или ослабить сопротивленіе въ случаѣ нежеланія его сломить. Угрозы высказываются, конечно, послѣ запрещенія, повтореннаго серьезнымъ, но вполне дружескимъ тономъ. Если воля ребенка какъ бы колеблется между запрещеніемъ и привлекательностью начатаго дѣйствія, его предупреждаютъ, что если онъ будетъ продолжать, его лишатъ возможности дѣлать то, что не слѣдуетъ. Если угроза не дѣйствуетъ, ее исполняютъ, не говоря ни слова.

Лучше другихъ—угрозы, относящіяся къ дѣйствіямъ, которыя ребенокъ собирается или уже готовъ совершить. Въ этихъ случаяхъ ему легче повиноваться, а это такъ много значить для привычки, которую вы хотите въ немъ создать. Ребенокъ двухъ-четырехъ лѣтъ совсѣмъ не понимаетъ запретовъ, касающихся хотя бы не очень отдаленнаго времени; абсолютное и постоянное немного говорятъ его мысли. Какимъ образомъ воспоминаніе о нашихъ запрещеніяхъ, даже слившихся въ головѣ ребенка путемъ долгой привычки съ идеей о нашемъ недовольствѣ и нѣкоторыми другими непріятными послѣдствіями, можетъ оказывать свое дѣйствіе во время нашего отсутствія и по отношенію къ ряду такого же рода поступковъ, разъ наше присутствіе не могло помѣшать ихъ осуществленію? Ему вѣдь нельзя сказать того, что гово-

¹⁾ Spencer. L'éducation, стр. 157.

рится хорошо воспитанному шести или семилѣтнему ребенку:—«Не дѣлай того-то и того-то, когда меня не будетъ».—«Ребенокъ не долженъ становиться на стулъ».—«Никогда безъ моего разрѣшенія не бери въ руки ножа или ножницъ».—Но ему скажутъ:—«Повторяю, не дѣлай этого». «Оставь ножъ, ножницы, или я у тебя ихъ отниму».—

Въ виду того, что угрозы призваны поддерживать нашъ авторитетъ въ случаѣ его непризнанія, было бы нѣсколько неблагоразумно дѣлать это слишкомъ очевиднымъ. Это часто случается, если наше самолюбіе законодателей считаетъ себя затронутымъ при каждомъ столкновеніи, или если наша трусость слишкомъ легко вызываетъ у насъ иллюзію опасности; или когда мы больше имѣемъ въ виду собственный отдыхъ, чѣмъ интересы ребенка, запрещая ему шалить, или, наконецъ, если мы забываемъ, что его непослушаніе болѣе вредно ему, чѣмъ намъ. Угрозы и запрещенія мы должны высказывать и, особенно, приводить въ исполненіе, съ величайшимъ спокойствіемъ. Строгость, не соединенная съ жестокостью, часто болѣе дѣйствительна, чѣмъ самое сильное наказаніе.

Эта мягкая твердость, идеаль характера родителей, встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ можно думать. Какое жалкое зрѣлище представляетъ человекъ во всей силѣ возраста и опыта, если онъ доходитъ до того, что усматриваетъ личное оскорбленіе въ проступкахъ и упорствѣ маленькаго существа, слабого и неустойчиваго, и вступаетъ въ борьбу за преобладаніе съ этой живой былинкой, которую онъ можетъ сломать однимъ дуновеніемъ! Бываютъ отцы, которые теряютъ всякую мѣру и всякое достоинство въ такого рода столкновеніяхъ, вызываемыхъ зачастую ихъ же собственнымъ неблагоразуміемъ и непостоянствомъ. Однажды я направлялся въ комнату одного очень плохого ученика, съ которымъ никто изъ учителей, ни я самъ, не могли ничего подѣлать. Отецъ его, желая дать мнѣ доказательство своей педаго-

гической опытности, опередилъ меня и принялся стегать маленькаго бунтовщика, какъ собаку. Съ обѣихъ сторонъ раздавались громкіе крики, среди которыхъ я уловилъ такія значительныя слова: «Кто же уступить,—ты или я?—Я не уступлю». Послѣ новаго града ударовъ отецъ открылъ дверь и прошелъ мимо меня, внѣ себя, съ видомъ скорѣе огорченнаго, чѣмъ разгнѣваннаго. Едва успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по лѣстницѣ, какъ я услышалъ, взявшись уже за ручку двери, хохотъ ребенка, имѣвшій цѣлью раздражить отца. Не правда ли, это было очень тяжело?

Матери въ такихъ случаяхъ, еще болѣе оскорбленныя въ своихъ чувствахъ, чѣмъ въ своемъ самолюбіи, и считающія, что ихъ уже не любятъ, разъ ихъ не слушаются, разыгрываютъ сцены отчаянія, только еще болѣе обнаруживающія ихъ слабость. Онѣ слишкомъ счастливы, если ихъ униженіе не идетъ дальше и имъ, при ихъ неумѣнии согласовать свои угрозы съ дѣйствіями, не приходится прикрываться авторитетомъ отсутствующаго! Отъ ребенка не ускользаютъ такія признанія ихъ безсилія, и онъ умѣетъ, при случаѣ, очень хорошо ими воспользоваться.

Подъ вліяніемъ гнѣва родители часто забываются до того, что высказываютъ угрозы или неосуществимыя, или такія, которыя сами они не собираются привести въ исполненіе. Къ тому же результату приводитъ непослѣдовательность родителей, когда они забываютъ исполнить свои угрозы: что прошло, то забыто. Ничего нѣтъ хуже для ребенка. Онъ вѣритъ словамъ только тогда, когда они согласуются съ дѣйствіями. Онъ обращается какъ ему угодно съ авторитетомъ, который самъ не относится къ себѣ серьезно. Такое мягкое и нервное воспитаніе самонарушаетъ принципъ послушанія; благодаря каждой несерьезной угрозѣ упускается удобный случай для установленія хорошей привычки и, слѣдовательно,—для побѣды надъ дурною.

III. Подъ наказаніями разумѣются положительныя страданія или лишенія удовольствій, направленные на физическую чувствительность ребенка. Они служатъ дополненіемъ къ естественнымъ возмездіямъ за проступки, когда послѣдствія оказались бы или слишкомъ отдаленными, или чрезмѣрными. Однако они иногда могутъ не быть непосредственно связаны съ самымъ проступкомъ, какъ, на примѣръ, лишеніе десерта или сладкаго, за проявленія непослушанія, дерзости, нескромности, лжи, совершенныя за обѣдомъ или непосредственно передъ нимъ. Само собою разумѣется, что такія наказанія и лишенія должны быть всегда справедливыми, соответствующими проступку и, въ особенности, должны допускаться изрѣдка и въ легкой формѣ.

Ребенокъ очень рано начинаетъ понимать значеніе налагаемыхъ на него небольшихъ взысканій. Въ самомъ дѣлѣ, страданія причиняются ему съ такимъ же видомъ и тѣмъ же суровымъ голосомъ, что и выговоры и запрещенія. Это тѣ же выговоры, но осложненные страданіемъ,—тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что оно является неожиданнымъ. Мнѣ приходилось видѣть, какъ самые легкіе щелчки по рукѣ производили очень сильное впечатлѣніе на десяти-мѣсячнаго плаксу и упрянца. Но моральный успѣхъ бываетъ гораздо глубже у ребенка постарше, когда онъ уже способенъ понять, что наказаніе имѣетъ назначеніе карать за проступки, въ отношеніи которыхъ выговоры или предупрежденія оказались недостаточными.

IV. Вотъ крайне противорѣчивый вопросъ, по отношенію къ которому трудно занять опредѣленную позицію. Животными управляютъ посредствомъ ихъ жрева,—повторяя слова народной поговорки,—то-есть посредствомъ удовлетворенія или неудовлетворенія требованій ихъ вкуса и желудка. Боссюэ находилъ, что такъ можно управлять только скотами. Фенелонъ и Локкъ не допускаютъ подобнаго средства по отно-

шенію къ разумнымъ существамъ. Первый говоритъ:— «Никогда не общайтесь дѣтямъ въ награду украшеній или лакомствъ».—Второй:—«Не нужно ни наградъ, ни ласкъ для привлеченія дѣтей къ исполненію ихъ обязанностей».—Эти теоретики создали школу; въ книгѣ одного автора, посвятившаго ребенку интересную главу, я читаю: «Не нужно дѣлать изъ пищи средства къ возбужденію соревнованія, не нужно изъ лишенія пищи дѣлать наказанія или создавать награды путемъ какой-нибудь прибавки сладкаго; это неизбѣжно сдѣлаетъ ребенка лакомкою, завистникомъ, капризникомъ и лѣнтяемъ и неминуемо его испортитъ»¹⁾.

Это правило страдаетъ нѣкоторыми преувеличеніями. Я не могъ бы сказать того, что говоритъ Руссо, который довольно часто заблуждался въ вопросахъ нравственной педагогики: «Для вкуса нѣтъ почти ничего безразличнаго... Напротивъ, я вывелъ бы заключеніе, что самое подходящее средство управлять дѣтьми, это руководить ими посредствомъ ихъ чрева. Стимулъ чревоугодія предпочтительнѣе стимула тщеславія, особенно тѣмъ, что первое есть позывъ природы, а второе—результатъ людскаго мнѣнія»²⁾. Но я нахожу въ трудѣ Бэна о воспитаніи очень правдоподобныя основанія для обращенія, въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія, къ сильнымъ побужденіямъ аппетита.—«Можно,—говоритъ онъ,—провести поучительное различіе между лишеніемъ и голодомъ и между ихъ противоположностями. Лишеніе есть реальный недостатокъ въ крови питательныхъ веществъ; голодъ—это голосъ желудка, требующаго пищи въ часы обычнаго ея приема, это—мѣстное ощущеніе, которое можетъ быть очень острымъ, но никогда не сопровождается глубокимъ упадкомъ силъ, вызываемымъ истощеніемъ. Наша кровь можетъ располагать вполне

¹⁾ A. Robert. De l'éducation populaire, стр. 62.

²⁾ L'Emile, изд. Garnier frères. (Руссо. Эмилъ. М. 1896).

достаточнымъ количествомъ питательныхъ веществъ въ моментъ, когда голодъ уже причиняетъ намъ страданіе. Наказаніе ребенка, состоящее въ лишеніи его, при случаѣ, одного изъ трехъ или четырехъ въ теченіе дня приемовъ пищи, не можетъ представлять ни малѣйшаго неудобства съ точки зрѣнія здоровья и въ то же время можетъ произвести на него благотворное дѣйствіе, какъ мотивъ къ дѣятельности. Положительно уменьшать количество питательныхъ элементовъ, предоставленныхъ въ распоряженіе организма, — наказаніе слишкомъ суровое; причинить же временное страданіе отъ голода, — это совсѣмъ другое дѣло. Соединеніе очень интенсивныхъ вкусовыхъ наслажденій съ удовлетвореніемъ потребностей желудка и пріятное состояніе, вызываемое обиліемъ питательныхъ элементовъ въ здоровомъ тѣлѣ, составляютъ значительную сумму пріятныхъ ощущеній. Между минимумомъ, необходимымъ для самосохраненія, и изысканной пищей, которую позволяетъ богатство, — слишкомъ большое разстояніе, представляющее обширное поле для вліянія при воспитаніи дѣтей» ¹⁾.

Это дисциплинарное средство, основанное на удовлетвореніи чувства вкуса и на лишеніи или, точнѣе, ограниченіи вкусовыхъ наслажденій, представляется мнѣ примѣнимымъ даже къ дѣтямъ въ возрастѣ отъ одного до трехъ лѣтъ. Но по отношенію къ дѣтямъ всѣхъ возрастовъ необходимо соблюденіе извѣстнаго такта и чрезвычайной осторожности. Лучше простить ребенку нѣсколько важныхъ проступковъ и подождать случая воздѣйствовать на него другими средствами, чѣмъ рисковать лишить его, хотя бы на одинъ день, минимума пищи, необходимаго для сохраненія жизни! Не въ одномъ случаѣ гигиена и гуманность могли бы громко протестовать противъ такого вторженія вар-

¹⁾ А. Bain. La science de l'éducation, стр. 47. (Бэнъ. Наука о воспитаніи. СПб.).

варскихъ приѣмовъ въ дѣло воспитанія. Но если предположить, что дѣло касается здороваго и крѣпкаго ребенка и что лишеніе лакомства, напримѣръ, десерта или любимаго блюда, заставитъ его задуматься надъ важностью своего проступка, я не вижу неудобства въ причиненіи ему этого кратковременнаго страданія, которое будетъ имѣть для него благопріятныя послѣдствія. Я видѣлъ, какъ справедливое и умѣренное употребленіе этого средства способствовало исчезновенію нѣкоторыхъ нестерпимыхъ недостатковъ, какъ ложь или жестокость. Но среди непріятностей, связанныхъ съ чувствомъ вкуса, существуетъ одна, которой, по-моему, никогда не слѣдовало бы причинять ребенку: это—заставлять его ѣсть пищу, которая ему не идетъ въ горло.

Наказанія, основанныя на непріятныхъ ощущеніяхъ обонянія, могутъ дать въ результатъ гораздо больше неудобствъ, чѣмъ преимуществъ. У нѣкоторыхъ, особенно нѣжныхъ, дѣтей они могутъ вызывать серьезныя разстройства и, какъ слѣдствіе ихъ, раздраженіе, крайне неблагопріятное для моральнаго воздѣйствія воспитанія. Они могутъ быстро повести къ притупленію обонятельной чувствительности и, такимъ образомъ, потерять свой непріятный характеръ, что было бы двойнымъ зломъ. Это одинъ изъ видовъ варварскихъ карательныхъ мѣръ, и приходится краснѣть при мысли, что онъ могъ употребляться воспитателями.

Возникаетъ вопросъ: могутъ ли непріятныя ощущенія зрѣнія служить въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣрами дисциплинарныхъ взысканій? Такъ же, какъ и Бэнъ, я отвѣчаю: абсолютно нѣтъ. «Страданія, испытываемыя органомъ зрѣнія, говоритъ онъ, могутъ быть очень интенсивны; но въ качествѣ наказанія они встрѣчаются только въ самыхъ варварскихъ законодательствахъ» ¹⁾. Я не могъ бы допустить,—

¹⁾ Bain. La science de l'éducation, стр. 48.

хотя бы одинъ разъ только, хотя бы за очень серьезную вину, хотя бы по отношенію къ совершенно неустрашимому ребенку,—заключенія въ потемкахъ, съ его пугающими видѣніями, которыя могутъ повести къ такимъ гибельнымъ послѣдствіямъ для нервной системы. Слово карцеръ, какъ и слово привидѣніе, должно быть совершенно изгнано изъ дѣтскаго лексикона. Если и хорошо приучать ребенка не бояться темноты, то, во всякомъ случаѣ, не подвергая его этому въ видѣ наказанія.

Посредствомъ зрѣнія мы воспринимаемъ множество впечатлѣній, пробуждающихъ очень тяжелыя чувства, связанныя съ зрительными ощущеніями. Это — воспоминанія и какъ бы угрозы наказаній, лишеній, страданій и стыда. Я зналъ одну мать, послѣдовательницу отвратительной школы Орбилія (*l'école d'Orbilius*), которая, уставая ругать и бить своихъ дѣтей, заставляла ихъ по четверти часа и больше разсматривать, повернувшись лицомъ къ стѣнкѣ, висящую на гвоздѣ плетку. Она не знала, что истиннаго послушанія такъ же мало можно добиться, поражая воображеніе, какъ и терзая тѣло. Далекій отъ того, чтобы ставить ее въ примѣръ другимъ матерямъ, я ютъ всей души совѣтую имъ пользоваться плеткой только для того, чтобы выколачивать свои платья.

Если мораль извлекаетъ болѣе или менѣе непосредственную пользу изъ пріятныхъ ощущеній слуха, то изъ этого не слѣдуетъ, что непріятныя ощущенія этого органа могутъ быть включены въ число допустимыхъ наказаній. «Грубые и нестройные звуки могутъ стать истиннымъ мученіемъ»¹⁾; но излишняя интенсивность ихъ можетъ имѣть слѣдствіемъ притупленіе остроты чувства слуха, влекущее за собою нечувствительность его къ непріятнымъ звуковымъ ощущеніямъ, или же вызвать

¹⁾ A. Bain. La science de l'éducation, стр. 48.

раздраженіе нервной и моральной чувствительности, идущее въ разрѣзъ съ самой цѣлью нравственной дисциплины, которая состоитъ въ приведеніи ребенка къ спокойствію—при помощи разсужденія, и къ благо-нравію—при помощи спокойствія и разсужденія. Примѣненіе противоположнаго средства могло бы скорѣе оказать услугу дѣлу воспитанія. Одна маленькая дѣвочка была наказана за довольно важный проступокъ, но наказаніе достигло лишь того, что огорчило ее; со слезами и рыданіями она подбѣжала къ матери, которая машинально стала играть на фортепіано любимыя пѣсенки ребенка. Дѣвочка стала покрывать поцѣлуями руки матери, взобралась на высокій табуретъ рядомъ съ нею и съ умоляющимъ взглядомъ сказала: «Не сердись, мама, Луиза умница, не сердись! Мамочка, играй». Это было откровеніе для матери, которая съ тѣхъ поръ стала пользоваться, не злоупотребляя, этимъ удобнымъ отвлекающимъ средствомъ, чтобы, безъ выговоровъ и наказаній, настраивать нравственный діапазонъ ребенка желательнымъ для себя образомъ. Веселое настроеніе ребенка является уже на половину благонаравіемъ.

Мышечное утомленіе, какъ наказаніе, можетъ примѣняться только невѣжественными и дурно воспитанными родителями. Но до какого бы излишка оно ни доводилось, все же это утомленіе будетъ менѣе губительно для здоровья и душевнаго расположенія ребенка, чѣмъ нервное утомленіе, которое можетъ получиться въ результатъ излишняго обремененія упражненіями и уроками, въ видѣ наказанія. Кромѣ того, умственный трудъ занимаетъ вообще такое высокое положеніе и такъ тѣсно связанъ съ духовной свободой личности, что, съ нравственной точки зрѣнія, я считаю чрезмѣрнымъ наказаніемъ требованіе написать или выучить хотя бы только двѣ строчки. Что же касается лишенія удовольствія, проистекающаго отъ мышечныхъ упражненій, то, по отношенію къ маленькому ребенку, оно можетъ съ пользой употребляться въ

качествѣ наказанія. Нужно только, чтобы такого рода перерывъ въ играхъ ребенка мотивировался какой-нибудь виной, совершенной во время самой игры. Тогда онъ будетъ чувствительнѣе и естественнѣе, и единственное условіе, которое слѣдуетъ при этомъ соблюдать, состоитъ въ томъ, чтобы онъ всегда былъ возможно кратковременнѣе.

Могутъ ли тепловыя ощущенія осязанія, подобно вкусовымъ ощущеніямъ, примѣняться къ цѣлямъ моральной дисциплины? Быть можетъ да, но рѣдко, лишь въ крайнихъ случаяхъ и съ величайшей осмотрительностью. Въ дѣлѣ школьнаго воспитанія наблюдалось столько злоупотребленій выгоняніемъ дѣтей на воздухъ во всякое время года, что эта система почти единодушно осуждена какъ безчеловѣчная. Мнѣ приходилось, однако, видѣть, какимъ униженіемъ и испытаніемъ для плохихъ учениковъ являлось такое наказаніе въ теченіе четверти часа или, въ самый разгаръ зимы, въ теченіе только пяти минутъ, безъ запрещенія, впрочемъ, производить движенія, которое могло бы вредно отразиться на ихъ здоровьѣ. Въ этомъ случаѣ нравственный результатъ составляетъ все, а продолжительность наказанія имѣетъ весьма малое значеніе. Я видѣлъ, какое благотворное вліяніе на маленькихъ дѣтей оказываетъ наказаніе за упрямство или раздражительность, состоящее въ такомъ кратковременномъ изгнаніи. Ребенокъ двухъ или трехъ лѣтъ считаетъ себя сурово наказаннымъ и какъ бы вытолкнутымъ изъ семьи, когда его энергично возьмутъ за руку и выведутъ, захлопнувъ дверь, во дворъ или въ садъ, минутъ на десять и не болѣе какъ на пять минутъ при умѣренномъ холодѣ. Физическое дѣйствіе такого рода наказаній вполне безвредно, но въ нравственномъ отношеніи они могутъ повести къ спасительнымъ результатамъ.

Удары, наносимые въ видѣ наказанія, относятся къ непріятнымъ ощущеніямъ кожи и мышцъ, иначе

говоря, къ осязательно-мускульнымъ страданіямъ. Я не стану долго распространяться по этому поводу. Я думаю, что мои читатели уже знакомы съ этимъ вопросомъ или съ удовольствіемъ и пользой для себя ознакомятся съ нимъ, обратясь къ учителямъ, недавно высказавшимся по этому поводу лучше, чѣмъ я могъ бы это сдѣлать. Розги, битье линейкой по рукѣ нанесеніе ударовъ офиціально запрещены въ нашихъ школахъ. Я сильно желать бы, чтобы они окончательно вывелись въ нихъ и чтобы это правило перешло изъ школы и въ семью. Кажется, бесполезно напоминать просвѣщеннымъ и сколько-нибудь хорошо воспитаннымъ родителямъ, что тѣлесныя наказанія являются худшими изъ всѣхъ каръ и что, благодаря вызываемому ими раздраженію или стыду, они всего менѣе способны гарантировать внѣшнее повиновеніе. Локкъ допускалъ ихъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Я же не допускаю ихъ ни въ какомъ видѣ, ни для самыхъ важныхъ случаевъ, ни по отношенію къ самымъ дурнымъ дѣтямъ, ни въ самой легкой формѣ. «Во Франціи и законы, и нравы абсолютно осудили тѣлесное наказаніе», говоритъ Компейрэ; для обоснованія этого запрещенія, для насъ, какъ и для него, достаточно довода Локка, что они представляютъ рабское дисциплинарное средство и порождаютъ рабскія души ¹⁾).

Пусть англичане и нѣмцы продолжаютъ спорить о необыкновенныхъ достоинствахъ плетки, палочныхъ ударовъ, пинковъ ногою и пощечинъ, какъ лучшихъ средствъ школьной и военной дисциплины. Что касается нашихъ школьниковъ, то намъ слѣдуетъ помнить, что мы наслѣдники Раблэ и Монтэня, впервые протестовавшихъ противъ этой варварской дисциплины. Въ книгѣ четвертой своего Пантагрюэля Раблэ говоритъ о нѣкоемъ Тампестѣ, который «былъ большой охотникъ сѣчь розгами

¹⁾ Compayré. Cours de pédagogie, стр. 442.

учениковъ колледжа Монтагю»; въ Гаргантюа онъ проклинаетъ этотъ «грязный колледжъ», «потому что гораздо лучше обращаются съ каторжниками у мавровъ и татаръ, съ убійцами въ уголовной тюрьмѣ и, конечно, даже съ собаками, чѣмъ съ этими несчастными въ упомянутомъ колледжѣ». Монтанъ называетъ колледжи своего времени «истинными тюрьмами попавшаго въ неволю юношества». «Придите къ нимъ, — говоритъ онъ, — во время ихъ занятій, вы услышите лишь крики, мольбы дѣтей, возгласы опьяненныхъ гнѣвомъ учителей. Какой способъ возбужденія охоты къ ученію у этихъ нѣжныхъ и робкихъ созданій посредствомъ ужасной ругани и съ плетью въ рукахъ!»¹⁾ Мнѣ жаль родителей, оставшихъ на три столѣтія, которые не могутъ найти для усмиренія одного изъ двухъ дѣтей ничего лучше этого варварскаго обращенія; хорошій учитель не прибѣгаетъ къ нему даже чтобы руководить цѣлымъ классомъ въ сорокъ или пятьдесятъ учениковъ.

Затѣмъ, не будемъ забывать, что эти милые дѣти—маленькіе французскіе солдаты умою и сердцемъ, мужественно глядящіе уже на своихъ старшихъ собратій, марширующихъ подъ звуки рожка и бой барабана. Въ семьѣ, въ школѣ, будемъ обращаться съ ними какъ съ будущими солдатами. Но солдаты Франціи никогда не могли примириться съ дисциплиной розги. Графъ де-Сенъ-Жерменъ, военный министръ при Людовикѣ XVI, попытался ввести въ арміи реформы, которыя не всѣ были удачны; въ особенности не посчастливилось реформѣ, стремившейся подчинить солдатъ тѣлесному наказанію. «За нежеланіе исполнять этотъ приказъ капралы были разжалованы до степени простыхъ солдатъ. Одинъ субалтернъ-офицеръ, принужденный дать одному изъ своихъ подчиненныхъ двадцать пять ударовъ саблей

¹⁾ A. Martin. L'éducation du caractère, стр. 281.

плашмя, остановился на двадцать четвертомъ ударѣ и сказавъ: «А послѣдній я оставляю для себя»,—вонзилъ себѣ саблю въ грудь. Одному гренадеру приписывали изреченіе: «Французы любятъ въ саблѣ только остріе» ¹⁾).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О нравственномъ чувствѣ и нравственныхъ привычкахъ у маленькаго ребенка.

I. Успѣхи въ дѣлѣ различенія добра и зла.— Они должны достигаться путемъ медленнаго и хорошо усвоеннаго опыта. — Пользованіе нѣкоторыми опредѣленіями при обыкновенныхъ поступкахъ, а также при поступкахъ необычныхъ. — О необходимости тщательно слѣдить за собою при оцѣнкѣ поступковъ, совершающихся въ присутствіи ребенка. — II. Ребенокъ—моралистъ.—Онъ высказываетъ сужденія о поведеніи другихъ.—Родители не достаточно соблюдаютъ осторожность, критикуя въ присутствіи дѣтей поведеніе другихъ.—Ребенокъ понемногу подыскиваетъ нравственные мотивы для своихъ дѣйствій.—III. Не слѣдуетъ судить о нравственности ребенка по тѣмъ нравственнымъ оцѣнкамъ, которыя онъ можетъ провозглашать.—IV. Представленіе о нравственномъ законѣ долга въ сущности является крайне недостаточнымъ мотивомъ для дѣйствія.—Прежде чѣмъ стать внутреннимъ закономъ, нравственный законъ требуетъ многократнаго внѣшняго примѣненія.—V. Трехмѣсячный ребенокъ можетъ уже обладать нѣкоторымъ количествомъ регулярныхъ привычекъ, но онѣ еще не являются нравственными привычками.—Тѣ же самыя привычки, спустя значительное время, становятся очень неустойчивыми.—VI. Нравственность, какъ и послушаніе ребенка, зависитъ отъ среды и отъ окружающихъ.—Зачатки угрызений совѣсти у полуторагодового ребенка.—Даже присутствіе родителей не всегда удерживаетъ отъ зла, но необходимо, чтобы ихъ воздѣйствіе производилось безъ угрозъ, путемъ убѣжденія.—VII. Нравственность ребенка всегда вытекаетъ изъ его эгоизма.—Онъ дѣлаетъ пріятное другимъ, чтобы доставить удовольствіе самому себѣ. Его любовь къ справедливости и равенству почти всецѣло носитъ субъективный характеръ.—VIII. Патологическая безнравственность у нѣкоторыхъ дѣтей.

I. Въ возрастѣ двухъ лѣтъ болѣе обширный опытъ и успѣхи въ развитіи рѣчи расширяютъ сферу

¹⁾ E. Maréchal. Histoire de l'Europe et particulièrement de la France de 1610 à 1789, Delalain, 14 изданіе, стр. 1051.

различенія добра и зла, распространяя ее на болѣе значительное количество точно опредѣленныхъ предметовъ. Даже до истеченія одного года жизни ребенокъ дѣлаетъ характерную гримасу уже при однихъ словахъ — гадкій, злой, скверный; наоборотъ, при словахъ — милый, славный, хорошій, онъ улыбается. Конечно, эти наименованія ассоціируются для него съ опредѣленнымъ тономъ голоса, выраженіемъ лица, ласковыми или непріятными жестами. Во всякомъ случаѣ, эти и нѣкоторые другія слова и фразы, имѣющія аналогичное значеніе, составляютъ переходъ къ болѣе рѣзкимъ выраженіямъ удовольствія или неудовольствія родителей. Будемъ разсматривать это какъ первый шагъ въ области моральныхъ абстракцій: разъ представленіе вызвано жестомъ или словомъ, ассоціирующимся съ нѣсколькими опредѣленными дѣйствіями, этотъ жестъ и это слово вызываютъ въ умѣ воспоминаніе объ удовольствіи или страданіи, разрѣшеніи или запрещеніи.

Въ этомъ и состоитъ развитіе нравственнаго чувства (*sens moral*), которое можетъ подвигаться впередъ не иначе, какъ тѣмъ же путемъ, какимъ оно возникаетъ, то-есть при посредствѣ медленнаго и хорошо усвоеннаго опыта. Своевременное и тактичное пользование нѣкоторыми наименованіями можетъ заставить ребенка избѣгать какъ такихъ дѣйствій, которыя онъ уже могъ совершить, такъ и такихъ, которыя онъ готовился совершить впервые. Такъ, на примѣръ, слово гадкій доставило большое огорченіе сыну Дарвина, отказавшемуся поцѣловать отца, когда тотъ просилъ его объ этомъ; такъ одинъ ребенокъ десяти мѣсяцевъ принялся плакать, когда мать его, услышавъ крикъ кошки, которую онъ тащилъ за хвостъ, назвала его сквернымъ ребенкомъ. Точно такъ же, впрочемъ, простого звука—гм!, произнесеннаго энергичнымъ тономъ, бывало достаточно, чтобы остановить моихъ кошекъ, когда онѣ принимались царапать когтями мебель или пачкать полъ передъ

моимъ каминомъ. Дѣти въ возрастѣ одного года, и даже много раньше, тоже могутъ часто при одномъ словѣ или одной фразѣ воздержаться отъ непослушанія, отъ порчи тѣхъ или иныхъ предметовъ, отъ дурного обращенія съ животными, отъ совершенія неприличныхъ поступковъ, отъ неопрятности. Во многихъ случаяхъ также одного слова, короткой фразы, жеста, улыбки можетъ быть достаточно, чтобы побудить ребенка къ хорошимъ поступкамъ, подобно тому, какъ ихъ бываетъ достаточно, чтобы отвратить его отъ дурныхъ дѣйствій. Но злоупотребленіе такими наименованія и такими дисциплинарными формулами было бы очень прискорбно: можно ежедневно пользоваться словами милый, гадкій, но лишь примѣнительно къ наиболѣе важнымъ поступкамъ, совершаемымъ какъ самимъ ребенкомъ, такъ и кѣмъ-нибудь въ его присутствіи.

Что касается поступковъ другихъ, то окружающая ребенка среда ежедневно даетъ ему въ этомъ отношеніи значительный матеріалъ для сужденій; часть этого матеріала проходитъ для него незамѣченной, но извѣстная часть поражаетъ его, по крайней мѣрѣ со стороны квалифицирующихъ ее заявленій: это побуждаетъ его, въ свою очередь, дѣлать оцѣнку такихъ поступковъ или даже подражать имъ. Онъ наблюдаетъ непосредственныя послѣдствія извѣстныхъ дѣйствій, обращеніе окружающихъ другъ съ другомъ, способы устраненія ими препятствій, противопоставляемыхъ ихъ дѣятельности, ихъ успѣхи, ихъ промахи, ихъ ошибки, а также награжденія или одобренія, наказанія или порицанія, вызываемыя ихъ поведеніемъ. Это ежедневное зрѣлище представляетъ поистинѣ уроки морали въ дѣйствіи, дающіе неистощимую пищу для нравственности и даже для нравственного чувства ребенка въ возрастѣ пятнадцати мѣсяцевъ. Необходимо поэтому слѣдить за собою, насколько возможно, въ дѣлѣ подражанія примѣрамъ и оцѣнки дѣйствій, совершающихся въ присутствіи ребенка, и не

менѣ заботливо избѣгать какъ неправильной оцѣнки хорошихъ поступковъ, такъ и оказанія дурныхъ примѣровъ.

II. Въ возрастѣ двухъ лѣтъ ребенокъ уже способенъ морализировать не хуже взрослыхъ. Онъ производитъ, съ точки зрѣнія добра и зла, оцѣнку дѣйствій своихъ братьевъ и сестеръ, своихъ друзей, взрослыхъ,—при чемъ только въ рѣдкихъ случаяхъ касается лицъ, пользующихся по отношенію къ нему нѣкоторымъ авторитетомъ. Однажды въ присутствіи Люсьена, которому было два съ половиною года, одинъ ребенокъ взялъ игрушки своего товарища. Люсьень бросился на него съ сжатыми кулаками и закричалъ: «Ты гадкій: Витя будетъ плакать; оставь игрушки». Самъ онъ былъ большой буянъ и драчунъ, но не выносилъ этихъ недостатковъ въ другихъ.

Его свели въ гости къ мальчикамъ его возраста; они играли въ войну, пользуясь при этомъ особыми механическими игрушками, которыхъ дома у него не было. Игра эта поразила и взволновала его, и охватившія его зависть и дурное расположеніе духа выразились въ слѣдующей фразѣ маленькаго моралиста (говорятъ, что всѣ моралисты—люди больные и угрюмые): «Крестная, пора уходить: эти дѣтишки (замѣтьте, какое высокомеріе) слишкомъ много шумятъ!» Тогда ему дали деревянныхъ стружекъ и лучинокъ, какими онъ и у себѣ дома игралъ въ разныя игры. Онъ сталъ возиться съ ними, топая, крича, дѣлая гораздо больше шума, чѣмъ всѣ его товарищи, вмѣстѣ взятые; вскорѣ онъ увлекся до того, что у одного стащилъ саблю, у другого рожокъ, у третьяго барабанъ, и сталъ гремѣть всѣмъ этимъ, оглушая окружающихъ.

Нѣтъ ничего дурного въ томъ, если ребенокъ прилагаетъ отъ времени до времени къ поступкамъ своихъ товарищей общія правила поведенія, преподанные нами и чаще повторяемые, чѣмъ выполняемые имъ самимъ. Эти формулировки приходятъ на

помощь его личному опыту, намѣчая предварительные выводы. «Не надо врать, не надо не слушаться, не надо красть сахаръ, не надо бить Минетку; это гадко, это очень гадко». Примѣняя эти правила къ своимъ друзьямъ, ребенокъ запечатлѣваетъ ихъ въ своей памяти, и они тѣмъ легче всплываютъ въ ней потомъ, по поводу его собственныхъ поступковъ. Но не слѣдуетъ поощрять его стремленіе судить другихъ. Лучше приучить его судить самого себя, дѣлая въ его присутствіи, иногда косвеннымъ образомъ, оцѣнку его важнѣйшихъ поступковъ. Упреки и похвалы, высказываемые въ формѣ общаго правила, побуждаютъ ребенка обсуждать собственное поведеніе, не задѣвая въ то же время его самолюбія.

Ребенокъ, въ присутствіи котораго не стѣсняются судить другихъ, самъ легко усвоить себѣ эту привычку и всего чаще будетъ судить въ дурную сторону. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы понять истинную заслугу хорошихъ поступковъ,—которая состоитъ часто скорѣе въ намѣреніи, чѣмъ въ окончательномъ результатѣ,—нужно обладать хорошо направленнымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Кромѣ того, очень рѣдко родители, привыкшіе вслухъ обсуждать малѣйшіе недостатки своихъ ближнихъ, обращаютъ при этомъ вниманіе на свои личныя качества. Ихъ примѣръ способенъ только повести къ самой отвратительной въ мірѣ сплетнической критикѣ чужихъ поступковъ. Бываютъ родители, проводящіе все время въ перетрачиваніи, въ присутствіи дѣтей, поведенія, рѣчей и намѣреній своихъ друзей и знакомыхъ; они иногда бываютъ наказаны за это—никогда, впрочемъ, не исправляющей ихъ—легендарной болтливостью ихъ бессознательныхъ подражателей. Точно такъ же многія матери слишкомъ свободно высказываютъ въ семейномъ кругу свое раздраженіе по поводу непріятностей, причиняемыхъ домочадцами, которыхъ ребенокъ долженъ любить и уважать почти наравнѣ съ родителями. Что дѣлать, если ребенокъ, привыкшій

критиковать вкривь и вкось поведѣніе прислуги, примется за такую же оцѣнку поведѣнія отца или матери?

III. Не будемъ судить о нравственномъ чувствѣ ребенка, ни вообще о его способности къ хорошимъ поступкамъ, по его оцѣнкамъ нѣкоторыхъ дѣйствій или по случайному подражанію дѣйствіямъ,—которыя у взрослыхъ людей мы назвали бы нравственными. Нельзя далеко уйти въ пониманіи долга, если оно основано на подражаніи и случаѣ, а не на личномъ и солидномъ опытѣ. Даже у ребенка трехъ-четырехъ лѣтъ нравственное правило, само по себѣ, рѣдко имѣетъ дѣйствительное значеніе нравственнаго опредѣленія. Если взрослый человѣкъ далекъ отъ того, чтобы всегда стремиться къ тому, что онъ считаетъ лучшимъ и о чемъ онъ имѣетъ совершенно ясное представленіе, то съ тѣмъ большимъ основаніемъ это приложимо къ ребенку, обладающему лишь крайне несовершеннымъ пониманіемъ добра и зла. Это различіе добра и зла, болѣе конкретное, чѣмъ абстрактное, даетъ его волѣ болѣе или менѣе сильныя импульсы, сообразно съ его характеромъ, прирожденными вкусами, съ воспитаніемъ, которое онъ получилъ, и, еще болѣе, сообразно съ временемъ, мѣстомъ и обстоятельствами.

Нравственное чувство всего чаще составляетъ для ребенка, какъ и для взрослого, лишь теорію его дѣйствій. Уже въ возрастѣ до трехъ лѣтъ присущая всякому уму потребность въ обобщеніи заставляетъ ребенка согласовать свои мысли и свои поступки. «Этотъ психологическій законъ никогда не долженъ упускаться изъ виду,—до того значительны его послѣдствія: всѣ наши склонности, прирожденные или благопріобрѣтенныя, хорошія или дурныя, а слѣдовательно, всѣ наши привычки, какимъ бы образомъ мы ихъ ни пріобрѣли,—имѣютъ тенденцію не только фактически опредѣлять, какъ наличные импульсы, наше поведѣніе, но и претворяться въ мотивы

для сознательной воли, то-есть играть роль доводовъ въ самомъ обсужденіи, внушать по меньшей мѣрѣ оправдательные софизмы, которымъ подкупленный разумъ, въ концѣ-концовъ, почти искренно дается въ обманъ» ¹⁾. Поступки влекутъ за собою сужденія, а сужденія—поступки. Другими словами, софизмы чувства принимаютъ значительное участіе въ лучшихъ рѣшеніяхъ ребенка. Онъ старается мотивировать свои поступки, даже когда этого вовсе не требуется отъ него. «Я это сдѣлалъ, потому что»...—Эта фраза то и дѣло повторяется въ его рѣчахъ. Онъ стремится снискать наши похвалы для множества своихъ мало-значительныхъ поступковъ, которые самъ онъ считаетъ достойными. Онъ придумываетъ иногда совершенно невѣроятные мотивы для объясненія поступковъ другихъ, о которыхъ судить по своимъ собственнымъ дѣйствіямъ; въ особенности онъ изобрѣтателенъ на благовидныя объясненія для тѣхъ изъ своихъ поступковъ, которые всего болѣе заслуживаютъ порицанія.

IV. Достаточно нѣсколькихъ примѣровъ, чтобы показать, насколько идея долга, нравственного закона, является у маленькаго ребенка еще слишкомъ недостаточнымъ мотивомъ для дѣйствія. Очень часто годовалый ребенокъ старается уклониться отъ нашего надзора, если ему не удастся безнаказанно игнорировать нашъ авторитетъ. Дѣйствительно, что значать всѣ маленькія хитрости и таинственности, такъ наивно сплетенныя, такъ легко раскрывающіяся, что, при обнаруженіи, могутъ вызвать лишь скрытую улыбку съ нашей стороны? А эта прозрачная ложь, которой онъ пытается прикрыть отъ насъ свои неловкости, свои кражи, свои маленькія жестокости и свои крупныя ослушанія? Здѣсь опять передъ нами эгоизмъ, захваченный врасплохъ и не желающій сдаться. Ребенокъ скрываетъ въ особенности за-

¹⁾ Н. Marion, La solidarité morale, стр. 109.

тѣмъ, чтобы ему не помѣшали совершить запрещенный, но пріятный поступокъ. Или же, если ему случится задуматься на минуту о наказаніи, онъ прежде всего старается избѣжать непріятности, представленіе о которой ассоціируется въ его умѣ съ представленіемъ о запрещенномъ поступкѣ, и совершенно индифферентно относится къ уясненію для себя вопроса, хорошъ ли этотъ поступокъ самъ по себѣ или плохъ. Въ этомъ возрастѣ «добро и зло одинаково безразличны, и ребенокъ бываетъ хорошъ или плохъ раньше, чѣмъ научится различать одно отъ другого» ¹⁾ и очень часто, прибавлю я отъ себя, несмотря даже на слабое представленіе о добрѣ и злѣ, которое онъ можетъ имѣть.

Прежде чѣмъ стать внутреннимъ закономъ, управляющимъ и наказующимъ въ тайникахъ совѣсти, нравственный законъ, основанный на социальномъ принципѣ, долженъ получить многократное внѣшнее примѣненіе. Маленькій Тидеманъ, двадцати трехъ мѣсяцевъ отъ роду, очутившись на томъ мѣстѣ въ комнатѣ, гдѣ онъ за недѣлю передъ тѣмъ былъ наказанъ за неопрятность, тотчасъ же, безъ всякаго вызова съ чьей-либо стороны, сказалъ: «Кто напачкаетъ въ комнатѣ, того будутъ бить». Онъ повторялъ въ назиданіе другимъ правило, которое было примѣнено къ нему. Точно такъ же мой племянникъ, котораго передъ обѣдомъ поручили моему присмотру, не позволялъ мнѣ заглядывать въ блюда: «Не трогай, это къ ужину». Первоначальное развитіе нравственнаго чувства состоитъ прежде всего въ распространеніи на другіе случаи и на другихъ лицъ хорошо уясненныхъ послѣдствій извѣстныхъ поступковъ.

V. Въ возрастѣ трехъ и даже двухъ мѣсяцевъ, — вся моя книга съ избыткомъ доказываетъ это — ребенокъ можетъ обладать нѣкоторымъ количествомъ

¹⁾ P. Janet. *Traité élémentaire de philosophie*, ст. 667.

правильныхъ привычекъ, но онѣ не являются нравственными привычками, потому что ребенокъ не въ состояніи сознательно относиться къ нимъ. Изъ четырехъ основныхъ добродѣтелей,—каковы благо-разуміе, терпѣніе, умѣренность и справедливость, ребенокъ трехъ мѣсяцевъ не осуществляетъ ни одной, если не считать чисто-автоматическаго обнаруженія прирожденныхъ наклонностей или механическаго проявленія приобрѣтенныхъ привычекъ. Именно чисто механическимъ образомъ ребенокъ, даже семи мѣсяцевъ отъ роду ¹⁾, котораго мать побранила и нѣсколько встряхнула въ наказаніе, приучается не плакать, чтобы его вынули изъ колыбели и держали на рукахъ, а также повинуется отцу, когда тотъ, возвысивъ голосъ, говоритъ ему: «Замолчи». Точно такъ же совершенно механически, хотя и въ силу болѣе или менѣе привитаго ему чувства симпатіи, онъ пытается сдѣлать нѣсколько неувѣренныхъ шаговъ, несмотря на свое неумѣніе ходить, когда ему протягиваютъ половину персика или стараются привлечь его улыбкой. Я не стану украшать эпитетомъ нравственныхъ поступки, въ которыхъ преобладаетъ желаніе осязательнаго удовлетворенія или страхъ передъ наказаніемъ для себя и, быть можетъ, для другихъ, такъ какъ представленія объ этомъ удовлетвореніи и объ этомъ наказаніи ассоціировались въ памяти ребенка съ представленіемъ о томъ или иномъ поступкѣ, который онъ совершаетъ подъ влияніемъ до извѣстной степени грубаго импульса со стороны чувства. Я не согласенъ видѣть въ этомъ нравственность, а еще менѣе — нравственное сознаніе. Но нельзя не признать, что болѣе или меньшая способность повиноваться, дѣйствовать подъ влияніемъ такого рода побужденій, составляетъ уже большой прогрессъ въ дѣлѣ нравственнаго развитія. Та небольшая доля сознатель-

¹⁾ B. Pérez. Les trois premières années de l'enfant, стр. 335.

ности у ребенка, которая примѣшивается въ этомъ случаѣ, еще не позволяетъ утверждать, что ребенокъ уже обладаетъ нравственнымъ чувствомъ, но лишь указываетъ на то, что онъ уже усвоилъ себѣ первые проблески его.

Ребенокъ пятнадцати мѣсяцевъ, и даже двухъ лѣтъ, можетъ обладать только привычками, а не нравственнымъ сознаниемъ, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ основанія сознательности уже заложены въ немъ.

Въ этомъ возрастѣ наблюдается еще полная неумѣренность въ ѣдѣ; но хорошо приученный ребенокъ, въ общемъ, требуетъ ѣсть, только когда бываетъ голоденъ, или въ часы, установленные для ѣды,—независимо отъ того, понимаетъ онъ или нѣтъ, что именно такъ слѣдуетъ поступать. Умѣренность въ пользованіи удовольствіями—тоже добродѣтель, совершенно неизвѣстная ему; но умственное и аффективное воспитаніе его чувствъ уже сдѣлало замѣтные успѣхи, представляющіе собою начатки благоразумія. Удовольствіе и страданіе научили его понимать нѣкоторыя особенности окружающихъ предметовъ и, сообразно съ этимъ, или стремиться къ нимъ, или отвергать и отталкивать ихъ,—вообще относиться къ нимъ такъ или иначе, соотвѣтственно съ собственной пользой. По отношенію къ людямъ его опытъ, вполне объективный и конкретный, резюмируется слѣдующей утилитарной формулой его мудрости: «Дѣлай то, что тебѣ дѣлаютъ, улыбайся тому, кто тебѣ доставляетъ удовольствіе, проявляй злобу къ тѣмъ, кто тебѣ дѣлаетъ зло». Вотъ каковы нравственныя привычки болѣе или менѣе хорошо усвоенныя и, быть можетъ, уже смутно сознаваемые,—что, впрочемъ, еще не имѣетъ большого значенія въ этомъ возрастѣ неразумія или только зарожденія разума. Мнѣ кажется также, что въ этомъ возрастѣ понятіе о справедливости,—по мнѣнію Руссо, П. Жирара и Дарвина, являющееся прирожденнымъ,—въ

дѣйствительности еще вовсе не существуетъ: ребенокъ, котораго слишкомъ сильно или несовѣстѣмъ справедливо побили и который начинаетъ еще сильнѣе кричать или затихаетъ, синѣетъ и задыхается, представляется мнѣ лишь охваченнымъ сильнѣйшимъ чувствомъ огорченія, а также, быть можетъ, обиды, если ему при этомъ отказали въ чемъ-либо, чего ему хотѣлось, если нарушили одну изъ его любимыхъ привычекъ; но сознаніе полученнаго оскорбленія мнѣ кажется еще не доступно для этого возраста. Я еще возвращусь къ этому инстинкту справедливости, считающемуся прирожденнымъ.

VI. Одинъ маленькій мальчикъ, двухъ съ половиною лѣтъ, три или четыре раза мѣнялъ свой характеръ, въ зависимости отъ переѣздовъ отъ однихъ родственниковъ и друзей къ другимъ, въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ: очень послушный, очень кроткій, веселый и симпатичный у своего дяди, онъ становился крайне капризнымъ, упрямымъ, сварливымъ и шумливымъ у своей тетки, а затѣмъ опять сдержаннымъ, вѣжливымъ, тихимъ, послушнымъ и предупредительнымъ у пріятельницы своей матери. Природа ребенка настолько впечатлительна, что если образъ возмездія, если голосъ и тонъ лица, объективирующаго для него это возмездіе, не явятся передъ нимъ одновременно съ представленіемъ о предстоящемъ поступкѣ, то онъ немедленно станетъ дѣйствовать несогласно со своими привычками. Но такъ какъ мѣняя мѣсто, онъ тотчасъ же мѣняетъ и привычки, то немедленно по возвращеніи въ свою обычную среду онъ возвращается и къ своимъ прежнимъ привычкамъ, которымъ онъ такъ скоро до нѣкоторой степени измѣнилъ. Поэтому родители могутъ быть спокойны относительно результатовъ воспитанія, даваемого ими своимъ дѣтямъ, стараясь при этомъ возможно меньше допускать удаленія дѣтей изъ семьи.

Даже въ трехлѣтнемъ возрастѣ, а тѣмъ болѣе

въ возрастѣ одного года или двадцати мѣсяцевъ, ребенокъ, вдали отъ своихъ родителей, вдали отъ своей воплощенной совѣсти, дѣйствуетъ скорѣе въ силу усвоенной привычки, чѣмъ подѣ влияніемъ мысли о своихъ судьяхъ. Въ этомъ нѣжномъ возрастѣ нужно, чтобы впечатлѣніе или наличное искушеніе было слишкомъ ужъ слабо для того, чтобы въ воображеніи ребенка, между нимъ и его поступкомъ, могъ предстать образъ его судьи-мстителя. Но разъ поступокъ уже совершенъ, искушеніе прошло, желаніе удовлетворено,—характеръ поступка можетъ внушить ему мысль о возмездіи. Одинъ ребенокъ полутора года отъ роду забрался въ садъ и, пользуясь отсутствіемъ няни, смотрѣвшей за нимъ, произвелъ опустошеніе въ цвѣточныхъ грядкахъ, несмотря на то, что ему неоднократно приходилось выслушивать запрещеніе трогать цвѣты: онъ предался своему разрушительному занятію съ удивительнымъ увлеченіемъ и беззаботностью. Но вслѣдъ за тѣмъ, увидѣвъ всѣ эти измятые цвѣты, валявшіеся по аллеѣ, онъ сразу вспомнилъ о запрещеніи и сталъ думать о наказаніи, которое его ожидало: онъ покраснѣлъ, хотя и предполагалъ, что никто его не видитъ, и въ смущеніи спрятался за курятникъ. Когда, спустя нѣкоторое время, нянька позвала его, онъ притаился въ своемъ убѣжищѣ и не вышелъ оттуда, пока она сама не отыскала его.

Конечно, угрызенія совѣсти не играли въ этомъ случаѣ особенной роли. Можно сказать, правда, что нѣсколько подобныхъ опытовъ, повтореніе непріятныхъ ощущеній подѣ влияніемъ упрековъ или наказаній за воровство, или какой-либо иной аналогичный проступокъ, быть можетъ, также недовольство отъ огорченій, причиненныхъ любимымъ лицамъ, порождая конфликты между эгоистическими инстинктами ребенка и его общественными склонностями и привычками,—соотвѣтственнымъ образомъ уменьшать ту легкость, съ которой онъ удовлетворялъ

свои эгоистическія наклонности, считая это безнаказаннымъ. Раскаяніе чуждо ребенку этого возраста такъ же, какъ и животному. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, что Романсъ нѣсколько преувеличилъ нравственныя способности животнаго. «Уходя въ гости къ моему другу, говоритъ онъ, я заперъ въ комнатѣ таксу. Озлившись, что ее оставили дома, она въ лохмотья изорвала занавѣски. При моемъ возвращеніи домой она съ радостью встрѣтила меня. Но какъ только я сталъ подбирать клочки занавѣсокъ, показывая ихъ ей, собака принялась выть и визжать и опрометью бросилась къ лѣстницѣ. Этотъ фактъ тѣмъ замѣчательнѣе, что собака эта никогда не была наказана. Такимъ образомъ, я могу видѣть въ этомъ какъ бы нѣкоторое проявленіе раскаянія» 1).

Даже присутствіе родителей можетъ побудить къ добру и, въ особенности, удержать отъ зла только въ томъ случаѣ, если при этомъ дѣло обходится безъ фразъ. Трехлѣтній Анри, очень благовоспитанный ребенокъ, всегда обнаруживаетъ большую раскаянность, когда его бранятъ, если нотація нѣсколько затягивается; выслушавъ выговоръ, онъ тотчасъ же ставитъ въ упоръ какой-нибудь вопросъ и возвращается къ прежнему теченію мыслей, а иногда и къ прежнимъ дѣйствіямъ, прерваннымъ сдѣланной ему нотаціей. Совершенно такъ же ведутъ себя животныя, пойманныя въ воровствѣ, когда на нихъ кричатъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать. Но если къ ребенку, о которомъ я говорю, обратиться съ серьезнымъ или огорченнымъ видомъ и просто сказать ему: «Подумай, Анри,—ты огорчаешь меня»,—онъ слушаетъ, слѣдитъ за выраженіемъ лица и, послѣ нѣ котораго соображенія, самъ обнаруживаетъ, въ большей или меньшей степени, огорченіе и расположеніе поступать какъ слѣдуетъ. Это огорченіе изъ чувства

1) Цитирую по *Revue philosophique* за ноябрь 1878 года, стр. 503.

симпатіи, порождаемое соціальнымъ инстинктомъ, не является ли у дѣтей, въ возрастѣ отъ двухъ до трехъ лѣтъ, предвѣстникомъ угрызеній совѣсти? Маленькій Фернанъ, двухъ съ половиною лѣтъ, выслушавъ отъ своихъ родителей запрещеніе, сдѣланное съ серьезнымъ или сердитымъ видомъ, иногда помнилъ объ этомъ въ теченіе цѣлаго дня. Такое счастливое предрасположеніе, если его совершенствовать послѣдовательными опытами, можетъ, благодаря развитію разсудочной дѣятельности, постепенно превратиться въ нѣчто въ родѣ абстрактнаго или, по крайней мѣрѣ, широкообъемлющаго нравственнаго чувства, которое проявляется вопреки всякимъ противодѣйствующимъ вліяніямъ и доставляетъ впослѣдствіи лучшіе мотивы для примѣненія личной дисциплины. Въ противномъ случаѣ, это предрасположеніе къ аффективной памяти можетъ породить сильную наклонность къ злопамятности и злобѣ.

Чувство симпатіи, съ одной стороны, и авторитетъ воспитателя — съ другой уже съ перваго года дѣтской жизни кладутъ основаніе этой зачаточной нравственности, которая есть не что иное, какъ привычка сообразоваться съ нашими желаніями, а также поступать скорѣе сообразно съ собственнымъ личнымъ опытомъ и нашимъ примѣромъ, чѣмъ подъ вліяніемъ нашихъ ласкъ или нотацій. Но любопытно наблюдать частыя возмущенія свободы ребенка противъ того же авторитета, который, подъ вліяніемъ чувства симпатіи, бываетъ ему такъ дорогъ въ иныхъ случаяхъ. Такъ, ребенокъ дѣйствуетъ иногда какъ бы съ исключительной цѣлью доставить удовольствіе своимъ ближнимъ; онъ даже повинуется, повидимому, всего болѣе тѣмъ, кто его любитъ или кто ему болѣе нравится, — матери болѣе, чѣмъ отцу. Начиная съ десятилѣтняго возраста чувство симпатіи, кажется, вліяетъ на него больше, чѣмъ страхъ передъ наказаніемъ или выговоромъ. Отмѣтимъ, однако, что въ большинствѣ такихъ случаевъ замѣшивается въ дѣло самолюбіе, что ни-

сколько не удивительно при наличности убѣжденія въ эгоистическомъ происхожденіи самого чувства симпатіи.

VII. Когда ребенокъ, повидимому, заботится только о томъ, чтобы угодить намъ, очень часто онъ стремится лишь доставить удовольствіе самому себѣ или показать себя кому-нибудь въ нашемъ присутствіи. Онъ счастливъ, когда ему удастся унять слезы матери, или когда его похвалятъ за что-нибудь, или посмѣются надъ его играми. Правда, радость отъ сознанія, что его любятъ или хвалятъ, и огорченіе при неодобреніи или порицаніи—составляютъ уже зачатки радостей и горестей такъ называемой абстрактной совѣсти, которая, впрочемъ, и у взрослыхъ гораздо менѣе абстрактна, чѣмъ это принято думать. Нужно сильно считаться, даже по отношенію къ ребенку одного года или пятнадцати мѣсяцевъ, съ этой болѣе или менѣе развитой у дѣтей способностью понимать кротость и строгость, одобреніе и порицаніе. Но какъ часто соображенія этого рода забываются или пираются имъ!

Нельзя сказать того же о понятіи справедливости: ребенокъ прилагаетъ его сначала къ дѣйствіямъ другихъ сообразно съ родомъ чувствъ, которые самъ онъ испытываетъ подъ вліяніемъ этихъ дѣйствій. Онъ сердится, когда видитъ, что берутъ его игрушки; затѣмъ, слыша отъ другихъ, что нехорошо брать то, чего не даютъ, онъ доходитъ до пониманія сначала конкретной, а потомъ и довольно общей идеи незаконнаго присвоенія. Точно такъ же, когда наказываютъ кого-либо изъ его братьевъ, онъ тотчасъ же подробно расскажетъ вамъ, въ чемъ состоитъ наказаніе, какимъ проступкомъ оно вызвано, и въ особенности, какъ перенесъ его виновный; онъ не замедлитъ квалифицировать какимъ-нибудь общимъ эпитетомъ наказанный поступокъ: и все это потому, что самъ онъ совершалъ такіе же поступки и подвергался, слѣдовательно, такимъ же наказаніямъ. Ребенокъ, сверхъ

того, вообще ненавидитъ несправедливость, но въ особенности, если она причинена—или если предполагается, что она причинена—ему самому, при чемъ она является для него лишь разницей между случайнымъ и обычнымъ способомъ обращенія съ нимъ. Онъ также страстно любитъ равенство, но лишь тогда, когда оно льститъ его прихотямъ, его вкусамъ, его преобладающимъ склонностямъ. Когда неравенство происходитъ въ ущербъ другимъ, даже его родителямъ и его друзьямъ, онъ мало чувствуетъ его, если находитъ въ немъ нѣкоторую пользу для себя.

VIII. Закончимъ соображеніемъ, къ которому очень грустно прійти, но надъ которымъ не бесполезно задуматься. Добрая воля и даже добродѣтели родителей не всегда гарантируютъ удачное воспитаніе. Родители, здоровые тѣломъ и духомъ, подходящіе другъ къ другу по возрасту, живущіе въ хорошихъ гигиеническихъ условіяхъ, не всегда имѣютъ нравственныхъ дѣтей. Имъ тоже приходится считаться съ прискорбными возвратами наслѣдственности. Что же касается субъектовъ, переутомленныхъ отъ тѣхъ или иныхъ причинъ, неумѣренныхъ, невоздержныхъ и порочныхъ—все равно, являются ли эти черты природными или нѣтъ,—они неминуемо готовятъ поколѣніе, обреченное на порокъ, безуміе и преступленіе. Безъ сомнѣнія, жестокія или нездоровыя наклонности встрѣчаются у многихъ маленькихъ дѣтей, но у нѣкоторыхъ онѣ часто такъ ярко обнаруживаются, хотя иногда и съ нѣкоторыми промежутками, что приходится видѣть въ этихъ дѣтяхъ несчастныхъ жертвъ роковыхъ законовъ наслѣдственности и вырожденія. Такія психопатическія наклонности требуютъ специальныхъ заботъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, специальныхъ школъ, и всегда—тѣснаго сотрудничества воспитателя съ врачомъ и гигиенистомъ. Счастливы родители, которымъ съ ранней молодости удалось предохранить себя отъ такихъ ужасныхъ сюрпризовъ отцовства и

материнства! Быть можетъ они сумѣютъ повести себя такимъ образомъ, чтобы нейтрализовать для своихъ дѣтей отдаленныя вліянія наслѣдственности, и, въ особенности, чтобы не усилить собственными ошибками эти первоначальныя причины истощенія ихъ рода. Когда же осуществится желаніе Спенсера? Когда молодые люди обоего пола будутъ покидать школу, вооруженные нѣкоторыми педагогическими познаніями?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Аффективное и нравственное воспитаніе внѣшнихъ чувствъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вкусъ.

I. Моральное совершенствованіе чувства вкуса ради счастья и нравственности ребенка. — II. Какъ слѣдуетъ регулировать аппетитъ ребенка по отношенію къ его любимымъ кушаньямъ. — Не всегда легко найти истинную середину между безусловной необходимостью и чрезмѣрнымъ излишествомъ; ошибки Локка, Руссо и Спенсера въ этомъ отношеніи. — III. Ребенокъ, допущенный къ столу родителей, легче приучается къ умѣренности и послушанію. — IV. Какимъ образомъ можно приучить его довольствоваться разнаго рода пищей. — V. У чувства вкуса бываютъ свои врожденные антипатіи, которыя не слѣдуетъ смѣшивать съ капризами. — Эти антипатіи не всегда указываютъ на простое отвращеніе къ нѣкоторымъ вкусовымъ ощущеніямъ. — Различныя ощущенія, примѣшивающіяся къ ощущеніямъ вкуса. — Практическіе выводы, вытекающіе изъ этого факта. — VI. Мѣры, которыми слѣдуетъ пользоваться при упорныхъ вкусовыхъ антипатіяхъ. — Въ этомъ случаѣ мѣры кротости дѣйствительнѣе насилія.

I. Каждое чувство, съ точки зрѣнія нравственнаго воспитанія, является одновременно и объектомъ и орудіемъ воспитательной дисциплины. Правильное функционированіе его необходимо для обезпеченія, какъ ребенку, такъ и взрослому человѣку, съ одной стороны, возможно большей суммы удовольствій и возможно меньшей суммы страданій, съ другой стороны, общихъ успѣховъ его нравственнаго развитія.

Моралисты и даже гигиенисты, въ общемъ, обнаруживаютъ склонность жертвовать счастьемъ ребенка въ данный моментъ ради его будущаго счастья. Подъ предлогомъ физическаго укрѣпленія организма нѣкоторые изъ нихъ готовы обречь ребенка на такое воздержаніе, которое не всегда доступно даже для стойка. Когда они говорятъ о чувствѣ вкуса, то почти всегда лишь съ цѣлью ограничить его требованія и указать на проистекающія изъ него опасности. Между тѣмъ существуютъ чувственные удовольствія, законныя для всякаго возраста. Хорошее самочувствіе, во всѣ моменты жизни, составляетъ потребность и право всякаго. Существеннымъ условіемъ его является достаточно обильное и пріятное для вкуса питаніе. Оно представляетъ среднее между безусловной необходимостью и чрезмѣрнымъ излишествомъ. Найти эту истинную середину,—такова одна изъ первыхъ задачъ нравственнаго воспитанія вкуса.

Слѣдуетъ ли изодрать чувство вкуса примѣнительно къ эмоціональной точкѣ зрѣнія, съ цѣлью сдѣлать его болѣе способнымъ отличать пріятныя вкусовыя ощущенія отъ непріятныхъ? Природа сама взяла на себя эту заботу. У новорожденнаго, вкусъ много совершеннѣе остальныхъ чувствъ. Съ самаго рожденія ребенокъ различаетъ главнѣйшіе вкусы, отличаетъ сладкое отъ горькаго, кислаго и соленого. Онъ менѣе способенъ распознавать степень интенсивности вкусовыхъ ощущеній; но и къ этому онъ пріучается самъ собою. Поэтому, нравственное воспитаніе вкуса должно быть направлено на другія цѣли. Оно должно прежде всего позаботиться объ устраненіи излишней требовательности и изнѣженности вкуса и постараться использовать пріятныя и непріятныя его ощущенія въ цѣляхъ развитія нравственныхъ привычекъ.

II. Для перваго періода жизни природа, повидимому, оставила за собою разрѣшеніе этой задачи.

Ребенокъ съ наслажденіемъ насыщается материнскимъ молокомъ и, удовлетворившись, засыпаетъ. Но если не обратить надлежащаго вниманія, это законное стремленіе къ вкусовымъ наслажденіямъ не всегда остается въ предѣлахъ, предписанныхъ природой. Несмотря на легкость, съ которой желудокъ его освобождается отъ излишняго переполненія, ребенокъ въ колыбели часто бываетъ жертвой своей непредусмотрительной прожорливости. Слишкомъ обильное, слишкомъ питательное или слишкомъ частое питаніе неоднократно является причиной приступовъ колики или раздражительности. Одной природы, значить, недостаточно, чтобы регулировать сластолюбіе и обезпечить благополучіе ребенка. Таково было мнѣніе Локка, доводившаго эту истину до крайности и смѣшивавшаго принципъ съ регламентаціей. Но противоположное мнѣніе, поддерживаемое въ наши дни его ученымъ соотечественникомъ, Гербертомъ Спенсеромъ, обнаруживаетъ утилитарный оптимизмъ, имѣющій свои опасности. Разсмотримъ поближе обѣ противоположныя теории.

Локкъ, подобно Руссо, слишкомъ много заботившійся объ освобожденіи ребенка изъ-подъ власти привычекъ, регулирующихъ его физическую жизнь, думалъ, что время ѣды не должно подлежать никакой регламентаціи. Но онъ понималъ необходимость предписаній и запрещеній, относящихся къ качеству пищи; правда, эта часть его труда изобилуетъ капитальными заблужденіями. Гербертъ Спенсеръ, врагъ искусственнаго возбужденія всякаго рода влеченій, питаетъ слишкомъ много довѣрія къ естественнымъ влеченіямъ. По его мнѣнію, ребенокъ, предоставленный самому себѣ, никогда не получитъ несваренія желудка: давайте и предлагайте ему, безъ всякаго произвольнаго выбора и безъ всякаго ограниченія, всѣ пищевые продукты и лакомства, какіе ему понравятся; опытъ научить его регулировать свой аппетитъ, если бы онъ поддался увлеченію

обжорствомъ. Это преувеличенное представленіе о непогрѣшимости инстинкта такъ же неправильно по отношенію къ дѣтямъ, какъ и по отношенію къ животнымъ: и въ дикомъ, и въ домашнемъ состояніи животныя способны къ тысячамъ проявленій губительной невоздержности. Развѣ наше разведеніе домашнихъ животныхъ, не говоря уже о практикующемся въ нашихъ видахъ половомъ подборѣ, не является насильственнымъ подчиненіемъ ихъ опредѣленной регламентаціи?

Истина состоитъ въ томъ, что одинаково рискованно какъ насиловать природу, такъ и держаться по отношенію къ ней системы невмѣшательства. Обжорство и неумѣренность дѣтей очень часто являются возмездіемъ за причиняемые имъ несправедливыя лишенія, но часто также они бываютъ и результатомъ системы баловства. Слишкомъ строгое или слишкомъ мягкое воспитаніе создаетъ изъ дѣтей или палачей, или жертвъ собственнаго желудка. Поэтому, важно, насколько возможно, образовать у маленькаго ребенка опредѣленныя привычки, которыя, быть можетъ, сохранятся у него затѣмъ на всю жизнь. Я согласенъ съ Локкомъ, что необходимо установить правила, опредѣляющія качество пищи ребенка, но въ то же время, въ противоположность ему, утверждаю, что не менѣе необходимы и правила, регулирующія часы ѣды. За уясненіемъ обоихъ этихъ пунктовъ можно обратиться къ сочиненіямъ нашихъ гигиенистовъ, очень хорошо разработавшимъ этотъ вопросъ.

III. При отнятій ребенка отъ груди можетъ возникнуть вопросъ, не представить ли допущеніе его къ общему столу неудобствъ, вредныхъ для его послушанія и воздержности. Вопросъ, съ этой двойной точки зрѣнія, сталъ предметомъ вниманія врачей-моралистовъ и воспитателей. Слѣдуетъ ли и въ какомъ возрастѣ слѣдуетъ допускать дѣтей къ участию въ общей семейной трапезѣ? Нѣкоторые держатся того мнѣнія, что до четырехъ или пяти лѣтъ дѣти

должны обѣдать отдѣльно, подѣ наблюдениемъ нянекъ. Видя, какъ многіе молодые люди этого возраста ведутъ себя за столомъ, поневолѣ склоняешься къ этому мнѣнію. Поглядите на этого полуторагодового мальчугана, возсѣдающаго на высокомъ стулѣ, передъ тарелкой супа, съ ложкой въ рукѣ. Пока, среди своихъ неловкихъ попытокъ самостоятельно справляться съ ѣдой, новичокъ въ дѣлѣ ограничивается лишь тѣмъ, что заливаетъ скатерть, забрызгиваетъ платье сосѣдей и свое собственное,—въ этомъ еще полбѣды. Но вскорѣ взгляды, бросаемые имъ направо и налево, начинаютъ предвѣщать приближеніе приступа нетерпѣнія и возмущенія. Далеко отброшенная ложка летитъ по столу, куда попало; рѣзко оттолкнутый стаканъ опрокидывается и затопляетъ все вокругъ; попавъ рукою въ самую средину тарелки, ребенокъ той же рукою хватается хлѣбъ своего сосѣда, играетъ имъ и вообще продѣлываетъ разныя штуки. Если такія сцены не происходятъ въ самомъ же началѣ обѣда, онѣ не заставляютъ себя долго ждать. Вскорѣ ребенокъ, насытившись блюдомъ, которое пришлось ему по вкусу, хватается горстями остальное или, набравъ полный ротъ, не можетъ проглотить, и все вываливается на скатерть или на грудь малыша. Я не говорю уже о плачѣ, крикахъ, топаньѣ ногами при малѣйшемъ замѣчаніи матери по этому поводу, лишь только ребенку удастся подмѣтить сочувствіе окружающихъ или уловить во взглядѣ кого-либо изъ сидящихъ за столомъ выраженіе жалости къ себѣ или признаки удовольствія. Тогда онъ доходитъ до такихъ крайностей, терпѣть которыя становится невозможно, несмотря ни на какую кротость и самообладаніе, и чтобы справиться съ ребенкомъ, его приходится унести изъ столовой, невзирая на его отчаянные крики.

Рѣдко также семейный режимъ отличается той простотой, которая необходима для физическаго и нравственнаго воспитанія ребенка; держать же ребенка

на особомъ положеніи за общимъ столомъ—не всегда бываетъ легко. Кромѣ того, ребенку приходится присутствовать здѣсь при разныхъ разговорахъ, едва ли полезныхъ для него и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Но всѣхъ этихъ, хотя и важныхъ соображеній недостаточно, чтобы отказать маленькому человѣчку въ правѣ присутствовать за семейнымъ столомъ.

Прежде всего, если ребенокъ долженъ натолкнуться здѣсь на сомнительные примѣры умѣренности и сдержанности, я ставлю вопросъ, какимъ образомъ лица, подающія такіе примѣры, сумѣютъ при другихъ обстоятельствахъ дать полезные уроки въ этомъ отношеніи. Маленькій ребенокъ вносить за столъ невинное веселіе: можно, принимая его выходки съ снисходительной серьезностью, отвѣчать ему тѣмъ же. Уважать ребенка, значитъ, уважать самого себя: неужели это такое ужъ несчастье? Вмѣстѣ съ тѣмъ, общія семейныя трапезы являются для ребенка продолженіемъ и какъ бы увѣнчаніемъ всѣхъ наставленій, въ особенности наставленій въ нравственности. То упоминаніе о его поведеніи въ теченіе дня вызываетъ у него краску стыда или радости; то мягкое, но настойчивое возраженіе противъ его желаній напоминаетъ ему о разстояніи, существующемъ между нимъ и взрослымъ; то оказываемое въ иныхъ случаяхъ взрослыми, безъ излишней слабости, вниманіе къ его поступкамъ или къ его словамъ показываетъ ему, до какой степени онъ находится на равной ногѣ съ ними; наконецъ, за десертомъ, незадолго до времени шумныхъ и оживленныхъ игръ, наступаетъ драгоцѣнный моментъ рассказыванія небольшихъ анекдотовъ, составляющій услажденіе для всѣхъ возрастовъ. Да, если бы даже это было сопряжено съ нѣкоторымъ ущербомъ для расположенія духа и привычекъ взрослыхъ (жертва не трудная, если любить дѣтей), я полагаю, что для ребенка, во всѣхъ отношеніяхъ, несравненно лучше находится за сто-

ломъ своихъ родителей, чѣмъ за столомъ прислуги или на колѣняхъ у нянекъ. За столомъ родителей онъ скорѣе приучится къ умѣренности и послушанію, а этого уже достаточно, чтобы его не изгонять изъ-за него. Матерямъ же, которыя сочтутъ за лучшее допустить ребенка къ общему столу лишь въ возрастѣ трехъ или четырехъ лѣтъ, я совѣтовалъ бы, по крайней мѣрѣ, устроить дѣло такъ, чтобы лично участвовать въ кормленіи ребенка, съ цѣлью приучить его, какъ слѣдуетъ, держать себя за ѣдой, къ чему няньки относятся въ общемъ съ значительнымъ пренебреженіемъ.

IV. Дѣтей не трудно приучить ѣсть только то, что имъ даютъ, а также въ опредѣленные для этого часы. Одинъ изъ моихъ маленькихъ родственниковъ, со времени отлученія отъ груди, всегда ѣлъ за общимъ столомъ и, несмотря на свою прирожденную склонность къ нѣкоторой прожорливости и, пожалуй, даже къ обжорству, всегда довольствовался тѣмъ, что ему давали. Поѣвъ какого-нибудь кушанья, онъ всегда спрашивалъ: «А потомъ что будетъ?» Но онъ никогда не простиравалъ при этомъ руки, а лишь изрѣдка бросалъ жадные взгляды на тарелки своихъ сосѣдей, зная, что это не для него. Однажды его родители отправились съ нимъ къ своимъ друзьямъ, въ деревню; прогулка обострила аппетитъ у всѣхъ, а у него къ особенности. Послѣ обычнаго обмѣна поцѣлуями онъ принялся прыгать по комнатѣ; ему тотчасъ же предложили бульона, котораго онъ поѣлъ съ большимъ аппетитомъ. «А потомъ что?» тихонько спросилъ онъ у матери. Та отвѣчала: «Больше ничего, это все»; при этомъ она заставила его встать изъ-за стола, отказавшись за него отъ всего остального, что ему предлагали. Ребенокъ безропотно повиновался, но немного спустя, притянувъ мать за руку, онъ сказалъ ей на ухо: «Я тебѣ говорю, что въ кастрюлкѣ есть мясо; есть, есть, — я видѣлъ». Эта безознательная сдержанность у отъ-

явленнаго лакомки представляет примѣръ вліянія хорошихъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ въ семьѣ. Мнѣ приходилось также видѣть очень много дѣтей, которыя, благодаря вліянію воспитанія, такъ же хорошо вели себя за столомъ у себя дома и такъ же держали себя у чужихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что можно, не отказывая ребенку въ вкусовыхъ наслажденіяхъ, въ то же время регулировать ихъ.

V. У чувства вкуса бываютъ свои прирожденныя антипатіи, которыя никогда не слѣдуетъ смѣшивать съ капризами. Непроизвольная антипатія къ нѣкоторымъ кушаньямъ или напиткамъ доходитъ иногда до того, что одинъ видъ ихъ вызываетъ у совсѣмъ маленькаго ребенка движенія отвращенія, а когда онъ становится постарше,—даже тошноту. Воспитатель долженъ считаться съ этими предостереженіями самой природы. Правда, проявляемое ребенкомъ отвращеніе не всегда указываетъ на то, что тѣ или иные вкусовыя ощущенія ему непріятны вообще. Мы видимъ часто, что дѣти отказываются отъ кушаній или напитковъ, которые имъ раньше нравились, или требуютъ себѣ такихъ кушаній и напитковъ, отъ которыхъ они прежде отказывались. Но это не простая фантазія съ ихъ стороны. Они могли быть случайно введены въ заблужденіе новизной вкуса или сопровождавшими его осязательными, тепловыми и обонятельными ощущеніями.

Дѣйствительно, ощущенія вкуса могутъ сопровождаться разными другими ощущеніями «То, что мы называемъ вкусомъ, говоритъ Тэнъ, можетъ заключать въ себѣ, кромѣ чисто вкусового ощущенія, еще нѣкоторое количество ощущеній иного рода. Прежде всего,—такъ какъ глотка соединяется съ носомъ,—вмѣстѣ съ вкусовыми нервами функционируетъ и обонятельный нервъ; ощущеніе запаха, или, вѣрнѣе, осязательное ощущеніе носовой полости, входитъ въ составъ ощущеній полости рта. Во многихъ случаяхъ чисто-вкусовыя ощущенія осложняются

то пріятнымъ, то отвратительнымъ ощущеніемъ, находящимся въ зависимости отъ нервовъ пищеварительнаго канала. Одно и то же мясное кушанье мѣняетъ вкусъ въ зависимости отъ пустоты или переполненія желудка. Самыя тонкія кушанья, при больномъ желудкѣ, кажутся безвкусными, землистыми, терпкими или горькими. Многія впечатлѣнія, причисляемые къ вкусовымъ, являются исключительно осязательными: таковы, напримѣръ, всѣ острые, жгучіе и вяжущіе вкусы. Наконецъ, въ составъ нѣкоторыхъ вкусовъ входятъ ощущенія тепла или холода: таковъ, напримѣръ, вкусъ крѣпкихъ ликеровъ и нѣкоторыхъ конфетъ»¹⁾. Необходимо, слѣдовательно, удостовѣриться въ томъ, что обнаруженное ребенкомъ отвращеніе къ вкусу нѣкоторыхъ кушаній не обусловливается такими именно дополнительными ощущеніями.

Извѣстно, что отвращеніе ребенка къ тому или иному веществу бываетъ иногда результатомъ нашей же небрежности. Самыя горькія вещества, какъ, напримѣръ, ромашка или ревень, въ подслащенномъ видѣ, не слишкомъ теплыя и не слишкомъ холодныя, принимаются ребенкомъ такъ же охотно, какъ молоко. Намъ слѣдуетъ помнить, что нельзя давать ребенку жидкостей крѣпкихъ, неподслащенныхъ, слишкомъ холодныхъ или горячихъ. Онъ совершенно правъ, когда отказывается отъ прокисшаго молока, отъ слишкомъ соленыхъ кушаній или отъ такихъ блюдъ, употребленіе которыхъ въ пищу указываетъ на приглушеніе вкуса и обонянія, появляющееся лишь съ возрастомъ.

VI. Побороть упорное отвращеніе можно скорѣе кротостью, чѣмъ насиліемъ. Плохая услуга ребенку—заставлять его принимать пищу черезъ силу. Результаты такихъ спартанскихъ требованій одинаково

¹⁾ Taine. L'intelligence, т. I, стр. 240 и слѣд. (Тэнъ. Объ умѣ и познаніи, СПб. 1894).

гибельны для здоровья и для характера. Я знаю одну молодую даму, которая до сихъ поръ не можетъ вспомнить безъ отвращенія о вареной говядинѣ съ лукомъ, которой отецъ ея насильно кормилъ ее и отъ которой ее почти всегда рвало послѣ обѣда. У меня самого въ дѣтствѣ всегда разбаливалась голова въ дни, когда у насъ варили супъ съ лукомъ и кореньями, и я лишь очень не скоро смогъ привыкнуть къ этому кушанью. Чтобы побѣдить постепенно такія инстинктивныя отвращенія, приходится рассчитывать на время, на укрѣпленіе организма, на вліяніе примѣра и поощренія. Злоупотребленіе силой и такими уловками можетъ восторжествовать лишь въ ущербъ послушанію и искренности ребенка. Тѣмъ труднѣе будетъ впослѣдствіи бороться съ отвращеніемъ, устоявшимъ передъ угрозами и наказаніями. Неблагоразумно также злоупотреблять легковѣріемъ трехлѣтняго ребенка и стараться хитростью побудить его ѣсть пищу, отъ которой онъ отказывается, открыто и настойчиво, какъ совѣтуетъ Прейеръ, увѣряя, «что это вкусно». Одна дѣвочка, привыкшая къ мягкой системѣ воспитанія, не рѣшаясь противорѣчить своей матери, вмѣсто того, чтобы сказать: «Я не хочу этого», обыкновенно говорила: «это вкусно, но мнѣ не хочется ѣсть».

Можно, съ теченіемъ времени, побороть большинство такихъ отвращеній, предлагая ребенку отвѣдать тѣхъ или иныхъ кушаній, подъ вліяніемъ убѣжденія или чтобы доставить удовольствіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляя имъ право отказаться отъ этого. «Попробуй, скушай немножечко, только немножечко». Обыкновенно ребенокъ скоро поддается такимъ настояніямъ и всего чаще, въ концѣ-концовъ, сознается, что то, отъ чего онъ упорно отказывался, «вовсе не плохо».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обоняніе.

I. Важная роль обонянія съ точки зрѣнія доставляемаго имъ удовольствія.— Обонятельная чувствительность у маленькихъ горожанъ и сельскихъ жителей.— II. Результаты аффективнаго воспитанія чувства обонянія.— III. Злоупотребленіе ароматами и благоуханіями вредно во многихъ отношеніяхъ.

I. Чувство обонянія—это преддверіе вкуса и собесникъ сознанія—является, кромѣ того, для животныхъ вообще и въ особенности для человѣка, источникомъ какъ бы безцѣльныхъ наслажденій и непріятныхъ ощущеній, не имѣющихъ никакихъ утилитарныхъ послѣдствій. Оно находится даже въ нѣкоторомъ родствѣ съ чувствомъ красоты. Такъ, на примѣръ, Маріонъ говоритъ: «Эстетическое наслажденіе, вызываемое зрѣлищемъ красиваго лѣтняго пейзажа, несомнѣнно усиливается, благодаря запаху скошеннаго сѣна» ¹⁾. Не для всѣхъ, правда; многіе совершенно нерасположены къ этому,—и я зналъ одну даму съ дочерью, которыя, проѣзжая черезъ Нормандію, заболѣли «сѣнной лихорадкой», по выраженію крестьянъ.

Руссо предполагалъ,—вполнѣ основательно, по моему,—что въ раннемъ возрастѣ обоняніе функционируетъ очень слабо, потому что его указанія, по видимому, мало оказываютъ пользы какъ кормилицѣ ребенка, такъ и самому питомцу. Однако, обонятельныя ощущенія существуютъ съ первыхъ же дней жизни. Нѣкоторые запахи производятъ впечатлѣніе на новорожденнаго. Приводятъ примѣръ одного шестинедѣльнаго и другого двухмѣсячнаго ребенка, которые принимали или отказывались принять грудь нѣкоторыхъ женщинъ исключительно подъ вліяніемъ

¹⁾ Marion. Leçons de psychologie, стр. 290.

запаха ихъ пота. Тидеманъ, тринадцатидневный ребенокъ котораго отталкивалъ нѣкоторыя лѣкарства, попробовавъ ихъ нѣсколько разъ, доходить до предположенія, что онъ «отличалъ ихъ отъ своей обычной пищи по запаху». Сынъ Дарвина въ возрастѣ 32 дней «узнавалъ на разстояніи отъ 75 до 100 миллиметровъ грудь своей матери, какъ на то указывали движенія его губъ и направленіе взгляда», и Дарвинъ предполагаетъ, что зрѣніе и осязаніе у него не играли никакой роли, и что ребенокъ руководился или ощущеніемъ теплоты, или запахомъ. Подобныя же наблюденія производилъ Кусмауль.

Я видѣлъ очень маленькихъ дѣтей, которыя оказывались болѣе чувствительными къ пріятнымъ, чѣмъ къ непріятнымъ запахамъ. У многихъ изъ нихъ то же самое замѣчалось и позднѣе. Нужны развитое чувство и большая привычка къ сознательному вниманію для того, чтобы различать ощущенія, вызванныя такими измѣнчивыми и непостоянными впечатлѣніями. Маленькія дѣти только тогда хорошо чувствуютъ запахъ, когда на него обращаютъ ихъ вниманіе. Такъ, если ихъ подводятъ къ цвѣтку, или если подносятъ имъ букетъ къ носу, они громко втягиваютъ воздухъ ноздрями—это ихъ манера нюхать—и улыбаются отъ удовольствія. Отсюда видно, что они очень чувствительны къ пріятнымъ запахамъ. Дурные запахи не вызываютъ у нихъ никакихъ проявленій; они, несомнѣнно, очень легко привыкаютъ къ нимъ.

Обонятельная чувствительность мѣняется въ зависимости отъ индивидуальности и особенно отъ различія среды. Дѣти, выросшія въ городѣ, въ общемъ имѣютъ болѣе тонкое обоняніе, чѣмъ дѣти крестьянъ. Ихъ водятъ гулять въ сады почти исключительно для того, чтобы показывать имъ цвѣты и заставлять нюхать ихъ; гостинныя ихъ матерей, ихъ окна сплошь и рядомъ распространяютъ пріятный запахъ; часто сами они надушены сильными возбуждающими духами, которые, представляя разнообразіе по роду

и по силѣ, дѣйствуютъ возбуждающе, не притупляя ихъ чувствительности къ пріятнымъ запахамъ. Что касается запаховъ непріятныхъ, то на ихъ глазахъ вокругъ ведется ожесточенная война съ ними; сами они также пріобрѣтаютъ привычку считать вреднымъ двойное упражненіе вниманія, которое содѣйствуетъ изощренію этого рода чувствительности. Съ другой стороны, ребенокъ, выросшій среди полей, на свѣжемъ воздухѣ, имѣетъ мало поводовъ останавливать свое вниманіе на запахѣ скромныхъ полевыхъ цвѣтовъ. Онъ катается по травѣ, рветъ ее обѣими руками; не задумываясь о запахѣ, исходящемъ отъ нея. Совершенно безсознательно, не испытывая особеннаго наслажденія, различаетъ онъ характерный запахъ хлѣбнаго поля, кукурузы, люцерны, виноградниковъ, орѣшниковъ, вишни, дуба. Скорѣе онъ узнаетъ и съ удовольствіемъ вдыхаетъ запахъ спѣлыхъ яблокъ и грушъ. Онъ, въ общемъ, легко относится даже къ самымъ отталкивающимъ запахамъ. Онъ рано привыкаетъ не отварачиваться отъ самой тяжелой работы, не заботясь о чувствительности своего обонянія. Запахъ навоза не портитъ его отношенія къ его коровамъ, индюкамъ, фермѣ, фруктовому саду, полямъ, и не мѣшаетъ ему любить ихъ.

II. Безъ сомнѣнія, возможно согласовать результаты сельскаго и городского воспитанія въ томъ, что касается чувства обонянія. Распознаваніе пріятныхъ и дурныхъ запаховъ отлично можетъ идти вмѣстѣ: они не противоположны другъ другу и тонкость воспріятія однихъ не уничтожаетъ тонкости воспріятія другихъ. Съ этой стороны можно положиться на моральное противодѣйствіе, — особенно у дѣтей высшихъ классовъ. Не притупляя чувствительности ребенка къ непріятнымъ запахамъ, — ѣдкимъ, чесночнымъ, тошнотворнымъ, зловоннымъ, — нужно, по возможности, пріучать его переносить ихъ. Это предохранитъ его въ жизни не отъ одной непріятности; онъ не будетъ склоненъ терять голову или аппетитъ среди массы неизбежныхъ случайностей.

Можно косвеннымъ образомъ содѣйствовать укрѣпленію обонянія, что почти такъ же полезно, какъ закалиеніе противъ холода. Я видѣлъ, какъ изнѣженные женщины дѣлають гримасы отвращенія при одномъ словѣ—«табакъ», «газъ», «навозъ» и т. п. Этого не было бы, если бы въ раннемъ возрастѣ ихъ заставляли (почему нѣтъ?) ѣсть какія-нибудь вкусныя блюда среди все усиливающихся ѣдкихъ и зловонныхъ запаховъ. Развѣ младенцу противно молоко его кормилицы или первая его кушанья оттого, что онъ обоняетъ дурной запахъ, исходящій, несмотря ни на что, отъ его тщедушнаго тѣльца? Существуетъ цѣлая система болѣе или менѣе легкаго усвоенія привычекъ, направленныхъ на способность наслаждаться пріятнымъ запахомъ и выносить дурной. Трехлѣтній ребенокъ долженъ уже быть такъ воспитанъ, чтобы, нюхая цвѣтокъ или букетъ, говорить: «Какъ это пріятно пахнетъ!» и чтобы по поводу сквернаго запаха сказать спокойно, не зажимая себѣ носъ и не ускоряя шаговъ: «Правда, это скверно пахнетъ!» Можно даже посмѣяться вмѣстѣ съ нимъ надъ нѣкоторыми непріятными обонятельными впечатлѣніями, стараясь въ то же время удалиться отъ нихъ или устранить ихъ. Смѣхъ такъ часто приходитъ на помощь!

III. Не будемъ забывать, наконецъ, что злоупотребленіе нѣкоторыми запахами и благовоніями во многихъ отношеніяхъ вредно. Постоянное напряженіе слизистой оболочки и обонятельныхъ нервовъ не менѣе, чѣмъ болѣзнь, притупляетъ чувствительность обонянія. Болѣе того,—оно раздражаетъ тѣло, притупляетъ умственныя способности, ослабляетъ волю. Одно это злоупотребленіе можетъ служить объясненіемъ смѣнгъ чрезвычайной вялости и крайней возбудимости, обычныхъ у нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ. Я предпочелъ бы ребенка, ноздри котораго съ наслажденіемъ вдыхаютъ кулинарные запахи, ребенку, приходящему въ восторгъ отъ изысканныхъ и возбуждающихъ благовоній, которыми любятъ

окружать себя нѣкоторые родители. Я ни въ какомъ случаѣ не желалъ бы присутствія букета въ комнатѣ ребенка, ни запаха духовъ въ его ваннѣ, волосахъ или одеждѣ. Я хотѣлъ бы, однако, чтобы онъ былъ очень воспріимчивъ къ тонкимъ запахамъ такихъ цвѣтовъ, какъ роза, фіалка, лилія, жасминъ, резеда, и я нахожу, что надо съ самыхъ малыхъ лѣтъ приучать его различать ихъ, наслаждаться ими,—но всегда на открытомъ воздухѣ, въ саду, на лонѣ природы. Эти утонченныя удовольствія имѣютъ косвенное вліяніе на выработку эстетическихъ и соціальныхъ чувствъ, — счастливое вліяніе, если сумѣть избѣгать излишней изощренности.

Я не знаю, впрочемъ, до какой степени умѣряющее вліяніе первоначальнаго воспитанія можетъ бороться противъ результатовъ нормальнаго и въ особенности патологическаго развитія позднѣйшихъ лѣтъ. Въ этихъ трудныхъ вопросахъ органическаго влеченія и отвращенія въ области обонятельныхъ ощущений всегда слѣдуетъ считаться съ возрастомъ, поломъ, образомъ жизни, измѣнчивостью всего склада даннаго субъекта. Я знавалъ женщинъ, которыя, хотя по условіямъ воспитанія и не должны были испытывать особыхъ непріятностей въ области обонятельныхъ ощущений,—по достиженіи тридцатилѣтняго возраста дошли до того, что изъ страха передъ невралгическими болями принуждены были избѣгать запаха цвѣтовъ, за нѣсколькими рѣдкими исключеніями, само собою—всякаго рода духовъ и, кромѣ того, запаха табака, горѣлой соломы, каменноугольнаго дыма и т. п. На такъ называемыхъ нервныхъ женщинъ, безусловно больныхъ, запахи дѣйствуютъ страшно сильно. Воображеніе естественно играетъ крупную роль въ болѣе или менѣе серьезныхъ ощущеніяхъ, переживаемыхъ ими по этому поводу. У одной актрисы внезапно прервался голосъ, когда она понюхала розу. Одна дама не могла выносить запаха розы: она упала въ обморокъ, увидавъ искусственную розу у пояса своей подруги. Это

былъ странный случай обонятельной галлюцинаціи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Зрѣніе.

I. Еще неизвѣстно ничего опредѣленнаго о послѣдовательности, въ которой ребенокъ достигаетъ способности распознавать различныя цвѣта.— II. Первые зрительныя удовольствія.— Первые непріятныя зрительныя ощущенія.— III. Вѣроятное происхожденіе пріятныхъ и непріятныхъ цвѣтовыхъ ощущеній.— IV. Роль индивидуальнаго опыта.— V. Практическіе выводы изъ предшествующихъ замѣчаній.— VI. Указанія, относящіеся къ непріятнымъ зрительнымъ ощущеніямъ.

I. Еще неизвѣстно ничего вполне опредѣленнаго о послѣдовательномъ порядкѣ, въ которомъ ребенокъ доходитъ до распознаванія различныхъ цвѣтовъ. Онъ раньше обнаруживаетъ чувствительность къ количеству свѣта, чѣмъ къ качеству его: все указываетъ на то, что сначала онъ различаетъ лишь свѣтлое и темное и только очень медленно переходитъ къ распознаванію различныхъ цвѣтовъ. Утверждаютъ, что онъ воспринимаетъ ихъ въ порядкѣ убывающей прогрессіи продолжительности и длины колебаній ээира. По Прейеру,—но не по Бинэ,—онъ переходитъ отъ краснаго къ желтому, бѣлому, черному и сѣрому, а затѣмъ къ зеленому и синему, который онъ довольно долго смѣшиваетъ съ сѣрымъ. Въ этомъ замѣтно вліяніе теоріи эволюціи цвѣтовъ, навлекшей на Магнуса столько серьезныхъ возраженій. Она не подтверждается новѣйшими опытами, произведенными надъ маленькими дѣтьми и относящимися уже къ тому возрасту, когда различныя цвѣта распознаются совершенно правильно. Очень возможно, что эти опыты, при распространеніи ихъ на большее число субъектовъ, не дали бы тождественныхъ результа-

товъ. И это по двумъ причинамъ: съ одной стороны—потому, что серьезные успѣхи рѣчи обнаруживаются у дѣтей не всегда въ одинаково раннемъ возрастѣ; съ другой стороны—потому, что дальтонизмъ, встрѣчающійся часто даже у взрослыхъ, представляетъ нѣсколько разновидностей. У однихъ сѣтчатка нечувствительна къ краснымъ и синимъ лучамъ; другіе смѣшиваютъ между собою различные цвѣта, не смѣшивая ихъ, однако, съ бѣлымъ, сѣрымъ и чернымъ; иные, наконецъ, не воспринимаютъ фіолетоваго цвѣта, а другіе цвѣта воспринимаютъ только при сильномъ освѣщеніи ¹⁾).

II. Хотя еще неизвѣстно ничего вполне опредѣленнаго о послѣдовательномъ развитіи способности различать цвѣта у маленькаго ребенка, еще не умѣющаго говорить, извѣстно, однако, что съ первыхъ же дней жизни онъ испытываетъ огромную жажду свѣта. Новорожденный ищетъ глазами яркаго дневнаго свѣта. Онъ немедленно поворачиваетъ голову къ свѣту, лишь только раскроютъ окно или когда его уносятъ отъ окна, а также пристально слѣдитъ глазами за свѣтомъ, передвигающимся по комнатѣ. Съ этого момента можно констатировать у него признаки удовольствія. Вскорѣ онъ начинаетъ обнаруживать болѣе живую радость при видѣ свѣтлыхъ, блестящихъ и, въ особенности, движущихся предметовъ. Умѣренный свѣтъ, яркіе цвѣта, какими для него являются всѣ свѣтлые цвѣта, ихъ медленное движеніе, дающее ему возможность видѣть ихъ различные оттѣнки или просто воспринимать ихъ перемѣщеніе въ полѣ зрѣнія,—таковы первоначальныя зрительныя наслажденія ребенка.

Зрѣніе имѣетъ также и свои первыя страданія, вызываемыя слишкомъ яркимъ свѣтомъ, слишкомъ рѣзкими тонами въ окраскѣ предметовъ, внезапно приближаемыхъ къ глазамъ. Эти непріятныя ощу-

¹⁾ Taine. L'intelligence, т. I, стр. 228.

щенія выражаются въ опусканіи вѣкъ или въ миганіи глазами, тогда какъ широко открытые и блестящіе глаза выражаютъ удовольствіе, вызванное пріятными ощущеніями зрѣнія или какого-либо изъ остальныхъ чувствъ. Но цвѣтъ не имѣетъ при этомъ никакого значенія.

III. Скажемъ нѣсколько словъ о вѣроятномъ происхожденіи чувствъ удовольствія и страданія, причиняемыхъ намъ нѣкоторыми цвѣтами.

По мнѣнію фізіологовъ, красный и желтый цвѣта, соотвѣтствующіе самымъ длиннымъ свѣтовымъ волнамъ, вызываютъ болѣе интенсивную дѣятельность зрѣнія, а слѣдовательно, и болѣе сильное удовольствіе, чѣмъ другіе цвѣта. По отношенію къ организму они являются возбуждателями, по преимуществу двигательными.

Съ точки зрѣнія философовъ трансформистовъ, пріятныя и непріятныя зрительныя ощущенія далеко не отличаются примитивностью и простотой. Къ непосредственному удовольствію, вызываемому всякимъ сильнымъ ощущеніемъ, у нашихъ предковъ примѣшивалось, по ихъ утверженію, чувство удовольствія отъ другихъ пріятныхъ ощущенийъ. Такъ, желтый и красный цвѣта, столь пріятные дѣтямъ, дикарямъ и простонародью, нравятся не только благодаря характеру производимыхъ ими свѣтовыхъ впечатлѣній: они должны были сильно привлекать вниманіе нашихъ плотоядныхъ предковъ, и этимъ объясняется удовольствіе, связанное съ цвѣтовыми ощущеніями этого рода, соотвѣтствующее первымъ вкусовымъ наслажденіямъ человѣка, когда наслажденія эти сопровождали зрительныя наслажденія и преобладали надъ ними. Удовольствіе, съ которымъ мы созерцаемъ, и безъ того, впрочемъ, столь плѣнительный своей яркостью и свѣжестью, голубой цвѣтъ небосклона, составляетъ якобы органическое переживаніе ощущенийъ изъ эпохи предковъ, у которыхъ они соединялись съ представленіемъ объ

обильной пищѣ и состояніи блаженнаго покоя. Съ видомъ густой и нѣжно окрашенной зелени связывается, якобы, представленіе о тепломъ времени года и привольной жизни.

Что касается цвѣтовъ, одинъ видъ которыхъ производитъ непріятное впечатлѣніе, то, согласно той же теоріи, такіе цвѣта, если они встрѣчаются, являются таковыми еще и потому, что первоначально они ассоціировались съ опредѣленными ощущеніями или чувствами непріятнаго свойства. Этимъ объясняется ихъ аффективный характеръ. «Черный цвѣтъ не есть ощущеніе, а полное отсутствіе всякаго ощущенія въ данной точкѣ и въ данный моментъ, по сравненію съ другими точками и моментами, въ которыхъ ощущеніе налицо» ¹⁾. Такое прекращеніе дѣятельности мозгового центра удивляетъ ребенка и можетъ даже вызывать у него неудовольствіе. Прибавимъ, что съ этими ощущеніями соединились, быть можетъ, начиная съ первобытныхъ временъ, различныя печальныя переживанія опыта, благодаря которымъ черный цвѣтъ сдѣлался символомъ и спутникомъ мрачныхъ мыслей.

IV. Не слѣдуетъ пренебрегать значеніемъ участія индивидуальнаго опыта. Какова бы ни была роль наслѣдственности въ дѣлѣ наслажденій и страданій, причиняемыхъ намъ опредѣленными цвѣтами или опредѣленными сочетаніями цвѣтовъ,—наиболѣе сильныя и наиболѣе продолжительныя эмоціи возникаютъ въ результатъ ощущеній, связанныхъ у ребенка съ какими-либо посторонними представленіями. Такъ, съ желтымъ, краснымъ и бѣлымъ цвѣтами у него соединяются воспоминанія о тѣхъ или иныхъ пищевыхъ продуктахъ, предметахъ одежды, игрушкахъ, различныхъ предметахъ, употребленіе или видъ которыхъ когда-либо доставили ему удовольствіе. Что касается меня лично, то мнѣ нравился свѣтло-

¹⁾ Taine. L'intelligence, т. I, стр. 233.

голубой цвѣтъ многихъ шелковистыхъ или лоснящихся предметовъ, изящныхъ женскихъ платьевъ или граціозныхъ туалетовъ молодыхъ дѣвушекъ и т. п. Но ни лазурь небеснаго свода, ни блѣдная синева пиринейскихъ вершинъ не оставили ни малѣйшаго слѣда въ моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Свѣтло-зеленый цвѣтъ вышивокъ, золотисто-зеленый цвѣтъ винограда, винныхъ ягодъ и сливъ тоже доставляли мнѣ большое удовольствіе. Но, насколько мнѣ помнится, зелень растеній, деревьевъ, стеблей, листьевъ, вѣтвей, лѣсныхъ чащъ, даже высокихъ травъ или сплошныхъ газоновъ, ничего не говорила моему воображенію. Еще въ возрастѣ десяти лѣтъ я оставался холоднымъ на зеленомъ лонѣ природы ¹⁾. Точно такъ же, мнѣ кажется, очень мало такихъ предметовъ, которые съ самаго начала вызвали бы непріятное чувство однимъ своимъ цвѣтомъ. Черный цвѣтъ, напротивъ, даже нравится намъ, если съ нимъ соединяются осязательныя ощущенія чего-то круглаго, гладкаго, мягкаго. Черный цвѣтъ можетъ не нравиться маленькому ребенку въ силу его личнаго опыта. Дѣйствительно, иногда онъ отворачивается отъ людей, одѣтыхъ въ черное. Не зависитъ ли это отъ контраста между чернымъ цвѣтомъ и обычнымъ цвѣтомъ одежды? Человѣкъ, одѣтый въ черное, — въ этотъ цвѣтъ, столь не привычный для зрѣнія ребенка, — долженъ удивлять его и даже, въ первый моментъ, не нравится ему. Но ребенокъ быстро привыкаетъ къ этому. Такъ, домашнія животныя, собаки, кошки, птицы, сначала приходятъ въ полную ярость, увидѣвъ у васъ шляпу на головѣ, но потомъ очень скоро привыкають.

V. Вышеприведенныя замѣчанія даютъ намъ возможность сдѣлать нѣсколько практическихъ выводовъ.

Въ виду того, что всѣ зрительныя ощущенія неизмѣнно доставляютъ удовольствіе маленькому ре-

¹⁾ B. Pérez. L'enfant de trois à sept ans, стр. 170.

бенку, если только объект их нравится ему, а также въ виду того, что ощущенія эти никогда не бываютъ слишкомъ интенсивны, — первоначальному воспитанію нѣтъ надобности заниматься ими. Но, начиная съ возраста трехъ или четырехъ лѣтъ, надлежало бы доставлять ребенку возможно больше зрительныхъ удовольствій, почаще предоставляя ему любоваться предметами, которые нравятся ему одновременно и своимъ цвѣтомъ, и формой, и своимъ назначеніемъ или способомъ употребленія. Однако, и въ этомъ отношеніи нужно соблюдать осторожность. Изъ того, что дѣти вообще обнаруживаютъ пристрастіе къ рѣзкимъ и кричащимъ цвѣтамъ, не слѣдуетъ заключать, что было бы желательно содѣйствовать развитію у нихъ этого вкуса, являющагося признакомъ низкой степени развитія и очень ярко выраженнаго у нецивилизованныхъ народовъ. Нѣкоторые народы южной Европы страстно любятъ яркіе цвѣта, и это считается извинительнымъ въ виду того, что цвѣта эти гармонируютъ съ ослѣпительнымъ сіяніемъ ихъ неба. Но можно ли по тѣмъ же соображеніямъ извинить дурной вкусъ сѣвероамериканцевъ, также питающихъ склонность къ яркимъ цвѣтамъ? Крестьяне изъ области Пиринеевъ любятъ темные цвѣта, тогда какъ швейцарскіе крестьяне предпочитаютъ скорѣе яркія краски. Арлезианки ходятъ почти во всемъ черномъ, нисколько не считаясь съ солнцемъ. Арабъ весь одѣтъ въ бѣлое, а плащъ испанца тоже всего чаще бываетъ бѣлаго цвѣта: не объясняется ли послѣднее тѣмъ, что бѣлый цвѣтъ всего прохладнѣе, потому что онъ отражаетъ тепловые лучи, поглощаемые другими цвѣтами?

Какъ бы то ни было, вкусъ къ яркимъ цвѣтамъ считается признакомъ низшей степени эстетическаго развитія, сильно сокращающей сумму зрительныхъ наслажденій. Во Франціи, въ высшихъ и среднихъ классахъ, умѣніе разбираться въ нѣжныхъ цвѣтахъ и комбинировать ихъ оттѣнки стоитъ на болѣе вы-

сокой ступени. Какъ можно судить по ученымъ трудамъ Шеврейля, умѣніе это вытекаетъ скорѣе изъ точныхъ научныхъ познаній, чѣмъ изъ примитивныхъ побужденій инстинкта. Я не знаю, возможно ли, при воспитаніи дѣтей ранняго возраста, согласовать интеллектуальное развитіе чувства зрѣнія съ его аффективными и эстетическими привычками. Во всякомъ случаѣ, вотъ совѣтъ, вполне удобопримѣнимый къ ребенку тотчасъ же по выходѣ его изъ колыбели: ничего слишкомъ яркаго ни на немъ, ни вокругъ него.

VI. По отношенію къ непріятнымъ зрительнымъ ощущеніямъ, главная забота воспитателя должна состоять въ томъ, чтобы оберегать зрѣніе маленькаго ребенка, окружать это слабое и нѣжное чувство необходимыми предосторожностями, устранять отъ него слишкомъ сильныя впечатлѣнія, слишкомъ рѣзкій свѣтъ и яркія краски, насколько возможно допускать въ окружающей его обстановкѣ и въ близкомъ соприкосновеніи съ нимъ лишь предметы, окрашенные въ мягкіе цвѣта.

Что касается непріятнаго чувства, причиняемаго какъ взрослому человѣку, такъ и ребенку, уже вышедшему изъ ранняго возраста, дисгармоніей красокъ или непропорціональностью формъ, то совѣты, которые можно было бы дать въ этомъ случаѣ, относятся уже къ области чисто-эстетическаго воспитанія. Однако,—въ виду несомнѣннаго существованія наслѣдственности эстетическаго инстинкта,—чувство это у нѣкоторыхъ лицъ является, повидимому, врожденнымъ. Одна особа, будучи еще маленькой дѣвочкой, съ самаго нѣжнаго возраста питала инстинктивное отвращеніе къ отливающимъ разными оттѣнками шелкамъ, къ матеріямъ сизаго цвѣта и муарамъ; она не болѣе любитъ ихъ и теперь, когда въ этомъ отношеніи вернулись моды ея дѣтства. Мать ея, хотя и вышедшая изъ простонародья, обладала довольно хорошимъ вкусомъ и рано объяснила

ей несовмѣстимость нѣкоторыхъ цвѣтовъ; она часто повторяла ей гасконскую пословицу: *Bert è blu, qu'em trufi détu* («зеленое и голубое, смѣюсь я надъ тобою»). И что же, въ настоящее время зеленое и голубое такъ же, какъ и голубое и розовое, пользуются большимъ успѣхомъ, при чемъ пріятельница моя, несмотря на полученное воспитаніе, вовсе не находитъ, чтобы это было безобразно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

С л у х ъ.

- I. Первоначальныя слуховыя ощущенія.—Первые признаки пріятныхъ ощущеній слуха.—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ удовольствіе, связанное съ слуховыми ощущеніями, не является выраженіемъ ни какихъ-либо эмоцій, ни эстетическихъ наслажденій.—II. Физиологическое объясненіе первыхъ музыкальных впечатлѣній.—III. Практическіе выводы: предварительныя соображенія.—IV. Требования гигиеническаго и педагогическаго характера.—V. Второе требованіе, относящееся скорѣе къ области аффективнаго воспитанія.—VI. Полезный совѣтъ нѣкоторымъ матерямъ.

I. Нетрудно замѣтить въ теченіе первыхъ двухъ недѣль жизни ребенка чрезвычайную чувствительность его ко всякому малѣйшему шуму. Ребенокъ вздрагиваетъ и начинаетъ моргать глазами, чуть услышитъ какой-нибудь стукъ, хлопанье дверью, грохотъ сдвинутой мебели, шумъ катящагося экипажа, чиханье, взрывъ смѣха, крикъ, громкое пѣнье. У ребенка двухъ, трехъ и даже четырехъ мѣсяцевъ всякій внезапный, рѣзкій и громкій звукъ, могущій непріятно нарушить покой и взрослого человѣка, вызываетъ вздрагиваніе, наморщиваніе бровей и выраженіе испуга. Эти инстинктивныя, предшествующія опыту, проявленія неудовольствія и удивленія имѣютъ цѣлью одновременно и непосредственную защиту органа слуха

и косвенную самозащиту ребенка. Начиная съ возраста двухъ-трехъ мѣсяцевъ, голосъ матери, въ особенности когда она поетъ, вызываетъ у ребенка признаки живѣйшаго удовольствія. Неоднократно этотъ голосъ успокаиваетъ его, когда онъ кричитъ. На четвертомъ мѣсяцѣ чье-либо тихое пѣніе или насвистываніе, а также отдаленные звуки всѣхъ музыкальных инструментовъ, хотя бы самыхъ громкихъ, повидимому, доставляютъ ребенку большое удовольствие.

Приведенные факты не всегда указываютъ на наличность аффективныхъ или эстетическихъ эмоцій. Всякое элементарное ощущение звука, если оно нормально, нравится само по себѣ. Но существуютъ физическія причины, благодаря которымъ звуки средней интенсивности являются наиболѣе пріятными. Рѣзкіе звуки, соотвѣтствующие болѣе короткимъ и болѣе концентрированнымъ вибраціямъ, сообщаютъ слуховымъ нервамъ болѣе внезапное и болѣе сильное сотрясеніе, чѣмъ звуки промежуточнаго характера. Даже низкіе звуки, если они не слишкомъ сильны, и если грубость тембра или степень интенсивности не слишкомъ видоизмѣняютъ ихъ,—доставляютъ удовольствие слуху, который легко воспринимаетъ ихъ, благодаря опредѣленной амплитудѣ и длительности звуковыхъ колебаній.

Съ тѣмъ болѣе большимъ основаніемъ пріятные звуки доставляютъ удовольствие ребенку, когда они являются выраженіемъ извѣстныхъ эмоцій. Въ первое время и много позднѣе, даже самый обыкновенной причиной пріятныхъ слуховыхъ ощущений является человѣческій голосъ,—его мягкіе, негромкіе и, въ особенности, ласкающіе звуки. Между голосомъ и ухомъ существуетъ до нѣкоторой степени предустановленная симпатія. Нѣкоторыя ноты разговорнаго голоса, манера произношенія у нѣкоторыхъ лицъ производятъ глубокое очарованіе, соотвѣтствующее наслѣдственному предрасположенію мозгового центра. Вибри-

рующіе, грубые, рѣзкіе и отрывистые звуки голоса выражаютъ непріятныя чувства, которыя они пробуждаютъ и у ребенка, еще до возникновенія у него собственнаго опыта.

II. Первые музыкальныя впечатлѣнія ребенка имѣютъ фیزیологическое объясненіе. Съ очень ранняго возраста онъ съ удовольствіемъ воспринимаетъ нѣкоторые звуки, ничего не говорящіе взрослому человеку. Среди этихъ причинъ слуховыхъ наслажденій слѣдуетъ указать прежде всего на звуки чистые, звонкіе, серебристые, на примѣръ, на звуки струнныхъ инструментовъ,—скрипки, фортепіано, гобоя,—на нѣкоторые звуки кларнета, корнетъ-а-пистона, охотничьяго рога; звуки барабана и сигнальнаго рожка доставляютъ удовольствіе ребенку, только когда слышатся въ нѣкоторомъ отдаленіи. Но услышавъ ихъ вблизи, ребенокъ начинаетъ плакать.

Даже пронзительная, рѣзкая для слуха музыка нравится ребенку, благодаря разнообразію послѣдовательно чередующихся нотъ, ихъ повтореніямъ, а также благодаря чисто животному ощущенію удовольствія, причиняемаго ритмомъ. Гармоническое сочетаніе быстро слѣдующихъ другъ за другомъ нотъ вызываетъ приливъ крови къ мозгу, а это сильное возбужденіе, въ свою очередь, вызываетъ у ребенка живыя ощущенія и быстрыя движенія. Такимъ образомъ, музыка, хотя бы самая грубая, прежде всего отвѣчаетъ потребности въ мускульной дѣятельности, столь могущественной у этихъ маленькихъ человечковъ.

Болѣе того: если о ребенкѣ, какъ и о многихъ животныхъ, можно сказать, что онъ любитъ шумъ ради шума, то несомнѣнно, что онъ всего болѣе любитъ шумъ, производимый имъ самимъ. Начиная съ возраста шести или семи мѣсяцевъ, ребенокъ, производя шумъ, старается добиться признанія своей соціальной личности. Его глаза оживляются, и оживленіе его становится шумиѣе, когда есть кто-нибудь, кто это видитъ и слышитъ.

III. Практическіе выводы изъ сказаннаго требуютъ нѣкоторыхъ предварительныхъ соображеній. Часто за нечувствительность къ отдѣльнымъ звукамъ принимается относительная глухота. При рожденіи ребенка ухо его далеко еще не сформировано. Развѣтіе костнаго слухового аппарата заканчивается болѣе или менѣе лишь къ четыремъ или пяти годамъ. До этого возраста многія дѣти хворають носовыми и горловыми болѣзнями, которыя, въ свою очередь, вызываютъ заболѣванія органа слуха. Заболѣванія эти часто затрогивають оба уха и могутъ сопровождаться незначительнымъ пониженіемъ остроты слуха; въ иныхъ случаяхъ болѣзнь ослабляетъ или убиваетъ слухъ лишь съ одной стороны. Глухой на одно ухо не слышитъ, когда говорятъ на близкомъ разстояніи отъ его уха, пораженнаго глухотой; но онъ хорошо воспринимаетъ нѣсколько болѣе отдаленные звуки. Всѣ эти соображенія имѣють такой же интересъ для аффективнаго, какъ и для умственнаго воспитанія дѣтей перваго возраста.

IV. Какъ это видно, первая забота воспитателя, относящаяся къ чувству слуха, примыкають одновременно и къ области гігіены, и къ области нравственнаго воспитанія. Извѣстно, напримѣръ, какъ важно для здоровья и хорошаго самочувствія ребенка, чтобы сонъ его ничѣмъ не прерывался и вообще не нарушался. Если въ теченіе первыхъ дней жизни ни сильный шумъ, ни крики не будять его, то совсѣмъ не такъ дѣло обстоитъ нѣсколько позднѣе. Начиная съ конца перваго мѣсяца, ребенокъ не спитъ, если ходять или говорятъ вокругъ него. Если ребенокъ уснулъ, малѣйшій шумъ вблизи вызываетъ у него движеніе въ лицѣ и даже можетъ заставить его нѣсколько повернуть голову; болѣе сильный шумъ вызываетъ движеніе во всемъ тѣлѣ.

V. Второй нашъ совѣтъ будетъ касаться аффективнаго воспитанія слуха. Необходимо понимать предостереженія самой природы и, насколько возможно,

ограждать слухъ ребенка отъ соприкосновеній, без-
полезныхъ для его развитія и могущихъ имѣть серьез-
ное вліяніе на состояніе его нервной системы. Пред-
осторожности въ этомъ отношеніи, которыя не всегда
легко бываетъ принимать, должны направляться пре-
имущественно на непредвидѣнные звуки и столкно-
венія. Къ счастью, впрочемъ, дѣти болѣе или менѣе
легко привыкають къ звукамъ, которые сначала не-
пріятно поражаютъ ихъ. Одинъ трехмѣсячный ребе-
нокъ сильно вздрогнулъ и закричалъ при первомъ
звукѣ колесъ увозившаго его поѣзда; пять минутъ
спустя онъ успокоился, сталъ улыбаться и уснулъ;
проснувшись, онъ опять сталъ улыбаться и принялся
играть, какъ обыкновенно. Слѣдуетъ сказать также,
что у ребенка нѣтъ тѣхъ причинъ, которыя заста-
вляютъ взрослыхъ находить нѣкоторые звуки не-
пріятными и даже невыносимыми. Финансистъ Ла-
Фонтэннъ не могъ привыкнуть къ голосу и молотку
своего веселаго сосѣда; но я думаю, что тѣ же
звуки нисколько не смущали ни его, ни бодр-
ствовавшихъ дѣтей того же квартала; быть можетъ,
они даже увеселяли ихъ. Какъ бы то ни было, слѣ-
дуетъ всегда, поскольку это возможно, щадить слу-
ховую восприимчивость дѣтей. То, что имъ нравится,
не всегда бываетъ для нихъ полезно.

VI. Воспитательный инстинктъ матерей и кор-
милицъ обманывается чаще, чѣмъ это обыкновенно
думаютъ. Конечно, есть много такихъ, которыя
отлично знаютъ, какія ноты ихъ голоса нравятся
питомцамъ и какіе изъ чужихъ голосовъ имъ анти-
патичны. Когда имъ не удастся удалить отъ колы-
бели ребенка эти злополучные голоса, онѣ умѣють
мягко напомнить ихъ обладателямъ, что всегда есть
возможность такъ пользоваться своимъ голосомъ,
чтобы тембръ его не производилъ непріятнаго впе-
чатлѣнія. Есть также мужчины, не лишеныя этой
аффективной чувствительности уха и свято почитающіе
ее въ другихъ. Нѣтъ ничего занимательнѣе и тро-

гательнѣе, чѣмъ видъ солдата, умѣряющаго свой грубый голосъ, привыкшій къ рѣзкимъ тонамъ его ремесла, и смягчающаго его до подражанія материнской ласкѣ. Наоборотъ, сколько матерей и кормилицъ, повидимому, думаютъ, что природа одарила ихъ высокимъ и звонкимъ голосомъ затѣмъ, чтобы онѣ исполняли при своихъ дѣтяхъ обязанность оглушительныхъ попугаевъ! Полезно напомнить имъ, что это злоупотребленіе крикливыми и визгливыми нотами, хотя привычка и ослабляетъ ихъ впечатлѣніе, причиняетъ большой вредъ физическому благополучію и аффективному и умственному развитію ребенка. Какой утомительный и бесплодный трудъ для его мозга!

Не слѣдуетъ забывать, что впечатлѣнія слуха всего сильнѣе затрогиваютъ чувствительность ребенка; какъ прекрасно выразился поэтъ, ухо—это путь къ сердцу. Окружить ребенка атмосферой мягкихъ, нѣжныхъ и радостныхъ звуковъ, это значитъ—работать для его счастья въ настоящемъ и дѣлать многое для его настроенія и нравственности въ будущемъ.

Здѣсь не можетъ быть вопроса объ эстетическомъ воспитаніи слуха. Но это воспитаніе начинается вмѣстѣ съ аффективнымъ воспитаніемъ, и все благопріятное для одного является благопріятнымъ и для другого. Мы уже привели одинъ примѣръ такого счастливаго совпаденія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О с я з а н і е.

I. Смутныя пріятныя ощущенія элементарнаго осязанія.—Первые признаки осязательно-мускульныхъ страданій.—Неодинаковая возбудимость разныхъ участковъ кожного покрова.—Ощущенія царапинъ и уколовъ.—Ощущеніе отъ прикосновенія жидкостей.—II. Эмоціональное воспитаніе осязанія составляетъ дѣло предохраненія и укрѣпленія.—III. Укрѣпленіе зависитъ отъ нравственнаго воспитанія не менѣе, чѣмъ отъ гигиены.—IV. Необходимо поступать при этомъ съ чувствомъ мѣры.—V. Нельзя сдѣлать изъ темперамента ребенка все, что угодно.—Но всегда можно кое-что сдѣлать, хорошо принявшись за дѣло. Примѣръ.

I. Слѣдуетъ различать ощущенія прикосновенія въ собственномъ смыслѣ и осязательное ощущеніе полу-интеллектуальнаго характера. Первые являются результатомъ простаго возбужденія нервовъ кожи и слизистыхъ оболочекъ; вторыя возникаютъ въ результатѣ одновременнаго возбужденія нервовъ кожи и нервовъ мышцъ. Примѣромъ первыхъ можетъ служить пріятное самочувствіе, испытываемое ребенкомъ отъ прикосновенія удобной одежды; примѣромъ вторыхъ являются непріятныя ощущенія, причиняемыя ребенку грубой или тѣсной одеждой.

Пріятныя ощущенія элементарнаго и до нѣкоторой степени органическаго осязанія въ общемъ отличаются менѣе острымъ характеромъ, но часто бываютъ интереснѣе и, во всякомъ случаѣ, повторяются чаще, чѣмъ пріятныя ощущенія вкуса. Съ первыхъ же дней жизни впечатлѣнія этого рода дѣйствуютъ на нашу чувствительность, какъ непосредственныя и болѣе или менѣе длительныя причины хорошаго самочувствія. Не всегда легко отличить у маленькаго ребенка пріятныя ощущенія осязанія, такъ какъ органомъ ихъ является у него вся поверхность тѣла. На первомъ мѣсяцѣ жизни прикосновеніе нѣжной кожи или мягкой ткани, освобожденіе

отъ пеленокъ не вызываютъ на его лицѣ ни малѣйшаго видимаго признака удовольствія. Нѣсколько позднѣе обнаруживаемое имъ живое чувство радости вытекаетъ, быть можетъ, изъ ощущений и чувствованій, ассоціирующихся въ его представленіи съ нѣкоторыми физическими состояніями и нѣкоторыми ласками. Намъ слѣдуетъ, поэтому, пользуясь чувствомъ осязанія, стараться обезпечить грудному ребенку не столько пріятное самочувствіе, сколько отсутствіе непріятныхъ ощущенийъ.

Признаки непріятныхъ ощущенийъ, вызываемыхъ прикосновеніемъ и въ то же время мышечнымъ чувствомъ давленія, очень рѣзко выражены у новорожденнаго. Его крики, а вскорѣ и слезы, его рефлекторная мимика, показываютъ, какъ сильно онъ страдаетъ отъ неудобныхъ положеній, отъ грубости и давленія одѣяній, отъ всѣхъ прикосновеній, которыя были бы очень мало чувствительны для взрослого. Физиологамъ удалось изучить у маленькаго ребенка неодинаковую степень возбудимости различныхъ участковъ кожи. Чувствительность этого рода зависитъ отъ количества нервныхъ волоконъ, оканчивающихся у той или иной поверхности тѣла. Очень значительную рефлекторную возбудимость обнаруживаютъ губы, языкъ, слизистая оболочка носовой полости, соединительная оболочка глаза, роговица и вѣки, нозь, ладонь руки и въ особенности подошва ноги и лицо. Кожа руки отъ кисти до локтя и кожа ноги менѣе чувствительна для осязательныхъ ощущенийъ; кожа плечъ, груди, живота, спины и ляжки еще болѣе нечувствительна. Вообще, части, соприкасающіяся съ воздухомъ, исключая лица, а также части, болѣе привыкшія къ тренію одеждой, менѣе возбудимы, чѣмъ внутреннія части. Тактильная чувствительность притупляется привычкой и понемногу достигаетъ той степени, на которой она находится у взрослыхъ. Начиная со второго года жизни, она становится нѣсколько меньше подъ вліяніемъ частаго

повторенія однихъ и тѣхъ же ощущеній и съ возрастаніемъ способности задерживанія рефлексовъ. Тѣмъ не менѣе эта чувствительность можетъ отличаться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ излишней изощренностью, а въ другихъ—излишней тупостью.

Сильныя осязательныя ощущенія становятся болевыми ощущеніями. Царапины производятъ особыя ощущенія, изъ которыхъ самыя слабыя являются крайне чувствительными для ребенка. Малѣйшій уколъ вызываетъ у него порывистыя движенія боли и сопротивленія. Такого рода ощущенія уже не являются простыми осязательными ощущеніями.

Прикосновеніе жидкостей, въ особенности холодныхъ, тоже очень непріятно для ребенка. Часто даже, по истеченіи первыхъ мѣсяцевъ жизни, онъ не только не обнаруживаетъ признаковъ радости при купаніи въ теплой ваннѣ, но соглашается, чтобы его опустили въ нее, лишь съ большимъ неудовольствіемъ. Быть можетъ, это слѣдуетъ приписать легкому удушью при погруженіи въ воду и холоду, испытываемому непогруженными частями тѣла.

II. Эмоціональное воспитаніе чувства, о которомъ мы говоримъ, составляетъ дѣло предохраненія и укрѣпленія. По возможности избѣгать для ребенка непріятныхъ ощущеній прикосновенія и давленія,—значить, соотвѣтственнымъ образомъ увеличивать его благополучіе. Наконецъ-то начинаютъ понимать, спустя сто лѣтъ послѣ Руссо, что, если пеленанье составляетъ необходимое зло, то все же оно не должно быть мучительствомъ. Но какъ много еще приходится говорить по поводу того, какъ понимается у насъ гигиена кожи! Подъ предлогомъ избавленія ребенка отъ нѣкотораго ощущенія холода и отъ криковъ, многіе родители охотно пренебрегаютъ тѣми необходимыми заботами объ опрятности, которыя, вмѣстѣ съ прогулками на чистомъ воздухѣ, способствуютъ относительному укрѣпленію организма и оздоровленію кожной чувствительности, безъ притупленія ея. И замѣьте, какая непослѣдовательность: они не опасаются въ то же время по цѣлымъ днямъ подвергать

дорогого малютку мученіямъ ласкъ, непріятныхъ для его нѣжныхъ органовъ и опасныхъ для его здоровья, а, можетъ быть, и для его нравственности!

III. Физическое укрѣпленіе организма зависитъ, кромѣ того, отъ нравственнаго воспитанія, не въ меньшей степени, чѣмъ отъ гігіены. Нечувствительность къ непріятнымъ впечатлѣніямъ зависитъ не только отъ «толщины кожи», но и отъ мужества и терпѣнія, то-есть отъ нравственнаго воспитанія. «Такъ врагъ начинаетъ ожесточеннѣе преслѣдовать насъ, такъ усиливается страданіе, когда мы дрожимъ передъ нимъ. Оно много снисходительнѣе къ тѣмъ, кто не поддается ему» ¹⁾. Нужно, начиная съ колыбели, но всегда соблюдая чувство мѣры, пріучать ребенка «не поддаваться ему». Этого чувства мѣры нехватало у многихъ моралистовъ, даже у тѣхъ, которые именовались гігіенистами.

IV. Локкъ, болѣе чѣмъ кто-либо способствовавшій введенію въ обычаи англійской жизни привычекъ, могущихъ содѣйствовать развитію физической и нравственной силы, ошибался, когда говорилъ: «Знатные люди должны такъ обращаться со своими дѣтьми, какъ хорошіе крестьяне обращаются со своими». Большинство горожанъ рисковало бы умереть при подобныхъ условіяхъ. Въ общемъ родители не обогатили ихъ здоровымъ сложеніемъ деревенскихъ дѣтей; кромѣ того, имъ всего чаще недостаетъ чистаго воздуха. Если бы требовалось питаться, одѣваться и во всѣхъ отношеніяхъ вести такую же жизнь въ городѣ, какъ въ деревнѣ, малокровіе, такъ жестоко свирѣпствующее у насъ, уносило бы еще болѣе жертвъ.

V. Не слѣдуетъ, преувеличивая вліяніе гігіены, думать, что изъ темперамента ребенка можно сдѣлать все, что угодно. Но всегда можно возлагать большія надежды на привычки, привитыя или внушенныя съ дѣтства. Нѣтъ ребенка, организмъ ко-

¹⁾ Монтэнь. Опыты, книга I, глава XII.

тораго, какъ бы онъ ни былъ слабъ и чувствителенъ отъ природы, нельзя было бы укрѣпить воспитаніемъ, не претендуя на полное претвореніе его. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, послѣдовательное развитіе хорошихъ привычекъ, соревнованіе, духъ подражанія, неистощимая дѣтская веселость часто дѣлають чудеса.

Однажды въ деревнѣ маленькій ребенокъ двухъ съ половиною лѣтъ взялся помогать мнѣ ловить бабочку, за которой я гонялся съ единственной цѣлью побудить его пожалить себѣ ноги о крапиву. Бабочки мы не поймали, но, кромѣ ожоговъ, причиненныхъ крапивой, мальчикъ получилъ еще нѣсколько укуловъ терновника. Я притворился, что ничего не замѣчаю, и сталъ выражать неудовольствіе по поводу неудачной охоты. «Проклятая бабочка, ишь, проклятая бабочка!» восклицалъ я, дѣлая видъ, что гляжу въ ту сторону, гдѣ она исчезла. Я услышалъ, что мой маленькій соратникъ тоже повторялъ: «Проклятая бабочка!»; при этомъ я замѣтилъ, что онъ провелъ рукой по своимъ голымъ ножкамъ. «И подумать только, что я понапрасну оцарапался о терновникъ, тотчасъ же продолжалъ я, да, совсѣмъ понапрасну! Но это скоро пройдетъ. Хорошо еще, что мои панталоны остались цѣлы». При этомъ я повернулся къ ребенку: покраснѣвъ отъ волненія или отъ изумленія, онъ пристально смотрѣлъ на меня, широко открывъ глаза. «Ты говоришь, это скоро пройдетъ, сказалъ онъ мнѣ, ну, мы сейчасъ будемъ смѣяться». Не правда ли, довольно удачный и прекрасно воспринятый урокъ?

Когда ребенокъ еще совсѣмъ малъ, иногда бываетъ достаточно ласки, поцѣлуя, чтобы успокоить несильную боль: чувство нѣжной, веселой симпатіи составляетъ лучшее лѣкарство. Позднѣе, желая устранить губительныя послѣдствія преувеличенной чувствительности, можно безошибочно рассчитывать, какъ я сейчасъ показалъ, и на соревнованіе, и на естественныя въ этомъ возрастѣ живость и беззаботность. Но

существуетъ законная впечатлительность, съ которой было бы одинаково неразумно бороться хитростью, какъ и разсужденіями. Всегда слишкомъ дорого обходится опытъ, купленный слезами, если за него можно было заплатить иной монетой. Я держусь даже того мнѣнія, что разъ паденія, ушибы и царапины составляютъ неизбѣжный удѣлъ ребенка, слѣдуетъ признать, что, безъ излишняго баловства, всѣ эти предохранительныя шапочки и другія полезныя мѣры предосторожности, которыми окружаютъ дѣтскую слабость и неопытность, не являются такимъ ужъ смѣшнымъ предразсудкомъ. Мнѣ не разъ приходилось видѣть, какъ дѣти падали со стула, скатывались съ лѣстницы, выскальзывали изъ рукъ кормилицъ, какъ ихъ затѣмъ поднимали окровавленными, ошеломленными, задыхающимися, почти бездыханными; поэтому, когда какой-нибудь ребенокъ играетъ подлѣ меня, малѣйшій звукъ паденія, малѣйшій стукъ какого-либо предмета объ полъ брасаютъ меня въ дрожь. Да, много кротости, много предусмотрительности, много философіи, — вотъ что нужно имѣть, не считая многого другого, когда приходится пріучать къ страданіямъ эти маленькія существа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мышечное чувство.

I. Движенія, о которыхъ воспитанію не зачѣмъ заботиться.— Оно должно содѣйствовать исключительно двигательнымъ наклонностямъ ребенка.— Сознаніе роста собственныхъ силъ и упражненіе ихъ доставляютъ ребенку огромное удовольствіе.— Остается лишь предоставить его самому себѣ, заботясь только о предупрежденіи опасностей и излишествъ.— II. Утомленіе органовъ чувствъ.— Оно выражается сномъ. Но кратковременность состояній бодрствованія, у совсѣмъ маленькаго ребенка, можетъ имѣть другія фізіологическія причины. По возможности, не слѣдуетъ прерывать сонъ дѣтей.— Ребенокъ рано начинаетъ различать окружающихъ по тому, какъ они прикасаются къ нему и прижимаютъ его къ себѣ.— III. Онъ уже очень чувствителенъ къ наносимымъ ему ударамъ.— IV. Ребенокъ испытываетъ потребность прижиматься къ предметамъ.— V. Онъ прикидывается утомленнымъ изъ лѣности.

I. Мышечное чувство, родъ внутренняго осязанія, распространено по всему тѣлу. Мы займемся здѣсь лишь отношеніемъ его къ органамъ передвиженія и хватанія. Локализованныя такимъ образомъ мышечныя ощущенія сводятся къ ощущеніямъ сокращенія и растяженія мускуловъ.

Обыкновенно къ мышечному чувству относятся пріятныя ощущенія, испытываемыя при не слишкомъ сильномъ сведеніи и разведеніи ногъ и рукъ, то-есть при ихъ сгибаніи и разгибаніи. Къ этому присоединяются, пріятныя сами по себѣ, при отсутствіи излишней интенсивности, ощущенія или умственные воспріятія давленія, тяжести, сопротивленія, тяги, толчка. Эти смутныя ощущенія удовольствія, которыми сопровождаются движенія, находятся въ соотвѣтствіи съ опредѣленнымъ нормальнымъ состояніемъ мускуловъ, сочлененій и кожи.

Актъ хватанія ребенкомъ предметовъ, которые онъ можетъ достать, уже часто встрѣчающійся, начиная съ пятого и шестого мѣсяца, и доставляющій ему

столько удовольствія, относится одновременно къ области осязательнаго и мускульнаго чувства. Актъ нажиманія на грудь матери или кормилицы объединяетъ собою пріятныя ощущенія вкуса, осязанія и мускульнаго чувства.

Нравственное воспитаніе, такъ же, какъ и гигиена, не должно заниматься, повидимому, безцѣльными движеніями, претворяющими нервную силу ребенка въ возбудителя движенія. Что касается актовъ, направленныхъ къ соціальной цѣли, то слѣдуетъ заботиться скорѣе о поощреніи, чѣмъ о подавленіи ихъ. Въ возрастѣ около двухъ мѣсяцевъ уже можно понемногу освобождать ребенка отъ всего, стѣсняющаго свободу его членовъ. Можно въ теченіе дня предоставить ребенку, лежащему въ колыбели, полную свободу движеній. Слѣдуетъ даже поощрять его двигательныя наклонности, въ ожиданіи появленія способности къ самостоятельному передвиженію. «Покачиваніе на рукахъ доставляетъ ему удовольствіе, отражающееся на его личикѣ. Вскорѣ это маленькое развлеченіе начинаетъ вызывать у него улыбку. Онъ протягиваетъ ручонки изъ колыбели, когда замѣчаетъ, что его собираются взять. Нѣтъ матери, которая не попыталась бы испробовать силы ребенка, поставивъ его себѣ на колѣни и заставляя понемногу приближаться отъ колѣней къ ея лицу. Это, повидимому, такое незначительное развлеченіе очень нравится малюткамъ. Они улыбаются при этой игрѣ, укрѣпляющей ихъ маленькія ножки. Нужно, такъ сказать, поощрять маленькаго ребенка самостоятельно предпринимать двигательныя упражненія, а для этого стоитъ только почаще класть его на коверъ или на покрытый одѣяломъ не слишкомъ толстый матрацъ, или на очень широкую подушку. Тогда можно видѣть, какъ, въ полной безопасности отъ паденій и толчковъ, подъ наблюденіемъ кормилицы или матери, которая поетъ и улыбается своему дорогому крошкѣ, ребенокъ съ наслажденіемъ вытягиваетъ свои члены, болтаетъ но-

гами, испуская радостные возгласы, катается и играет» ¹⁾).

Болѣ отчетливымъ ощущеніямъ, съ развитіями мускуловъ, соотвѣтствуютъ и болѣ или менѣ специализованныя приспособленія въ двигательныхъ центрахъ. Ребенокъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, уже различающій предметы, находящіеся внѣ его, и начинающій познавать разстоянія въ тѣхъ случаяхъ, когда ему недостаточно протянуть руку, чтобы схватить эти предметы,—что онъ охотно дѣлаетъ, когда они находятся вблизи,—нагибается и всѣмъ тѣломъ тянется къ нимъ. Онъ имѣетъ болѣе точное представленіе о разстояніяхъ, относящихся къ различнымъ частямъ его тѣла; онъ уже болѣе смѣлъ и ловокъ: онъ чаще подноситъ руки къ лицу, но при этомъ царапаетъ себя уже гораздо рѣже; его болѣе занимаютъ собственныя руки, на трепыханье которыхъ онъ смотритъ съ любопытствомъ и все съ возрастающимъ удовольствіемъ; онъ дѣлаетъ усилія протягивать руки. На четвертомъ мѣсяцѣ онъ начинаетъ производить неловкія движенія ногами и всѣмъ туловищемъ, стараясь держаться на ногахъ, когда его поддерживаютъ. Однимъ словомъ, онъ сознаетъ свои дѣйствія, они ему нравятся, и это удовольствіе, въ свою очередь, побуждаетъ его къ новымъ дѣйствіямъ.

Мы не станемъ говорить здѣсь о развитіи дѣтской личности и о дѣятельности дѣтскаго воображенія, находящихъ проявленіе въ играхъ ребенка и въ его усиліяхъ то и дѣло производить перемѣны въ окружающей средѣ. Мы ограничимся въ данномъ случаѣ лишь указаніемъ на то, что развитіе этой дѣтской дѣятельности происходитъ безъ нашего вмѣшательства или даже вопреки намъ. Всего чаще намъ остается лишь предоставить дѣло природѣ, наблюдая за отклоненіями, предупреждая опасности и умѣряя излишества.

II. Вначалѣ акты крика и сосанія вызываютъ

¹⁾ D-r Laurent. Des soins à donner aux bēbés, стр. 102.

у ребенка довольно усиленную мускульную дѣятельность. При этомъ дѣятельность органовъ чувствъ все болѣе и болѣе вызываетъ утомленіе. Последнее выражается сномъ, занимающимъ большую часть времени въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ жизни. Но кратковременность состояній бодрствованія, въ теченіе этого періода, не вполне объясняется повышеннымъ темпомъ органическихъ функций и усиленного возбужденія чувства подъ вліяніемъ вниманія. Физиологъ Прейеръ допускаетъ другую причину этого.

У ребенка мало крови, и дыхательный процессъ его совершается недостаточно энергично: поэтому, въ распоряженіи его организма мало кислорода, и тотъ уходитъ на поддержаніе роста. Съ одной стороны, производится недостаточное количество работы и развивается недостаточное количество теплоты; съ другой стороны, лишь небольшое количество кислорода находится въ распоряженіи организма для обмѣна гангліозныхъ клѣтокъ во время состояній бодрствованія. Нужно считаться съ родомъ питанія ребенка, которое въ рассматриваемый нами періодъ состоитъ исключительно въ молокоѣ. А, какъ извѣстно, молоко и сыворотка производятъ утомляющее вліяніе даже на взрослыхъ, когда они употребляютъ ихъ въ большемъ количествѣ. Они содержатъ молочный сахаръ, который претворяется въ желудкѣ въ молочную кислоту. Последняя соединяется въ кишечникѣ со щелочами, въ результатъ чего въ крови ребенка, въ зависимости отъ рода его питанія, имѣется бѣльшее количество молочнокислыхъ солей, чѣмъ у взрослого челоуѣка. Эти молочнокислыя соли, окисляясь, поглощаютъ значительную часть кислорода, необходимаго для мозга въ состояніи бодрствованія, и, быть можетъ, именно поэтому ребенокъ регулярно спитъ послѣ каждаго обильнаго кормленія грудью. Молоко, въ свою очередь, можетъ содержать продукты утомленія, попадающіе въ него изъ крови матери, и т. д. ¹⁾.

¹⁾ Preyer. *L'âme de l'enfant*, стр. 133.

Практическій выводъ таковъ: къ этимъ обычнымъ причинамъ усталости родители должны остерегаться примѣшивать еще вліяніе своихъ ласкъ, возбуждающихъ слабый мозгъ маленькаго ребенка, въ ущербъ его отдыху и здоровью. Они должны также поступать такимъ образомъ, чтобы по возможности смягчать и устранять слѣдствія различныхъ причинъ, нарушающихъ сонъ ребенка,—голодъ, мокрая и грязная пеленки,—однимъ словомъ, всѣ кожныя раздраженія. Общее правило, котораго слѣдуетъ придерживаться по отношенію къ дѣтямъ всѣхъ возрастовъ, это—никогда не прерывать ихъ сна, кромѣ случаевъ настоятельной необходимости.

III. Мы уже останавливались на вопросѣ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, которыхъ не признаетъ ни одна хорошая система воспитанія. Здѣсь мы ограничимся указаніемъ родителямъ и воспитателямъ на то, что трехмѣсячный ребенокъ уже различаетъ окружающихъ по тому, какъ они прикасаются къ нему, ошупываютъ, ласкаютъ, держатъ и носятъ его. Въ шесть мѣсяцевъ онъ уже разбирается также и въ налагаемыхъ на него маленькихъ наказаніяхъ, въ лицахъ, имѣющихъ отношеніе къ этимъ наказаніямъ, и въ орудіяхъ этихъ наказаній. Бываютъ дѣти, которыхъ одинъ видъ врача, лѣчившаго ихъ, выводитъ изъ себя. Если есть дѣти, мало чувствительныя и, даже можно сказать, совсѣмъ не чувствительныя къ наносимымъ имъ ударамъ, то громадное большинство ихъ отличается въ этомъ отношеніи вполне законной и какъ бы до крайности чуткой впечатлительностью. Тѣмъ, кто можетъ сомнѣваться въ могущественномъ вліяніи осязательно-мускульнаго воображенія, стоитъ только прочесть воспоминанія одного сына, въ которыхъ онъ сознается въ томъ, что никогда не могъ простить своему отцу и матери «колотушекъ», которыми они омрачили его дѣтство ¹⁾.

¹⁾ J. Vallès, L'enfant, passim.

IV. Слѣдуетъ прибавить, что часто у дѣтей отъ пятнадцати мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ замѣчается также нѣчто въ родѣ псевдополового возбужденія осязательныхъ и мускульныхъ нервовъ; они чувствуютъ потребность прижиматься къ предметамъ, животнымъ и людямъ. «Прижмемся», говоритъ одинъ двухлѣтній ребенокъ одному изъ своихъ взрослыхъ друзей, крѣпко обнимая его. Что это,—игра, избытокъ жизни или бессознательный импульсъ чувственности? Аррѣа допускаетъ послѣднюю гипотезу и приводитъ другіе факты въ подтвержденіе ея ¹⁾. Не слѣдуетъ допускать возникновенія у ребенка подобныхъ привычекъ.

V. Маленькій ребенокъ склоненъ также къ нѣкоторой лѣни, которую не слѣдуетъ поддерживать. Иногда ему не хочется играть то тѣми или иными игрушками, то съ тѣми или иными товарищами. Мы должны уяснить себѣ, зависитъ ли это отъ каприза, и нѣтъ ли способа возбудить у него желаніе къ игрѣ, — что всегда бываетъ нетрудно, если ребенокъ здоровъ и воспріимчивъ. Уже въ возрастѣ около двухъ лѣтъ онъ часто обнаруживаетъ склонность требовать услугъ или помощи. Отправляясь на прогулку, ребенокъ двухъ съ половиною лѣтъ говоритъ своему старшему брату: «Пожалуйста, принеси мнѣ мою шляпу». Мать говоритъ ему: «Поди возьми ее самъ». — «А гдѣ она?» спрашиваетъ ребенокъ, отлично зная, гдѣ ее найти. «Ты это знаешь», возражаетъ мать. Но инстинктивная склонность къ лѣни все еще не сдается. «Лѣстница большая, я не могу влѣзть». — Въ другой разъ, не желая слушаться отца, этотъ ребенокъ придумывалъ всевозможные фокусы, чтобы отвлечь его вниманіе отъ отданнаго приказанія: «Да скорѣе же! Ты думаешь это очень весело?» Ребенокъ колеблется и еще разъ пытается оттянуть актъ повиновенія вопросомъ: «А почему это не весело?»

¹⁾ La morale dans le drame, гл. I и Revue phil., декабрь 1886 г. Sexualité et altruisme.

Немного здравого смысла и опытности достаточно, чтобы скоро научиться обманывать эти маленькіе расчеты дѣтской лѣности.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Чувство температуры.

I. Общее вліяніе умѣренной и чрезмѣрной температуры.—II. Термическія ощущенія, на которыя должно быть направлено дѣйствіе аффективнаго и моральнаго воспитанія.—Они вызываютъ реакцію, которой слѣдуетъ содѣйствовать.—III. Закаливаніе противъ холода имѣть свои предѣлы и можетъ имѣть свои опасности.—IV. Притупленіе чувствительности къ холоду не всегда такъ полезно, какъ это кажется.—V. Неудобства слишкомъ искусственныхъ средствъ борьбы съ суровостью температуры: жизнь въ четырехъ стѣнахъ.—VI. Купанье въ водѣ и воздушныя ванны.—Примѣръ легкости, съ которой ребенокъ пріучается къ омовеніямъ и къ заботамъ о чистотѣ.—Ежедневныя воздушныя ванны при вставаніи съ постели и на прогулкѣ.

I. Умѣренная температура благоприятствуетъ гармоническому развитію всѣхъ силъ. Умѣренная теплота вызываетъ общее возбужденіе нервной системы, болѣе тонкую чувствительность, болѣе живое воображеніе, болѣе быстрыя и болѣе радостныя движенія. Сухой и умѣренный холодъ производитъ полезное укрѣпляющее и возбуждающее дѣйствіе: онъ ускоряетъ дыханіе и кровообращеніе, увеличиваетъ аппетитъ, усиливаетъ и въ то же время успокаиваетъ дѣятельность нервной системы, располагаетъ мозгъ къ работѣ вниманія. Наоборотъ, чрезмѣрная теплота и чрезмѣрный холодъ производятъ, въ общемъ, подавляющее вліяніе. Въ первомъ случаѣ наступаетъ ослабленіе нервной или мышечной дѣятельности, вялое пищевареніе, медленное питаніе, склонность къ усталости и сонливости, во второмъ,—пріостановка кровообращенія периферическихъ частей тѣла, носа, ушей,

ногъ и рукъ, учащенное и слабое дыханіе, недостаточно живыя ощущенія; въ обоихъ случаяхъ въ результатъ получается притупленность чувствъ, ослабленіе умственной силы мозга 1).

II. Существуетъ разрядъ ощущеній температуры, которыми аффективному или нравственному воспитанію совершенно не зачѣмъ заниматься. Мы обладаемъ способностью получать отъ тѣлъ, при посредствѣ осязанія, ощущенія температуры. Этимъ путемъ мы приобретаемъ свѣдѣнія о жидкихъ и твердыхъ тѣлахъ, очень цѣнныя для нашего питанія, нашего благосостоянія и нашей безопасности. Мы приписываемъ тѣламъ различныя степени тепла или холода, выражающія ощущенія, причиняемыя намъ этими тѣлами. Эта термическая чувствительность, благоприобрѣтенная и самопроизвольная, соединяется всегда съ другими тактильными и мускульными воспріятіями. Она осуществляется только въ опредѣленный моментъ и только на ограниченномъ участкѣ кожи. Она играетъ по преимуществу освѣдомительную роль и тѣсно связана съ умственнымъ воспитаніемъ чувствъ.

Но существуетъ другой родъ термическихъ ощущеній, представляющій интересъ для аффективнаго и моральнаго воспитанія. Это термическое чувство пассивно и субъективно; мы испытываемъ его независимо отъ нашей воли, и оно кажется цѣликомъ сосредоточеннымъ въ насъ самихъ. Мы относимъ его къ себѣ самимъ, къ опредѣленнымъ частямъ нашего тѣла и въ большинствѣ случаевъ ко всему нашему тѣлу. Оно зависитъ не столько отъ сущности специальныхъ ощущеній, сколько отъ сущности общихъ органическихъ ощущеній. Противопологаемая ему нами особая реакція сознательна лишь въ очень слабой степени. Главной причиной термического чувства является атмосферный воздухъ, а второстепенными причинами—

1) A. Berra. La santé et l'école стр. 12—45.

внутреннія термическія измѣненія, обусловленныя пищевареніемъ, мускульной работой, нервной работой, кровообращеніемъ. По существу роль его обнаруживается въ растительной жизни ¹⁾. Ощущенія этого рода сами по себѣ производятъ реакцію, которой слѣдуетъ содѣйствовать.

Зарегистрованныя въ нервныхъ центрахъ, почти всегда безъ нашего вѣдома, эти ощущенія измѣняютъ нашу способность производить тепло, приспособляя ее къ средѣ и къ расходу тепла въ данный моментъ и, вслѣдствіе этого, управляя питаніемъ тканей. Они поддерживаютъ въ нашемъ тѣлѣ, въ почти неизмѣнномъ состояніи, температуру, необходимую для правильнаго упражненія всѣхъ біологическихъ функций ²⁾. Наше средство самозащиты отъ стужи холоднаго и отъ зноя жаркаго климата состоитъ, поэтому, не столько въ изолированіи себя отъ атмосфернаго воздуха, сколько въ содѣйствіи его вліянію и въ усиленіи этого вліянія, путемъ умноженія точекъ соприкосновенія и, слѣдовательно, путемъ усиленія и изощренія способности реагировать на тепло и холодъ ³⁾. Поменьше одежды и побольше движенія, — вотъ правило, которымъ слѣдуетъ руководствоваться по отношенію къ ощущеніямъ холода, чрезмѣрность которыхъ дѣлаетъ ихъ самыми невыносимыми и самыми вредными для живого существа. Что касается чрезмѣрныхъ ощущеній тепла, то слѣдуетъ развить въ ребенкѣ способность стойко переносить ихъ, если не имѣется возможности смягчить ихъ гигиеническими мѣрами.

III. Физическое закаливаніе дѣтей имѣетъ свои предѣлы и можетъ имѣть свои опасности, о которыхъ не подумали Руссо, Локкъ и Спенсеръ. Съ одной стороны, хорошо извѣстно, что нравственная энергія не можетъ существовать безъ физической силы, и что

¹⁾ E. Tanzi. Sur les sensations du chaud et du froid, Riv, di filos. scient., апрѣль 1866 года, стр. 223 — 237.

²⁾ и ³⁾ Tanzi, loc. cit.

зябкій ребенокъ—это слабый духомъ деспотъ, командующій окружающими, рабъ собственныхъ тиранническихъ ощущеній, наконецъ, несчастный, котораго приходится все время согрѣвать, такъ какъ самъ онъ не въ состояніи согрѣться. Но, съ другой стороны, необходимо также согласиться, что закаливаніе противъ холода, какъ и всякое физическое закаливаніе, составляетъ скорѣе дѣло времени, чѣмъ режима, и что въ дѣлѣ развитія драгоцѣнной силы противодѣйствія у существъ, наслѣдственно лишенныхъ ея, можно рассчитывать не столько на непосредственное воздѣйствіе индивидуальнаго воспитанія, сколько на неустанную работу цѣлыхъ поколѣній. Безъ сомнѣнія, знаменитый скиѣ Плутарха родился «весь закалъ», а не сдѣлался имъ. Нѣкоторыя дѣти рождаются зябкими, и отъ системы умѣренного закаливанія зависитъ, по возможности, ослабить это врожденное предрасположеніе. Я присоединяюсь, однако, къ мнѣнію Фонсагрива, «что, при всякихъ условіяхъ, закаливаніе противъ холода допустимо лишь по отношенію къ дѣтямъ, могущимъ успѣшно реагировать на него посредствомъ упражненій, а также благодаря развитію ихъ дыхательнаго аппарата; другими словами, въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ жизни система Локка несвоевременна и опасна. Все, что можно сдѣлать, это постепенно готовить такихъ дѣтей къ подобнымъ воспитательнымъ приѣмамъ, оставляя ихъ возможно больше на свѣжемъ воздухѣ и съ первыхъ же лѣтъ приучая ихъ къ легкой одеждѣ» ¹⁾. Что касается дѣтей, не страдающихъ излишней чувствительностью къ холоду, то прежде всего отъ насъ зависитъ не допустить развитія чрезмѣрной зябкости и, такимъ образомъ, избѣгать опасности быть причисленными къ тѣмъ неумѣлымъ и непредусмотрительнымъ родителямъ, о которыхъ Плутархъ сказалъ: «Я знаю

1) S.-B. Fonssagrives. L'éducation physique des garçons, стр. 51.

отцовъ, которые, изъ излишней любви къ дѣтямъ, въ сущности являются ихъ врагами» ¹⁾).

IV. Притупленіе чувствительности къ холоду не всегда, впрочемъ, такъ полезно, какъ это кажется. Такого рода чувствительность, такъ же, какъ и чувствительность обонянія, можетъ при нѣкоторыхъ условіяхъ играть роль необходимаго зла. Первобытный человѣкъ, современный дикарь, а часто и нашъ сильный крестьянинъ, одновременно обнаруживаютъ передъ нами и преимущества и неудобства этой грубой нечувствительности кожи. Защищенные отъ жары и холода, они пренебрежительно относятся къ этимъ ощущеніямъ; имъ непонятны ихъ спасительныя предостереженія. Часто болѣзнь или внезапная смерть являются расплатой за такую спокойную и довѣрчивую тупость термической чувствительности.

Природа, повидимому, нуждается въ этой драгоценной чувствительности. Она является завоеваніемъ цивилизаціи, а быть можетъ, и необходимостью для обитателей въ нашемъ климатѣ. Точки кожи, чувствительныя къ холоду, гораздо многочисленнѣе точекъ, чувствительныхъ къ теплу; ихъ почти вдвое больше. Такимъ образомъ, мы лучше вооружены противъ холода, чѣмъ противъ тепла. Другими словами, лица, одаренныя способностью быстро воспринимать холодъ, т. е. кожа которыхъ представляетъ значительное количество точекъ, чувствительныхъ къ холоду, — находятся въ лучшихъ жизненныхъ условіяхъ, чѣмъ если бы они были лишены этого качества. Ихъ предки передали имъ по наслѣдству способность, благодаря которой имъ было легче выжить ²⁾). Поэтому, предпочтительнѣе пріучать дѣтей къ гигиеническому образу жизни и къ выносливости, чѣмъ ста-

¹⁾ Plutarque. Oeuvres morales, т. I, стр. 42.

Tanzi. Riv. di fil. scient., июнь 1886 г., по Revue scientifique за май 1886 г.

ратся лишить ихъ столь полезной чувствительности, если только она не переходитъ въ излишнюю изнѣженность.

V. Но слѣдуетъ ознакомиться также съ отрицательными сторонами жизни въ четырехъ стѣнахъ, въ связи съ слишкомъ искусственными средствами борьбы съ суровостью температуры. «Опасность преобладанія интеллектуальнаго развитія въ ущербъ здоровью въ особенности угрожаетъ дѣтямъ такого города, какъ С.-Петербургъ. Подъ вліяніемъ условій климата и географической широты, зима въ Петербургѣ тянется слишкомъ долго, и большинство нашихъ дѣтей проводятъ въ комнатѣ, часто безъ перерыва, отъ семи до девяти мѣцевъ въ году. Затворническая жизнь, тѣснота жилищъ, ограниченность горизонта, отсутствіе свѣжаго воздуха,—все это мало располагаетъ ребенка къ движенію и побуждаетъ его къ играмъ съ преобладаніемъ интеллектуальнаго элемента, болѣе къ сидячимъ играмъ, чѣмъ къ такимъ, которыя требуютъ движенія. Очень часто приходится видѣть дѣтей нашей сѣверной столицы неподвижно сидящими на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ чистенькихъ и неизмятыхъ платицахъ, за игрой въ куклы, или въ какія-либо другія дѣтскія игры, не требующія усиленныхъ движеній. По костюму и манерѣ держать себя, они напоминаютъ скорѣе маленькихъ солонныхъ щеголей, чѣмъ дѣтей вообще. Между тѣмъ, здоровый ребенокъ, живущій естественной для дѣтей жизнью, скорѣе долженъ походить на маленькаго рабочаго, чѣмъ на безукоризненно изящнаго джентльмена. Къ сожалѣнію, мы далеки отъ этого идеала. Нашимъ дѣтямъ недостаетъ такихъ важныхъ и необходимыхъ побудителей къ движенію, какъ чистый воздухъ и, въ особенности, видъ природы, то-есть факторовъ, способствующихъ возникновенію и развитію инстинктивныхъ движеній.

«Короткое лѣто, а зимой продолжительное, такъ сказать, одиночное заключеніе въ маленькихъ комнат-

кахъ ставятъ дѣтей въ условія, въ высшей степени неблагопріятныя для физическаго развитія, и являются одной изъ причинъ столь часто встрѣчающагося въ Петербургѣ преобладанія умственнаго развитія, слабости и вырожденія дѣтей. Это ненормальное развитіе, уже въ очень раннемъ возрастѣ разрушающее силы ребенка и въ результатѣ отражающееся на его характерѣ, можетъ имѣть крайне гибельныя послѣдствія» 1).

Вода и воздухъ должны играть большую роль въ дѣтской гигиенѣ. Купанье должно производиться ежедневно, а умыванье почти ежечасно, въ особенности когда дѣти начинаютъ пользоваться и—злоупотреблять пользованіемъ—своими четырьмя конечностями. Дѣло воспитателя состоитъ въ томъ, чтобы заставить ребенка сначала мириться съ этой необходимой процедурой, а затѣмъ и полюбить ее. Отвращеніе къ водѣ, даже согрѣтой, присуще почти всѣмъ дѣтямъ перваго возраста; въ этомъ отношеніи они не раздѣляютъ вкуса, общаго всѣмъ взрослымъ, а также встрѣчающагося и у нѣкоторыхъ животныхъ, которыя съ удовольствіемъ входятъ въ теплую воду и цѣлыми стадами купаются въ ней съ большимъ наслажденіемъ 2). Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы можно было избавить ребенка отъ непродолжительной и благодѣтельной для него операціи съ губкой и ванной. Не надо обращать вниманія на крики, топанье ногами и слезы маленькаго гидрофоба; гидротерапія должна неукоснительно примѣняться къ нему во всѣ времена года, исключая лишь случаевъ запрещенія врачей. Въ этомъ дѣлѣ авторитетъ воспитателя никогда не долженъ вступать въ сдѣлку съ капризами. Дѣти, которымъ моютъ лицо и голову и

1) D-r Sikorski. Le développement psychique de l'enfant. Revue philosophique, май 1885 г., стр. 548.

2) См. Houzeau. Les facultés mentales des animaux comparées à celles des hommes, III, II, стр. 259.

которыхъ почти ежедневно погружаютъ въ ванну, почти всѣ легко привыкаютъ къ этому, а многіе изъ нихъ даже испытываютъ при этомъ истинное удовольствіе. Въ первое время достаточно, стоя рядомъ съ ванной, хлопать по водѣ вмѣстѣ съ ребенкомъ, играть съ нимъ его игрушками, до тѣхъ поръ, пока, забывшись, онъ не станетъ чувствовать себя хорошо, — а въ этомъ все дѣло. Если же ребенокъ теряетъ терпѣніе и раздражается, не слѣдуетъ противодействовать этому, зная, что онъ тотчасъ же успокоится, лишь только его вытрутъ. Когда ребенокъ подрастаетъ и становится разсудительнѣе, очень часто подражаніе и самолюбіе могутъ заставить его добровольно рѣшиться на умываніе и безъ затрудненій погружаться въ воду.

По инстинкту, почти всѣ дѣти неопрятны и несколько не огорчаются этимъ, хотя и любятъ принарядиться. Они съ удовольствіемъ шлепаютъ по водѣ, болтаютъ въ ней руками, промачиваютъ платье, не принимая никакихъ предосторожностей. Но если вы подзовете ребенка, чтобы вымыть ему лицо или только руки, онъ часто послѣдуетъ въ этомъ случаѣ примѣру Іосифа. — «Хороши руки, нечего сказать!» говорить ему мать. — «О, мама! У меня руки совсѣмъ не грязныя!» отвѣчаетъ онъ. Въ другомъ случаѣ онъ постарается обратить въ шутку неприятность, причиняемую ему такими, хотя бы самыми незначительными омовеніями. «Ты вымыла мнѣ мизинчикъ (говоритъ трехлѣтній ребенокъ). Онъ былъ негрязный. Мамочка Расскажи гостямъ сказку о мизинчикѣ». Въ этомъ возрастѣ самолюбіе, доброжелательство и выработанное послушаніе могутъ значительно облегчить образованіе привычки, о которой я говорилъ. Но не слѣдуетъ, ни прямо ни косвенно, ни серьезно ни въ шутку, допускать отклоненія отъ этого правила, которое, со всѣхъ точекъ зрѣнія, тѣсно соприкасается съ нравственнымъ воспитаніемъ. Извѣстно, въ какомъ близкомъ соотношеніи находятся, съ одной стороны, опрятность, съ другой — скромность и учтивость.

Какъ на примѣръ того, какъ легко нѣкоторыя дѣти привыкають умываться по собственному почину, укажу на одну маленькую дѣвочку, которая, въ возрастѣ двухъ лѣтъ, научилась самостоятельно пользоваться полотенцемъ и губкой, чтобы дѣлать такъ, какъ папа и мама. Когда ей было пять лѣтъ, братья ея, которому тогда было около двухъ лѣтъ, съ удовольствіемъ стали продѣлывать то же самое, видя, какъ хвалили ее за это родители. Однажды въ домъ явился другъ семьи, чтобы провести въ ней нѣсколько дней. Маленькій мальчикъ, всегда встававшій съ постели тотчасъ же по пробужденіи, важно вошелъ въ комнату гостя, разыскалъ губку, находившуюся подлѣ умывальника и, протягивая ее господину, который принималъ все это за забаву, серьезно сказалъ: «Когда ты встанешь, надо самому вымыться; я давно моюсь самъ, и Габріель тоже; мы хорошія дѣти. Ты вымоешься, правда? Мама будетъ очень рада».

Въ виду того, что всѣ однородныя привычки находятся въ близкомъ соотношеніи, я позволю себѣ прибавить еще нѣсколько словъ о соблюденіи чистоты въ одеждѣ. Черта эта тоже мало свойственна ребенку; правда, въ общемъ она не легко дается и взрослымъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что не нужно бранить ребенка, начиная съ возраста одного года, когда онъ слишкомъ выпачкаетъ себѣ платье или руки. Мнѣ приходилось видѣть двухлѣтняго ребенка, очень хорошо выдрессированнаго въ этомъ отношеніи. Онъ отказывался итти на прогулку, когда его собирались вести гулять въ будничномъ платьѣ. По примѣру своего отца, преподавателя естественной исторіи, онъ не могъ выйти въ садъ, чтобы тотчасъ же не приняться гербаризировать и охотиться, по-своему: это состояло въ томъ, что онъ съ корнемъ вырывалъ цвѣты и другія растеньица и потомъ опять сажалъ ихъ, поднималъ камешки и разные осколки, разыскивая подъ ними мокрицъ, червей, слизней, и все это хваталъ прямо руками, съ рѣшимостью истиннаго

натуралиста. Нужно было видѣть его коллекціи, составленныя изъ самыхъ разнородныхъ существъ, напиханныхъ какъ попало къ картонную коробку, откуда они, удивленные страннымъ сосѣдствомъ, то и дѣло порывались вырваться, и куда ребенокъ снова насильно водворялъ ихъ. Въ особенности нужно было видѣть руки маленькаго ботаника-зоолога, естественный цвѣтъ которыхъ исчезалъ подъ покрывавшимъ ихъ до локтей многоцвѣтнымъ налетомъ грязи, земли и клейкой слизи! Если его звали домой за чѣмъ-нибудь серьезнымъ (потому что изъ-за пустяковъ онъ не соглашался бросить свое важное занятіе и всегда заранее спрашивалъ, чего отъ него хотятъ), онъ неизмѣнно говорилъ лицу, пришедшему за нимъ: «Теперь надо вымыть и вытереть мнѣ руки!» Если онъ видѣлъ, что ноги его покрыты землею, онъ говорилъ серьезнымъ тономъ: «Мама не любитъ, когда у меня колѣнки грязныя, надо ихъ мнѣ вымыть и вытереть». Эта черта, усвоенная въ такомъ нѣжномъ возрастѣ, кажется мнѣ еще болѣе восхитительной, чѣмъ прирожденная наивность ребенка.

VI. Такъ же, какъ и купанье въ водѣ, дѣтямъ всѣхъ возрастовъ необходимы воздушныя ванны. Эти ванны, которыя Франклинъ называетъ тоническими (укрѣпляющими) и которыя во всѣ времена были доступны для дѣтей простого народа, состоятъ въ ежедневномъ пользованіи, утромъ и вечеромъ, цѣлительнымъ дѣйствіемъ воздуха на обнаженное тѣло. «Вы знаете, писалъ онъ, что здѣсь холодныя ванны давно употребляютъ, какъ укрѣпляющее средство. Но рѣзкое ощущеніе холода, вызываемое вообще дѣйствіемъ холодной воды, показалось мнѣ слишкомъ сильнымъ, и я нашелъ болѣе пріятнымъ для себя и болѣе подходящимъ для моего организма купаться въ другой стихіи, а именно въ холодномъ воздухѣ. Я встаю съ постели очень рано и, въ теченіе часа или получаса, смотря по времени года, остаюсь безъ всякой одежды, занимаясь чтеніемъ или письмомъ.

Это обыкновеніе не имѣть въ себѣ ничего тягостнаго; наоборотъ, оно для меня очень пріятно. Если, прежде чѣмъ приступить къ одѣванію, я опять ложусь въ постель, какъ это иногда случается, то это служитъ лишь дополненіемъ къ ночному отдыху, и въ теченіе часа или двухъ я наслаждаюсь превосходнымъ сномъ. Я не думаю, чтобы это могло имѣть какія-нибудь непріятныя послѣдствія; по крайней мѣрѣ, мое здоровье нисколько не пострадало, и, наоборотъ, я полагаю, что это именно помогаетъ мнѣ сохранять его. Вотъ почему съ этихъ поръ я буду называть такія купанія тоиическими ваннами» 1).

Я не знаю, насколько можетъ назваться прекраснымъ гигиеническимъ средствомъ это обыкновеніе подвергать дѣйствию утренняго воздуха, въ особенности зимой, еле прикрытыхъ рубашонкой маленькихъ дѣтей, еще не умѣющихъ ходить. Одинъ очень компетентный ученый даетъ на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ. «Они могутъ, говоритъ онъ, два или три раза получить насморкъ, но зато приобретутъ не слишкомъ дорогой цѣной постоянную невосприимчивость къ простудѣ» 2).

На практикѣ, по крайней мѣрѣ, примѣненіе этого средства доставляетъ большое удовольствіе маленькому ребенку, уже начавшему ходить. Это двойное удовольствіе, для него и его родителей, эти прогулки голышомъ — какъ говорилъ одинъ изъ такихъ маленькихъ купальщиковъ воздушныхъ ваннъ — быстрыми мелкими шажками, съ радостнымъ визгомъ, изъ комнаты въ комнату, отъ колыбели ребенка къ постели матери, къ постели отца! Деревенскіе ребятишки пользуются привилегіей въ этомъ отношеніи, въ особенности въ лѣтнее время: натапавшись вволю по комнатамъ сельскаго дома, свободные и беззаботные, они высыпаютъ на задній дворъ,

1) B. Franklin. Essais de morale et d'économie politique, стр. 131.

2) Fonssagrives. L'éducation physique des garçons, стр. 59.

въ садъ на прилегающія тропинки, попеременно съ животными фермы, то гоняясь за ними, то убѣгая отъ нихъ, крича, смѣясь, кувыркаясь, опять поднимаясь,—словомъ, наслаждаясь праздникомъ жизни, какъ истинныя дѣти природы. Развѣ нужно понимать свое счастье, чтобы быть счастливыми?

Разновидность воздушныхъ ваннъ, регулируемую по желанію, составляетъ прогулка. Она нужна для грудного ребенка каждый день, если позволяетъ погода. Для пятимѣсячнаго сына Тидемана прогулка по свѣжему воздуху представляла необходимое удовольствіе. «Каждый разъ, какъ только позволяла погода, няня выходила съ нимъ гулять на улицу, что доставляло ему чрезвычайное удовольствіе и, несмотря на холодъ, возбуждало у него живѣйшее желаніе такой переменны. Ребенокъ скоро замѣтилъ, что, когда няня брала въ руки его мантию, это служило признакомъ прогулки; потому, каждый разъ, когда она дѣлала это, онъ, даже среди слезъ, начиналъ радоваться» ¹⁾. Прогулка—это не только чистый воздухъ, расширяющій легкія, усиливающій кровообращеніе, восстанавлиющій равновѣсіе обмѣна жидкостей въ организмъ,—это также, уже на восьмомъ мѣсяцѣ жизни, безконечно разнообразное зрѣлище красокъ, формъ и движенія; это видъ новыхъ лицъ, знакомыхъ людей и животныхъ, собакъ, играющихъ дѣтей, деревьевъ, лужаекъ, аллей; это голоса человѣческихъ существъ, ихъ смѣхъ, крики животныхъ, пѣніе птицъ, звуки музыкальных инструментовъ; это — и поучительный урокъ, и удовольствіе, почти одновременно ощущаемое всѣми чувствами. Монтескье говорилъ, что нѣтъ такого огорченія, отъ котораго бы онъ не избавился получасовымъ чтеніемъ; нужно, чтобы ребенокъ былъ очень боленъ, чтобы часовая или двухчасовая прогулка почти совсѣмъ не укрѣпила его.

Поэтому я отъ всей души подписываюсь, *a priori*

¹⁾ См. мою брошюру: Th. Tiedemann et la science de l'enfant.

игнорируя возможные неудачные примѣненія его, подъ увлекательнымъ изобрѣтеніемъ Фребеля, его дѣтскими садами (Kindergarten), даже для двухлѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ! Я говорю о нихъ здѣсь только съ столь важной самой по себѣ точки зрѣнія игръ на открытомъ воздухѣ, среди природы.

Школьные колоніи тоже указываютъ на прогрессъ въ этомъ отношеніи. Полученные результаты даютъ возможность надѣяться, что это учрежденіе не уклонится отъ своей первоначальной цѣли, что, восстанавливая здоровье, радость, силу, быть можетъ, нравственность бѣдныхъ, оно не разовьетъ, у неисправимыхъ и вырождающихся, изощренную чувствительность и желанія, не соответствующія доступной имъ возможности ихъ удовлетворенія. Но на ряду съ социальнымъ призрѣніемъ, которое направлено на немногихъ, существуетъ социальное попеченіе, которое обнимаетъ всѣхъ. Я считаю своимъ долгомъ энергично отстаивать интересы здоровыхъ. Не слѣдуетъ забывать и тѣхъ, отъ которыхъ общество ожидаетъ самаго лучшаго труда и самой надежной защиты. Для нихъ тоже надо, по мѣрѣ возможности, воздуха, солнца, цвѣтовъ, деревьевъ, смѣющейся и возрождающей природы! Последнее слово прогресса состоитъ, несомнѣнно, не въ жалкихъ попыткахъ школьной колоніи для самыхъ слабыхъ и путевыхъ стипендій для самыхъ преуспѣвающихъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Воспитаніе эмоціональныхъ и аффективныхъ наклонностей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Эгоистическія чувства.

Гнѣвъ.

I. Первые признаки гнѣва. — Гнѣвъ — это прирожденная способность, которую воспитаніе должно сохранить, стараясь лишь дисциплинировать ее. — II. Вспышки гнѣва у ребенка бываютъ иногда вполне законны, и наше дѣло состоитъ въ томъ, чтобы уяснить себѣ ихъ причины. — Онѣ могутъ служить указаніемъ на живой и впечатлительный характеръ. — Полезно, чтобы ребенокъ испытывалъ иногда добродѣтельное негодованіе противъ другихъ и противъ самого себя. — III. Воспитатель долженъ подавать примѣръ доброты и терпѣнія, умѣренно пользуясь въ то же время драгоценнымъ стимуломъ гнѣва. — IV. О роли, которую гнѣвъ можетъ играть въ воспитаніи. — Не всегда слѣдуетъ скрывать свой гнѣвъ отъ ребенка; необходимо лишь умѣрять его проявленія. — V. Лучшая кротость — это кротость выработанная, а не вынужденная. — VI. Не слѣдуетъ позволять ребенку швырять въ гнѣвъ разные предметы или дурно обращаться съ животными. — VII. Гнѣвъ, выражающійся въ капризахъ; употребленіе средствъ, отвлекающихъ вниманіе, и политика уступокъ. — VIII. Мѣры спокойнаго принужденія. — IX. Slѣдуетъ обращаться къ сознанію ребенка, желая помочь ему подавлять свои дурныя душевныя движенія.

I. Признаки настоящаго гнѣва обнаруживаются у ребенка, еле достигшаго двухъ мѣсяцевъ, когда какое-нибудь ощущеніе вкуса, осязанія или давленія бываетъ ему особенно непріятно; въ возрастѣ трехъ мѣсяцевъ

ребенокъ сердится, когда думаетъ, что у него хотятъ отнять его игрушки, или когда въ шутку не даютъ ему игрушекъ, ему не принадлежащихъ; въ возрастѣ одного года онъ впадаетъ въ гнѣвъ уже по многимъ причинамъ, возбуждающимъ его неудовольствіе, зависть, страхъ, испугъ, злобу, чувство мести. Эта импульсивная вспыльчивость—наслѣдіе первобытнаго состоянія человѣчества, инстинктъ очень развитой у дикарей и еще болѣе у животныхъ.

Гнѣвъ слѣдуетъ разсматривать, какъ орудіе самосохраненія и самозащиты. Это—прирожденная способность, которую систематическое развитіе, или воспитаніе, должно стараться сохранить, лишь дисциплинируя ее ¹⁾).

Воспитаніе—это высшій видъ казуистики, цѣликомъ основанный на предусмотрительности, тактѣ, терпѣніи, добротѣ. Оно должно обладать способностью угадывать побужденія и сообразовать съ ними обращеніе съ ребенкомъ и налагаемая на него наказанія. Оно должно умѣть разбираться, что означаютъ крики, плачь, топанье ногами, нетерпѣливыя движенія у маленькаго существа, не умѣющаго иначе выразить испытываемыя имъ ощущенія. — Случается, что вспышки гнѣва выражаютъ требованіе помощи; въ иныхъ случаяхъ онѣ служатъ указаніемъ на допущенныя нами небрежность или неблагоразуміе. Мы можемъ улыбаться, когда намъ приходится успокаивать ребенка, раздраженнаго тѣмъ, что его не понимаютъ, при его первыхъ попыткахъ пользоваться человѣческою рѣчью. Но намъ слѣдуетъ низко опустить голову и дать себѣ слово въ будущемъ поступать болѣе правильно, когда намъ приходится имѣть дѣло съ ребенкомъ, доведеннымъ до слезъ внезапнымъ нарушеніемъ его привычекъ, возникновенію и укрѣпленію которыхъ мы могли бы, быть можетъ, своевременно помѣшать. Безъ всякаго вниманія къ его физической и душевной сла-

¹⁾ См. *Les trois premières années de l'enfant*, 3 изд., стр. 71.

бости, мы заставляемъ его глотать горькое лѣкарство, цѣловать или, по крайней мѣрѣ, привѣтствовать поклономъ лицъ, ему антипатичныхъ или незнакомыхъ, что часто означаетъ одно и то же. Дѣйствительно ли мы въ правѣ такъ поступать и воспользовались ли мы своимъ правомъ такимъ образомъ, чтобы заставить ребенка добровольно согласиться? Наконецъ, съ непреклонностью въ голосѣ и въ жестахъ, мы требуемъ, чтобы ребенокъ немедленно подавить рыданія, прекратилъ крики и слезы: можемъ ли мы сказать, что сами сумѣли бы такъ быстро справиться съ собою на его мѣстѣ?

II. Какъ мы видимъ, вспышки гнѣва являются у ребенка въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишь законнымъ протестомъ личности, стѣсненной въ своихъ проявленіяхъ,—отраженіемъ несправедливо задѣтаго самолюбія и страстной жажды возмездія, возмущеніемъ нравственнаго чувства, плохо воспринятаго нашимъ нравственнымъ чувствомъ. Тѣмъ бережнѣе слѣдуетъ относиться къ этимъ вспышкамъ и тѣмъ осторожнѣе надо дѣйствовать, обезоруживая ихъ.

Склонность къ гнѣву до такой степени свойственна природѣ человѣка, что Платонъ считалъ ее даже однимъ изъ трехъ атрибутовъ души,—основнымъ началомъ всякой мужественности. Его ученикъ Аристотель, не смѣшивая гнѣва съ мужествомъ, все же полагалъ, что самое настоящее мужество—это мужество, вызываемое гнѣвомъ, при условіи, если проявленію его предшествуетъ «свободный выборъ, предпочтеніе, отдаваемое одному изъ опредѣляющихъ его мотивовъ»¹⁾. Самъ кроткій Фенелонъ писалъ: «Натуры живыя и впечатлительныя способны къ страшнымъ заблужденіямъ: страсти и предубѣжденія увлекаютъ ихъ; но онѣ одарены богатыми силами и часто возвращаются на истинный путь послѣ глубокихъ паденій».

¹⁾ Аристотель. Этика, кн. III, гл. VIII (русскій переводъ Э. Раулова).

Десятимѣсячный ребенокъ, который не плачетъ вовсе, не кричитъ, по крайней мѣрѣ, четыре-пять разъ въ день, не играетъ и не сердится изъ-за пустяковъ какъ дикарь или маленькій звѣрекъ, по моему мнѣнію, страдаетъ отсутствіемъ чувствительности, ума и, несомнѣнно, впоследствии будетъ страдать и отсутствіемъ характера: я сказалъ бы о немъ то же, что г-жа Папъ-Карпантъе говорила о благоразумномъ ребенкѣ, который не шалитъ въ классѣ, не играетъ во дворѣ: «Похороните его, онъ мертвъ!»

Иногда бываетъ полезно подвергать маленькаго ребенка кажущейся опасности, побуждающей его къ самозащитѣ собственными средствами. Однажды я приблизился въ сопровожденіи трехлѣтняго ребенка къ пруду, по которому плавалъ большой лебедь. Красивая птица не замедлила подплыть къ берегу и, выпрямивъ длинную шею, тотчасъ же протянула къ намъ свой длинный клювъ—за кускомъ хлѣба или пирога. Испуганный внезапнымъ появленіемъ птицы, ребенокъ спрятался за меня. Я бросилъ кусокъ хлѣба на воду, и лебедь тотчасъ же отплылъ, чтобы поймать его; тогда ребенокъ, разсерженный собственнымъ страхомъ, бросается вслѣдъ за птицей, крича: «Пошла вонъ, утка, пошла! Пошла!» Я поспѣшилъ удалиться, чтобы цѣликомъ предоставить ребенка собственному героизму. Ребенокъ этого возраста долженъ самостоятельно выпутываться изъ бѣды, когда затрудненіе, въ которое онъ попадаетъ, составляетъ дѣло между нимъ и равными ему. При томъ условіи, что ему не придется пострадать отъ этого, иногда бываетъ полезно, если онъ станетъ жертвой несправедливости или жестокости, и приходится радоваться, при этомъ, когда добродѣтельное негодованіе побудитъ его выступить въ защиту своихъ правъ. Когда же неправота бываетъ на его сторонѣ, не слѣдуетъ упускать случая дать ему почувствовать это,—тотчасъ же, или, еще лучше, послѣ происшедшей по его винѣ случайности или непріятности.

III. Во всѣхъ областяхъ нравственнаго воспитанія хорошій примѣръ долженъ идти сверху. Это значить, что родители должны стараться обнаруживать въ присутствіи дѣтей неизмѣнную доброту и терпѣніе. Вокругъ колыбели должна быть атмосфера яснаго покоя, составляющая первое условіе душевнаго спокойствія. Не слѣдуетъ, однако, пытаться совершенно искоренить способность къ гнѣву; необходимо лишь постараться регулировать этотъ стимулъ и не только у ребенка, но и у воспитателя. Развѣ гнѣвъ не является могущественной силой и весьма почтеннымъ свойствомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ вызывается справедливыми мотивами, и когда вспышки его умѣряются усиліями воли? Даръ самообладанія въ спорѣ, умѣніе сдерживать свое негодованіе, — черты, дающія нѣкоторымъ людямъ такое огромное превосходство надъ другими въ политическихъ собраніяхъ, страстность аргументаціи, дѣлавшая столь грозными и великолѣпными всѣхъ Демосфеновъ, Мирабо и Гамбеттъ, — все это способности, столь же необходимыя воспитателю, какъ и государственному человѣку.

IV. Бэнъ написалъ превосходную страницу о роли, какую можетъ играть въ воспитаніи гнѣвъ «при условіи постоянного господства надъ нимъ. Негодованіе противъ зла выражается иногда въ такихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, которыя могутъ производить превосходное дѣйствіе. Для этого требуется только въ совершенствѣ владѣть собою и не раздражаться больше, чѣмъ это допускаютъ обстоятельства. Для человѣческаго рода было бы недостаточно, если бы кресло судьи было занято счетной машиной, изготавляющей приговоры къ пяти фунтамъ штрафа или къ мѣсяцу тюрьмы каждый разъ, когда въ ея пріемный аппаратъ будутъ введены опредѣленные факты. Выраженіе сдержаннаго гнѣва—само по себѣ сила; когда же оно бываетъ въ то же время справедливо и закономѣрно, оно становится устрашающимъ олицетвореніемъ правосудія, и часто одного вида его

бываетъ достаточно, чтобы обуздать всякое неповиновеніе» ¹⁾.

Эта способность къ сдержанности тѣмъ драгоценнѣе, чѣмъ труднѣе она достается, въ особенности при сангвиническомъ темпераментѣ и сильной возбудимости нервной системы; но мысль о благотворномъ вліяніи на нашихъ дѣтей побѣдъ, одерживаемыхъ нами надъ собою, убѣжденіе, что несдержанность съ нашей стороны неминуемо поведетъ къ несдержанности и у нихъ, необходимость принужденія по отношенію къ себѣ ради того, чтобы имѣть право принужденія и по отношенію къ нимъ,—все это должно уравнивать стремительность тѣхъ изъ нашихъ чувствъ, излишняя пылкость которыхъ, какъ сказалъ Сенека, граничить съ безуміемъ. Досада, презрѣніе, сильное неудовольствіе, негодованіе,—это состоянія, одинаково обусловленные какъ природными свойствами, такъ и вліяніемъ цивилизаціи: ребенокъ, видящій, что его воспитатели поддаются гнѣву лишь тогда, когда онъ ведетъ себя слишкомъ ужъ дурно, а въ остальныхъ случаяхъ ограничиваются увѣщаніями или суровыми упреками, самъ понемногу привыкаетъ, изъ подражанія имъ, не выходить изъ себя безъ достаточно основательныхъ причинъ. Гнѣвъ, какъ и благорасположеніе, по существу своему крайне заразителенъ; и если мы создадимъ себѣ привычку не давать нашему гнѣву выходить изъ допустимыхъ предѣловъ, то и способность ребенка къ проявленіямъ гнѣва будетъ формироваться сообразно съ нашей способностью въ этомъ направленіи.

V. Лучшая кротость,—это кротость, выработанная воспитаніемъ, а не вынужденная. Но существуетъ цѣлый рядъ косвенныхъ способовъ пріученія эмоціональной сферы къ самоограниченію и самообузданію, представляющихъ столь же важныя неудобства, какъ и средства принужденія. Развивать въ ребенкѣ способ-

¹⁾ Bain. La science de l'éducation, стр. 57.

ность забывать сдѣланное ему зло и думать только объ удовольствіи, доставляемомъ другимъ, — это значитъ питать добрыя чувства въ ущербъ злымъ; другое не менѣ похвальное средство состоитъ въ обращеніи къ самолюбію ребенка, къ его чувству самоуваженія, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ни порицаніемъ, ни увѣщаніями не удастся исцѣлить его отъ природной раздражительности. Фенелонъ, однако, зашелъ слишкомъ далеко въ дѣлѣ укрощенія буйнаго и высокомернаго, но впечатлительнаго и великодушнаго характера своего ученика, и, какъ говоритъ Компейрѣ, воспитаніе его чуть было не потерпѣло неудачи изъ-за того, что было слишкомъ ужъ удачно. Злоупотребленіе искусственными воспитательными средствами и пѣтизмомъ, по словамъ Сень-Симона, сдѣлало изъ необузданнаго отъ природы молодого человѣка кроткаго и богобоязненнаго монарха, набожнаго до ханжества, болѣе способнаго молиться въ тиши своего кабинета, чѣмъ, какъ слѣдовало бы государю, сражаться рядомъ съ Вандомомъ ¹⁾.

VI. Начиная съ перваго же года жизни, дѣти, изъ неловкости, любопытства или изъ чрезмѣрной потребности къ дѣятельности, обыкновенно роняютъ или бросаютъ предметы, находящіеся у нихъ подъ рукою. Въ возрастѣ около пятнадцати мѣсяцевъ они обнаруживаютъ склонность внезапно швырять даже въ любимыхъ ими лицъ, хотя и не всегда съ гнѣвомъ, раздражающіе ихъ предметы. Такой игръ не слѣдуетъ повторствовать уже потому, что она легко становится однимъ изъ способовъ выраженія гнѣва. Въ особенности необходимо обуздывать такія движенія въ тѣхъ случаяхъ, когда они дѣйствительно носятъ характеръ гнѣва. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ при объясненіи такихъ запрещеній пользоваться предполагаемымъ отсутствіемъ въ дѣтскомъ сознаніи различія между

1) Compayré. Histoire critique des doctrines de l'éducation en France depuis le seizième siècle, т. I, стр. 326.

предметами одушевленными и неодушевленными. Развѣ мать или няня, желая успокоить ребенка, когда онъ ушибется о какой-нибудь неодушевленный предметъ, не дѣлаетъ видъ, будто принимаетъ сторону ребенка противъ этого предмета? «Гадкій стулъ, сдѣлалъ больно дѣточкѣ, — говорятъ онѣ, — побей его хорошенько!» Такими приемами ребенокъ приучается лишь портить вещи и, кромѣ того, дурно обращаться съ животными.

Хорошее средство постепенно приучить ребенка бережно обращаться съ вещами, а косвенно и подавлять вспышки гнѣва, могущія побудить его къ порчѣ вещей, состоитъ не столько въ суровыхъ выговорахъ, сколько въ умѣнии серьезно показать ему свое неудовольствіе, когда онъ что-либо испортитъ или запачкаетъ. Можно сказать ему: «Какой ты неловкій, мнѣ крайне непріятно видѣть, какъ ты портишь нужныя вещи». Одинъ ребенокъ, воспитанный такимъ образомъ, уже въ трехлѣтнемъ возрастѣ очень рѣдко что-либо ломалъ или портилъ. Когда ему было четыре года, онъ повторялъ полученные уроки своему маленькому брату: «Какой ты неловкій», — говорилъ онъ ему не разъ. Онъ обнаруживалъ нѣкоторое наивное хвастовство при видѣ своего братишки, пристыженного порчей какой-нибудь вещи. «Но вѣдь я не былъ такой неловкій, когда былъ маленькій?» Однажды онъ сказалъ матери, уронившей тарелку: «Мама, развѣ и ты дѣлаешься неловкой?»

VII. Гнѣвъ, ведущій къ ссорамъ и даже дракамъ, очень важный по своимъ непосредственнымъ послѣдствіямъ, имѣетъ гораздо меньшее значеніе для будущности ребенка, чѣмъ гнѣвъ, выражающійся въ упрямствѣ и капризахъ. Скажемъ еще нѣсколько словъ о капризахъ, о которыхъ мы уже говорили въ главѣ о волѣ.

Мы не всегда бываемъ хорошими судьями въ дѣлѣ капризовъ маленькаго ребенка, которые выражаютъ иногда дѣйствительныя требованія его темперамента или логики. Даже тогда, когда онъ уже довольно

хорошо выражаетъ свои ощущенія, мы не всегда бываемъ вполне способны различить, насколько его прихоти являются законными. Иногда бываетъ необходимо предупреждать ихъ появленіе, чтобы потомъ не пришлось вступать въ неумѣстную борьбу съ ними. Во многихъ случаяхъ средства, рассчитанныя на отвлеченіе вниманія, могутъ повести къ желательнымъ результатамъ, если только ребенокъ не замѣтитъ, что его забавляютъ съ цѣлью отдѣлаться отъ его криковъ. Въ случаѣ сомнѣнія въ выборѣ средствъ, лучше временно уступить съ тѣмъ, чтобы потомъ добиться своего въ болѣе удобный моментъ, такъ какъ, по глубокомысленному изреченію г-жи Гизо, въ «воспитаніи ничто не дѣлается сразу: упущенный случай представляется снова, и вчерашняя ошибка можетъ быть исправлена завтра, при чемъ въ результатѣ не получается ни особеннаго зла, ни особеннаго ущерба для добра» ¹⁾. Главное состоитъ въ томъ, чтобы не противорѣчить безъ нужды дѣтямъ, соблюдая однако въ этомъ мѣру и не становясь рабами ихъ требовательности. Режимъ спокойствія и доброты умиротворяетъ вспыльчивость и природную или случайную раздражительность ребенка.

VIII. Насколько я могу пожалѣть объ избалованномъ ребенкѣ, привыкшемъ кричать по всякому поводу и безъ всякаго повода, настолько же я склоненъ сожалѣть о ребенкѣ шести мѣсяцевъ, одного или двухъ лѣтъ, для котораго одного слова, одного жеста, одного взгляда достаточно, чтобы заставить его немедленно замолчать. Сдержанность, вызванная страхомъ передъ воспитателемъ, продолжается часто не долѣе, чѣмъ присутствіе самого воспитателя; не проникая въ сердце ребенка, она не можетъ способствовать образованію нравственной склонности. Освободившись отъ присутствія лица, возбуждающаго въ немъ страхъ, ребенокъ не преминетъ воспользо-

¹⁾ M-mè Guizot. Lettres sur l'éducation, т. I, стр. 21

ваться случаемъ, чтобы выместить свое раздраженіе на другихъ. Не желая уступать ему, необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ впадаетъ въ гнѣвъ, безъ всякихъ разговоровъ отказывать ему въ исполненіи его пустыхъ фантазій.

IX. Я уже говорилъ о томъ, какимъ образомъ можно помочь четырехлѣтнему ребенку сознательно подавлять усиленіемъ воли свои дурныя чувства. Когда его раздраженіе уляжется, можно сказать ему, что онъ бываетъ очень гадокъ, когда сердится; можно продѣлать передъ его глазами гримасы, которыя онъ дѣлалъ; можно также обратить его вниманіе на то, какъ отвратителенъ другой ребенокъ, котораго ему придется видѣть въ гнѣвѣ. Мнѣ приходилось видѣть, что даже въ возрастѣ отъ одного съ четвертью года до двухъ лѣтъ такіе уроки оставляли нѣкоторый слѣдъ въ душѣ этихъ самолюбивыхъ маленькихъ созданій.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Страхъ.

I. Наслѣдственный характеръ этого чувства, по крайней мѣрѣ, какъ общаго импульса. — Мужество и страхъ передаются съ кровью и развиваются подъ вліяніемъ воспитанія и примѣра. — II. Локкъ совѣтуетъ приучать дѣтей не бояться дѣйствительной и, въ особенности, неизбежной опасности. — III. Нужно осторожно приучать ребенка къ опасностямъ. — IV. Какъ Руссо совѣтуетъ дѣйствовать, чтобы исправить ребенка отъ страха темноты. — V. Воспитаніе можетъ очень много сдѣлать для созданія или ослабленія этого вида страха. — Не слѣдуетъ насмѣхаться надъ страхомъ ребенка. — О страхѣ, причиняемомъ видомъ умершихъ. — Нужно представлять ребенку смерть въ видѣ спокойнаго и вѣчнаго сна. — Можно, безъ всякой опасности, показывать ему умершихъ, сопровождая это соотвѣтственными объясненіями.

Примѣръ.

I. Ни одно чувство такъ не вредно для физическаго и душевнаго благосостоянія ребенка, а слѣдовательно и для его умственнаго развитія, какъ

чувство страха. Страхъ—это прирожденный инстинктъ, побуждающій насъ, подъ вліяніемъ обусловленнаго имъ потрясенія всего организма, усиленнаго кровообращенія и дыханія, реагировать, даже безсознательно, противъ опасности въ настоящемъ или будущемъ. Онъ сопровождается значительнымъ приливомъ крови къ нервнымъ центрамъ, которые, такимъ образомъ, приходятъ въ состояніе возбужденія и готовности къ нападенію или отпору. Нѣкоторые фیزیологи и психологи считаютъ его даже наслѣдственнымъ, въ отдѣльныхъ его проявленіяхъ, каковы, напримѣръ, боязнь внезапныхъ, сильныхъ и необычныхъ впечатлѣній, страхъ передъ нѣкоторыми животными, боязнь темноты, одиночества, и даже страхъ смерти. Какъ бы ни относиться къ этимъ утвержденіямъ, которыя я не разъ имѣлъ случай оспаривать, все же достовѣрно извѣстно, что особыя проявленія страха, какъ, напримѣръ, боязнь собакъ, медвѣдей, слоновъ, змѣй, могутъ обнаружиться у потомка старыхъ поколѣній лишь при условіи частаго повторенія вліянія причинъ, нѣкогда обусловившихъ ихъ возникновеніе. Если въ раннемъ дѣтствѣ ребенку не придется натолкнуться на эти предметы страха, наслѣдственное предрасположеніе, уже благодаря этому факту, стирается или отодвигается на время. Позднѣе же, въ существѣ, уже вполнѣ развитомъ, окончательно сложившемся и приспособленномъ къ борьбѣ, оно можетъ встрѣтить болѣе противодѣйствіе своему вліянію.

Въ общемъ, и мужество, и страхъ—свойства прирожденные. Мать, повидимому, преимущественно способна, — вѣроятно, въ силу продолжительности воздѣйствія физической и нравственной инкубаціи, — къ передачѣ ребенку инстинкта мужества или страха. Но, какъ извѣстно, и мужественныя, и трусливыя матери создаютъ изъ своихъ дѣтей свое подобіе, главнымъ образомъ, путемъ искусственной инкубаціи, т. е. путемъ воспитанія и примѣра. Страхъ—это болѣзненная мнительность, поражающая не только

дѣтей, рожденныхъ отъ родителей, не вполнѣ здоровыхъ физически и душевно, но, въ большей или меньшей степени, и всѣхъ дѣтей, въ силу присущей имъ слабости. Въ первое время, въ особенности, лѣчение этой нервной болѣзни почти цѣликомъ зависитъ отъ образа жизни и гигиеническихъ условий. Доказательствомъ служитъ то, что иногда люди, отличающіеся большимъ самообладаніемъ, подъ вліяніемъ слабости, остающейся послѣ болѣзни, становятся впечатлительными и пугливыми, какъ дѣти. Болѣе того, если страхъ порождается слабостью, онъ же, въ свою очередь, и вызываетъ ее. «Это, какъ говоритъ Моссо, заколдованный кругъ въ функціяхъ живого организма... Возбужденіе нервной системы предрасполагаетъ человѣка къ страху, а страхъ, въ свою очередь, вліяетъ на нервную возбудимость и безконечно усиливаетъ ее» ¹⁾.

II. Перу Локка и Руссо принадлежатъ прекрасныя и очень умныя страницы о необходимости постепенно приучать маленькаго ребенка не пугаться дѣйствительной опасности и въ особенности какъ можно менѣе бояться опасности отдаленной. Локкъ даетъ намъ даже драгоцѣнный совѣтъ, относящійся къ совершенно маленькому ребенку. «Нетрудно удалить съ глазъ грудного ребенка всякаго рода предметы, видъ которыхъ можетъ испугать его; это необходимо потому, что, пока онъ научится говорить и понимать обращенную къ нему рѣчь, было бы бесполезно приводить ему доводы, что нѣтъ никакого основанія бояться пугающихъ его предметовъ, хотя бы мы, желая приучить его къ виду этихъ предметовъ, изо дня въ день незамѣтно приближали ихъ къ нему. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если случается, что грудной ребенокъ не выносить вида нѣкоторыхъ вещей, которыя не легко укрыть отъ его взора, и если онъ продолжаетъ пугаться

¹⁾ А. Mosso, *La Peur*, пер. на франц. F. Hement, изд. Alcan, 1886 г. (Моссо. Страхъ. Спб., 1897.).

каждый разъ, какъ онѣ попадають ему на глаза, необходимо во всѣхъ такихъ случаяхъ употребить всѣ средства, чтобы ослабить этотъ страхъ, отвлекая вниманіе ребенка въ другую сторону или показывая ему что-нибудь забавное и пріятное для глазъ, на ряду съ пугающими его предметами, — до тѣхъ поръ, пока онъ настолько освоится съ ними, что они окончательно перестанутъ вызывать у него непріятное чувство»¹⁾.

III. Дѣти двухъ-трехъ лѣтъ обнаруживаютъ иногда страхъ, вызываемый цвѣтомъ или формой предметовъ или вовсе имъ неизвѣстныхъ или лишь отдаленно знакомыхъ имъ по аналогіи. Я думаю, что въ этихъ неясныхъ описаніяхъ зла, которое могутъ причинить незнакомые предметы, слѣдуетъ видѣть, какъ я уже сказалъ выше, нѣчто въ родѣ претворенія личного опыта въ воображеніи ребенка. Но каково бы ни было происхожденіе этихъ безотчетныхъ страховъ и антипатій, насъ всего болѣе должна интересовать въ данномъ случаѣ ихъ способность исчезать подъ вліяніемъ опыта, благодаря систематическому повторенію котораго дѣти постепенно привыкають къ пугавшимъ ихъ раньше предметамъ. Локкъ и Руссо предлагаютъ почти такіе же способы исцѣленія такого страха, при чемъ нѣкоторые изъ ихъ совѣтовъ вполне примѣнимы къ воспитанію маленькаго ребенка.

«Ребенокъ вашъ, говоритъ Локкъ, дрожитъ и обращается въ бѣгство при видѣ лягушки. Попросите кого-нибудь взять лягушку въ руки и держать ее въ довольно значительномъ отдаленіи отъ ребенка. Пріучите ребенка сначала отъ времени до времени поглядывать на лягушку и, когда онъ будетъ въ состояніи смотрѣть на нее безъ особенно непріятнаго чувства, научите его переносить ея присутствіе на болѣе близкомъ разстояніи и безъ волненія смотрѣть, какъ она прыгаетъ; затѣмъ, заставьте ребенка слегка дотронуться до нея, въ то время какъ

¹⁾ Локкъ. Мысли о воспитаніи. М. 1896.

кто-нибудь другой крѣпко держитъ ее въ рукахъ, и, повторяя эти опыты, старайтесь настолько постепенно приучить ребенка къ этому животному, чтобы онъ могъ такъ же спокойно брать ее въ руки, какъ бабочку или птичку. Вотъ какимъ образомъ слѣдуетъ дисциплинировать этого маленькаго воина...» ¹⁾. Руссо развиваетъ этотъ взглядъ болѣе подробно: «Я хочу, чтобы ребенокъ приучался къ виду новыхъ предметовъ, безобразныхъ, отвратительныхъ и странныхъ животныхъ, но чтобы это дѣлалось постепенно, исподволь, пока онъ привыкнетъ къ нимъ и, видя какъ другіе трогаютъ ихъ руками, и самъ въ концѣ-концовъ перестанетъ бояться прикосновенія къ нимъ. Если въ дѣтствѣ онъ безъ боязни смотрѣлъ на жабъ, змѣй, раковъ, то, ставъ взрослымъ, онъ безъ всякаго страха будетъ глядѣть на какое-угодно животное. Кто каждый день видитъ страшныя вещи, для того никакіе страхи уже не существуютъ». Точно такъ же ребенокъ приучается не пугаться вида маски и привыкаетъ смѣяться, когда кто-нибудь надѣваетъ ее въ его присутствіи. Онъ осваивается также съ звукомъ ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ, разрывныхъ снарядовъ, съ самымъ ужаснымъ грохотомъ, если, начавъ съ разбиванія пистолетнаго пистона въ его присутствіи, постепенно переходитъ къ все болѣе и болѣе сильнымъ выстрѣламъ. Равнымъ образомъ, ребенокъ скоро привыкаетъ къ виду людей, одѣтыхъ во все черное, если они ласково заговариваютъ съ нимъ, къ незнакомымъ лицамъ, къ крикливымъ или замогильнымъ голосамъ, пугавшимъ его вначалѣ.

Всѣ эти легкопримѣнимыя приемы устраняютъ всякіе рѣзкіе переходы, а это главное въ дѣлѣ воспитанія. Но слѣдуетъ остерегаться, чтобы не хватить при этомъ черезъ край и, напримѣръ, приучая ребенка не бояться воображаемой опасности, не довести его до

¹⁾ Ib.

состоянія беззащитности въ случаѣ опасности дѣйствительной. Храбрость ребенка составляетъ очень часто не болѣе какъ простое невѣдѣніе и отсутствіе воображенія. Намъ необходимо знать это и предусматривать за него могушія встрѣтиться опасности. Можно показывать маленькому ребенку всѣ эти зоологическія чудища, но нужно соприкасаться съ ними въ его присутствіи съ замѣтной для него осторожностью. Пусть онъ знаетъ, что жаба грязна, что змѣя ядовита, что ракъ щиплется; онъ долженъ знать также, какъ слѣдуетъ поступать, близко подходя къ нимъ или прикасаясь къ нимъ руками. Когда ему будетъ два или три года, можно будетъ объяснить ему все это, но не иначе какъ съ улыбкой на губахъ, и никогда не обнаруживая сколько-нибудь серьезнаго страха. Нужно дисциплинировать полезный инстинктъ страха, но никоимъ образомъ не слѣдуетъ искоренять его. Начиная съ трехлѣтняго возраста и даже раньше хорошо воспитанный ребенокъ уже въ состояніи понимать, судя по примѣру своихъ воспитателей, что можно быть мужественнымъ безъ безразсудства и благоразумнымъ безъ слабости.

IV. Наши читатели найдутъ въ Эмилѣ интереснѣйшія страницы, какія когда-либо были написаны о способахъ искорененія боязни темноты. Дарвинъ признаетъ ее наслѣдственной, а Руссо, считающій ее прирожденной всѣмъ людямъ и нѣкоторымъ животнымъ, даетъ, по Бюффону, научное объясненіе ея. Эта столь распространенная боязнь не можетъ быть объяснена исключительно розказнями нянекъ; ночные призраки не всегда существуютъ только въ нашемъ воображеніи, но нѣкоторымъ образомъ также и въ области нашего зрѣнія. Благодаря естественной привычкѣ судить о предметахъ по величинѣ ихъ, воспринимаемой нашимъ зрѣніемъ, мы населяемъ ночной сумракъ гигантскими или страшными образами, подъ вліяніемъ той же зрительной иллюзіи, въ силу которой въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы принимаемъ муху, про-

летающую непосредственно передъ нашими глазами, за птицу, находящуюся на очень далекомъ разстояніи. Преображенные такимъ образомъ предметы пугаютъ, какъ все невѣдомое и неясно различаемое зрѣніемъ. «Очень вѣроятно также, что отсутствіе зрительныхъ впечатлѣній ведетъ къ усиленію другихъ ощущеній, въ особенности ощущеній слуха и осязанія, какъ это легко испытать, наблюдая за собственными ощущеніями въ подобныхъ условіяхъ»¹⁾. Прибавьте къ этой естественной причинѣ самообмана еще вліяніе фантастическихъ розказней, и воображеніе станетъ работать самымъ отчаяннымъ образомъ. Тяжелыя впечатлѣнія, дурное обращеніе, болѣзненная чувствительность очень предрасполагаютъ къ подобнымъ страхамъ. Такая слабость, столь гибельная для маленькаго ребенка, имѣетъ, слѣдовательно, свои непосредственныя причины, предотвратить которыя гораздо легче, чѣмъ уничтожить такія отдаленныя причины, какъ наслѣдственность.

V. Страхъ, о которомъ мы говоримъ, всего болѣе зависитъ отъ воспитанія. Если дикари, судя по розказамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, иногда боятся темноты,—это потому, что ихъ суевѣрное воображеніе наполняетъ ее невидимыми привидѣніями. Животное нисколько не боится ни оставаться въ темнотѣ, ни самой темноты. Я зналъ дѣтей, которыя, очевидно, подъ вліяніемъ воспитанія, вовсе не обнаруживали этой слабости. Мой племянникъ Шарль никогда не пугался въ темнотѣ, такъ же, какъ и его братъ Фернанъ. Но все же Фернанъ плачетъ, когда его оставляютъ одного въ темнотѣ, а Шарль часто проситъ прислугу посвѣтить ему на лѣстницѣ. Страхъ ли это? Нисколько. Фернанъ плачетъ, потому что думаетъ, что его оставили одного, потому что не видитъ своей матери, подобно тому, какъ онъ плачетъ иногда и

¹⁾ Sikorski. L'évolution psychique de l'enfant, Rev. Phil. за мартъ 1885 г., статья 3-ья.

днемъ, если она, не подождавъ его, поднимется наверхъ по лѣстницѣ, и подобно тому, какъ онъ кричитъ, стоя на лѣстницѣ, когда она куда-нибудь уѣдетъ. И Шарль прежде поступалъ точно такъ же. Свѣтитъ себѣ на лѣстницѣ онъ заставляетъ потому, что тогда ему лучше видно, куда поставить ногу и куда идти. Фернанъ иногда плачетъ въ постели, когда, уложивъ его спать, его оставляютъ одного. Но Шарль уже не плачетъ въ такихъ случаяхъ и тотчасъ же засыпаетъ, нисколько не заботясь о томъ, что темно. И тотъ, и другой, уходя изъ столовой, отправляются одни черезъ коридоръ или въ кухню (Въ то время, когда были написаны эти строки, старшему было семь лѣтъ, а младшему около пяти).

Что касается средствъ противъ этого страха темноты и могущихъ обусловливать его элементовъ наслѣдственности, болѣе или менѣе присущихъ всему человѣческому роду,—то я не знаю, что можно прибавить въ этомъ случаѣ къ превосходнымъ совѣтамъ Руссо. Онъ предлагаетъ широко пользоваться играми въ вечернее время и, въ особенности, играми, исполненными оживленнаго веселья, во время которыхъ ребенокъ привыкалъ бы находиться въ темнотѣ, пользоваться при этомъ своими руками и ногами и соприкасаться съ невидимыми предметами. Но никогда не слѣдуетъ «внезапно пугать» дѣтей, «стараясь приучить ихъ ничего не бояться ночью. Это очень дурная система, приводящая къ обратнымъ результатамъ, такъ какъ, благодаря ей, дѣти всегда становятся еще болѣе пугливыми. Ни умъ, ни привычка не могутъ побороть тревогу, порождаемую, съ одной стороны, сознаниемъ угрожающей опасности, степень и родъ которой остаются невѣдомыми, съ другой стороны, страхомъ передъ неожиданнымъ испугомъ, который не разъ приходилось испытывать» ¹⁾.

Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смѣяться надъ

¹⁾ Emile, стр. 314.

ребенкомъ въ моментъ испытываемаго имъ испуга. Я думаю даже, что и по минованіи страха лучшимъ средствомъ воздѣйствія на самолюбіе ребенка, для исцѣленія его отъ болѣзненной пугливости, является привычка къ упражненіямъ, развивающимъ хладнокровіе. «Зимнее время въ особенности благоприятно для этого; станемъ пользоваться имъ, откладывая дѣтскія игры на вечерніе часы. Постараемся приучить его самостоятельно распознавать предметы, представляющіеся въ темнотѣ не тѣмъ, что они есть въ дѣйствительности. Станемъ заговаривать съ прохожими и намѣренно затягивать разговоръ, предоставляя ребенку полную свободу оставаться съ нами или удалиться, но въ то же время зорко слѣдя за его впечатлѣніями. Позаботимся о томъ, чтобы у ребенка естественно образовалась привычка къ массѣ разнообразнѣйшихъ звуковъ, которые слышатся преимущественно ночью, и чтобы онъ смѣялся надъ таинственными страхами и никогда не забывалъ, что все это—тайна только для невѣждъ, что привидѣніе есть не что иное, какъ порожденіе страха, смущающаго воображеніе, или дѣло плохихъ шутниковъ, уже не разъ жестоко поплатившихся за свои фантазіи»¹⁾).

Что касается дѣтей, еще не вышедшихъ изъ колыбели, почти всецѣло находящихся во власти наслѣдственныхъ вліяній, то ихъ слѣдуетъ приучать спокойно спать при свѣтѣ и безъ него, слышать вокругъ себя говоръ, выслушивать обращенныя къ нимъ, издали или въ непосредственной близости, слова ласки или порицанія, прислушиваться въ темнотѣ ко всякаго рода звукамъ, не пугаться внезапнаго появленія и исчезновенія свѣта и разныхъ предметовъ. Все это очень полезныя предосторожности, которыя слѣдуетъ принять раньше, чѣмъ первый предметный опытъ и почти неизбѣжная опасность нелѣпыхъ

¹⁾ Alexis Robert. Education populaire, стр. 62.

бабьихъ сказокъ не положить начало развитію при-
рожденнаго инстинкта страха.

До возраста четырехъ или пяти лѣтъ ребенокъ имѣетъ лишь очень неясное представленіе о смерти; онъ не можетъ, поэтому, бояться, ни тѣмъ болѣе ужасаться ея. Въ этомъ отношеніи онъ скорѣе походить на большинство высшихъ животныхъ, такъ какъ, какъ утверждаетъ Каро, еще не доказано, что животныя имѣютъ такое же представленіе о смерти, какъ взрослые люди. Всего болѣе, если они обладаютъ смутнымъ инстинктомъ чрезвычайной опасности, превосходящей всѣ опасности, имъ извѣстныя¹⁾. Ссылка на собакъ, которыя воютъ и добровольно умираютъ отъ голода на могилѣ своего хозяина, не имѣетъ безусловно рѣшающаго значенія; уныніе, вызванное потерей любимаго хозяина, можетъ повести къ такой протрасти физическихъ и духовныхъ силъ, которая кончается невозможностью дальше жить. Гораздо доказательнѣе дѣтскія самоубійства, которыя, какъ извѣстно, не рѣдки среди дѣтей, очень бѣдныхъ, крайне воспріимчивыхъ и обладающихъ болѣзненной чувствительностью. Впрочемъ, это безуміе почти не встрѣчается среди дѣтей моложе шести лѣтъ. Слѣдующій фактъ относится, безъ сомнѣнія, къ болѣе позднему возрасту. «Мнѣ извѣстенъ примѣръ одного ребенка, который до такой степени былъ подверженъ страху смерти, что не могъ спать по ночамъ; и это не было слѣдствіемъ вліянія устрашающихъ разсказовъ о смерти на его воображеніе, но результатомъ его собственныхъ размышленій на эту тему»²⁾. Что-то ненормальное было, вѣроятно, въ юной головкѣ этого ребенка и во внѣшнихъ условіяхъ его нравственнаго развитія. Такъ или иначе, ребенокъ имѣетъ извѣстное представленіе о смерти.

1) *Revue Bleue*, отъ 23 октября 1886 г., статья Mocco (Mosso) о страхахъ („la Peur“), стр. 521.

2) *James Sully, Mind* за апрѣль 1887 г.

Такъ какъ невозможно, чтобы ребенокъ никогда не слышалъ разговоровъ объ этомъ величайшемъ ужасѣ взрослыхъ, то лучше постепенно приучить его къ мысли о смерти, изображая ее, однако, не иначе, какъ въ видѣ спокойнаго сна и вѣчнаго отдохновенія.

Можно, на примѣръ, показывать дѣтямъ мертвыхъ животныхъ, какъ это было сдѣлано по отношенію къ дѣвочкѣ, о которой рассказываетъ Тэнъ. «Третьяго дня кто-то повѣсилъ на шестѣ, въ видѣ пугала, убитую садовникомъ сороку. Дѣвочкѣ сказали, что сорока умерла, и она пожелала ее видѣть. — Что она дѣлаетъ, эта сорока? — Она ничего не дѣлаетъ, она не двигается, она неживая. — А! — Въ первый разъ въ умѣ ея возникло представленіе объ окончательной неподвижности. Правда, не многія дѣти походятъ на эту дѣвочку, удовлетворяющую такимъ отвѣтомъ и, въ свою очередь, не могущую ничего сказать, кромѣ этого — «а!». Это «а!», это междометіе, которымъ заканчивается рассказъ, звучитъ совсѣмъ не по-дѣтски, или же дѣвочка, о которой говоритъ Тэнъ, обладала слишкомъ ужъ спокойнымъ воображеніемъ. Впрочемъ, именно такъ слѣдуетъ говорить о смерти съ маленькимъ ребенкомъ.

Если дѣти здоровы, по-моему, нѣтъ никакого неудобства въ томъ, чтобы показывать имъ мертвыхъ людей или кости человѣческаго скелета. Трупная блѣдность и окоченѣніе, а тѣмъ болѣе кости, сами по себѣ, не представляютъ ничего страшнаго. Одинъ трехлѣтній ребенокъ говорилъ о смерти, какъ о состояніи, въ которомъ не приходится испытывать головной боли или боли въ желудкѣ. Онъ упоминалъ вечеромъ о смерти своихъ родныхъ, какъ о самой обыкновенной вещи. Это объясняется тѣмъ, что отецъ его, ученый, чуждый всякихъ предразсудковъ, неоднократно показывалъ ему мертвыхъ животныхъ или мертвыхъ людей, при чемъ говорилъ: «Вотъ видишь, — когда умираютъ, то не двигаются, не говорятъ, ничего не слышатъ и

не видятъ; мертвый дѣлается какъ дерево, камень, стулъ или столъ; онъ не двигаетъ ни руками, ни ногами, не чувствуетъ ни хорошаго, ни дурного запаха; ему не нужно уже ни ѣсть, ни пить». Эти наглядныя объясненія дали ребенку довольно правильное и очень успокоительное представленіе о смерти. Однажды онъ спросилъ, почему мертвыхъ укладываютъ въ большой ящикъ и уносятъ очень далеко; отецъ ничего не отвѣтилъ на вопросъ, а сказалъ только, что ихъ уносятъ на кладбище, и что онъ его туда сведетъ. Дѣйствительно, онъ повелъ его туда на слѣдующій же день. Подойдя къ свѣже-вырытой могилѣ, онъ сказалъ: «Посмотри, вотъ въ эту яму опускаютъ ящикъ съ мертвецомъ навсегда; его засыпаютъ землею, потому что мертвые гниютъ, какъ плоды или испорченное мясо, а все, что гниетъ, издаетъ дурной запахъ». Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе ребенка на нѣсколько костей, вырытыхъ лопатой могильщика. Не говоря ни слова, онъ потрогалъ рукою берцовую кость, позвонокъ, черепъ, и ребенокъ поспѣшно сдѣлалъ то же самое.

Вопросы посыпались одинъ за другимъ. Отецъ просто отвѣчалъ на нихъ. — «Когда умираютъ и потомъ сгниютъ, то разсыпаются по косточкамъ. — И я тоже буду такой, когда умру? — Да, и я тоже, и мама тоже. Но, дитя мое, мы, вѣдь, не умремъ ни завтра, ни послѣзавтра, — мы долго еще не умремъ. — А ты очень будешь плакать, когда я умру? — О, ты не умрешь раньше, чѣмъ я, надѣюсь. Но никогда нельзя заранѣе знать, когда умрешь. — А отчего же ты плакалъ бы? Скажи! — Оттого, что я тебя люблю и хотѣлъ бы никогда съ тобой не разлучаться. Впрочемъ, когда люди умираютъ, въ этомъ нѣтъ несчастія для нихъ; напротивъ, они перестаютъ страдать. Они — только горсть костей въ землѣ. Ну, теперь пойдемъ отсюда». Ребенокъ взялъ отца за руку, но тотчасъ же бросилъ ее и, со смѣхомъ, погнался за бабочкой, выпорхнувшей изъ травы. Бабочка полетѣла дальше,

а ребенокъ скоро вернулся къ отцу и спросилъ: «Мы еще придемъ сюда въ другой разъ? Правда, папа?» Если бы этому ребенку пришлось слышать отъ какой-нибудь глупой няньки рассказы о привидѣніяхъ и оборотняхъ, едва ли онъ отнесся бы ко всему такъ спокойно, какъ въ описанной мною сценѣ. Вотъ какимъ образомъ можно, не прибѣгая къ недомолвкамъ и вредной сентиментальности, показать ребенку всю правду, какую онъ способенъ понять. «Прямое средство противъ страха передъ опредѣленными предметами, говоритъ разсудительная г-жа Неккеръ-де-Сосюръ, это — показать ребенку въ дѣйствительности предметъ страха, созданный его воображеніемъ. Нельзя вообразать себѣ того, что мы имѣемъ передъ глазами, и реальность, хотя бы самая непріятная и самая отталкивающая, производитъ успокоительное дѣйствіе на взволнованныя чувства. Это средство, если есть возможность имъ пользоваться, очень дѣйствительно, но примѣнять его слѣдуетъ съ большой осторожностью» ¹⁾).

¹⁾ M-me Necker de Saussure. L'éducation progressive, т. I, стр. 193.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Чувство собственности.

I. Инстинктъ или чувство собственности у ребенка. — Психологическое объясненіе наклонности къ собственности; пользование переходитъ въ присвоеніе. — Понятіе о моемъ и твоємъ очень смутно у маленькаго ребенка. — II. Слѣдуетъ противопоставлять чрезмѣрной жадѣ стяжанья наклонность къ добрымъ чувствамъ. — III. Нужно возбуждать въ ребенкѣ стремленіе заботиться о чемъ-либо. — IV. Какъ слѣдуетъ бороться со склонностью къ воровству. — V. Нужно приучать ребенка беречь собственные вещи. — VI. Безпорядокъ и дисциплина естественныхъ послѣдствій. — VII. Необходимо приучить ребенка уважать чужую собственность. — VIII. Слѣдуетъ заставить его обращаться съ животными, какъ съ людьми, но не относиться одинаково къ неодушевленнымъ предметамъ и къ животнымъ. — Въ дѣйствительности, ребенокъ не смѣшиваетъ неодушевленныхъ предметовъ съ одушевленными. — IX. Какъ научить ребенка бережно относиться къ растеніямъ.

I. Потребность пользованія, какова бы ни была ея сущность и каковы бы ни были предметы этого пользованія, порождаетъ стремленіе къ владѣнію ими, изъ котораго затѣмъ вытекаетъ стремленіе къ собственности. Стремленія эти начинаютъ обнаруживаться у ребенка еще въ очень раннемъ возрастѣ, раньше даже, чѣмъ онъ научится пользоваться голосомъ, чтобы требовать для себя предметы своихъ желаній, руками, чтобы хватать ихъ, и ногами, чтобы приближаться къ нимъ. «Любовь къ самому себѣ и жажда обладанія тѣсно сливаются въ первыхъ человѣческихъ ощущеніяхъ, прежде чѣмъ слиться затѣмъ въ первыхъ человѣческихъ мысляхъ» ¹⁾.

Въ возрастѣ трехъ мѣсяцевъ ребенокъ беретъ грудь или требуетъ ея жестами и взглядами, какъ нѣчто, ему принадлежащее. Нѣсколько позднеѣ, а иногда уже и въ этомъ возрастѣ, онъ испытываетъ

¹⁾ De Laténa. Etude de l'homme.

приливы ревности, когда дѣлають видѣ, что хотять дать грудь другому ребенку. Онѣ любитъ ея, ласкаетъ ее, прижимается къ ней, съ невиннымъ инстинктивнымъ эгоизмомъ собственника. Въ возрастѣ одиннадцати мѣсяцевъ онѣ требуетъ ея уже болѣе повелительно: онѣ, ползая, ищетъ ея, разстегиваетъ корсажъ у матери, и, припавъ къ груди, ворочается у нея, какъ котенокъ на груди у кошки; онѣ съ любовью ощупываетъ ее, бьетъ ее, шутя, а иногда и не на шутку, наслаждается и злоупотребляетъ ея, съ неотъемлемымъ правомъ признаннаго собственника; наконецъ, онѣ плачетъ, ворчитъ, кричитъ, вопитъ, если ему не дають его «тити», а въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ видѣ шутки, прикладываютъ къ груди его брата, дѣло доходитъ до открытой войны.

Точно такъ же, хотя и съ меньшей настойчивостью, ребенокъ, въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ жизни, требуетъ для себя предметовъ, которые видитъ въ рукахъ другихъ, или игрушекъ, къ которымъ привыкъ. Эта потребность обладанія развивается по мѣрѣ пользованія предметами и получаемого при этомъ удовольствія. Начиная съ полугодового возраста, ребенокъ Тидемана сталъ, повидимому, болѣе дорожить своими игрушками съ тѣхъ поръ, какъ научился извлекать изъ нихъ больше удовольствія, при чемъ никогда не обходилось безъ плача, если у него брали назадъ данныя ему вещи.

Въ возрастѣ десяти мѣсяцевъ, одного года, пятнадцати мѣсяцевъ дѣти,—въ особенности нѣкоторыя дѣти, болѣе склонныя брать, чѣмъ давать,—обнаруживаютъ преувеличенную склонность къ обладанію. Они завладѣвають игрушками, предметами мебелировки или одежды, завѣдомо принадлежащими другимъ, въ то же время не позволяя дѣйствовать такимъ же образомъ по отношенію къ нимъ.

«Ребенокъ не допускалъ, говоритъ Тидеманъ, чтобы сестренка его садилась на его стулъ или надѣвала какой-либо изъ предметовъ его одежды;

онъ называлъ все это своими вещами... У него, слѣдовательно, уже успѣла развиваться какая-то смутная идея собственности. Но не позволяя трогать своихъ вещей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ охотно бралъ вещи своей сестры». Такимъ образомъ идея собственности сливалась у него съ представленіемъ о продленіи обычнаго пользованія предметами, и склонность къ присвоенію, неизбежно вытекающая изъ желанія продлить моментъ пользованія, была чисто эгоистическая: ребенокъ не замѣчалъ, «что того же, чего онъ требовалъ по отношенію къ своимъ вещамъ, могла потребовать и сестра его — по отношенію къ своимъ...»

Итакъ, стремленіе къ обладанію на первыхъ же порахъ осложняется склонностью къ присвоенію. Понятіе о моемъ и твоёмъ еще крайне смутно въ сознаніи ребенка. Самая потребность обладанія ограничивается у него очень незначительнымъ количествомъ обиходныхъ предметовъ и безусловно далека отъ всякой мысли о сбереженіи въ собственномъ смыслѣ. Обладаніе въ данный моментъ для него все: завтрашній день не существуетъ. Поэтому, онъ способенъ впуски расточать свои наиболѣе драгоцѣнныя сокровища, самые привычныя для него предметы пользованія, орудія своихъ живѣйшихъ радостей: онъ швыряетъ, ломаетъ, пачкаетъ, портитъ, разбрасываетъ и забываетъ повсюду вещи, еще недавно доставлявшія ему удовольствіе и вдругъ переставшія нравиться. Тѣмъ не менѣе случается наблюдать у дѣтей, иногда еще до трехлѣтняго возраста, зачаточное чувство бережливости, заставляющее предполагать у нихъ ясно выраженное чувство собственности. Нѣкоторые дѣти, скорѣе подъ вліяніемъ наслѣдственности, чѣмъ примѣра и размышленія, обладаютъ памятью на предметы и склонностью къ сбереженію или приобрѣтенію. Они рѣдко теряютъ вещи, имъ принадлежащія или находящіяся въ ихъ пользованіи; они помнятъ, куда положили ихъ, не охотно даютъ другимъ дѣтямъ ихъ трогать, показываютъ ихъ съ нѣкотораго рода гордостью обладателей.

II. Нужно дать ребенку, какъ только это возможно, ясное и вѣрное понятіе объ индивидуальной собственности. Но, быть можетъ, ребенокъ обнаруживаетъ прирожденныя стяжательныя наклонности? Въ этомъ нѣтъ большой бѣды: любовь къ собственности является однимъ изъ основаній всякаго человѣческаго порядка и условіемъ всѣхъ социальныхъ добродѣтелей. Въ данномъ случаѣ, на первое время достаточно лишь, въ противовѣстъ вліянію излишней алчности, позаботиться о развитіи у ребенка добрыхъ чувствъ. Но если ребенокъ слишкомъ склоненъ давать, если онъ не хранитъ ничего изъ того, что имѣетъ, необходимо заставить его побороть въ себѣ эту щедрость, которая можетъ обратиться въ расточительность и мотовство. Необходимо пожурить его каждый разъ, когда онъ отдастъ или позволить взять одну изъ своихъ игрушекъ или какую-либо вещь, принадлежащую ему или другимъ. Нужно, съ строгимъ видомъ, потребовать у него отчета, что онъ сдѣлалъ съ исчезнувшей вещью.

III. Вскорѣ по достиженіи занимающаго насъ трехлѣтняго возраста, а иногда даже до этого возраста, полезно заинтересовать ребенка какимъ-нибудь предметомъ и побудить его заботиться о немъ. Можно, напримѣръ, отвести ему въ личную собственность уголокъ сада, какъ это дѣлается въ фребелевскихъ дѣтскихъ садахъ. Видя, что его братья, родители и другіе домашніе съ увлеченіемъ занимаются садовыми работами, онъ самъ войдетъ во вкусъ дѣла и постарается подражать работамъ взрослыхъ. Можно начать съ того, что дѣлать вмѣстѣ съ нимъ три четверти всей работы, если не больше, но все же предоставляя ему думать, что онъ является главнымъ работникомъ своего сада; такимъ образомъ, свои цвѣты, свои кусты, своя капуста, своя морковь привяжутъ его къ этому клочку земли, въ который ему придется вложить добрую долю своей личности. Будемъ развивать въ немъ чувство собственности, регулируя его.

IV. Всякій ребенокъ, щедрый или скупой, подобно животнымъ, въ высшей степени склоненъ присваивать себѣ все, что кажется ему никому не принадлежащимъ. Необходимо, при всякомъ случаѣ, бороться съ инстинктомъ воровства у дѣтей. Двухлѣтній ребенокъ, — хотя различіе между твоимъ и моимъ еще еле намѣчено въ его сознаниі, — уже знаетъ рядъ предметовъ, которые служатъ не ему, а другимъ, и которые ему запрещается трогать. Помѣшать ему завладѣть этими предметами — первая задача, часто трудно выполняемая. Избѣгая воровать, маленькій ребенокъ будетъ думать, что онъ дѣлаетъ это только изъ послушанія. Не слѣдуетъ, поэтому, удалять изъ его обихода предметы, которыхъ онъ не долженъ трогать; привычка соблюдать наше запрещеніе по отношенію къ такимъ предметамъ скоро приучитъ его равнодушно проходить мимо нихъ. Но, чтобы облегчить ребенку послушаніе и въ то же время устранить возможность проступковъ и наказаній, необходимо быть послѣдовательными въ своихъ запрещеніяхъ, стойкими и осторожными въ дѣлаемыхъ ребенку внушеніяхъ. Даже по отношенію къ кражамъ, которыя, подъ вліяніемъ случая, соблазна, расчета на то, что никто не видитъ, бываютъ столь часты въ раннемъ возрастѣ, — чрезмѣрная строгость была бы совершенно неумѣстна. Трудно требовать въ этомъ возрастѣ способности устоять противъ соблазновъ наединѣ. Остается, поэтому, лишь дать понять ребенку, что кражи безъ свидѣтелей не ускользаютъ отъ нашего наблюденія, а также дать ему хорошенько почувствовать наше горе при видѣ того, что онъ впадаетъ въ такія постыдныя ошибки.

V. Иногда бываетъ возможно приучить дѣтей беречь вещи, находящіяся въ ихъ обладаніи, давая имъ почувствовать, путемъ собственнаго опыта, неудобства противоположнаго образа дѣйствій. Въ этомъ состоитъ примѣненіе той дисциплины естественныхъ послѣдствій, той системы воспитанія дѣтей посредствомъ результатовъ ихъ собственныхъ дѣйствій, ко-

тору, послѣ Руссо, развивалъ Гербертъ Спенсеръ, но которая на практикѣ, какъ мы уже видѣли, требуетъ величайшаго такта ¹⁾).

VI. «Во всѣхъ семьяхъ, гдѣ есть маленькія дѣти ²⁾), каждый день случается, что они производятъ то, что матери и служанки называютъ «безпорядкомъ». Ребенокъ раскидалъ игрушки по полу; горсть цвѣтовъ, набранныхъ во время утренней прогулки, разбросана по стульямъ; маленькая дѣвочка, занимаясь изготовленіемъ платьевъ для своей куклы, устѣяла комнату обрѣзками матеріи. При этомъ почти всегда трудъ по устраненію этого безпорядка ложится не на тѣхъ, на кого слѣдовало бы. Если безпорядокъ произведенъ въ дѣтской, няня, поворчавъ на «несносныхъ малышей», сама принимается за дѣло; если онъ произведенъ въ остальной квартирѣ, задача достается на долю старшихъ въ семьѣ или прислуги, а самого нарушителя порядка развѣ только побранятъ немного. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые родители обнаруживаютъ въ такомъ простомъ случаѣ достаточно благоразумія, слѣдуя, съ большей или меньшей настойчивостью, естественному порядку вещей и заставляя самого ребенка подбирать игрушки, цвѣты или обрѣзки. Трудъ по приведенію вещей въ порядокъ представляетъ естественное послѣдствіе проступка, совершеннаго при нарушеніи этого порядка. Всякій купецъ въ своей лавкѣ, всякая женщина въ своемъ домѣ испытываетъ это ежедневно. И если воспитаніе является подготовкой къ жизни, каждый ребенокъ долженъ, съ самаго начала, тоже испытывать это.

«Если ребенокъ упрямится (что бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда система предварительной нравственной дисциплины была недостаточно хороша), слѣдуетъ дать ему испытать дальнѣйшія послѣдствія его непослушанія. Въ виду того, что онъ отказался подо-

¹⁾ См. сказанное выше, въ главахъ IV^а и V^а.

Spencer, L'éducation, упомянутыя главы и стр. 73 этой книги.

брать и привести въ порядокъ разбросанные имъ предметы, ему въ послѣдствіи должно быть отказано, при случаѣ, въ средствахъ еще разъ доставить эту заботу другимъ. Когда онъ придетъ за своимъ ящикомъ съ игрушками, мать ему отвѣтитъ: «Въ послѣдній разъ, когда тебѣ дали игрушки, ты бросилъ ихъ на полу, и Жаннѣ пришлось ихъ подбирать. У Жанны слишкомъ много дѣла, чтобы каждый день убирать все, что ты разбросаешь по полу, а я сама не могу этого дѣлать. Такъ какъ ты не хочешь собирать игрушки по окончаніи игры, то я не могу дать ихъ тебѣ». Естественное послѣдствіе поступка, не преувеличенное и не преуменьшенное, въ данномъ случаѣ вполне очевидно, и ребенокъ долженъ признать это. Наказаніе является въ такой моментъ, когда оно всего живѣе чувствуется. Нарождающееся желаніе оказывается обманутымъ въ тотъ самый моментъ, когда ожидалось его осуществленіе, и произведенное этимъ сильное впечатлѣніе не можетъ не имѣть вліянія на будущее поведеніе ребенка, — вліянія, которое, при постоянномъ повтореніи, сдѣлаетъ все возможное для исправленія ребенка отъ его недостатка. Прибавьте къ этому, что, благодаря такой системѣ, онъ рано узнаетъ то, что знать никогда не бываетъ слишкомъ рано, а именно, что въ этомъ мірѣ удовольствію покупается цѣною труда».

VII. Необходимо также приучать ребенка не портить вещей, составляющихъ собственность другихъ; такіе уроки могутъ быть полезны и для его поведенія по отношенію къ собственнымъ вещамъ. Ребенокъ, безъ всякаго гнѣва, а просто изъ каприза, бьетъ оконныя стекла, пачкаетъ стѣнку, царапаетъ мебель, рветъ книги, изрѣзываетъ ножомъ разные предметы, причиняетъ болѣе или менѣе серьезные убытки. Если ему не больше двухъ лѣтъ, короткаго замѣчанія, сдѣланнаго сухимъ тономъ, бываетъ достаточно, чтобы заставить его на будущее время воздерживаться отъ подобныхъ поступковъ. Но если

онъ нѣсколько старше, иногда еще до трехлѣтняго возраста, суровость тона можетъ быть замѣнена небольшимъ наказаніемъ или упреками, рассчитанными на его нравственную чувствительность. Можно мягко обратить его вниманіе на то, что предметы, которые онъ портитъ, принадлежать не ему, а намъ, что, уничтожая ихъ, онъ причиняетъ намъ вредъ, что предметы эти уже никому не смогутъ служить. Но, какъ бы то ни было, станемъ ли мы относиться со всей строгостью или попытаемся умѣрять ее кротостью, никогда не слѣдуетъ забывать, что лучше двадцать разъ простить подобные проступки, чѣмъ оставлять ихъ незамѣченными.

VIII. Подобно тому, какъ нѣкогда у древнихъ, животныя являются для ребенка до нѣкоторой степени вещами, и онъ слишкомъ часто обращается съ ними, какъ съ таковыми. По-моему, слѣдуетъ приучить ребенка относиться къ правамъ животныхъ, какъ къ правамъ людей, и въ то же время не ставить вещи на одинъ уровень съ животными. Подобное отношеніе къ вещамъ и животнымъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, основывается на первоначальномъ смѣшеніи въ умѣ ребенка и дикаря понятій объ одушевленномъ и неодушевленномъ. Въ умѣ цивилизованнаго ребенка такое смѣшеніе существуетъ еще въ меньшей степени, чѣмъ въ умѣ современнаго дикаря. Это — положеніе, которое, какъ мнѣ кажется, Гербертъ Спенсеръ поставилъ внѣ всякаго сомнѣнія слѣдующей страницей:

«Обычное поведеніе ребенка по отношенію къ окружающимъ его предметамъ не даетъ возможности предполагать существованія въ его умѣ такого смѣшенія. Если неодушевленный предметъ не походитъ на предметъ одушевленный настолько, чтобы казаться живымъ существомъ безъ движенія, но готовымъ перейти въ движеніе, ребенокъ не обнаруживаетъ страха передъ нимъ. Правда, онъ пугается движущихся неодушевленныхъ предметовъ, если не видитъ скрытой внутри ихъ силы, приводящей ихъ въ движеніе. Какъ

ни отличается неодушевленный предметъ отъ предметовъ одушевленныхъ, если онъ обнаруживаетъ самопроизвольность, свойственную живымъ существамъ, онъ вызываетъ представлѣніе о жизни и можетъ вызвать крикъ испуга. Безъ этого ребенокъ способенъ испугаться такого предмета не болѣе, чѣмъ маленькій щенокъ или котенокъ. Намъ скажутъ, что, при своей склонности все драматизировать, ребенокъ постарше приписываетъ черты живого лица каждой изъ своихъ игрушекъ, что онъ говоритъ о нихъ, какъ о живыхъ существахъ, и ѣлѣтъ ихъ, какъ живыхъ! Мы отвѣтимъ, что въ этомъ нѣтъ искренней увѣренности, а лишь умышленное притворство. Ребенокъ можетъ предполагать, что его игрушки живыя, но въ дѣйствительности не вѣритъ этому. Если бы кукла стала кусаться, онъ былъ бы не менѣе пораженъ этимъ, чѣмъ взрослые. Въ играхъ—въ этомъ пріятномъ способѣ проявленія ничѣмъ не занятыхъ способностей—многія умныя животныя тоже драматизируютъ: при отсутствіи нужныхъ имъ одушевленныхъ предметовъ, они допускаютъ подмѣнъ ихъ неодушевленными предметами, въ особенности если эти предметы должны симулировать жизнь. Только собака, бѣгущая за палкой, не считаетъ ее живой. Если, поймавъ, она ломаетъ ее на части, она только играетъ въ охоту: если бы она вѣрила, что палка жива, она съ одинаковой яростью грызла бы ея и до того, какъ ее швырнули, и послѣ»¹⁾.

Одинъ изъ способовъ, всего менѣе способныхъ отучить ребенка отъ склонности портить вещи, это—заставлять его обращаться съ ними, какъ съ существами одушевленными. Вѣдь, не говорятъ при немъ какому-нибудь плоду или пищевому продукту: «О,

¹⁾ Herbert Spencer. Principes de sociologie, стр. 188 и 189. (Г. Спенсеръ. Основаніе социологіи. М.). М.-Ф. Поллокъ выразилъ тотъ же взглядъ въ интересной статьѣ въ журналѣ Mind (въ іюльскомъ номерѣ 1878 года), содержаніе которой составляетъ развитіе рѣчи у его ребенка. Даже у ребенка такое смѣшеніе понятій бываетъ только видимое или скоропреходящее.

какъ ты вкусенъ, какъ ты пріятенъ!» Не говорятъ виноградному варенью: «Какъ любезно съ твоей стороны, милое варенье, быть такимъ вкуснымъ!» За чѣмъ же говорить камню, на который ребенокъ споткнулся и упалъ: «Какой ты злой!» или столу, о который ребенокъ ушибся: «Гадкій столъ, зачѣмъ сдѣлалъ больно дѣточкѣ?» Достаточно пожалѣть ребенка, насколько это вызывается обстоятельствами, но дѣлать больше, значитъ — быть ребячливѣе самого ребенка.

IX. То, что—какъ я сказалъ —относится къ вещамъ, каковы бы онѣ ни были, приложимо и къ тому, какъ маленькій ребенокъ долженъ обращаться съ растеніями. Въ возрасты отъ пятнадцати мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ ребенокъ обыкновенно является въ саду такимъ же опустошителемъ, какъ курица. Если онъ идетъ съ вами по аллеѣ, держа васъ за руку, другой рукой онъ срываетъ полныя горсти цвѣтовъ или листьевъ. Гуляя, онъ бѣгаетъ, пролѣзаетъ повсюду, прыгаетъ, топчетъ, бѣгаетъ по самымъ восхитительнымъ газонамъ, окаймляющимъ цвѣтники. Онъ приходитъ въ восторгъ отъ цвѣтовъ и рветъ ихъ цѣлыми охапками, чтобы полнѣе втягивать въ себя ихъ запахъ. Еще хуже, если въ его распоряженіи очутится палка или какая-нибудь игрушка, — лошадка, телѣжка, кукла: все это, въ его неутомимыхъ рукахъ, тотчасъ же начинаетъ играть роль косы или, вѣрнѣе, обуха. Медленно, очень медленно онъ пріучается бережно обращаться съ цвѣтами. Онъ научается этому такъ же, какъ научился раньше беречь полезные предметы. Но воспитаніе можетъ привлечь на помощь и другія средства.

«Когда отъ неодушевленныхъ тѣлъ мы поднимаемся до живыхъ организмовъ, говоритъ Маріонъ, мы чувствуемъ, что между ними и нами существуетъ болѣе тѣсная связь. Какъ и мы, растеніе живетъ: если оно не чувствуетъ или если, по крайней мѣрѣ,

чувствительность его не настолько ясно выражена, чтобы можно было серьезно опасаться, какъ бы ни заставить его страдать, тѣмъ не менѣе, оно имѣетъ свою судьбу, и не безъ аналогіи съ нашей. Какъ и мы, оно рождается, растетъ и умираетъ; у него тоже есть свои періоды прелести и красоты. Развѣ старыя деревья не имѣютъ въ себѣ чего-то почтеннаго, способнаго внушать намъ какой-то благоговѣйный трепетъ? Цвѣты обладаютъ особой нѣжной прелестью, къ которой невозможно относиться равнодушно. «Женщина, не любящая цвѣтовъ, это — чудовище», сказалъ одинъ современный писатель. Человѣкъ, который безъ нужды портитъ ихъ, несомнѣнно, и грубъ, и глупъ. Все живое обречено на разрушеніе, но всякое разрушеніе печально. Развѣ не преступленіе и не абсурдъ со стороны смертнаго существа добровольно распространять смерть вокругъ себя?» ¹⁾ Можно — на примѣръ, при помощи недлинныхъ разсужденій и соотвѣтственнаго чтенія — заставить маленькаго ребенка понять или почувствовать все это.

¹⁾ Marion. Leçons de la morale, стр. 207.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Зависть и ревность.

I. Чувство зависти обнаруживается у многихъ дѣтей очень рано.— II. Различныя средства борьбы съ завистью у самыхъ маленькихъ дѣтей.— III. Мѣры, которыя слѣдуетъ принимать, чтобы самимъ не способствовать возбужденію чувства зависти у дѣтей.— IV. О зависти старшихъ по отношенію къ младшимъ, младшихъ по отношенію къ старшимъ и о средствахъ ея исцѣленія.— Все, что дѣлается для развитія добрыхъ чувствъ, совершается въ ущербъ зависти.— V. Зависть вытекаетъ часто изъ сознанія своего ничтожества по сравненію съ другими.— Объ опасности чрезмѣрнаго напряженія стимула соревнованія.— VI. Зависть и ревность могутъ содѣйствовать нравственному развитію. Примеръ.— VII. Мѣры воздѣйствія на благоразуміе и разсудокъ, которыя слѣдуетъ принимать по отношенію къ завѣдомо ревнивому ребенку.— VIII. Иногда хорошая шутка показываетъ ребенку все смѣшное въ его состояніи, и онъ успокаивается подъ вліяніемъ разсудка.

I. О зависти у дѣтей можно съ полнымъ основаніемъ сказать то же, что говоритъ Монтэнь о лживости: «Она растетъ вмѣстѣ съ ними». Въ общемъ, она зависитъ отъ темперамента и часто служить признакомъ крайней чувствительности; но, съ другой стороны, она обнаруживается въ сильной степени и у дѣтей съ спокойнымъ и, въ остальныхъ отношеніяхъ, очень податливымъ характеромъ. Къ ней легко примѣшивается злобная ревность, алчность, жажда стяжанія, потребность обращать на себя вниманіе. Она ведетъ къ ненависти, лживости и притворству; у нѣкоторыхъ слабыхъ и апатичныхъ натуръ она можетъ принимать форму унынія.

II. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ жизни ребенка съ прирожденной склонностью къ зависти (потому что есть дѣти, очень мало завистливыя), требуетъ особенно осторожнаго обращенія. Часто нельзя иначе успокоить его, какъ удаливъ лицо, возбудившее въ немъ чувство зависти. Но возводить

этотъ случайный способъ въ правило, значило бы дѣйствовать вопреки намѣченной цѣли. Полезно содѣйствовать постепенному сближенію ребенка съ другими завистливыми дѣтьми, приучать его находиться въ ихъ обществѣ; послѣднее вскорѣ становится ему пріятно, такъ какъ, какъ правильно утверждали древніе, привязанность это—привычка, вытекающая изъ необходимости: *consuetudo—necessitudo*. Когда личности и игры посторонняго ребенка сначала только допускаются, а затѣмъ благосклонно принимаются, отношенія между дѣтьми становятся все болѣе и болѣе близкими. Зависть излѣчивается или, по крайней мѣрѣ, ослабляется почти тѣми же приѣмами, что и робость и застѣнчивость. Впрочемъ, между этими свойствами существуетъ тѣсная связь. Робкій и застѣнчивый ребенокъ влагаетъ всѣ свои усилія въ наблюденіе; ничто изъ того, что передъ нимъ происходитъ, не ускользаетъ отъ его внимательнаго взора: его мнительность и обидчивость преувеличиваютъ малѣйшіе знаки предпочтенія, малѣйшіе признаки интереса.

III. Слишкомъ часто зависть является дѣломъ нашихъ же рукъ: то удовлетворяя желанія ребенка, то отказывая ему въ этомъ, мы приучаемъ его требовать всего, что онъ видитъ. Мы не умѣемъ противостоять съ мягкой настойчивостью его пустымъ капризамъ. Мы обѣщаемъ ему лакомства, цѣнные предметы, прогулки, увеселенія въ награду за труды и благонавіе. Мы расточаемъ при немъ похвалы красивымъ туалетамъ, прекраснымъ игрушкамъ, изысканнымъ кушаньямъ: мы сами обнаруживаемъ завистливость, какъ избалованныя дѣти. Мы не умѣемъ умѣрять въ его присутствіи изліянія своей чувствительности; мы цѣлуемъ и ласкаемъ другихъ дѣтей съ тѣмъ болѣею привѣтливостью, чѣмъ менѣе она искренняя. Мы не умѣемъ воздерживаться отъ обнаруженія нѣкоторыхъ предпочтеній, замѣтные признаки которыхъ никогда не ускользаютъ отъ дѣтскаго взора. Забывая

объ эгоистической страсти ребенка къ равенству, мы не стараемся всегда соблюдать ее и когда ласкаемъ дѣтей, и когда наказываемъ ихъ. Мы, эгоисты сами, дѣлаемъ видъ, что соображаемъ нашу нѣжность съ нѣжностью, проявляемой по отношенію къ намъ. Ничто такъ не способно породить и развивать зависть, какъ такой образъ дѣйствій.

Г-жа Гизо, со свойственной ей обстоятельностью и тонкостью, показываетъ, какъ можетъ народиться зависть у старшихъ по отношенію къ младшимъ, у младшихъ по отношенію къ старшимъ, и какими средствами можно бороться съ нею. Лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это — привести цѣликомъ эти разумныя разсужденія:

«Первый ребенокъ, до того времени, предметъ общаго предпочтительнаго вниманія, полный хозяинъ въ домѣ, гдѣ только и думали о томъ, какъ бы его развлечь и какъ самимъ позабавиться съ нимъ, вдругъ видитъ, что у него есть соперникъ, которому отдается предпочтеніе, по крайней мѣрѣ, что касается заботъ и преимущественнаго внѣшняго ухода. Теперь уже новорожденнаго держать на колѣняхъ или на рукахъ, гдѣ привыкъ находиться его братъ, родившійся двумя годами раньше. Часто забытый, въ то время какъ вся дѣятельность матери посвящена тому, кто не можетъ безъ нея обойтись, онъ видитъ, какъ она говоритъ съ нимъ, улыбается ему, тогда какъ прежде говорила только съ нимъ самимъ, улыбалась только ему. Въ то же время запрещенія и упреки, до тѣхъ поръ незнакомые ему, заставляютъ его жертвовать кое-чѣмъ изъ своей свободы въ пользу того, кто уже узурпировалъ его права. Его бранятъ за то, что онъ шумитъ, когда маленькій братъ спитъ. Ему не позволяютъ отнимать свои игрушки изъ рукъ, начинающихъ хватать ихъ. Если онъ тронетъ ребенка, ему говорятъ, что тотъ плачетъ по его винѣ, если младшій братъ бьетъ его, ему не позволяютъ возвратить ударъ. До сихъ поръ онъ жилъ только для себя, и первыя впечатлѣнія отъ

общества другого ребенка приносят ему лишь лишения и печаль. Онъ раздражается или огорчается, становится безпокойнымъ и угрюмымъ и считаетъ себя отвергнутымъ или заброшеннымъ, не понимая за что». Сдержанности и справедливости въ проявленіи чувствъ должны, болѣе или менѣе, предохранять ребенка отъ такого рода зависти.

Продолжаемъ нашу цитату.

«Дѣти вообще склонны радостно встрѣчать всякое событіе, каково бы оно ни было. Появленіе маленькаго брата—это очень большое событіе, къ которому старшій ребенокъ, несомнѣнно, отнесется съ удовольствіемъ, если только взрослые позаботятся о томъ, чтобы занять въ связи съ этимъ событіемъ его время, если присутствіе новаго пришельца внесетъ въ его жизнь оживленіе, вмѣсто того, чтобы лишить ее прежняго интереса. Ребенку нужно постоянно говорить о маленькомъ братцѣ; если онъ кричитъ, можно пожалѣть о немъ вмѣстѣ съ нимъ; если онъ спитъ, можно позвать его посмотреть на спящаго, и онъ долженъ войти тихонько, чтобы его не разбудить. Это маленькое существо будетъ возбуждать его любопытство, потому что взрослые скажутъ ему, что и самъ онъ быть такой же, станетъ будить его жалость, потому что, глядя на него, онъ будетъ чувствовать себя сильнымъ по сравненію съ нимъ. Онъ будетъ видѣть въ немъ предметъ заботъ, въ которыхъ, какъ ему будетъ казаться, и самъ онъ сможетъ принимать участіе, — по крайней мѣрѣ, ему не придется предполагать, что заботы, расточаемыя малюткѣ, отняты у него самого, являются, такъ сказать, воровствомъ по отношенію къ нему. Онъ будетъ любить улыбку маленькаго брата, вызывающую радость на всѣхъ лицахъ; онъ будетъ огорчаться его страданіями, видя царящую въ семьѣ печаль. Онъ съ удовольствіемъ станетъ забавлять его, будетъ опасаться, какъ бы онъ ни причинялъ себѣ боли, и, такимъ образомъ, направляя свою дѣятельность не на себя самого, среди

уѣхъ, доставляемыхъ привязанностью, утратить желаніе предъявлять требованія, которыя могли бы повести къ пробужденію зависти.

«Но зависть можетъ возникнуть впоследствии и въ обратномъ направленіи, и для борьбы съ нею могутъ потребоваться болѣе сложныя мѣры предосторожности: такъ какъ старшій, естественно, имѣетъ основаніе считать себя сильнѣе и развитѣе во всѣхъ отношеніяхъ и даже иногда, если не обратить на это вниманія, пользуется нѣкоторыми привилегіями перваго захвата, то, въ случаѣ возникновенія зависти у младшаго, съ нею уже нельзя будетъ бороться при помощи великодушія, т. е. чувства, составляющаго удѣлъ болѣе сильной стороны. Въ этомъ, какъ и въ первомъ случаѣ, задача воспитателя будетъ состоять въ томъ, чтобы противопоставить чувству зависти чувство привязанности, чтобы создать между братьями тѣсную связь, не допускающую раздѣленія ихъ интересовъ. Постарайтесь осложнить обязанности старшаго по отношенію къ младшему, не стѣсняйтесь возбуждать его великодушіе, такъ какъ, не ощущая ни въ чемъ недостатка, онъ самъ чувствуетъ себя болѣе счастливымъ. Если же онъ замѣтилъ завистливое чувство по отношенію къ себѣ, желательно, чтобы это сопровождалось уваженіемъ къ страданію другого и стремленіемъ оградить его отъ тягостныхъ чувствъ, которыхъ ему самому не приходится испытывать. Съ согласія старшаго, вы позволите себѣ оказать нѣкоторое легкое предпочтеніе младшему, за что, впрочемъ, первый будетъ считать себя вознагражденнымъ честью оказаннаго ему довѣрія, и чѣмъ второй можетъ безпрепятственно воспользоваться, какъ проявленіемъ любви съ вашей стороны и дружбы со стороны брата» 1).

Такимъ образомъ, всякій успѣхъ въ развитіи благожелательныхъ чувствъ достигается въ ущербъ зависти. Это одинъ изъ результатовъ закона компенсаціи,

1) M-me Guizot. Lettres sur l'éducation, т. II, стр. 72—85, passim.

имѣющаго такое широкое примѣненіе въ нравственной области, — закона, который никогда не долженъ забываться воспитателемъ. «Чтобы имѣть возможность расточать съ одной стороны, говорить Жоффруа Сентъ-Илеръ, природа принуждена сберегать съ другой стороны». Лишить чувства зависти и ревности, возможности проявляться, стараться давать пищу противоположнымъ чувствамъ, — таково испытанное средство борьбы, съ самаго ранняго возраста, съ этими уродливыми чувствами.

V. Зависть является часто формой, которую принимаетъ сознание собственного ничтожества по сравненію съ другими. Соревновеніе ¹⁾ это — крайне тонкое средство въ рукахъ воспитателя: очень опасно прибѣгать къ нему слишкомъ часто или чрезмерно напрягать его. Никогда не слѣдуетъ слишкомъ много хвалить достоинства ребенка въ присутствіи его братьевъ или сестеръ; если же приходится это дѣлать, нужно умѣть найти что-нибудь достойное похвалы и въ другихъ. Въ чьихъ недостаткахъ нѣтъ своихъ достоинствъ? ²⁾ Въ комъ не найдется превосходства въ какомъ-нибудь изъ достоинствъ, которыя вызываютъ похвалы, когда они наблюдаются въ другихъ?—Нравственные превосходства всегда имѣютъ преимущество передъ превосходствами физическими или умственными. Ребенокъ, увѣренный въ томъ, что любовь матери къ дѣтямъ всегда неизмѣнно одинакова, и что если иногда она проявляется особенно сильно, то это вызывается усиленіемъ побороть въ ребенкѣ какую-нибудь дурную наклонность, — ребенокъ, воспитанный такимъ образомъ, можетъ завидовать успѣхамъ своихъ братьевъ, не испытывая при этомъ никакого чувства горькаго неудовольствія. Если ребенокъ, проявляющій болѣе быстрые и болѣе блестящіе успѣхи и, преимущественно передъ другими, вызывающій по-

¹⁾ См. I ч., гл. IV.

²⁾ M-me Necker de Saussure. L'éducation progressive, кн. III, гл. I.

хвалы своей физической силой и красотой, задается цѣлью содѣйствовать успѣхамъ своего менѣе одареннаго брата и способствовать тому, чтобы его оцѣнили другіе, — какое же чувство зависти можетъ явиться у покровительствуемаго къ своему покровителю? Какое одобреніе, оказанное одному, можетъ огорчить другого?

VI. Зависть способствуетъ развитію нравственнаго чувства, если она связана съ предметами, имѣющими отношеніе къ любимому человѣку. «Жизнь ребенка по преимуществу сосредоточивается въ зрительныхъ впечатлѣніяхъ; предметы, которые онъ постоянно видитъ, глядя на любимаго человѣка, составляютъ въ его воспоминаніи какъ бы часть этого человѣка. Платье, мелкіе предметы домашняго обихода, которыми онъ пользуется, приобрѣтають для него особенное значеніе; онъ представляетъ себѣ его въ сопровожденіи своихъ атрибутовъ, подобно тому какъ мы представляемъ себѣ мифологическихъ боговъ. Если онъ замѣчаетъ, что любимый человѣкъ одинъ пользуется этими предметами, у него составляетъ представленіе, что они ему принадлежать. Онъ можетъ даже ревновать эти предметы изъ-за него, охранять ихъ, какъ вѣрная собака, и не давать другимъ приближаться къ нимъ. Я видѣлъ одну полуторагодовую дѣвочку, которая плакала, когда кто-нибудь прикасался къ корзинѣ ея няни во время прогулки. Однажды та же дѣвочка, видя, что незнакомая женщина уносить изъ дома платье ея матери, стала испускать ужасные крики; та же сцена повторилась на слѣдующій день. Съ тѣхъ поръ она всегда беспокоится при видѣ незнакомыхъ людей, и если они уходятъ съ пустыми руками, она провожаетъ ихъ съ особенной вѣжливостью, плохо скрывающей испытываемое ею облегченіе²⁾).

Безъ сомнѣнія, чувство личной собственности играло, въ приведенныхъ мною случаяхъ, по меньшей мѣрѣ такую же роль, какъ и чувство ревности

относительно собственности любимого человека. Простая ассоциация образовъ приучаетъ ребенка распространять свою личность и какъ бы свое воображаемое вступленіе во владѣніе на все, его окружающее, — какъ его, такъ и его близкихъ. Если онъ ревнуетъ предметы, имъ принадлежащіе, то это, несомнѣнно, въ качествѣ болѣе или менѣе заинтересованнаго друга и, такъ сказать, совладѣльца.

Мать трехлѣтняго Шарля, возвращаясь съ прогулки, поручила его на время моимъ заботамъ, подымаясь, вмѣстѣ со своими сестрами, наверхъ, чтобы переодѣться къ ѣдѣ. Она просила меня ничего не давать ему трогать. Блюда, входившія въ меню ѣды, стояли передъ огнемъ, покрытыя тарелками. Я взялъ стулъ и сѣлъ передъ очагомъ; племянникъ усѣлся у меня на колѣняхъ, съ очень серьезнымъ видомъ, то поглядывая на блюда, то заглядывая мнѣ глаза, съ нѣсколько инквизиторскимъ выраженіемъ. Онъ называлъ мнѣ блюда: супъ съ вермишелью, рыба, жаркое, кремъ. Послѣ двухъ или трехъ минутъ молчанія, думая, что онъ соскучился и желая задѣть его любопытство, я вздумалъ открыть рыбу; я нагнулся и протянулъ руку къ огню. Вдругъ, мой племянникъ, словно его муха укусила, соскочилъ у меня съ колѣней и, глядя на меня съ раздраженнымъ видомъ, сказалъ: «Не трогай этого: это къ ѣдѣ». Онъ не преминулъ потомъ сказать, что я хотѣлъ ѣсть рыбу. Безъ всякаго сомнѣнія, именно инстинктъ личной выгоды внушилъ ему такую энергичную защиту общей собственности. Во всякомъ случаѣ, этотъ видъ ревности, личной или семейной, представляетъ чувство хорошаго порядка, и слѣдуетъ радоваться, если удастся констатировать его у ребенка этого возраста.

VII. При воспитаніи ребенка завистливаго или ревниваго отъ природы, никогда не бываютъ излишними ни мѣры предосторожности, которыя слѣдуетъ принять, ни средства, которыя слѣдуетъ испытать.

Въ случаяхъ непреодолимой зависти и мучительной ревности, можно, начиная съ возраста шести или семи лѣтъ, обратиться къ его нарождающемуся разсудку. Можно уединиться съ нимъ, нѣжно поговорить, склонить его открыть свою душу; можно заплатить ему довѣріемъ за довѣріе. Можно уговорить его подумать о томъ, что нѣтъ средствъ доставить ему то, чего онъ желаетъ, что самому ему это скоро надоѣстъ; можно обратить его вниманіе на то, какой отвратительный недостатокъ—эта зависть, чуть было не побудившая его ненавидѣть своего брата и свою сестру, которыхъ онъ такъ любить. Если онъ солгалъ изъ ревности, можно показать ему, что вредъ, причиненный имъ другому, гораздо больше удовольствія, которое онъ думалъ себѣ доставить.

Такъ какъ ревность чувство сложное, составляющее смѣсь любви и ненависти, — борьба этихъ двухъ противоположныхъ состояній духа производитъ нѣчто въ родѣ взаимной нейтрализаціи эмоцій, сопровождающейся моментами сомнѣній и колебаній, позволяющими разуму и разсудку водвориться на ихъ мѣсто.

VIII. По отношенію къ ребенку семи или восьми лѣтъ небольшой шутки или ироническаго взгляда часто бываетъ достаточно, чтобы положить конецъ приступу зависти. Онъ скоро замѣчаетъ, что былъ не правъ, принимая дѣло къ сердцу, если показался смѣшнымъ, и самъ по себѣ успокаивается, не говоря ни слова. Я позволю себѣ напомнить здѣсь примѣръ, приведенный мною въ другомъ мѣстѣ. Двѣ дѣвочки, въ возрастѣ отъ пяти до шести лѣтъ, пришли завтракать къ своей бабушкѣ. Старшей дѣвочкѣ дали розовый стаканъ, а младшей—голубой. Голубой стаканъ былъ нѣсколько больше, и старшая предпочла бы, чтобы его дали ей. Она пытается отнять его у сестры, но та хватаетъ его обѣими руками и не даетъ. Старшей дѣлають замѣчаніе, и она вска-

киваетъ въ гнѣвъ изъ-за стола, говоря: «Я иду домой, папа разберетъ дѣло». Надъ нею стали смѣяться, — такъ она была забавна въ своемъ гнѣвѣ. Тогда — такъ какъ въ сущности она была очень добродушна — гнѣвъ ея почти тотчасъ же прошелъ. Но пристыженная тѣмъ, что дала себя смирить и даже улыбнулась послѣ своего пораженія, она прибавила: «Мнѣ хочется уйти и хочется остаться: я не знаю, чего хочу». Она усѣлась опять и осталась ¹⁾).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Любопытство.

I. Любопытство представляетъ вначалѣ наклонность скорѣе аффективнаго, чѣмъ умственнаго характера. — II. Не слѣдуетъ излишне возбуждать любопытство, и нужно удовлетворять его, разъ оно уже возбуждено нами. — III. Позднѣе слѣдуетъ научить ребенка смотрѣть, ничего не трогая. — Нужно также осторожно прибѣгать иногда къ системѣ отвлеченія вниманія. — IV. Слѣдуетъ, не впадая въ крайность, развивать любопытство, побуждающее къ знанію, душевной привязанности и дѣятельности. — V. Благо-разумное употребленіе системы Фребеля. — Ребенокъ очень склоненъ питаться пустяками и глупостями; не слѣдуетъ поощрять его въ этомъ. — VI. Какъ слѣдуетъ отвѣчать на вопросы дѣтей. — VII. Есть щекотливые вопросы, на которые всегда нужно имѣть готовые отвѣты. — VIII. Вопросъ о любопытствѣ дурного качества.

I. Любопытство — это склонность ума, вначалѣ но-сящая чисто эгоистическій и чувственный ха-рактеръ, но инстинктивно постепенно возвышающаяся подъ вліяніемъ безпристрастнаго научнаго познанія. Любопытство ребенка, — говоритъ Фенелонъ, — это природная склонность, какъ бы идущая навстрѣчу знанію, вѣрнѣе, — скажемъ мы, — навстрѣчу насла-жденію. Въ возрастѣ трехъ мѣсяцевъ онъ хватается

¹⁾ B. Pérez. L'enfant de trois à sept ans, стр. 292.

и передвигаетъ всѣ предметы, которые въ состояніи достать; то же дѣлаетъ онъ съ своими руками и ногами, съ пальцами другихъ: онъ изучаетъ ихъ съ точки зрѣнія непосредственного удовольствія, удивляется имъ, забавляется ими. Вскорѣ склонность эта превращается въ постоянное, хотя и крайне измѣнчивое стремленіе къ предметамъ, находящимся у него подъ руками или въ полѣ его зрѣнія. Въ возрастѣ одного года, когда область его дѣятельности значительно расширяется, его голосокъ сотни разъ въ теченіе часа выражаетъ какое-нибудь желаніе, ставитъ какой-нибудь вопросъ. И все это не столько изъ потребности знать, что такое эти вещи или что съ ними будетъ дальше, сколько отъ страсти къ свѣжимъ и новымъ ощущеніямъ. Уже съ этого времени и надолго впоследствии всего ярче обнаруживается склонность ребенка ко всякаго рода несдержанности и на словахъ и на дѣлѣ. Эта жажда знанія и сенсационныхъ свѣдѣній, этотъ умственный и аффективный голодъ, является такой же могущественной силой, какъ потребность въ физическомъ питаніи организма — физическій голодъ, но, подобно аппетиту къ пищѣ, подлежитъ строгому наблюденію и регулированію. Мы будемъ разсматривать здѣсь эту силу лишь съ точки зрѣнія чувствъ, содѣйствующихъ счастью и нравственности.

II. У ребенка, стремящагося больше къ знанію, чѣмъ къ наслажденію, любопытство бываетъ настолько сильно, что воспитатель, который сочтетъ себя обязаннымъ удовлетворять это любопытство лишь въ предѣлахъ полезныхъ для ребенка знаній, рискуетъ часто причинить ему большое огорченіе или даже болѣзнь. Въ то время, когда его воля, не твердая въ своихъ побужденіяхъ, еще не въ состояніи сдерживать его желанія, именно мы должны заботиться о томъ, чтобы излишне не возбуждать этихъ желаній. Ребенокъ пяти-шести мѣсяцевъ видитъ въ рукахъ своего брата коробку съ компасомъ: къ чему огор-

чать его отказомъ? Не слѣдуетъ только открывать ея при немъ. Если вы ее дадите ему на время, — не мѣшайте ему трогать ея, переворачивать, подносить ко рту, предоставьте ему восхищаться ея цвѣтомъ, гладкой полировкой, стукомъ; эти интересныя ощущенія — все, чего можетъ потребовать отъ такого предмета любопытство, очень скоро удовлетворяющееся въ этомъ возрастѣ. Но не открывайте ея при немъ, не давайте ему ее открытой. Удаляйте отъ взоровъ и слуха маленькаго ребенка все, чего вы не можете ему довѣрить безъ затрудненія, и все, въ чемъ трудно ему отказать, не слишкомъ раздражая его противорѣчіемъ.

III. Впослѣдствіи, и даже до наступленія возраста одного года, является необходимымъ показывать ему больше предметовъ, менѣе сообразоваться при этомъ съ его желаніями. Онъ долженъ учиться смотрѣть, не трогая, и обходиться безъ того, въ чемъ ему отказываютъ. Отказавъ ребенку въ какомъ-нибудь предметѣ, можно открыто убрать его или же удалить отъ него ребенка, чтобы имъ снова не овладѣло искушеніе. Не слѣдуетъ отказывать ребенку въ какихъ-либо предметахъ только потому, что ему слишкомъ сильно хочется ихъ; если благоразумно удовлетворить его любопытство по отношенію къ предметамъ, обращеніе съ которыми могло бы принести ему вредъ, то въ другихъ случаяхъ наше запрещеніе будетъ имѣть большее значеніе въ его глазахъ. Я находилъ бы также желательной подобную умѣренность и въ пользованіи ребенка игрушками, которыя ему даютъ. Можно никогда не давать ему по нѣсколько игрушекъ за разъ, а лишь одну или двѣ; можно также заставлять его иногда добывать ихъ цѣною нѣкоторыхъ усилій вниманія. Для того же, чтобы онъ ихъ лучше могъ изучить, насладиться ими, будемъ разсчитывать на любопытство, возбужденное противодѣйствіемъ его желанію.

Когда ребенокъ уже болѣе твердо держится на

ногахъ, болѣе свободно владѣеть руками и, благодаря этому, становится маленькимъ хозяиномъ въ домѣ, позволяющимъ себѣ рѣшительно все трогать, — его любопытство лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ нуждается въ посторонней помощи для своего удовлетворенія, — и цѣною какихъ проявленій неловкости, несдержанности, а подчасъ и грубости достигается это! Здѣсь-то и вмѣшивается авторитетъ воспитателей, чтобы наказать за проступки, которые невозможно было предупредить и которые слѣдуетъ приписать непослушанію. Но часто примѣръ, капризь, какое-нибудь непреодолимое искушеніе вызываютъ дурное любопытство. Дѣло родителей судить о томъ, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ, во избѣжаніе затрудненій, обратиться къ методу отвлеченій вниманія. Этотъ пріемъ, состоящій въ перенесеніи вниманія ребенка съ одного предмета на другой, является однимъ изъ наиболѣе удобныхъ и наиболѣе цѣлесообразныхъ, поскольку онъ примѣняется осторожно и кстати. Въ жизни ребенка есть тысячи случаевъ, когда, для его же блага или для блага другихъ, можно отвлечь его вниманіе отъ поглощающихъ его заботъ, желаній, огорченій и даже физическихъ страданій.

Примѣръ. Мари, дѣвочка двухъ лѣтъ и семи мѣсяцевъ отъ роду, плачетъ, — что часто бываетъ съ нею въ концѣ ужина. Впрочемъ, она немного нездорова, а ея отецъ, не обращая на это вниманія, довольно громко кричитъ, по своей дурной привычкѣ. Между тѣмъ, Мари не любитъ, когда отецъ сердито глядитъ на нее. Поощряемый матерью, я начинаю импровизировать рассказъ о томъ, какъ я былъ въ этотъ день въ Зоологическомъ саду. Названія «Зоологическій садъ» или «Садъ акклиматизаціи», или упоминаніе о какомъ-нибудь изъ звѣрей, которыхъ она видала въ этихъ двухъ любимыхъ мѣстахъ ея прогулокъ, безошибочно служатъ отвлекающимъ средствомъ при всѣхъ огорченіяхъ дѣвочки. Я пускаюсь въ рассказы о знакомыхъ ей животныхъ, о джигетаѣ, о гиппо-

потамъ, наконецъ, о вомбатъ, которымъ Мари особенно интересуется съ нѣкотораго времени. Не болѣе, какъ черезъ три минуты дѣвочка перестаетъ плакать и отираетъ слезы, въ глазахъ и на губахъ появляется улыбка, возвращается веселое, шаловливое настроеніе. Говоря о любезномъ ей вомбатъ, я прибавляю нѣсколько совершенно новыхъ подробностей: множество крысъ, маленькихъ, большихъ, всѣхъ цвѣтовъ, — черныхъ, сѣрыхъ, рыжихъ и вылинявшихъ — спокойно таскаютъ кусочки хлѣба и капусты съ деревяннаго блюда, на которомъ вомбату подаютъ его обѣдъ; рассказываю, какъ онъ, поглощенный ѣдою, позволяетъ имъ это, не глядя, не чувствуя зависти, и, можетъ быть, даже радуется, слыша, какъ бѣгаютъ вокругъ него эти дерзкіе воришки, кажушіеся ему пріятными посѣтителеми, потому что цѣлый день онъ сидитъ одиноко въ своей норѣ! Стайка воробьевъ опускается съ громкимъ крикомъ съ сосѣднихъ деревьевъ, въ свою очередь отнимая у смирнаго животнаго куски хлѣба почти такой же величины, какъ они сами. Какъ было забавно видѣть это! Дѣвочка всецѣло поглощена моимъ рассказомъ; то же можно сказать и объ отцѣ, которому уже не приходилось дѣлать страшныхъ глазъ, потому что никто на него не обращалъ вниманія. Этимъ моментомъ блаженнаго покоя, близкаго къ сладкому сну, воспользовались для того, чтобы унести Мари въ постель. Пока мать укладывала ее, намъ пришлось слышать изъ сосѣдней комнаты цѣлый рядъ вопросовъ и замѣчаній въ родѣ слѣдующихъ: «Значитъ, крысы приходятъ ѣсть у вомбата супъ, правда, мама, скажи? — И вомбатъ не злой, вомбатъ не сердится; онъ не кусаетъ ихъ. Мы скоро пойдемъ смотрѣть вомбата, мама, правда, скажи, мама?» — Мари скоро замолчала и заснула; безъ сомнѣнія, ей снились блаженные сны о ея вомбатѣ.

IV. Любопытство представляетъ могущественный двигатель, ведущій къ знанію; оно является также

не менѣе могущественнымъ двигателемъ, ведущимъ къ чувству любви, а слѣдовательно и къ дѣйствию. Всегда возможно направить его на цѣли, имѣющія то преимущество, что, при полной своей безобидности, онѣ, въ то же время, удовлетворяютъ столь могущественной у ребенка потребности въ дѣятельности, и притомъ дѣятельности, сообразной съ его утилитарными или эстетическими наклонностями. Система Фребеля, на практикѣ, слишкомъ часто приводитъ скорѣе къ механическому накопленію, чѣмъ къ гармоническому согласованію способностей ребенка. Она, пожалуй, нѣсколько злоупотребляетъ вопроснымъ методомъ и, во всякомъ случаѣ, пріемлема только въ принципѣ, а на практикѣ ее приходится безконечно разнообразить для того, чтобы она могла отвѣчать потребностямъ индивидуальнаго воспитанія. Но эта метода Фребеля, столь сильно пропитанная натурализмомъ Руссо, упражняетъ одновременно и чувство и воображеніе ребенка, сначала даже въ колыбели, при помощи подвѣшеннаго надъ нею шарика, — при чемъ мать заставляетъ ребенка слѣдить за нимъ глазами или ловить его руками, — позднѣе при помощи кубиковъ и палочекъ, еще позднѣе при помощи лопатокъ и песку, — инструментовъ и матеріала для очаровательныхъ и удивительно разнообразныхъ комбинацій. Все это даетъ превосходное употребленіе любопытству ребенка, и это употребленіе, конечно, займетъ свое мѣсто въ первоначальномъ воспитаніи, лишь бы только все въ немъ казалось подчиненнымъ фантазіи и свободной инициативѣ ребенка.

V. Эта остроумная система доставляетъ способы дать полезное и нравственное удовлетвореніе склонности къ анекдотамъ, столь сильной у дѣтей, такъ же какъ и у взрослыхъ. Она представляетъ въ картинкахъ, — понятныхъ для трехлѣтняго ребенка, съ комментаріями, которые, благодаря такту, внушенному материнскимъ чувствомъ, могутъ быть приспособлены и къ нѣсколько болѣе нѣжному возрасту, — под-

линную исторію самого ребенка, въ ея наиболѣе выдающихся проявленіяхъ: «его первыя отношенія съ матерью, заботы, которыя она ему расточаетъ, первыя игры, которымъ она его учитъ; затѣмъ, его отношенія съ другими членами семьи; нѣсколько сценъ изъ жизни животныхъ, изъ области садоводства, земледѣлія; обычныя событія нравственной жизни ребенка, его наиболѣе извѣстныя отношенія къ окружающему міру живыхъ существъ и вещей». Ребенокъ, даже двухлѣтній, можетъ иногда выходить за предѣлы области конкретнаго и, въ мѣрѣ своего слабаго опыта, расширить, благодаря воображенію, кругъ своего любопытства, подъ вліяніемъ чувства симпатіи. Но еще чаще, по моему мнѣнію, слѣдуетъ, не выводя ребенка изъ узкихъ предѣловъ его повседневнаго опыта, стараться очаровать, заинтересовать, растрогать и морализовать его при помощи его же разсказовъ или разсказовъ другихъ въ его присутствіи о его собственныхъ дѣйствіяхъ и приключеніяхъ.

Существуетъ, однако, двойная опасность, которой слѣдуетъ избѣгать при примѣненіи на практикѣ рекомендуемаго здѣсь пріема: это, съ одной стороны, возможность показать ребенку, что придается слишкомъ много значенія тому, что онъ дѣлаетъ или говорить (лучше обращать больше вниманія на то, что онъ видитъ или слышитъ), съ другой стороны — возможность приучить ребенка обращать вниманіе на мелочи, не стоящія того, чтобы на ихъ останавливаться. Ребенокъ слишкомъ склоненъ пытаться пустяками и всякимъ вздоромъ и слишкомъ часто переносить въ зрѣломъ возрастѣ бремя этой привычки, приобрѣтенной съ первыхъ же лѣтъ жизни; для сколькихъ лицъ разныхъ возрастовъ и состояній развлеченіемъ и обычной пищей для ума являются мелкіе факты, мелкія событія, банальные анекдоты, пересуды, розсказни, безвкусные романы, болтовня за столомъ, закулисныя сплетни, репортерскія свѣдѣнія газетъ! Ихъ легкомысліе не всегда предста-

вляется исключительно результатомъ ихъ умственнаго убожества, дѣлающаго ихъ неспособными направлять свое вниманіе на болѣе важные факты и воспринимать ихъ въ формѣ обобщеннаго матеріала; мнѣ, по крайней мѣрѣ, это убожество, наблюдающееся также у дикарей, не кажется проявленіемъ однихъ лишь прирожденныхъ свойствъ, а въ гораздо болѣе мѣрѣ представляется результатомъ въ принципѣ уродливаго воспитанія. Разсказы общаго и личнаго содержанія, о которыхъ я говорилъ выше, при основательной постановкѣ, могутъ способствовать, по моему мнѣнію, устраненію этой опасности.

VI. Крайне затруднительная задача для воспитателя состоитъ въ слѣдующемъ: какъ отвѣчать на дѣтскіе вопросы вообще и, въ частности, на вопросы маленькихъ дѣтей? Нѣкоторые думаютъ, что не слѣдуетъ слишкомъ много беспокоиться объ этомъ, что не зачѣмъ имѣть въ этомъ отношеніи какую-нибудь готовую систему, и что достаточно полагаться на внушенія здраваго смысла, чтобы отвѣчать или не отвѣчать на эти вопросы, смотря по времени, обстоятельствамъ и по характеру ребенка. Однако, вполне возможно и, слѣдовательно, полезно установить нѣкоторые общіе принципы, облегчающіе дѣло здраваго смысла, — принципы, которые, руководя вами до опредѣленной точки вашего пути, укажутъ во многихъ случаяхъ направленіе, которому нужно слѣдовать, когда вы окажетесь предоставленными исключительно лишь собственной сообразительности и доброй волѣ. Поэтому, со временъ Руссо появилось очень много писателей-педагоговъ, давшихъ превосходныя указанія по этому вопросу. Можно указать въ особенности на женщинъ-писательницъ, изъ которыхъ очень многія съ полнымъ правомъ занимались выработкой общихъ правилъ для руководства при удовлетвореніи любопытства дѣвочекъ, главную пищу которыхъ составляетъ суетное тщеславіе, выражающееся часто въ нескромныхъ или скабрзныхъ вопросахъ. Изъ этого

богатаго собранія совѣтовъ и указаній педагогія, прежде всего, можетъ присвоить себѣ нѣкоторую часть.

VII. Начну съ указанія на то, что обыкновенно дѣтямъ предлагаютъ слишкомъ много вопросовъ и слишкомъ много отвѣчаютъ на вопросы, которые ставятъ они сами. Лучше, чтобы они поменьше спрашивали и побольше наблюдали. Есть вещи, которыя ихъ слѣдуетъ приучить замѣчать безъ посторонней помощи, какъ, напримѣръ, видимыя явленія трёхъ царствъ природы, наиболѣе выдающіеся факты человѣческой жизни, самыя непосредственныя послѣдствія обыкновенныхъ человѣческихъ поступковъ; нужно говорить съ дѣтьми объ извѣстномъ, стараться ихъ заинтересовать имъ, и это послужить для нихъ крупнымъ побужденіемъ самостоятельно искать въ будущемъ объясненія области неизвѣстнаго. Но не слѣдуетъ всегда придавать чрезмѣрнаго значенія вопросамъ дѣтей о причинѣ вещей. Какъ говоритъ г-жа де-Мирмонъ (de Miremont) по поводу вопросовъ, могущихъ затрогивать благопристойность, «вопросъ ребенка не всегда заключаетъ въ себѣ кажущийся смыслъ его; не торопитесь расширять его понятія». Трехлѣтній ребенокъ не въ состояніи ни понять, ни даже стремиться знать причины какого-нибудь важнаго факта: все, что возбуждаетъ его любопытство, это — чисто внѣшнія условія происходящихъ измѣненій, которыя онъ видитъ, можетъ постигать своими внѣшними чувствами, которыя относятся къ его личности, къ его эмоціямъ, къ его нуждамъ, къ его привязанностямъ, къ тѣмъ, кого онъ любитъ, и къ тому, что онъ хорошо знаетъ.

Есть затруднительные вопросы, къ которымъ всегда слѣдуетъ быть готовыми. Не отвѣчать на нихъ, это значитъ ставить ребенка въ необходимость обращаться съ ними къ другимъ лицамъ, у которыхъ, въ отношеніи къ дѣтямъ, не найдется, быть можетъ, вашей осторожности; обманывать дѣтей, это зна-

читъ совершать преступленіе оскорбленія невинности; всегда отвѣчать, значить — приучать дѣтей къ назойливости. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится отказывать въ объясненіи, котораго ребенокъ не могъ бы понять, слѣдуетъ ли прикрываться его невѣдѣніемъ или собственнымъ незнаніемъ, говоря: «Ты еще не можешь этого понять», или «Не знаю»? Г-жа Кампанъ (M-me Campan) предлагаетъ первое изъ этихъ средствъ, а г-жа Сово (M-lle Sauveau) — второе. Дѣйствительно, ребенокъ, мнѣ кажется, такъ глубоко убѣжденъ въ своемъ несовершенствѣ по сравненію съ родителями, что онъ можетъ выслушать первый изъ этихъ отвѣтовъ, не чувствуя въ немъ нарушенія правъ его законнаго любопытства или оскорбленія для его самолюбія. Съ другой стороны, онъ такъ увѣренъ въ нравственномъ превосходствѣ своихъ воспитателей, что не усомнится въ искренности ихъ сознанія въ своемъ безсиліи понять нѣкоторыя вещи; полезно даже, чтобы онъ заблаговременно узналъ, что не на всѣ вопросы имѣется отвѣтъ.

Есть два вида любопытства, которые слѣдуетъ избѣгать поддерживать въ дѣтяхъ всякаго возраста и которые, кромѣ того, развиваются только по нашей винѣ: это — любопытство, относящееся къ тайнѣ рожденія и къ вѣрѣ въ чудесное. И прежде всего, я заявляю, что ребенка двухъ, трехъ и даже четырехъ лѣтъ всего менѣе интересуется то, какъ онъ явился на свѣтъ. Извѣстно, какого отвѣта требуетъ Руссо на этотъ вопросъ. Г-жа Кампанъ придумала аналогичный отвѣтъ. «Нельзя, говоритъ она, долго удовлетворять дѣтское любопытство, говоря, что мальчиковъ находятъ въ огородѣ, подъ листомъ капусты, а дѣвочекъ подъ розовымъ кустомъ. Одна очень умненькая шестилѣтняя дѣвочка отвѣтила матери: «Изъ моей молитвы Ave Maria я знаю, гдѣ бываютъ дѣти до рожденія» (не снабдилъ ли ее кто-нибудь услужливыми комментаріями къ этой молитвѣ?). Я всегда съ успѣхомъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ, что рожденіе

безъ всякаго повода спрашиваютъ о самыхъ пустыхъ и самыхъ общеизвѣстныхъ вещахъ. Необходимо строгими внушеніями обуздывать въ нихъ эту манію: «Зачѣмъ ты спрашиваешь, когда знаешь, что это вздоръ?» «Къ чему ты спрашиваешь о томъ, что знаешь не хуже меня?» Правда, образованіе хорошихъ привычекъ у ребенка не достигается безъ долговременныхъ и настойчивыхъ усилій. Сколько разъ, когда вы берете его за одну руку, онъ отбивается другой! Одна бабушка каждая десять минутъ повторяла одинъ и тотъ же вопросъ, обращенный къ ребенку трехъ съ половиною лѣтъ; занятый въ глубинѣ сада возней со своими строительными матеріалами, онъ, наконецъ, приподнялся и сказалъ: «Зачѣмъ ты все спрашиваешь меня объ этомъ? Ты хорошо знаешь, что я уже сказалъ тебѣ это тамъ, возлѣ фонтана?» Этотъ недостатокъ вниманія къ бабушкѣ доказывалъ, несомнѣнно, что онъ хорошо помнилъ преподанный ему урокъ, но въ то же время доказывалъ и то, что онъ нуждался еще въ повтореніи этого урока.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Воспитаніе альтруистическихъ и соціальныхъ чувствъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Чувство симпатіи къ людямъ.

I. Привязанность, дружба — чувства чисто эгоистическія у маленькаго ребенка. — II. Нѣкоторыя дѣти склонны къ исключительнымъ привязанностямъ. — III. Нужно относиться къ ребенку такъ, какъ будто его привязанность безкорыстна, потому что любить и быть любимымъ—его потребность. — IV. Не слѣдуетъ насиловать антипатіи ребенка, но въ извѣстныхъ случаяхъ нужно незамѣтно ихъ смягчать; слѣдуетъ наблюдать за его необдуманными симпатіями. — V. Не нужно забывать, что привязанность питается не только ласками, но и проявленіями матеріальнаго характера. — VI. Не слѣдуетъ требовать отъ ребенка симпатіи и моральнаго сочувствія, которое, впрочемъ, въ зачаточномъ состояніи существуетъ въ душѣ ребенка и способно къ развитію съ самыхъ раннихъ поръ. — VII. Въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія ребенка преобладающая, но не исключительная роль принадлежитъ матери. — Мать должна подавлять излишнія проявленія и предупреждать нежелательныя уклоненія чувства привязанности. — Среда, окружающая ребенка, нуждается въ тщательномъ отборѣ. — Выборъ няни для ребенка. — Пользуясь привязанностью ребенка, можно сдѣлать съ нимъ, что угодно, — какъ хорошее, такъ и дурное.

I. Сыновняя привязанность, дружба, наконецъ — любовь, — вотъ три основныхъ формы проявленія соціальныхъ симпатій, которыя наблюдаются у ребенка и нуждаются въ регулированіи.

Привязанность, которую проявляет грудной ребенок по отношенію къ матери или къ кормилицѣ, кажется сначала, какъ и материнская любовь, результатомъ простого органическаго побужденія. Это — болѣе или менѣе сознательное развитіе инстинктивнаго эгоизма. Это чувство привязанности является у ребенка частичнымъ осуществленіемъ того стремленія, которое заставляетъ его любить, хотѣть, искать вокругъ себя источника какого-либо удовольствія; такъ, въ двухмѣсячномъ возрастѣ можно наблюдать у ребенка одну изъ аффективныхъ привычекъ пѣнищъ. То тихое радостное мурлыканье, которое издаетъ шестинедѣльный ребенокъ, когда глотаетъ молоко или когда его осыпаютъ ласками, выражаетъ очень сильную привязанность, которую рано начинаетъ питать маленькое безсловесное существо къ груди своей кормилицы или къ ея ласкамъ, — и раньше, чѣмъ къ ней лично. Вскорѣ — въ возрастѣ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ — его болѣе членораздѣльный лепетъ и движенія его рученокъ какъ будто бы указываютъ на возникновеніе у него чувства къ ней самой.

Но не слѣдуетъ заблуждаться: даже въ десять, даже въ пятнадцать мѣсяцевъ это чувство — какъ бы сильно оно ни было — прежде всего эгоистическаго характера. Онъ меньше привязывается къ кормилицѣ, чѣмъ къ человѣческому существу. Ребенокъ, какъ маленькое животное, нуждается въ томъ, чтобы съ нимъ занимались, чтобы ему доставляли удовольствія, — и онъ улыбается всякому, въ комъ чувствуетъ доброе отношеніе къ себѣ. Разумныя матери слишкомъ хорошо знаютъ это: мнѣ приходилось видѣть, какъ нѣкоторыя изъ нихъ плакали отъ ревности, видя, что ихъ дѣти ласкаются — и иногда съ перваго взгляда — къ постороннимъ, которыя имъ нравятся. Разъ я слышалъ даже отъ отца, въ присутствіи котораго зашелъ разговоръ о похищеніи ребенка, такія слова по отношенію къ его двухлѣтнему сыну: «Мнѣ очень

тяжела мысль, что нашъ ребенокъ, который такъ любить насъ, — если бы, къ несчастію, его у насъ похитили, — тосковалъ бы въ теченіе лишь какихъ-нибудь нѣсколькихъ дней, и что подъ вліяніемъ новыхъ привычекъ онъ скоро забылъ бы насъ и даже началъ бы любить своихъ похитителей такъ же, какъ теперь любить насъ!» — Это значитъ, что при всей эгоистичности чувствъ привязанности, оно — инстинктъ скорѣе социального, чѣмъ семейнаго характера.

II. Нѣкоторые дѣти обнаруживаютъ какую-то исключительную привязанность, которая, повидимому сосредоточивается на одномъ лицѣ, сознательно предпочитаемомъ другимъ, и имѣетъ оттънокъ безкорыстія. Извѣстно, какъ трудно ребенку привыкнуть къ новой кормилицѣ, — особенно, если болѣзненное состояніе располагаетъ его къ повышенной чувствительности. Я наблюдалъ это у одного девятимѣсячнаго ребенка, котораго пришлось подвергнуть такому испытанію въ виду того, что молоко его матери, страдавшей малокровіемъ, было ему вредно. Сначала онъ отталкивалъ кормилицу и отворачивался отъ груди, которую она ему предлагала. Пришлось прибѣгать къ хитрости и давать ему грудь въ полумракѣ, когда онъ засыпалъ; да и этотъ пріемъ удавался только въ первый моментъ. Если онъ угадывалъ присутствіе матери, онъ принимался кричать, бить сжатыми кулаками грудь своей кормилицы и старался вырваться отъ нея. Однако пяти или шести дней было достаточно для того, чтобы пріучить его къ новой кормилицѣ; онъ рѣшался улыбаться ей, мурлыкать подъ ея пѣсенки и смаковать, какъ знатокъ, ея прекрасное молоко. Но и тогда для того, чтобы оставаться спокойнымъ и счастливымъ, ему нужно было не видѣть своей матери; въ противномъ случаѣ — крики, толчки ногами, протянутыя руки и такія жалобныя мольбы, что мать оказывалась вынужденной брать его на руки, качать и баюкать.

III. Эта эгоистическая симпатія имѣетъ столько прелести, что нужно, въ интересахъ ребенка, заставлять себя считать ее болѣе безкорыстной, чѣмъ она есть: ребенку нужно любить и быть любимымъ. Фернанду было одиннадцать мѣсяцевъ, когда его отецъ отправился въ путешествіе, и ребенокъ съ трудомъ могъ привыкнуть его не видѣть. Когда его проносили на рукахъ мимо комнаты отца,—онъ съ грустнымъ видомъ говорилъ: «Папа! Папа!» Онъ замѣчалъ еще отсутствіе своего старшаго брата: его онъ искалъ повсюду, даже подъ кроватью. Когда отецъ вернулся, ребенокъ не могъ оторваться отъ него, хотѣлъ все время быть съ нимъ и за нимъ слѣдовать.

Дѣтскія ласки такъ наивны и искренни! Подъ сильнымъ дождемъ молодая женщина перебѣгаетъ поспѣшно улицу, переполненную экипажами и пѣшеходами, старательно прикрывая приподнятымъ краемъ платья маленькую шести-семимѣсячную дѣвочку,—а ребенокъ не видитъ и не слышитъ ничего изъ того, что его окружаетъ и что такъ занимаетъ другихъ: его вниманіе поглощено увлекательнымъ занятіемъ, вызывающимъ у него смѣхъ и радостный лепетъ,—она теребитъ своими ручонками лицо своей матери, на рукѣ которой лежитъ.

IV. Слѣдуетъ ли воспитывать въ ребенкѣ эту склонность любить своихъ родителей и окружающихъ? Конечно, потому что всякая наклонность, цѣлесообразно направленная съ самаго начала, даетъ болѣе полезные результаты для благополучія ребенка, для равномѣрнаго воспитанія его способностей или его нравственнаго развитія.

Въ возрастѣ семи-восьми мѣсяцевъ ребенокъ часто проявляетъ также по отношенію къ разнымъ лицамъ съ перваго же взгляда расположеніе или отвращеніе, которыя, повидимому, имѣютъ инстинктивное происхожденіе. Но этотъ инстинктъ, какъ и всѣ другіе, можетъ ошибаться: если, по выраженію лица, по жестахъ, голосу людей, окру-

жающихъ его заботами, ребенокъ понимаетъ, что они его любятъ, — онъ можетъ ошибаться относительно характера и намѣреній тѣхъ, кому случайно пришлось съ нимъ повозиться, и кто можетъ нисколько его не любить и не желать ему добра. Точно такъ же дурное впечатлѣнiе отъ лица, звука голоса, манеръ человѣка, котораго ребенокъ видитъ въ первый разъ, можетъ страннымъ образомъ ввести его въ заблужденiе; вѣдь лучшiе и самые полезныя друзья не принадлежать къ тѣмъ людямъ, въ которыхъ болѣе всего интересна ихъ наружность.

Было бы поэтому неблагоразумно присоединяться къ создавшимся у ребенка предубѣжденiямъ, представлять его всецѣло на волю его слѣпой довѣрчивости, или же, — слѣдуя совѣту, который Лафатеръ даетъ взрослымъ въ отношенiи ихъ самихъ, — отдалять его отъ людей, къ которымъ онъ испытываетъ извѣстное нерасположенiе. «Въ концѣ-концовъ, — говоритъ Фенелонъ, — не слѣдуетъ упорно вѣдрять въ ребенка симпатiю къ такимъ добродѣтельнымъ людямъ, наружность которыхъ ему непрiятна». Несомнѣнно; но дѣло идетъ просто о честныхъ людяхъ и нужно стараться, чтобы дѣти ихъ полюбили вопреки ихъ внѣшности, особенно, если они добры и сердечны. Въ этомъ случаѣ дѣло будетъ совсѣмъ легко, потому что на ребенка доброта дѣйствуетъ такъ же скоро, какъ и привлекательность. Всего труднѣе заставить его полюбить скучныя добродѣтели, которыя были бы гораздо совершеннѣе, если бы постарались сдѣлаться привлекательнѣе; по крайней мѣрѣ, можно во многихъ случаяхъ поощрить зрѣнiе ребенка.

Симпатiя, какъ чувство расположенiя, подобно другимъ чувствамъ, развивается путемъ упражненiя. По отношенiю къ нѣкоторымъ холоднымъ или скрытнымъ характерамъ придется приложить больше старанiй, чѣмъ къ натурамъ живымъ и болѣе мягкимъ: у послѣднихъ все дѣлается какъ бы самъ собою ихъ душевный складъ; достаточно контролировать симпатiю

ребенка, умѣрять слишкомъ сильные его восторги или поддерживать ихъ выраженіе въ предѣлахъ, не доходящихъ до приторной сентиментальности. Дѣти, менѣе одаренные требуютъ болѣе серьезныхъ заботъ: нужно, чтобы они привыкали находить удовольствіе въ общеніи съ людьми, которые не нравились имъ или съ самаго начала, или послѣ неоднократныхъ встрѣчъ; правда, не требуется ни слишкомъ много времени, ни слишкомъ много усилій, чтобы достигнуть цѣли: все повторяющееся въ концѣ-концовъ нравится. Развѣ мы не замѣчаемъ, что и у взрослыхъ постоянно на смѣну сильнѣйшей ненависти выступаетъ самая прочная привязанность? Существуетъ, впрочемъ, вѣрное средство привлекать симпатіи и животныхъ, и дѣтей, и даже взрослыхъ: оно состоитъ въ выраженіи своихъ чувствъ не только посредствомъ ласкъ, но и посредствомъ болѣе матеріальныхъ проявленій вниманія. Во всякомъ возрастѣ, — кто этого не знаетъ? — небольшіе подарки поддерживаютъ дружбу, — и горе той привязанности, которая не выражается въ доставленіи удовольствія другимъ!

Безъ сомнѣнія, ребенокъ не продаетъ своей привязанности, но онъ даетъ ее въ обмѣнъ на поступки, льстящіе его чувствамъ: за то, что ему даютъ соску, конфету, показываютъ птицу, тряпку, картинку, поютъ пѣсенку, шутятъ, катаютъ его верхомъ на колѣнѣ, наконецъ, за всякаго рода соединеніе пріятнаго съ полезнымъ. Не будемъ никогда забывать, что симпатія есть только внѣшнее проявленіе эгоизма.

V. Слѣдуетъ также требовать отъ ребенка только такого рода симпатіи, на которую онъ способенъ: она не идетъ очень далеко у этого поверхностнаго существа и совершенно не достигаетъ степени моральной симпатіи. Удовольствіе или страданіе, испытываемыя людьми и животными, для того, чтобы произвести свое дѣйствіе, должны быть выражены вполне яснымъ и привычнымъ для ребенка образомъ.

Не слѣдуетъ требовать отъ ребенка, чтобы онъ понималъ или раздѣлялъ чувства, не свойственныя его возрасту, какъ, напримѣръ, радость по поводу пріятнаго извѣстія или успѣха въ дѣлахъ, огорченіе изъ-за неуспѣха, опасеніе или горе отъ потери дорогаго существа.

VI. Симпатія, какъ сочувствіе страданію, состраданіе или жалость,—достигаетъ ли она, какъ, повидимому, полагаетъ Дарвинъ, степени нравственной жалости? Я не думаю этого. Если сынъ его Додди плачетъ, видя его притворныя слезы, или огорчается отъ его печальнаго выраженія или отъ отказа въ поцѣлуѣ съ его стороны,—на ребенка, по моему мнѣнію, главнымъ образомъ дѣйствуетъ только внѣшняя сторона страданія. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ уже есть зачатки истинной жалости: повтореніе такихъ пріемовъ—впрочемъ, лучше искреннихъ, чѣмъ симулированныхъ—не замедлитъ, до нѣкоторой степени, выработать моральное сочувствіе. Слѣдуетъ сказать, что и здѣсь нужно избѣгать крайностей, щадить чувствительность ребенка и строго сообразоваться со слѣдующимъ педагогическимъ правиломъ: возбуждать слабыя способности, щадить остальные.

Какъ бы тамъ ни было, чувство симпатіи всегда очень слабо у ребенка, — и по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, жизнь его, состоящая вся во внѣшнихъ проявленіяхъ, его потребность въ свѣжихъ, разнообразныхъ и возбуждающихъ впечатлѣніяхъ, не позволяютъ ему удерживать своего вниманія на другихъ людяхъ. Его безсознательный и сильный эгоизмъ всегда внезапно отвлекаетъ его отъ эмоций, имѣющихъ своимъ объектомъ исключительно другихъ. Кромѣ того, недостатокъ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній, аналогичныхъ ощущеніямъ взрослого, которыя могли бы запечатлѣться въ памяти ребенка, дѣлаютъ его неспособнымъ различать въ нашихъ эмоціяхъ что-либо, кромѣ простыхъ и чисто внѣшнихъ ихъ признаковъ. Такъ, одинъ ребенокъ, на вопросъ: «Что

значить 'быть въ хорошемъ расположеніи духа?'—отвѣчаетъ: «Это значить смѣяться, разговаривать, цѣловаться» ¹⁾).

VII. Въ первоначальномъ воспитаніи ребенка преобладающая роль принадлежитъ женщинѣ. Но и роль отца, даже пока ребенокъ находится въ колыбели, не должна быть безличной. Отцовство и материнство развиваютъ въ каждомъ изъ родителей лучшія черты, которыя должны взаимно поддерживать и контролировать другъ друга. Твердое и умѣряющее вліяніе разсудка одного изъ нихъ такъ же необходимо, какъ и терпѣливая, и вдохновляющая нѣжность другого. Мало существуетъ матерей, — позволимъ себѣ сказать, — которыя бы умѣли выполнить свою миссію совершенно самостоятельно. Удивительныя въ своемъ умѣніи угадывать самыя неясныя побужденія маленькаго существа, говорить съ нимъ понятнымъ для него языкомъ, онѣ не всегда бываютъ въ силахъ ограничить область непосредственнаго чувства ни у самихъ себя, ни у ребенка. Онѣ не умѣютъ умѣрять свои ласки и душевныя проявленія, не умѣютъ всегда во-время обнаруживать ихъ. Онѣ болѣе способны забавлять и утѣшать ребенка, нежели научить его терпѣнію и мужеству. Онѣ думаютъ только о спокойствіи въ настоящемъ и недостаточно заботятся объ обезпеченіи въ будущемъ этого спокойствія, цѣликомъ зависящаго отъ послушанія ребенка и его относительнаго нравственнаго чувства. Излишней фамилльярности нужно бояться меньше, — особенно въ раннемъ возрастѣ, — чѣмъ несдержанности и непослѣдовательности въ проявленіяхъ нѣжности. Ребенокъ долженъ чувствовать рядомъ съ собою силу, которая господствуетъ надъ нимъ, и, въ то же время, доброту, охраняющую его: нѣжность должна окружать, но не подавлять его.

¹⁾ Цитировано Бэномъ по Дарвину въ „*Les émotions et la volonté*“, стр. 124.

Не ограничивая правъ семьи и друзей, отецъ и мать должны самымъ эгоистическимъ образомъ оставить за собою первое мѣсто въ дружественныхъ привязанностяхъ своихъ дѣтей. Говорятъ, что нравственное воспитаніе исходитъ отъ матери, а умственное—отъ отца: этимъ двумъ воспитательнымъ силамъ содѣйствуетъ вся окружающая ребенка среда. Она должна подлежать тщательному отбору и контролю. Нужно, чтобы отецъ и мать умѣли держать ребенка подъ своимъ вліяніемъ; нужно, чтобы они выпускали его въ жизнь не иначе, чѣмъ хорошо вооруженнымъ противъ ея жестокостей и ловушекъ. Это слабое и впечатлительное существо не должно быть предоставлено любому вліянію, не должно приноситься въ жертву безразсудству и внушеніямъ перваго встрѣчнаго.

Почти все существенное по этому трудному вопросу было высказано Локкомъ. Но можно сдѣлать еще нѣкоторыя полезныя замѣчанія. Скажемъ лишь кое-что о такомъ всегда трудномъ дѣлѣ, какъ выборъ для ребенка няни. Прежде всего нужно, чтобы она была такъ же предана заботамъ о здоровьи, благополучіи и нравственности своего питомца, какъ и вы сами. Нужно, чтобы она была молода, потому что молодость привлекаетъ и легко удерживаетъ любовь дѣтей. Она должна быть весела; веселый, мягкій, привѣтливый нравъ, искренній, не слишкомъ неустойчивый смѣхъ, скорѣе открытое, чѣмъ красивое лицо,—вотъ важнѣйшія въ этой профессіи качества. Нужно, чтобы она была терпѣлива, кротка, я сказалъ бы даже,—самоотверженна, какъ мать, и неутомимо заботлива,—нужно, чтобы она умѣла понимать въ крикѣ ребенка выраженіе всѣхъ нуждъ и страданій и угадывать даже тончайшіе оттѣнки его желаній. Къ этимъ главнымъ качествамъ—веселости, кротости, чуткости—прибавимъ двѣ еще болѣе рѣдкихъ добродѣтели: опрятность, составляющую добрую половину въ условіяхъ существованія ребенка, и чувство по-

рядка, благодаря которому дѣло становится безконечно легче, слѣдовательно—пріятнѣе, и который пріучаетъ ребенка на все смотрѣть съ интересомъ. Сколько профессиональныхъ добродѣтелей, рѣдко соединяющихся въ лицѣ помощницы, не состоящей членомъ семьи, старанье которой не всегда даже пропорціонально ея заработку! Драгоценное сокровище, которое не отдали бы ни за что въ мірѣ, очень часто предоставляютъ на волю человѣка, которому не рѣшаются довѣрить ключи отъ шкафа!

Чувство привязанности у ребенка, склоннаго всему подражать, ведетъ къ хорошимъ или дурнымъ—съ точки зрѣнія нравственныхъ привычекъ—послѣдствіямъ, значеніе которыхъ не поддается исчисленію. Фенелонъ настолько блестяще развилъ эту мысль, что послѣ него не приходится дѣлать попытокъ ее пересказывать. «Дружба можетъ довести ребенка до всего, чего угодно: при умѣнны пользоваться ею, она представляетъ вѣрное средство привлеченія ребенка къ добру: остается опасаться только ея чрезмерности или дурного выбора привязанностей». Дѣйствительно, подчиненіе и подражаніе обусловливаются не столько слабостью, сколько общественными чувствами ребенка: онъ легче и лучше подражаетъ и повинуется подъ вліяніемъ убѣжденія, чѣмъ изъ чувства страха.

Одного ребенка двухъ съ половиною лѣтъ мать всегда сама укладывала спать и никогда не отказывала ему въ поцѣлуѣ, за исключеніемъ особенно важныхъ случаевъ. Часто, когда онъ уже въ постели, а мать ищетъ что-нибудь въ его комнатѣ передѣлать, какъ уйти, онъ боится, какъ бы она не забыла его поцѣловать. «Мама,—говоритъ онъ,—пожалуйста,—я тебя не поцѣловалъ на прощаніе и не могу заснуть».

Руссо высказалъ правильную, но по формѣ увеличенную мысль, что единственная привычка, которую нужно развивать въ ребенкѣ, это—не имѣть

никакихъ привычекъ. Но привычка, о которой говорю я, развѣ она похожа на тѣ, которыя порицалъ авторъ «Эмиля»? Факты такъ же часто приводили его къ ошибкамъ, какъ и къ правильнымъ мыслямъ. Пользуясь тѣмъ, что трехлѣтній ребенокъ заснулъ на колѣняхъ тетки, мать уходитъ въ сосѣдную комнату. Ребенокъ просыпается, изумленъ, что не видитъ матери, и, узнавъ, что она въ сосѣдней комнатѣ, идетъ за ней, жалуясь, что она оставила его одного. Не умѣя открыть двери, онъ стучитъ въ нее ногами и, такъ какъ мать не идетъ, онъ сердится, плачетъ, почти реветъ. Мать, наконецъ, выходитъ и говоритъ: «А, такъ ты мнѣ теперь приказываешь? — Гадкая. — Это ты мнѣ такъ говоришь? — Да, да... — Ну, такъ ты скверный мальчишка и я не стану тебя любить. — Тогда и я не стану больше любить Шарлѣ (его старшій братъ, къ которому онъ былъ очень привязанъ). — Сегодня вечеромъ я тебя не поцѣлую. — О, да, я всегда буду любить Шарлѣ... и больше не буду говорить, что не стану любить Шарлѣ. — И ты не будешь кричать, если я уйду на минуту? — Я тебѣ обещаю это. — Такъ иди же, поцѣлуй меня». — Поистинѣ, Руссо не сталъ бы подвергать критикѣ такую привычку.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О чувствѣ симпатіи по отношенію къ животнымъ.

I. Не нужно пытаться заставить ребенка понимать страданія, присутствіе которыхъ у существъ, сильно отъ него отличающихся, онъ не можетъ себѣ представить. — II. Но, пользуясь вліяніемъ примѣра и разсужденій, приспособленныхъ къ его пониманію, слѣдуетъ возбуждать и поддерживать въ немъ симпатію къ животнымъ. — III. Можно обращаться къ сознанию пятилѣтняго ребенка, чтобы заинтересовать его радостями и страданіями животныхъ. — IV. Съ врожденной жестокостью можно бороться выговорами и, по мѣрѣ необходимости, — наказаніями.

I. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я присутствовалъ при ужасной драмѣ, разыгравшейся на выставкѣ въ одномъ изъ отдѣленій аквариума. Крабъ охотился за устрицами и ракушками: своими изогнутыми клешнями онъ залѣзалъ внутрь пріоткрытыхъ раковинъ, старался побѣдить ихъ сопротивленіе, кололъ, впиался, сотрясалъ, давилъ; потомъ, схвативъ клешнями за края, онъ изо всѣхъ своихъ силъ кусалъ шовъ между створками раковинъ, которыя все болѣе разжимались при каждомъ ударѣ его челюстей; наконецъ, его клешни свободно проникли внутрь моллюска и по кускамъ вытаскивали мясо, которое тотчасъ же и пожиралось. Я дрожалъ отъ негодованія при видѣ этого неравнаго поединка, который дѣлаетъ сильнѣйшаго убійцей въ великой борьбѣ за существованіе. Дѣятельная симпатія сама имѣетъ такъ много сходства съ воинственностью, что я вынужденъ былъ сдерживать себя, чтобы не высказать во всеуслышаніе моего негодованія множеству зрителей, которые смотрѣли на все это со смѣхомъ и шутками. Трое дѣтей на рукахъ своихъ нянекъ, одинъ—десяти-мѣсячный, двое — приблизительно двухъ лѣтъ, повидимому, смотрѣли въ резервуаръ аквариума; но то, что происходило между крабомъ и его жертвами, усколь-

зало отъ ихъ вниманія: для нихъ это былъ только черный комокъ, двигающій длинными лапами. Устрица и крабъ были имъ достаточно хорошо знакомы, чтобы они не могли предположить въ этихъ конвульсивно двигающихся раковинахъ страданій, похожихъ на ихъ страданія. Зато они сильно заинтересовались цыплятами и утятами, которые кричали въ находящихся по сосѣдству инкубаторахъ. Одинъ изъ нихъ вскринулъ: — «Посмотри, какъ они ѣдятъ! И все бѣгаютъ! Они дерутся клювами, — совсѣмъ, какъ куры у тети въ Melun!»

Такъ какъ чувство симпатіи есть чувство эгоистическое, не нужно пытаться сдѣлать для маленькаго ребенка понятнымъ такое зло, которому его воображеніе не можетъ создать эквивалента въ субъективныхъ переживаніяхъ. Въ особенности нужно стараться не дать ему ложнаго представленія о животныхъ, которыхъ онъ не знаетъ, которыя могутъ казаться ему странными или отталкивать его своимъ безобразіемъ. Въ этомъ отношеніи материнское воспитаніе грѣшитъ тѣми же недостатками, что и воспитаніе кормилицъ. Онѣ непременно заставляютъ ребенка восхищаться красивыми животными, расточать слова жалости по отношенію къ этимъ граціознымъ созданіямъ; и, наоборотъ, у нихъ находятся только слова отвращенія, только испуганные жесты при видѣ пауковъ, жабъ, сѣрыхъ ящерицъ и т. п. Несомнѣнно, ребенокъ еще не доросъ до пониманія, что пауки не грязнѣе бабочекъ и что они страшны только мухамъ, что жабы, столь же безобидныя, какъ красивыя древесныя лягушки, являются цѣнными помощниками въ сельскомъ хозяйствѣ. Можно, безъ признаковъ отвращенія или страха, убивать пауковъ, если ихъ паутина доставляетъ неудобства; но въ саду ихъ нужно уважать и показывать ребенку, какъ они ткуть свои сѣти, какъ легко спускаются и бѣгаютъ по нимъ. Надъ жабой можно смѣяться, указывая ребенку на ея странныя позы, на ея неуклюжую и тяжелую походку и при-

бавить, что хотя она и не красива, но тѣмъ не менѣе— не зла.

II. Нужно собственнымъ примѣромъ и при случаѣ небольшими бесѣдами, приспособленными къ пониманію маленькихъ дѣтей, вызывать и поддерживать у нихъ благожелательную симпатію по отношенію къ животнымъ. «Ласкать на ихъ глазахъ собаку или кошку, — говорить г-жа Неккеръ-де-Соссюръ, — значитъ, развивать эту симпатію, такъ легко питаемую къ животнымъ самыми маленькими дѣтьми» ¹⁾. Главное—дѣлать это осторожно и искренно, избѣгая преувеличенности въ движеніяхъ и выраженіяхъ чувствъ. Впрочемъ, ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ опасаться крайностей, до которыхъ можетъ дойти ребенокъ въ своихъ товарищескихъ чувствахъ къ кроткому и хорошо дрессированному животному: въ этихъ случаяхъ преувеличенность чувствъ не очень опасна, потому что всегда поведеніе, которымъ животное отвѣчаетъ на такую фамиллярность, удерживаетъ ребенка въ должныхъ границахъ, а умственное развитіе мало-по-малу исключаетъ возможность того, что раньше объяснялось наивностью и своенравіемъ.

Если дѣло касается ребенка пяти или шести лѣтъ, то не представляется невозможнымъ вліять на его умъ путемъ живого воздѣйствія на чувствительность. Безъ сомнѣнія, въ этомъ возрастѣ жалость можетъ проявляться только по отношенію къ совершенно ручнымъ животнымъ. Но бываетъ и такого рода «чувствительность», которая дѣлаетъ ребенка способнымъ заинтересоваться нравами животныхъ, выведеніемъ птицъ, даже прорастаніемъ и цвѣтеніемъ растений. Безъ особеннаго труда можно унизить въ глазахъ дѣтей глупое удовольствіе разрушать гнѣзда, заинтересовывая дѣтское вниманіе ихъ устройствомъ и, на-

¹⁾ Necker de Saussure. L'éducation progressive, т. I, книга II, стр. 105.

оборотъ, приучая дѣтей заботиться о ихъ сохранности, оберегать ихъ отъ угрожающихъ опасностей» 1).

III. Возможно даже, въ раннемъ возрастѣ, научить ребенка «понимать и любить природу. Воспитатель располагаетъ для этого многими средствами: хорошо поставленное изученіе естественныхъ наукъ; удачный выборъ чтенія поэтическихъ произведеній, прогулки въ деревню, увлекательные и интересные рассказы явятся для него случаями заставить ребенка понять и почувствовать, что мы не занимаемъ въ природѣ изолированнаго положенія, что тѣсная связь соединяетъ насъ со всѣмъ существующимъ, что глубокая аналогія объединяетъ насъ со всѣмъ живымъ» 2).

Жестокость и симпатія передаются по наслѣдству и обѣ равнымъ образомъ поддаются вліянію воспитанія. Локкъ преувеличивалъ врожденное доброжелательство и приписывалъ исключительно воспитанію «порочную склонность дѣтей къ жестокости». Но онъ очень хорошо понималъ, какимъ сильнымъ противоявіемъ жестокости можетъ быть воспитаніе даже у самыхъ дурныхъ отъ природы дѣтей. «Я не могу, — говоритъ онъ, — удержаться, чтобы не похвалить здѣсь благоразуміе и доброту одной знакомой мнѣ дамы. Она привыкла удовлетворять всѣ маленькія прихоти своихъ дочерей и давать имъ для забавы собакъ, бѣлокъ, птицъ и другихъ мелкихъ животныхъ. Но когда дѣвочки уже обладали ими, она заставляла ихъ заботиться о животныхъ, стараться, чтобы у нихъ все было и чтобы съ ними хорошо обращались; и если онѣ небрежно относились къ такимъ заботамъ, это ставилось имъ въ большую вину. Очень часто у нихъ отнимали животныхъ или, по крайней мѣрѣ, выговаривали имъ за небрежность. Благодаря этому, дѣвочки рано научились быть добрыми. И, что касается меня, то я считаю необходимымъ, чтобы люди съ колыбели

1) Marion. Leçons de morale, стр. 209.

2) Marion. Leçons de morale, стр. 209.

привыкали любить всякое существо, одаренное чувствами, и не портить, и не уничтожать чего бы то ни было» ¹⁾).

Эти соображенія полны практическаго смысла въ томъ, что касается дѣтей постарше; но приемы эти приложимы не въ меньшей степени и ко всякому маленькому ребенку. Если не слѣдуетъ довѣрять ему заботу о маленькихъ животныхъ, то, тѣмъ не менѣе, чтобы помѣшать ему причинять имъ зло, можно найти лучшіе способы, чѣмъ бранить и, особенно, удалять отъ нихъ животныхъ. Полезно предоставлять ему иногда случай получить строгій выговоръ за свою злость. Хорошо также осторожно дать ему испытать очень благотворный урокъ, который ему дастъ какое-нибудь животное, способное оказать отпоръ за тѣ страданія, которыя онъ ему причинить. «Когда намъ приходится съ кѣмъ-нибудь разговаривать, — говорить по этому поводу Бэнъ, — мы очень скоро научаемся подавлять нашу склонность къ гнѣву и злости» ²⁾).

IV. Особенно будемъ остерегаться внушать ребенку, столь богатому фантазіей въ изобрѣтеніи игръ, идею жестокой игры съ игрушками, имѣющими формы животныхъ; не станемъ сами снабжать его орудіями мучительства, — кнутами, чтобы стегать ихъ, бранными выраженіями, не будемъ давать ему примѣровъ дурного обращенія съ ними. Всего лучше проявлять передъ нимъ симпатію ко всѣмъ обладающимъ чувствами существамъ, на его глазахъ ласкать домашнихъ животныхъ; ласкать его самого за добро, которое онъ попытается имъ сдѣлать; кормить животныхъ, чтобы побудить его къ подражанію, указывать ему на то удовольствіе, съ которымъ они удовлетворяютъ свой аппетитъ, которое они испытываютъ, когда ихъ зовутъ по имени, или когда они играютъ другъ съ другомъ или съ людьми, — однимъ словомъ, заставлять его,

¹⁾Locke. Quelques pensées sur l'éducation, изд. Компейре, стр. 186.

²⁾ A. Bain. La science de l'éducation, стр. 55.

путемъ повторенія этихъ пріемовъ, путемъ поощренія, одобреній, стать мысленно въ положеніе всякаго живого и чувствующаго существа, — животныхъ такъ же, какъ и людей.

Мы не должны удовлетвориться тѣмъ, что, благодаря нашимъ примѣрамъ и урокамъ, ребенокъ научится обращаться съ животными, какъ съ своего рода слабою личностью, нуждающеюся въ защитѣ и способною къ привязанности и признательности. Нужно только иногда поражать его воображеніе проявленіями власти. Живая симпатія, которую ребенокъ испытываетъ къ животнымъ, выражающимъ свою боль такими ощутительными признаками, не мѣшаетъ ему мучить ихъ, какъ бы слабы и угодливы они ни были. Нѣкоторые дѣти бываютъ невинно жестоки, особенно, когда чувствуютъ потребность сорвать свой гнѣвъ на первомъ встрѣчномъ. Наши выговоры или, въ случаѣ нужды, наказанія, должны противодѣйствовать подобной склонности, удовлетвореніе которой вскорѣ смогло бы обратиться во вредъ людямъ. Нужно предупредить ребенка, что онъ не долженъ бить животное въ отместку за то, что оно его укусило, или повалило, или отняло у него пищу, или испортило игрушку; оцѣнивать проступки и наказывать за нихъ животное, — это наше дѣло; ребенокъ въ этомъ случаѣ не можетъ быть ни хорошимъ судьей, ни хорошимъ исполнителемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дѣятельная благожелательность, или благотворительность.

I. Благожелательность порождаетъ благотворительность, самое существенное выраженіе которой у ребенка состоитъ въ подаркахъ, уступкахъ и услугахъ другимъ. — II. Дѣти болѣе охотно даютъ матерямъ, потому что привыкли больше получать отъ нихъ. — III. Слѣдуетъ умѣрять нашу щедрость, вытекающую изъ любви къ дѣтямъ, чтобы они не стали считать ея обязательной по отношенію къ себѣ. — IV. Удовольствіе отъ полученія ожидаемой вещи ведетъ къ пониманію такого удовольствія у другихъ. — V. Щедрые и скупые характеры. — О благожелательности, имѣющей цѣлью доставленіе удовольствія другимъ, соединенное съ болѣе или менѣе труднымъ усиліемъ; нужно предоставлять ребенку случаи оказывать намъ услуги. — VI. Самолюбіе и симпатія къ людямъ должны дѣйствовать заодно. — VII. Можно давать очень плохіе уроки благотворительности. Примѣръ хорошо преподавшаго урока.

I. Чувство симпатіи пробуждаетъ въ насъ сочувствіе страданіямъ и бѣдамъ нашихъ ближнихъ и животныхъ; къ этой, по преимуществу соціальной, способности примѣшивается потребность доставленія удовольствія другимъ или избавленія ихъ отъ страданій, — благожелательность, — которая переходитъ въ благотворительность, если выражается въ жестахъ, словахъ, поступкахъ, въ проявленіяхъ сочувствія, въ оказаніи услугъ, въ дарахъ или пожертвованіяхъ.

Благожелательность, выражающаяся въ дарахъ и пожертвованіяхъ, имѣетъ наибольшее значеніе. Удовольствіе давать и оказывать услуги — чувство, болѣе сложное, чѣмъ удовольствіе получать и пользоваться помощью другихъ. Она проистекаетъ одновременно и изъ заразного выраженія радости, которое благодѣтель читаетъ на лицѣ благодѣтельствованнаго имъ, и изъ сознанія, что онъ является причиной этой радости, а иногда и изъ неяснаго представленія, что

за услугу ему будетъ отплачено услугой. Когда услуга имѣетъ своимъ объектомъ слабое существо, она доставляетъ также пріятное чувство, вытекающее изъ состраданія. Это послѣднее чувство можно наблюдать и въ благотворительности, оказываемой ребенкомъ; давая что-нибудь, онъ думаетъ, что оказалъ очень большую услугу, и считаетъ, что лишеніе той вещи, которую онъ далъ, было бы большимъ несчастіемъ для существа, обязаннаго ему. Онъ судить о другихъ по себѣ.

II. Большинство маленькихъ дѣтей очень охотно даетъ своей матери лакомства или какія-нибудь вещи, имъ еще не надобвшія, и менѣе охотно — отцу и братьямъ. Мать является какъ бы частью ихъ самихъ, получая одной рукой, чтобы отдать другой: дать ей, это — до нѣкоторой степени какъ бы отдать въ ростъ.

III. Если совсѣмъ маленькія дѣти болѣе охотно даютъ лицамъ, которымъ отдаютъ предпочтеніе, и въ частности своимъ матерямъ, то это главнымъ образомъ потому, что эти лица сами обнаруживаютъ привычку всегда съ большимъ удовольствіемъ давать имъ, въ свою очередь. Полезно умѣрять эту щедрость, вытекающую изъ любви, даже по отношенію къ трехлѣтнимъ дѣтямъ. Довольно часто, можно, не отрываясь отъ своихъ занятій, заставить ребенка подождать немного, сказавъ, что нужно ждать, пока будетъ время исполнить его желаніе, и обративъ его вниманіе, что онъ могъ бы совсѣмъ не получить ничего, если бы онъ не былъ умницей, не попросилъ, какъ слѣдуетъ, и слишкомъ настаивалъ; можно даже отказать ему, безъ видимой причины съ его стороны, въ удовлетвореніи его вполне законнаго желанія, чтобы увеличить въ его глазахъ цѣну оказаннаго одолженія. Зато, когда понадобится исполнить желаніе или удовлетворить потребность другого, его личный опытъ, опытъ эгоистическаго характера, внушить ему пониманіе душевнаго состоянія этого другого лица и желаніе сдѣлать для него то, что ему самому доставило бы большое удовольствіе.

Двадцатидвухмѣсячный ребенокъ, больной, избалованный, своенравный, находился въ вагонѣ, рядомъ со мной. Мать дала ему кусочекъ цыпленка; ему не понравилась кожа, онъ содралъ ее и далъ матери, говоря: «На, ѣшь кожу». Нѣсколько времени спустя онъ ѣлъ виноградъ и далъ матери нѣсколько ягодъ, которыхъ ему самому не захотѣлось. Это ли не признаки дурного воспитанія?

Вотъ нѣсколько иной примѣръ. Трехлѣтній ребенокъ, которому дали баночку варенья, зная, что банку полощутъ, прежде чѣмъ ее вернуть, побѣждалъ къ ручью, вымылъ банку въ текучей водѣ, быстро вытеръ ее и затѣмъ отправился къ матери: «Я думаю, сказали онъ, что эти барышни будутъ рады; онъ дадутъ мнѣ другую, — да?» Вотъ правильное поведеніе, цѣлесообразное, я почти сказалъ бы — нравственное, очевидно внушенное соображеніями выгоды, но въ то же время вытекающее и изъ привычки наблюдать поступки, которые должны быть пріятны другимъ.

IV. Но разница характеровъ рано обнаруживается, главнымъ образомъ, въ дѣлѣ взаимныхъ уступокъ между братьями. Два ребенка воспитывались, насколько возможно, въ одинаковомъ направленіи, хотя няни у нихъ были разныя. Старшій, очень добрый, но безъ особенной экспансивности, всегда дѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы подумать о другихъ, когда ему давали какое-нибудь лакомство или игрушку: ему рѣдко случалось тотчасъ же вспомнить объ этомъ. Младшій, уже въ возрастѣ одного съ четвертью года, обнаруживалъ благодарность при малѣйшемъ вниманіи со стороны брата, и желанія послѣдняго всегда были и его желаніями. — «Хочешь сдѣлать это? — Да, да, очень хочу». Онъ часто говорилъ матери: — «Правда, какой Лоло добрый? О, я его очень люблю!» Если у него было что-нибудь вкусное, онъ говорилъ всегда: «О, мама, какъ это вкусно! Мнѣ хочется, чтобы ты попробовала». Если ему даютъ что-нибудь, онъ не любитъ, чтобы давали ему одному: «А для Лоло (мама,

или папа, или дѣдушка, или бабушка)?» У одного добрыя дѣла совершаются по разсудку, по обязанности или, по крайней мѣрѣ, подъ вліяніемъ нравственнаго воспитанія и примѣра; у другого они инстинктивны, лишены всякой обдуманности, и, въ этомъ случаѣ, было бы полезно регулировать и сдерживать ихъ воспитаніемъ, когда придетъ время, т. е. когда разсудокъ ребенка болѣе разовьется, и онъ станетъ способенъ къ нѣкоторой осмотрительности. Эта способность къ добрымъ дѣламъ составляетъ природный даръ, который можетъ исковеркаться, можетъ и приумножиться, смотря по употребленію, которое будетъ изъ него сдѣлано.

Такія же различія встрѣчаются и среди домашнихъ животныхъ. Одни не любятъ, чтобы другія животныя ѣли изъ одной посуды съ ними, другія охотно допускаютъ это. Бываютъ обжоры, отнимающіе у другихъ ѣду, отъ которой сами же отказались; бываютъ злобивыя животныя, дающія вырывать у себя кусокъ изо рта. Въ то время какъ я перечитываю эти строки, рядомъ со мною находится собака, быть можетъ, плохо дрессированная, но отъ природы мало склонная къ тому, что у людей называется благожелательностью. Она держитъ себя настоящимъ собственникомъ по отношенію ко всему, что имѣетъ для нея какую-нибудь цѣну. Она обожаетъ свой коврикъ у камина и не любитъ, когда его выколачиваютъ. Она не любитъ также, когда дѣлаютъ видъ, что бьютъ ея хозяйку, потому что она принадлежитъ ей болѣе, чѣмъ другіе. Она неохотно уступаетъ свою конуру всякаго рода собакамъ. Что касается ѣды и питья, то она уступаетъ имъ только воду. Дѣти очень часто походятъ на плохо воспитанныхъ, а иногда — въ исключительныхъ случаяхъ, надѣюсь, — и на неподдающихся воспитанію маленькихъ животныхъ.

V. Есть выраженіе благожелательности иного рода, состоящее не въ томъ, чтобы дѣлиться собственными удовольствіями съ другимъ, а имѣющее цѣлью до-

ставить удовольствіе другому, даже съ нѣкоторымъ ущербомъ для себя. Таково—оказаніе истинной услуги, состоящее, напримѣръ, въ томъ, чтобы пойти за чѣмъ-нибудь или принести какой-нибудь предметъ въ комнату, исполнить порученіе лица, находящагося далеко, помочь кому-нибудь въ нѣсколько трудной или скучной работѣ. Въ этихъ случаяхъ простая услужливость осложняется преданностью; это уже жертва, отнимающая время и требующая нѣкоторыхъ усилій. Дѣтямъ, даже наиболѣе склоннымъ поступаться собою для другихъ, часто бываетъ тяжело рѣшиться на это, оставить общество взрослыхъ или увлекающія ихъ игры для того, чтобы сдѣлать какую-нибудь неприятную работу или пойти исполнить какое-нибудь порученіе, — трудность которыхъ дѣтское воображеніе преувеличиваетъ въ данную минуту. Ребенокъ, мало великодушный отъ природы, но обладающій уже привычкой къ послушанію и нарождающимся чувствомъ долга, а также имѣющій больше опытности въ употребленіи своихъ силъ и въ оцѣнкѣ ихъ примѣненія, обнаруживаетъ при такихъ обстоятельствахъ гораздо меньше упрямства, чѣмъ щедрый, но маленькій и неопытный ребенокъ. Мы должны требовать отъ каждаго ребенка только дѣлъ, не превышающихъ силы его доброй воли, которой онъ можетъ свободно располагать. Но нужно довольно часто создавать для всѣхъ дѣтей случаи, въ которыхъ имъ приходилось бы отказываться отъ пріятныхъ занятій ради полезнаго нарушенія ихъ привычекъ. Когда дѣло сдѣлано, можно поблагодарить его, со знаками удовольствія, которые могутъ быть тѣмъ живѣе, чѣмъ охотнѣе и поспѣшнѣе ребенокъ выполнитъ свою задачу. Увѣренность въ томъ, что онъ доставилъ намъ удовольствіе, стоитъ для него сотенъ похвалъ его ловкости и силъ.

VI. Самолюбіе и чувство симпатіи должны дѣйствовать у ребенка заодно. Въ дѣлѣ услугъ другимъ мы должны требовать гораздо больше отъ дѣтей, которыя отъ природы склонны давать возможно меньше. «Вѣр-

нѣйшее средство привязаться къ кому-нибудь, говорить Маріонъ, это много сдѣлать для него» ¹⁾. Равнодушнаго и эгоистическаго ребенка нужно почаще ставить въ необходимость испытать на себѣ благотворное вліяніе отвѣта симпатіей на симпатію. Если поступки, которыхъ мы отъ него требуемъ, не слишкомъ трудны, если они соотвѣтствуютъ вначалѣ его привычкамъ и вкусамъ и только постепенно осложняются усиліями и жертвами съ его стороны, — гордое сознаніе побѣды, одержанной надъ собою, сначала облегчить ему эти усилія, а затѣмъ сдѣлать ихъ и пріятными для него. Въ восхищеніи отъ того, что у него явилось желаніе совершить добрый поступокъ, что ему удалось совершить его и этимъ вызвать выраженіе благодарности въ глазахъ обязаннаго имъ лица, — онъ почувствуетъ склонность сильнѣе полюбить это лицо за доставленную ему возможность дѣлать дѣла, вызывающія одобреніе.

Способность совершать добрыя дѣла гораздо лучше развивается привычкою къ нимъ на практикѣ, сопровождаемой нѣкоторыми разсужденіями, приспособленными къ возрасту ребенка, чѣмъ усиленнымъ возбужденіемъ его чувствительности. Мнѣ пришлось видѣть очень неискусный урокъ милосердія, данный одной матерью своему двухлѣтнему сыну. Увидя у у воротъ старика нищаго, она остановилась, сунула ребенку монету и, таща его за руку, сказала: «Дай этому бѣдному человѣку». Ребенокъ, испуганный лицомъ и странной одеждой бѣдняка, сначала отскочилъ съ ужасной гримасой, и только потомъ, прижавшись къ юбкамъ матери, положилъ ему въ руку монету. Неужели дѣло обошлось бы точно такъ же, если бы ребенку предложили дать что-нибудь человѣку, обладающему пріятной внѣшностью, милымъ и улыбающимся лицомъ? Не думаю. Итакъ, это была неумѣстная искусственная сцена, нецѣлесообразное

¹⁾ Marion. Leçons de psychologie, стр. 181.

средство, — впечатлѣніе, лишенное всякаго нравственнаго значенія, способное дать въ результатѣ лишь тягостное воспоминаніе. Мать, желающая дать дѣтямъ примѣръ благотворительности, должна пользоваться иными средствами: она можетъ, на примѣръ, подавать милостыню въ присутствіи ребенка, но не деньгами, настоящаго употребленія которыхъ ребенокъ не понимаетъ, а одеждой, пищевыми продуктами, лѣкарствами, предметами первой необходимости, вообще завѣдомо полезными вещами и, въ особенности, сопровождать раздачу вспомошествованій добрыми словами. Для ребенка это будетъ понятно, онъ заинтересуется ея поступками, онъ утратитъ привычку пугаться при видѣ бѣдняковъ, онъ станетъ наблюдать ихъ, спрашивать о нихъ и понемногу приспособится къ практикѣ благотворительности.

Насколько правильнѣе поступила другая мать, которой какъ-то, при маленькой дочери двухъ съ половиною лѣтъ, пришлось высказать сожалѣніе о трубочистѣ, потому что онъ былъ бѣденъ. «Почему, ты говоришь, маленькій трубочистъ бѣдный?» спросила дѣвочка. Мать отвѣчала: «Потому что онъ по цѣлымъ днямъ работаетъ, потому что онъ очень трудится, потому что у него нѣтъ, какъ у тебя и твоего брата, доброй мамы, которая давала бы ему что ѣсть, во что одѣваться, которая водила бы его гулять, ласкала бы и занимала бы его». — «Значить, когда кто бѣдный, онъ очень несчастный?» — «О да! Очень несчастный!» — «Мама, я хочу дать ему хлѣба съ масломъ и красивые штанишки; хочешь, мама? Тогда онъ не будетъ бѣдный?». Подобные уроки, при благоразумномъ и своевременномъ пользованіи ими, могутъ подготовить въ душѣ ребенка богатый запасъ дѣятельной симпатіи къ людямъ.

Прежде чѣмъ ребенокъ будетъ въ состояніи понять чувства, которыя онъ долженъ питать къ социальной средѣ, въ обмѣнъ на получаемыя отъ нея благодѣянія, его нужно подготовить къ этому чувству высшаго по-

рядка посредствомъ семейныхъ чувствъ, примѣровъ и разговоровъ. Хотите вы, чтобы онъ, при всякихъ обстоятельствахъ, былъ склоненъ оказывать услуги своимъ ближнимъ? Приучите его поступать такимъ образомъ по отношенію къ своимъ братьямъ. «Братняя любовь, говоритъ Анжулли, это—первое основаніе любви къ ближнему, и вотъ почему семья была воспитательницей человѣчества». Хотите, вы чтобы въ душѣ его уже жило предчувствіе благородной любви къ родинѣ и предрасположеніе къ этому чувству? Нужно, чтобы онъ видѣлъ, что вы любите ее, и слышалъ, какъ вы съ искреннимъ увлеченіемъ говорите о ней. «Какъ воспитательница, говоритъ моя сестра, г-жа Тариссанъ-Перэ, я могу утверждать, что мнѣ приходилось встрѣчать патриотизмъ только у дѣтей, семьи которыхъ были воодушевлены любовью къ родинѣ. По моему, въ этомъ отношеніи, самой лучшей школой является семья» ¹⁾.

¹⁾ Congrès de l'Ass. pour l'avanc. des sciences. Grenoble, 1885.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вѣжливость.

I. Въ чемъ можетъ проявляться вѣжливость у ребенка. Чтобы приучить ребенка прилично вести себя, нужно разсчитывать на дѣйствіе примѣра. — II. Дѣти постарше — успѣшнѣе подражаютъ примѣрамъ. — III. Самолюбіе и застѣнчивость могутъ внести въ проявленія вѣжливости преувеличеніе и искусственность. — IV. Вѣжливость должна выражаться и во внѣшнихъ пріемахъ и въ чувствахъ. — Слѣдовало бы предоставить каждому ребенку возможность сохранить свою естественную простоту и свою самобытность. — V. Необходимость обходительной любезности и хорошаго расположенія духа. — Хорошее расположеніе духа представляетъ отличительную черту вѣжливости. — VI. Хорошее расположеніе духа составляетъ обязанность, которой слишкомъ часто пренебрегаютъ родители и наставники. — VII. Веселость не должна соединяться съ злорадствомъ; нежелательность насмѣшливыхъ шутокъ. — VIII. Привычка слѣдить за собою и владѣть собою въ присутствіи другихъ способствуетъ развитію чувствъ справедливости; слѣдуетъ быть одновременно и вѣжливыми и справедливыми.

I. Ребенокъ, даже въ возрастѣ десяти или двѣнадцати лѣтъ, не долженъ знать комплиментовъ, непосредственно направленныхъ на его самолюбіе. Нѣсколько почтительныхъ формулъ, нѣсколько предупредительныхъ любезностей, одинаковыхъ для всѣхъ, вотъ все, что онъ можетъ себѣ усвоить изъ нашихъ церемонныхъ манеръ. Дѣйствительно, нелѣпо было бы желать, чтобы онъ проявлялъ по отношенію къ каждому почтеніе, соотвѣтствующее его заслугамъ или его общественному положенію. Но очень рано, уже въ возрастѣ трехъ или четырехъ лѣтъ, онъ обнаруживаетъ способность къ тѣмъ легкимъ проявленіямъ вниманія, единственнымъ учителемъ которыхъ является примѣръ. Вся цѣна ихъ состоитъ въ способѣ ихъ выполненія. Трехлѣтній ребенокъ долженъ знать, что не слѣдуетъ хлопать изо всей силы дверью, стучать табуретомъ или стуломъ, но что нужно тихонько

притворять дверь, безъ шума переставлять мебель. Если придуть гости, и ребенка позовутъ къ нимъ, не слѣдуетъ еще требовать отъ него поклона; но онъ можетъ привѣтствовать ихъ словами «monsieur», «madame» и даже спросить, какъ они проживаютъ. Отъ шестилѣтняго или семилѣтняго ребенка уже можно требовать соблюденія этихъ приличій, а также того, чтобы онъ не говорилъ никому просто «да» или «нѣтъ», чтобы не проходилъ мимо, не извинившись или не поклонившись (если это кто-нибудь чужой), чтобы не подавалъ и не принималъ ничего безъ обычныхъ формъ вѣжливости. Ребенокъ этого возраста долженъ также начинать приучаться къ тому, чтобы никого не беспокоить своими движеніями, умѣть тихонько взять стулъ и усѣсться на приличномъ разстояніи отъ гостей, не прислоняться къ нимъ, не толкать ихъ, и, въ особенности, не прерывать ихъ во время разговора.

Чтобы приучить ребенка къ этимъ обычнымъ актамъ приличія, слѣдуетъ разсчитывать больше на дѣйствіе примѣра, чѣмъ на совѣты и увѣщанія. Дѣти сами поддѣлываются подъ наше обращеніе и нашъ способъ держать себя. Локкъ совершенно правильно думаетъ, что не надобно мучить дѣтей, требуя отъ нихъ внѣшнихъ знаковъ почтенія и расположенія. Онъ противъ того, чтобы ихъ бранили при всѣхъ по этому щекотливому поводу. Онъ не выноситъ смѣшного образа дѣйствій нѣкоторыхъ родителей, стремящихся привить своимъ дѣтямъ манеры взрослыхъ и не стѣсняющихся бранить ихъ, при чужихъ, за малѣйшія нарушенія обычныхъ приличій, словно эти нарушенія могутъ быть приписаны ихъ собственной небрежности и невоспитанности. Не слѣдуетъ, говорить онъ, огорчаться этими маленькими неловкостями, если онѣ не сопровождаются никакими признаками надменности или злонравія. Время, лучше чѣмъ наставники, и примѣръ, лучше чѣмъ наставленія, исправятъ ребенка отъ этихъ недостатковъ, если воспита-

тель позаботился о поддержаніи въ немъ привычекъ, состоящихъ въ проявленіи доброты и гуманности.

II. Ребенокъ тѣмъ успѣшнѣе подражаетъ актамъ, сообразнымъ или несообразнымъ съ вѣжливостью, чѣмъ онъ старше и чѣмъ чаще эти акты повторяются передъ его глазами. Одна пятнадцатимѣсячная дѣвочка стала перенимать у своего отца привычку хмурить брови, его порывистыя манеры, его крикливый голосъ, а вскорѣ и нѣкоторыя фразы, служащія для выраженія гнѣва и нетерпѣнія. Когда ей было три года, она сказала одному изъ гостей, съ обычной отцовской раздражительностью: «Да замолчи же, ты никогда не даешь мнѣ договорить!» Ребенокъ можетъ отличаться отъ природы живостью характера и вспыльчивостью, но привычка къ этимъ проявленіямъ сварливости и противорѣчія, такъ же какъ и къ проявленіямъ насмѣшки и презрѣнія, обнаруживается у него только тогда, когда ему часто приходилось быть ихъ свидѣтелемъ.

III. Вѣжливость, какъ бы искренна и проста она ни была вначалѣ, легко можетъ стать преувеличенной и искусственной, подъ вліяніемъ природной гордости или сильной застѣнчивости. Такіе случаи чаще наблюдаются среди дѣвочекъ, чѣмъ среди мальчиковъ, потому что дѣвочекъ болѣе приучаютъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ и бояться его. Я зналъ дѣвочекъ, которыя принимали важный видъ или же старались быть особенно пріятными, желая вызвать предупредительность и любезность со стороны торговцевъ, когда мать посылала ихъ за покупками. Это небезкорыстная и даже нѣсколько искусственная вѣжливость не представляетъ опасности у хорошо воспитанныхъ дѣтей, если ихъ не забыли приучить къ вѣжливости, вытекающей изъ сердца.

Но кто можетъ похвалиться, что умѣетъ въ совершенствѣ руководить развитіемъ характера. Родители, воодушевленные самыми лучшими намѣреніями, наталкиваютъ своихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ,

на притворство и кокетство, ставя ихъ въ необходимость нравиться и очаровывать, чтобы пріобрѣсти благосклонность или получить ласки. Они отличались бы болѣе наивной и болѣе привлекательной прелестью, если бы отъ нихъ не требовали ея слишкомъ много.

Одинъ судья изъ С... пріучилъ своихъ дѣтей быть любезными со всѣми, безъ всякихъ дальнѣйшихъ соображеній. Мальчики вѣжливо привѣтствовали всѣхъ знакомыхъ, проявляли необыкновенную почтительность къ учителямъ, сердечно протягивали имъ руку, при встрѣчѣ и при уходѣ, съ интересомъ освѣдомлялись объ ихъ здоровьи. Дѣвочки никогда не приходили въ классъ безъ букета для своей учительницы; онѣ всегда были готовы оказать массу мелкихъ услугъ, цѣна которыхъ всегда усиливается любезностью и усердіемъ: подать перо, поднять упавшій предметъ, сообщить необходимыя свѣдѣнія и т. д. Такъ какъ все это не имѣло глубокихъ основаній, и вѣжливость состояла во внѣшнихъ пріемахъ, а не вытекала изъ чувства, то по достиженіи девяти-десяти лѣтъ дѣти сильно мѣнялись, и всѣ замѣчали это.

IV. Идеаль воспитанія долженъ состоять въ томъ, чтобы предоставить каждому быть на свой ладъ, давая лишь своими поступками примѣръ для подражанія. Локкъ понялъ необходимость уважать натуру каждаго ребенка, и онъ рѣшительно не выноситъ непріятнаго вида дѣтей, всегда получающагося подъ вліяніемъ принужденія и притворства. Онъ особенно порицаетъ этотъ недостатокъ во всемъ, что касается вѣжливости и хорошихъ манеръ, но его наблюденія могутъ быть распространены на всѣ детали нравственного воспитанія. «Притворство, говоритъ онъ, это — грубое и насильственное подражаніе тому, что должно быть естественно и свободно, — подражаніе, лишенное прелести, сопровождающей истинныя естественныя проявленія, вслѣдствіе противоположности, которую оно всегда создаетъ между внѣшнимъ поступкомъ и

внутренними движеніями души...» Долой вѣжливости и пріятныя манеры, если онѣ подвергаютъ опасности чистосердечіе и искренность ребенка! «Мама, сказалъ одинъ четырехлѣтній ребенокъ, развѣ ты не скажешь, чтобы г-жа Х. уходила? Уже давно, какъ она пришла». Я предпочитаю, даже у четырехлѣтняго ребенка, эту невинную грубость непрочувствованной вѣжливости. Конечно, хорошо повторять дѣтямъ, что не слѣдуетъ говорить непріятныя вещи не только друзьямъ, но и чужимъ; но еще лучше не дрессировать ихъ на нашъ условный ладъ и не дѣлать изъ нихъ говорящихъ куколъ. Дѣло здраваго смысла родителей—удержать ихъ въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, въ предѣлахъ истинной мѣры.

V. Кротость и веселый нравъ являются, прежде всего, социальными проявленіями вѣжливости. Они входятъ въ составъ нашихъ обязанностей по отношенію къ другимъ, и какъ всѣ обязательныя черты вырабатываются упражненіемъ. Хорошій нравъ выражается въ томъ, чтобы принаравливаться ко времени, къ мѣсту, къ людямъ, чтобы всѣмъ показывать пріятливое лицо. Это природный даръ, но также и плодъ воспитанія. Примѣръ ребенокъ долженъ получать въ семьѣ. Если онъ замѣчаетъ у васъ всегда ровное и уживчивое настроеніе, не только по отношенію къ чужимъ, но и во взаимныхъ отношеніяхъ, онъ скоро настроится въ унисонъ съ вами. Привычка, которую вамъ удастся привить ему, помимо этого, справляться со своими маленькими горестями и подавлять проявленія своихъ неизбежныхъ раздраженій, присоединить свое дѣйствіе къ вліянію вашихъ примѣровъ. Когда ребенокъ подрастетъ, нѣсколько сдержанныхъ замѣчаній напомнятъ ему, что и выраженіе лица, тонъ голоса и способъ держать себя могутъ, по меньшей мѣрѣ, такъ же нравиться или не нравиться, какъ и поступки. Можно мягко и какъ бы съ удивленіемъ пожуричь его, если онъ грубо и рѣзко разговариваетъ со своими братьями, съ товарищами, съ прислугой, если онъ,

требуя какой-нибудь услуги, не сопровождаетъ своихъ словъ краткой дружеской формулой въ родѣ слѣдующихъ: «Пожалуйста», «не согласишься ли ты?» «прошу тебя», и не отвѣчаетъ хотя бы краткимъ ласковымъ «спасибо» за оказанныя услуги. Эти предупрежденія будутъ тѣмъ лучше поняты ребенкомъ, если онъ будетъ видѣть, что и вы сами всегда обнаруживаете во взаимныхъ отношеніяхъ такую же учтивость и ласковость.

Остановимся на этой обязанности быть въ хорошемъ расположеніи духа, которое такъ близко соприкасается съ предупредительностью и благожелательностью. Можно, съ перваго же взгляда, отличить ребенка, воспитаннаго любезной и вѣжливой няней, отъ ребенка, воспитаннаго грубой и угрюмой прислугой: и тотъ, и другой обладаютъ типичнымъ выраженіемъ лица, которое никогда не обманывается. Лицо ребенка такъ же, какъ и его способъ держать себя, отражаютъ манеру его воспитателей. Нельзя, впрочемъ, быть слишкомъ требовательными въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ жизни ребенка: быстрое успокоеніе раздраженія, сопровождающаго настойчивое выраженіе желаній, рѣдкія слезы, еще болѣе рѣдкіе гнѣвные крики, легко вызываемый смѣхъ, веселое, не угрюмое лицо, не слишкомъ непривѣтливое отношеніе къ чужимъ, — вотъ почти все, чего можно требовать въ дѣлѣ хорошихъ манеръ отъ ребенка въ возрастѣ съ шести до десяти мѣсяцевъ.

VI. По мѣрѣ того, какъ ребенокъ подрастаетъ, его внѣшній обликъ начинаетъ все легче и легче отражать на себѣ вліяніе окружающей соціальной среды. Нужно быть очень увѣреннымъ въ лицахъ, попеченію которыхъ приходится ввѣрять ребенка въ возрастѣ отъ пятнадцати до двадцати мѣсяцевъ, напоминающаго мимозу и хамелеона воспріимчивостью своей подражательной способности. Одна мать, которой приходилось ухаживать, довѣрила своимъ родителямъ вмѣстѣ съ бонной своего восьмимѣсячнаго сына. Послѣ двухъ

недѣльнаго отсутствія она была страшно удивлена переměной, происшедшей въ привычкахъ и даже въ лицѣ ребенка. Въ теченіе первыхъ двухъ дней она не переставала восклицать: «Посмотрите, онъ дѣлаетъ совсѣмъ не такъ, у насъ это не такъ дѣлается!» Намъ необходимо также самимъ слѣдить за собою.

VII. Очень немногіе люди догадываются о томъ, что веселость составляетъ предметъ нравственной регламентации. Между тѣмъ, обязанность поддержанія хорошаго расположенія духа въ семьѣ — «обязанность, легкая по виду, очень серьезная по существу». Нѣтъ ничего рѣже этой добродѣтели. «Я не говорю о лицахъ, не получившихъ хорошаго воспитанія, которыя, думая, что не зачѣмъ стѣснять себя въ семьѣ, являются въ ней, взапуски другъ передъ другомъ, угрюмыми, непріятными и грубыми. Есть семьи, даже очень почтенныя, въ которыхъ царитъ полное единство и замѣчательный духъ солидарности, въ которыхъ, естественно, всѣ расположены поддерживать другъ друга, приносить другъ другу серьезныя жертвы, и въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, въ повседневныхъ отношеніяхъ всегда чувствуется нѣкоторая натянутость. Если члены семьи и не ссорятся окончательно, они иначе не говорятъ между собою, какъ болѣе или менѣе рѣзкимъ и непріятнымъ тономъ. Словно любезность и ласковость являются монетой, которую берегутъ для постороннихъ и которая не можетъ найти себѣ обращенія въ семьѣ. Фонтенель, въ одномъ изъ своихъ «Похвальныхъ словъ», желая дать самый лестный портретъ лица, которое онъ расхваливаетъ, кончаетъ даже такой чертой, которую онъ, повидимому, ставитъ выше всего остального: «Наконецъ, онъ отличался пріятнымъ нравомъ, даже среди своей семьи».

«Что бы ни говорили, будто споры возникаютъ только изъ-за мелочей,—нѣтъ мелочей въ жизни семьи по той простой причинѣ, что она, въ сущности, складывается изъ однѣхъ мелочей. Если кто невыносимъ во

всѣхъ мелочахъ жизни, подъ тѣмъ предлогомъ, что это не имѣетъ большого значенія, — на какіе же моменты жизни онъ откладываетъ проявленіе доброты и сердечности? Если кто такъ мало слѣдитъ за собою въ мелочахъ, въ которыхъ вообще такъ нетрудно быть на высотѣ положенія, можетъ ли онъ быть увѣреннымъ, что ему удастся остаться безупречнымъ, когда представятся болѣе серьезные случаи? Поэтому, каждый долженъ дѣлать все отъ него зависящее, чтобы измѣнить къ лучшему такой тягостный для всѣхъ порядокъ вещей, часто настолько скрывающій отъ окружающихъ глубокія душевныя качества и солидныя добродѣтели, что не приходится даже догадываться объ ихъ существованіи¹⁾.

Г-жа Ментенонъ, въ одномъ изъ своихъ наставленій относительно хорошаго расположенія духа, говоритъ своимъ ученицамъ, что «нѣтъ ничего лучше веселой молодой дѣвушки» и что «если даже веселость иногда оказывается чрезмѣрной, она ведетъ къ менѣе прискорбнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ унылое состояніе духа». Но, прибавляетъ она, «рекомендуя веселость, я вовсе не хочу сказать, что вы должны быть вѣтреными или неумѣренно предаваться смѣху. Веселость никогда не должна проявляться въ ущербъ скромности»²⁾. Дѣйствительно, ничто такъ не мѣшаетъ сосредоточенію вниманія на себѣ и внимательности по отношенію къ другимъ, какъ эта неумѣренная веселость, которая царитъ въ нѣкоторыхъ играхъ, которыя всегда кажутся маленькому ребенку и слишкомъ короткими, и слишкомъ рѣдкими. Живой и рѣзвый ребенокъ, переставая владѣть собою, можетъ становиться крайне непріятнымъ для окружающихъ своими движеніями, жестами, гримасами и словами.

Веселость можетъ соединяться съ злорадствомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда, подъ видомъ шутки, она

¹⁾ Н. Marion. Leçons de morale, стр. 321.

²⁾ Madame de Maintenon. Extraits par M. O. Gréard, стр. 109.

бываетъ направлена на недостатки другого. Локкъ считаетъ эту склонность къ критикѣ однимъ изъ четырехъ недостатковъ, всего болѣе противорѣчащихъ вѣжливости ¹⁾. Насмѣшливыя дѣти всегда казались мнѣ худшими обезьянами въ мірѣ. Они перенимаютъ этотъ нехорошій складъ ума у своихъ родителей. Какое недостойное развлеченіе — осуждать отсутствующихъ, критиковать ихъ странности и недостатки, зло смѣяться надъ ними, даже передразнивать ихъ въ присутствіи дѣтей, — и это послѣ проявленія по отношенію къ тѣмъ же лицамъ живѣйшей симпатіи или нѣжности! Ребенокъ не задумывается надъ безнравственностью такихъ противорѣчивыхъ поступковъ, но онъ по-своему подражаетъ имъ, переходя отъ вѣжливости къ злословію и наоборотъ, а иногда совмѣщая и то, и другое.

Это вопросъ такой большой важности, что я хочу еще нѣсколько остановиться на немъ. Превосходный Жакото (Jacotot) скажетъ намъ въ одной изъ своихъ наиболѣе прочувствованныхъ страницъ, сколько настоящихъ достоинствъ соединяетъ съ собою пріятная вѣжливость, этотъ цвѣтъ домашнихъ добродѣтелей.

«Если кто отличается разсѣянностью, нужно пріучать его къ вѣжливости, которая требуетъ постоянного и неослабнаго вниманія; необходимо пріучать его не только къ простой вѣжливости, но къ любезности, т. е. къ вѣжливости, соединенной съ предупредительностью. Такая вѣжливость является необходимой въ общественной жизни монетой, которой недостаточно быть снабженнымъ, но которую нужно умѣть распределять съ соотвѣтственной щедростью и расходовать при случаѣ съ расточительностью, почти заставляющей думать, что оказывающій услугу поступаетъ такъ ради собственного удовольствія.

«Важнымъ результатомъ такого образа дѣйствій

¹⁾ J. Locke. Quelques pensées sur l'éducation, изд. Компейрэ, стр. 227. (Локкъ. Мысли о воспитаніи. М.).

является благосклонность лицъ, ставшихъ предметомъ нашего предупредительнаго и утонченнаго вниманія. Болѣе того, онъ вырабатываетъ въ насъ господство надъ собою; нѣтъ ничего, на что не былъ бы способенъ человѣкъ, достаточно умѣющій владѣть собою для того, чтобы быть вѣжливымъ. Первѣйшая обязанность ¹⁾ состоитъ въ томъ, чтобы соблюдать вѣжливость по отношенію ко всѣмъ домашнимъ. Если это удастся, нетрудно будетъ быть пріятнымъ и въ обществѣ. Кто вѣжливо обращается со своими дѣтьми, сохраняя въ то же время авторитетъ, необходимый для того, чтобы руководить ими, тотъ, тѣмъ болѣе, будетъ вѣжливъ съ чужими, воспитаніе которыхъ ему не ввѣрено. Быть любезнымъ съ низшими, не поступаясь своимъ престижемъ, — такова задача, разрѣшающая всѣ трудности искусства правильно держать себя.

«Замѣтьте, что любезность, о которой я говорю, не можетъ проявляться безъ разбора, безъ нѣкоторой сдержанности. Она можетъ также стать истинной добродѣтелью, такъ какъ обладаетъ ея обаятельностью, всѣми ея заслугами. Для достиженія этой цѣли, нужно прежде всего познать самого себя, знать, чего уже удалось достигнуть, и умѣрять путь, который остается пройти. Когда люди, льстя своему самолюбію, говорятъ: «Я обходителенъ», они забываютъ часто, что не всегда бываютъ справедливы; съ другой стороны, восхваляя свою справедливость, они не достаточно заботятся о томъ, чтобы быть въ то же время вѣжливыми, — какъ будто достаточно одной любезности, не соединенной съ добродѣтелью, или какъ будто добродѣтель можетъ существовать на половину ²⁾.

¹⁾ Въ текстѣ говорится: „Подобно тому какъ въ дѣлѣ образованія вообще всегда необходимо упражняться въ томъ, что всего труднѣе, данная система рекомендуетъ прежде всего научиться быть вѣжливыми съ домашней прислугой“.

²⁾ J. Jacotot. La Philadelphie panécastique, стр. 371.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Подражаніе.

I. Дѣти подражаютъ преимущественно тѣмъ движеніямъ, какія часто производили ихъ предки; самостоятельность ребенка представляетъ собою въ значительной степени результатъ наслѣдственной передачи. — II. Надо помирить самостоятельность съ подражаніемъ. — III. Достаточно указать, чего нужно достигнуть, и побуждать ребенка къ тому, чтобы онъ этого желалъ. — IV. Давая ребенку примѣръ, необходимо сообразоваться съ его возрастомъ и естественными и пріобрѣтенными склонностями; въ особенности же слѣдуетъ вызывать въ немъ побужденія къ дѣятельности. — V. Мы должны слѣдить за собою, чтобы онъ не видѣлъ съ нашей стороны дѣйствій, которымъ не долженъ подражать. — VI. Когда онъ начинаетъ достаточно ясно судить и разсуждать, то можно предостеречь его осторожно отъ пороковъ, свойственныхъ нѣкоторымъ людямъ. — VII. Воля ребенка развивается отъ соприкосновенія съ нашей. — VIII. Мы должны подавать ему одни только примѣры твердости и рѣшительности.

I. Нѣкоторые фізіологи допускаютъ существованіе подражательныхъ рефлексовъ и обращаютъ вниманіе на безсознательное и безцѣльное воспроизведеніе ребенкомъ множества движеній, которыя кажутся намъ намѣренными. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать того, что въ подражаніи даже самымъ простымъ дѣйствіямъ играетъ извѣстную роль наслѣдственность. Дѣти раньше и лучше всего подражаютъ тѣмъ движеніямъ, которыя чаще всего совершали ихъ предки и съ помощью которыхъ они достигали наибольшихъ успѣховъ. Эти-то движенія они преимущественно и совершаютъ, какъ только имъ удастся ихъ подмѣтить и выполнить. Такимъ образомъ, подъ видомъ самостоятельности или кажущейся свободы выступаетъ на самомъ дѣлѣ сочетаніе двухъ роковыхъ обстоятельствъ: наслѣдственнаго стремленія къ дѣйствию и врожденныхъ свойствъ чувства и ума. По мѣрѣ того какъ ребенокъ дѣлаетъ успѣхи въ подражаніи, кажется, будто его самостоятельность уменьшается.

Но это — самообманъ: ребенокъ, который съ виду мало подражаетъ, часто подражаетъ въ очень большой степени: онъ подражаетъ другимъ и себѣ, онъ повторяется, но только въ болѣе совершенной формѣ. Его подражаніе становится все менѣе и менѣе поверхностнымъ и, наоборотъ, все болѣе и болѣе обдуманымъ и увѣреннымъ.

II. Какъ помирить самостоятельность ребенка съ подражаніемъ, относящимся къ области внушенія и совершающимся какъ бы машинально? Необходимо считаться съ тѣмъ и другимъ и непрерывно развивать ихъ въ лучшую сторону. Какъ ни радостно ребенку по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ повторять послѣднія заученныя имъ дѣйствія, тѣмъ не менѣе его ненасытная любознательность толкаетъ его на новыя, болѣе совершенныя и болѣе трудныя дѣйствія. Дадимъ ему возможность видѣть все болѣе и болѣе сложныя дѣйствія, сообразуясь все время съ его способностями; но не станемъ представлять ему примѣровъ, которые превышаютъ его силы или мало его привлекаютъ. Кантъ, вѣрный ученикъ Руссо, былъ правъ, когда говорилъ, что ребенокъ учится многому гораздо основательнѣе, если ему предоставляютъ учиться самому. Но какая можетъ быть необходимость заставлять его вновь изобрѣтать письмо и рисованіе и говорить ему, если онъ проситъ хлѣба: «А можешь ли ты его нарисовать?» Онъ нарисуетъ овальную фигуру. Тогда ему скажутъ, что неизвѣстно, хотѣлъ ли онъ изобразить хлѣбъ или камень; онъ попытается написать новый знакъ, и, такимъ образомъ, онъ составитъ собственную азбуку, которую сможетъ затѣмъ обмѣнить на другіе знаки» ¹⁾.

Я вполне допускаю, при случаѣ, вещественныя награды, но тѣмъ не менѣе думаю, что не слѣдуетъ ставить ихъ цѣлью дѣятельности ребенка. Чувства, вытекающія изъ общественныхъ наклонностей, какъ

1) Kant, Traité de pédagogie, стр. 69, ed. Thamin.

любовь и правильно поддерживаемое соревнованіе, кажутся намъ, въ общемъ, болѣе сильными двигателями. А любимая теорія Канта о чистомъ долгѣ затемняется отъ внесенія въ нее такого небезкорыстнаго двигателя, какъ голодъ или лакомство.

Средство это не годится для достиженія болѣе быстрыхъ успѣховъ въ произвольномъ подражаніи. Такъ какъ всякій успѣхъ ребенка создаетъ почву для новыхъ, то наша задача сводится къ тому, чтобы указать ихъ ему, вызвать въ немъ соотвѣтствующее желаніе и побудить его какъ бы къ произвольному выполненію. Если намъ извѣстны его силы и вкусы, то нѣтъ ничего легче, какъ продѣлать передъ нимъ тѣ дѣйствія, къ которымъ его должна побудить нужда или душевное волненіе. Такъ, для того чтобы научить его дѣлать рукой какой-нибудь жестъ или знакъ симпатіи, достаточно продѣлать его передъ нимъ. Когда онъ уже умѣетъ говорить, его учатъ выражаться отчетливѣе, ясно произносить, чего онъ хочетъ, а затѣмъ употреблять извѣстныя формулы вѣжливости. Все это внушается, но не навязывается.

III. Сначала ребенокъ дѣлаетъ все только такъ, какъ можетъ; если же мы все-таки стараемся привлечь его вниманіе къ этимъ дѣйствіямъ тѣмъ, что извѣстнымъ способомъ или въ извѣстный моментъ продѣлываемъ ихъ передъ нимъ, то единственно потому, что онъ уже въ состояніи, по нашему мнѣнію, попытаться ихъ выполнить. Вся наша роль сводится только къ тому, чтобы вмѣстѣ съ примѣромъ доставить ему и подходящий случай.

IV. Каждый подражаетъ по-своему, въ зависимости отъ прежнихъ своихъ пріобрѣтеній, своей наблюдательности, способности къ сужденію и развитія физическихъ силъ. Въ большинствѣ нашихъ подражаній дѣйствуетъ своего рода бессознательный отборъ, такъ что каждый подражаетъ, чему и какъ можетъ. Поэтому слѣдуетъ соразмѣрять примѣры съ возрастомъ и съ

врожденными и приобретенными наклонностями ребенка, хотя бы это и не всегда было легко.

V. Ребенокъ, въ возрастѣ десяти мѣсяцевъ, одного года и больше, слѣдитъ съ большимъ интересомъ за множествомъ дѣйствій, которымъ самъ не пытается подражать. Быть можетъ, они и соотвѣтствуютъ его вкусамъ и природнымъ желаніямъ, но еще слишкомъ трудны для него. Даже простыя дѣйствія, пока они новы, требуютъ для своего исполненія больше времени, чѣмъ привычныя. Одни и тѣ же дѣйствія, какъ, напр., кашель, снятіе шляпы, прощальный жестъ, произнесеніе, чтеніе или писаніе какого-нибудь слова, требуютъ отъ дѣтей вдвое меньше времени, если они совершаютъ ихъ по собственному побужденію, если имъ не говорятъ, чтобы они ихъ выполнили, и если не останавливаютъ ихъ вниманія или мысли на нѣкоторыхъ условіяхъ этихъ дѣйствій. Размышленіе всегда усложняетъ наши поступки.

VI. Вообще, необходимо воздерживаться отъ объясненій по поводу дѣйствій, предлагаемыхъ очень маленькимъ дѣтямъ для подражанія. Можно стараться заинтересовать ихъ, дѣйствуя на ихъ зрѣніе и слухъ; если же этого мало, то можно пробудить въ нихъ полезный импульсъ, напр., выгоду или честолюбивое желаніе сдѣлать хорошо и, кромѣ того, самостоятельно. Они нуждаются не столько въ направленіи, сколько въ толчкѣ, для того, чтобы дѣйствовать согласно нашимъ видамъ и примѣрамъ. Мы видимъ также, что они съ особенной охотой слѣдуютъ примѣрамъ своихъ сверстниковъ и людей, умѣющихъ становиться на одну линію съ ними. Даваемые при этихъ условіяхъ примѣры точны, понятны, просты и отличаются достаточнымъ совершенствомъ, а пылъ и увлеченіе самимъ дѣйствіемъ облегчаютъ полученіе необходимыхъ приобретеній въ области сужденія, воли и движеній. Оба эти соображенія говорятъ въ пользу подготовительныхъ или материнскихъ школъ для маленькихъ дѣтей (*écoles maternelles ou enf-*

tines), если только воспитаніе дѣтей въ раннемъ возрастѣ не извращено рутиной, всевозможными пустяками и массой чуждыхъ педагогикѣ началъ.

VII. Подражаніе оказываетъ замѣтное вліяніе на нравственныя и общественныя привычки ребенка еще задолго до періода благопристойности и нравственности и независимо отъ соотвѣтствующихъ наставленій. Необходимо поэтому, насколько возможно, слѣдить за собою въ присутствіи этихъ маленькихъ человѣчковъ, у которыхъ глаза все видятъ, а уши все слышатъ. Необходимо также оставлять ихъ возможно меньше безъ себя и, если передавать, то въ надежныя руки. Не всегда, однако, возможно скрыть отъ нихъ такія дѣйствія, которымъ они не должны подражать, невозможно также оставлять безъ отвѣта ихъ вопросъ объ этихъ дѣйствіяхъ, если о нихъ говорили при дѣтяхъ; поэтому намъ слѣдуетъ предохранить юный умъ отъ вліянія подобныхъ примѣровъ. Въ первые годы это, правда, нелегко.

VIII. Если дѣтямъ четырехъ или пяти лѣтъ приходится встрѣчаться съ людьми, явно грубыми, неддержанными и лживыми или отличающимися другими очень замѣтными пороками и недостатками, то можно объяснить имъ въ нѣсколькихъ словахъ, что этихъ людей слѣдуетъ презирать и избѣгать. «Этимъ путемъ», говоритъ Фенелонъ, «можно, не приучая ихъ къ насмѣшкамъ, развить въ нихъ вкусъ и сдѣлать ихъ чуткими къ истинной благопристойности. Не нужно бояться предупреждать ихъ въ общихъ чертахъ о различныхъ недостаткахъ, хотя бы и была опасность, что придется открыть имъ глаза на слабости людей, которыхъ они должны уважать; ибо несправедливо удерживать ихъ въ невѣдѣніи истинныхъ правилъ, не говоря ужъ о томъ, что на это нѣтъ и надежды. Для того, чтобы они не теряли вѣру въ свой долгъ, лучше всего убѣждать ихъ, что нужно терпѣливо переносить чужіе недостатки, что не слѣдуетъ осуждать ихъ легкомысленно, что они кажутся

часто бѣльшими, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, что они уравниваются хорошими качествами, а такъ какъ на землѣ нѣтъ ничего совершеннаго, то слѣдуетъ восхитаться тѣмъ, въ чемъ меньше всего несовершенствъ. Нужно, наконецъ, дать имъ истинные принципы и предохранить ихъ отъ подражанія всякому злу, какое творится на ихъ глазахъ, — хотя и слѣдуетъ подобныя наставленія сохранять на крайній случай» ¹⁾. Мы можемъ и должны также показывать ребенку примѣръ твердаго желанія.

Ничто такъ не импонируетъ ребенку и взрослому, какъ выраженіе силы. Мимика воли, сдержанной, сосредоточенной и владѣющей собою, высоко поднятая голова, вертикальная поза, открытый и ясный взглядъ, спокойное лицо, сдержанные и рѣшительныя движенія, — все это — выраженіе энергичной воли, дѣйствующее заразительно на другихъ. Эти проявленія авторитета, при частомъ, но своевременномъ повтореніи, способствуютъ развитію у ребенка воли и нравственнаго чувства. Ихъ дѣйствіе тѣмъ болѣе обезпечено, если руководство дѣтьми никогда не отличается грубостью и жестокостью, если воспитатель умѣетъ, въ случаѣ нужды, выжидать и убѣждать, если онъ не пользуется принужденіемъ тамъ, гдѣ можно дѣйствовать кротостью и различными доводами. Но умѣряя себя, власть воспитателя никогда не должна обнаруживать нерѣшимости.

Воспитатель является для ребенка представителемъ и выразителемъ разума и долга. Его принципы, его идеи относительно задачи, которую онъ долженъ осуществить въ дѣлѣ воспитанія ребенка, должны имѣть для него ясность аксіомъ. Ребенокъ судить о поступкахъ и мнѣніяхъ, о приказаніяхъ и замѣчаніяхъ только по ихъ самымъ ощутительнымъ проявленіямъ; и если онъ видитъ въ своемъ руководителѣ сомнѣнія и недостатокъ энергіи, понятіе о добрѣ и

¹⁾ Fénelon. De l'éducation des filles, стр. 23.

справедливости, неоспоримое для него, уже не связывается ни съ чѣмъ въ его умѣ. Это сознаніе, это олицетвореніе истины уже не становится между нимъ и дурными побужденіями. Онъ легко дѣлается добычей всѣхъ заблужденій и всѣхъ софизмовъ страстнаго желанія. Онъ поддается искушенію, не считаясь съ нерѣшительнымъ и неустойчивымъ авторитетомъ воспитателя, который самъ ослабляетъ силу своего вліянія. Онъ отвыкаетъ отъ повиновенія и въ то же время не привыкаетъ къ проявленію собственной воли.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Воспитаніе сложныхъ или производныхъ чувствъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Робость или застѣнчивость.

I. Робость, или застѣнчивость, существуетъ у самаго маленькаго ребенка. — II. Зачатокъ ея встрѣчается даже у животныхъ. — III. Она бываетъ часто результатомъ слишкомъ суроваго воспитанія. — IV. Она происходитъ также отъ недостатка любовнаго вниманія къ дѣтямъ. — V. Локкъ считаетъ, что въ раннемъ дѣтствѣ она не имѣетъ значенія. — Различныя невыгодныя ея стороны. — VI. Замѣчательный примѣръ вреда отъ нравственнаго стѣсненія. — VII. Застѣнчивость ведетъ къ усиленію самолюбія и тщеславія. — VIII. Лѣкарства хуже болѣзни. — IX. Поборотъ ее можно, какъ и страхъ, постепенно приучая ребенка и давая другое направленіе его мыслямъ.

I. Въ статьѣ Дарвина о развитіи душевныхъ свойствъ у дѣтей есть замѣтка о робости, или застѣнчивости, подъ которой могъ бы подписаться Фенелонъ и надъ которой стоитъ подумать друзьямъ воспитанія. «Тотъ, кто имѣетъ дѣло съ очень маленькими дѣтьми», говоритъ онъ, «не можетъ не поражаться смѣлостью, съ какой они глядятъ прямо въ лицо новымъ людямъ, никогда при этомъ не опуская глазъ; взрослый чело-вѣкъ глядитъ такъ только на животное или на неодушевленный предметъ. Это происходитъ, вѣроятно, отъ того, что маленькія дѣти совсѣмъ не думаютъ о себѣ; вслѣдствіе этого у нихъ вовсе нѣтъ робости,

хотя они иногда и боятся чужихъ. Первое проявленіе робости я замѣтилъ у своего ребенка, когда ему было около 2 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ; я вернулся домой послѣ десятидневной отлучки, и робость ребенка обнаружилась въ томъ, что онъ какъ будто старался избѣжать моего взгляда. Однако вскорѣ онъ усѣлся у меня на колѣняхъ и, когда поцѣловалъ меня, то робость безслѣдно прошла» ¹⁾).

II. Явленіе это описано прекрасно; однако робость играетъ часто у маленькаго ребенка гораздо большую роль, чѣмъ думалъ англійскій натуралистъ. Я замѣчалъ, мнѣ кажется, аналогичное душевное состояніе у собакъ и кошекъ, встрѣчавшихъ меня послѣ долгаго отсутствія: однѣ визжали и бросались ко мнѣ, другія ходили вокругъ меня и мурлыкали радостно, хотя и съ примѣсью какого-то удивленія, оттого ли, что имъ было какъ-то странно узнать друга или оттого, что въ его присутствіи потокъ воспоминаній получалъ такую быстроту, что вносилъ разстройство въ ихъ организмъ. Я предлагаю провѣрить это наблюденіе; быть можетъ, оно послужитъ ключомъ къ полезнымъ свѣдѣніямъ о природѣ дѣтской робости.

III. Робость является часто результатомъ слишкомъ суроваго воспитанія. Нѣтъ болѣе тягостнаго зрѣлища, какъ когда невинные глазки опускаются подъ вашимъ взглядомъ, или когда маленькій ребенокъ вдругъ начинаетъ дрожать, лишь только отецъ наморщить брови. Слишкомъ часто даже не робость, а страхъ заставляетъ ребенка дрожать предъ грознымъ жестомъ отца или матери. Если съ дѣтьми обращаются грубо, то не удивительно, что они рано обнаруживаютъ въ присутствіи незнакомыхъ лицъ характерную боязливость, нисколько не похожую на наивное удивленіе, вызываемое новизной. Это наблюденіе не ускользнуло отъ г-жи Неккеръ де Соссюръ: «Откуда берется

¹⁾ Darwin. Esquisse biographique d'un petit enfant. Revue scientifique, іюль 1887.

та непобѣдимая робость, которую такъ часто обнаруживаютъ наши дѣти? Отчего они такъ упорно отказываются вступать въ сношеніе съ мало знакомыми людьми или, по меньшей мѣрѣ, чувствуютъ себя крайне стѣсненными въ ихъ присутствіи? Въ этомъ не мало виновато воспитаніе». Этого нельзя и отрицать, если вспомнить, какъ быстро птицы необитаемаго острова, сначала совсѣмъ ручныя, теряютъ свою первоначальную довѣрчивость при соприкосновеніи съ путешественниками, и какой контрастъ создаютъ въ нѣсколько мѣсяцевъ двѣ различныхъ системы воспитанія между двумя дѣтьми, сходными по характеру и привычкамъ.

IV. Робость происходитъ также отъ того, что мы не удѣляемъ достаточно вниманія маленькимъ дѣтскимъ дѣламъ. Ребенка настолько захватываетъ удовольствіе отъ упражненія своихъ силъ, что онъ не чувствуетъ полнаго удовлетворенія, если испытываетъ его одинъ. Ему нужно, чтобы мы привѣтствовали его успѣхи и раздѣляли его радость. Наша задача — отнестись серьезно какъ къ его играмъ, такъ и къ занятіямъ и проявленіямъ чувствъ. Разсказываетъ ли онъ сказку, представляетъ ли какую-нибудь сцену, рисуетъ ли, устраиваетъ ли садъ, тащитъ ли телѣжку, вырѣзаетъ ли изъ бумаги куколъ или строить изъ песку дворцы, постоянно глазъ его слѣдитъ за тѣмъ, какое впечатлѣніе производитъ его разсказъ или поступокъ. Онъ долженъ получать отъ насъ возможно чаще одобреніе, въ знакъ нашего удовольствія, справедливое, но въ то же время и снисходительное: надо поддерживать въ немъ любовь къ успѣху и откровенное свидѣтельствованіе своего расположенія, но не подстрекать чрезмѣрно его самолюбія. Простая улыбка служить иногда достаточной наградой за его усилія. Войдемъ также въ его игры: наше удовольствіе его восхищаетъ, сильнѣе располагаетъ къ намъ и еще больше открываетъ намъ его душу. Но хвалить его мы должны только за усилія, но

не за хорошее поведение, если только съ этимъ не связана какая-нибудь оказанная имъ услуга. Такимъ путемъ разовьется въ немъ желанное довѣріе, одинаково далекое какъ отъ болѣзненной робости, такъ и отъ тщеславія.

V. Локкъ считалъ, что страхъ есть основа уваженія, и говорилъ, что въ раннемъ возрастѣ робость не имѣетъ особаго значенія. «Я не вижу», говоритъ онъ, «чтобы кто-либо находилъ или подозрѣвалъ, будто удаленность отъ свѣта и робость, въ которой воспитываются дѣвушки, дѣлаютъ ихъ не очень ловкими женщинами. Бесѣды и свѣтскія встрѣчи скоро сообщаютъ имъ скромную увѣренность». То же относится и къ юношѣ, и «если приходится прилагать старанія, чтобы рано сообщить ему свободныя манеры и увѣренный видъ, то главнымъ образомъ потому, что это будетъ служить оплотомъ для его добродѣтели, когда онъ попадетъ въ свѣтъ и будетъ предоставленъ самому себѣ». По-моему, наоборотъ, во всѣхъ отношеніяхъ и, въ особенности, ради воспитанія открытаго характера полезно съ самаго дѣтства бороться съ робостью, которую я считаю либо порокомъ, либо болѣзнью.

VI. Нравственная робость сама по себѣ еще не порокъ, но она ведетъ къ лицемерію и трусости, — двумъ несовершенствамъ, одинаково недопустимымъ какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ. Она сама по себѣ — уже недостатокъ, который мѣшаетъ проявленію добродѣтелей или высшихъ качествъ. Она можетъ составлять для избранныхъ натуръ мученіе, и, быть можетъ, многія противорѣчія и странности характера у нѣкоторыхъ знаменитыхъ людей найдутъ себѣ объясненіе, если вспомнить, что біографы присоединили къ ихъ именамъ эпитетъ «робкихъ или застѣнчивыхъ людей».

VII. Идетъ ли дѣло объ избранныхъ или только о честныхъ и чуткихъ натурахъ, робость, или застѣнчивость, всегда — большой недостатокъ, такъ какъ во все-

общей борьбѣ за существованіе она дѣлаетъ даже богато одареннаго человѣка безоружнымъ при встрѣчѣ съ дерзостью, не нуждающейся ни въ какихъ доспѣхахъ. Слѣдующій примѣръ покажетъ намъ, какія препятствія она можетъ ставить для проявленія самыхъ естественныхъ чувствъ. «Письма моего отца», говоритъ авторъ «Адольфа», — «были проникнуты любовью и полны разумныхъ совѣтовъ; но стоило намъ только встрѣтиться лицомъ къ лицу, какъ тотчасъ появлялась какая-то стѣсненность, которой я не могъ себѣ объяснить и которая дѣйствовала на меня удручающимъ образомъ. Я не зналъ, что отецъ мой робѣлъ даже передъ своимъ сыномъ; часто онъ подолгу ожидалъ отъ меня какихъ-либо проявленій любви, отъ которыхъ меня удерживала его кажущаяся холодность, уходилъ со слезами на глазахъ и жаловался другимъ, что его не люблю. Эта стѣсненность оказала громадное вліяніе на мой характеръ: отличаясь такою же робостью, какъ и отецъ, но благодаря молодости — меньшимъ спокойствіемъ, я привыкъ закрывать въ себѣ все, что я чувствовалъ, и смотрѣть на мнѣнія, интересъ, участіе и присутствіе другихъ, какъ на стѣсненіе и препятствіе, — привыкъ относиться къ разговору съ людьми, какъ къ досадной необходимости, оживляя его постоянными шутками, которыя дѣлали его для меня менѣе утомительнымъ и помогали скрывать мои истинныя мысли. Отсюда и происходитъ тотъ недостатокъ непринужденности, въ которомъ меня еще теперь упрекаютъ мои друзья, а серьезная бесѣда представляетъ для меня трудности, которыя всегда приходится преодолевать съ извѣстнымъ усиліемъ».

VIII. Этотъ примѣръ показываетъ намъ, какъ робость одного человѣка порождаетъ ее въ другомъ или, по крайней мѣрѣ, мѣшаетъ отцу и сыну понимать и любить другъ друга, какъ бы имъ хотѣлось. Отецъ Бенжамена Констана заставилъ страдать сына, а, можетъ быть, пострадалъ и самъ, изъ-за полнѣй-

шаго незнакомства съ педагогической психологіей. Если подобное стѣсненіе переживается съ ранняго дѣтства, то оно должно имѣть тяжкія послѣдствія для дальнѣйшаго развитія душевныхъ свойствъ, въ особенности когда дѣло идетъ о чувствительныхъ натурахъ. Въ этихъ случаяхъ робость ведетъ роковымъ образомъ къ колебаніямъ между самоувѣренностью и крайнимъ недовѣріемъ къ себѣ.

IX. Застѣнчивость имѣетъ еще ту дурную сторону, что усиливаетъ самолюбіе и тщеславіе у тѣхъ, кто ею страдаетъ. Поэтому неблагоразумно лѣчить дѣтей отъ этой нравственной болѣзни подтруниваніемъ надъ ихъ неловкостью, а въ особенности упреками. Лучше обратиться къ пріятнымъ и радостнымъ побужденіямъ самолюбія, давать ребенку порученія къ вѣжливымъ людямъ, учить его пріятнымъ словамъ и поступкамъ и переводить такимъ образомъ его мысль съ тягостнаго субъективнаго состоянія на другой, безусловно привлекательный предметъ. Какъ читатель помнитъ, это — тотъ же методъ отвлеченія, который съ успѣхомъ примѣняется противъ страха.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Стыдъ и стыдливость.

I. Физиологическое дѣйствіе стыда. — II. Ребенокъ не столько стыдится дурного поступка, сколько недоволенъ, что ему мѣшаютъ исполнить запрещенное дѣло. — III. Даже 3-лѣтній ребенокъ не знаетъ страха передъ невидимымъ свидѣтелемъ. — IV. Стыдъ есть двигатель, которымъ нужно пользоваться съ осторожностью. — V. Локкъ злоупотреблялъ этимъ дисциплинарнымъ средствомъ: онъ ожидалъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ стыдъ тѣлеснаго наказанія вызоветъ исправленіе виновнаго. — VI. Стыдъ долженъ заставлять ребенка краснѣть за свои недостатки, причиняющіе другимъ людямъ страданія; для того чтобы онъ оказалъ свое дѣйствіе, надо научить ребенка уваженію. — VII. Стыдъ долженъ соотвѣтствовать степени вины по понятію ребенка. — VIII. Не слѣдуетъ стыдить ребенка въ присутствіи большого числа свидѣтелей. — IX. Стыдливость есть стыдъ того, что кажется противорѣчащимъ чистотѣ. — X. Ребенку можно очень рано привить стыдливость, даже раньше какого бы то ни было знакомства съ грязной стороной жизни. — Стыдливость и цѣломудріе — не синонимы. — XI. Какіе источники загрязненія нужно предвидѣть и предупреждать. — XII. Не должно быть страстныхъ ласкъ.

I. Стыдъ есть чувство боли и смущенія отъ сознанія, что совершенъ поступокъ, который считается достойнымъ порицанія. Онъ выражается внѣшними признаками, между прочимъ, внезапнымъ покраснѣніемъ, стремленіемъ прикрыть чѣмъ-нибудь глаза и спрятаться. Такъ какъ эти явленія могутъ служить выраженіемъ и другихъ душевныхъ состояній, то слѣдуетъ на нихъ немного остановиться.

Приливъ крови къ лицу характеренъ не для одного только стыда. Всякое мадо-мальски сильное душевное волненіе: удовольствіе, удивленіе, гнѣвъ, смущеніе, даже страхъ, послѣ первоначальнаго періода оцѣпенѣнія, — вызываетъ ускоренныя сокращенія сердца и расширеніе кровеносныхъ сосудовъ головы и мозга. По закону самосохраненія, кровь приливаетъ къ той части организма, гдѣ требуется возстановить нарушенную

функцію. Душевное волненіе вызываетъ въ мозгу значительную трату нервныхъ силъ, и кровь тотчасъ же приливаетъ въ большомъ количествѣ для пополненія запаса. Ребенокъ краснѣетъ, вполне естественно, гораздо раньше, чѣмъ испытаетъ въ первый разъ чувство стыда, а позже, при совершеніи предосудительнаго поступка, онъ краснѣетъ вовсе не отъ стыда.

II. Одно изъ проявленій стыда состоитъ въ стремленіи уйти отъ взгляда другого человѣка, отвернуть голову въ сторону и прикрыть глаза, чтобы избѣжать свѣта, при которомъ все видно. Это стремленіе, повидимому, врождено человѣку. Но такія же движенія можетъ вызвать страхъ и изумленіе, такъ что стыдъ есть лишь нравственный страхъ, который въ своей начальной фазѣ мало похожъ на дальнѣйшую.

Когда маленькій ребенокъ, даже 3-лѣтній, намѣренъ совершить дурной поступокъ, то его смущаетъ не столько стыдъ, сколько мысль, что присутствующее лицо можетъ помѣшать ему сдѣлать то, чего ему хочется. Вотъ примѣръ борьбы между драгоценнымъ страхомъ передъ нравственнымъ свидѣтелемъ и наивнымъ упорствомъ въ исполненіи запретнаго поступка. Двухлѣтній Фердинандъ устроилъ себѣ ужасающую смѣсь изъ слюны и золы. Отецъ замѣтилъ это, побранилъ его и запретилъ ему продолжать игру. Личико его сдѣлалось печальнымъ, но не отъ сожалѣнія, что онъ поступилъ дурно, а отъ досады, что нельзя продолжать интересную забаву. Онъ глядитъ отцу въ глаза и говоритъ: «Скажи, папа, когда ты уйдешь?» (Папа собирался уходить, уже надѣлъ шляпу и держалъ зонтикъ подъ мышкой). — Почему ты спрашиваешь меня, когда я уйду? Ты хочешь продолжать игру, не правда ли? — «Да, папа». Другой ребенокъ того же возраста часто предлагаетъ своему отцу такой же вопросъ: «Когда ты уйдешь?» или говоритъ ему: «Не гляди на меня, не надо на меня глядѣть», — единственно для избавленія отъ неудобнаго свидѣтеля. Для маленькаго ребенка самая непріятная сторона

присутствія другихъ людей часто заключается въ томъ, что его увидятъ, побранятъ, помѣшаютъ выполнить предосудительный поступокъ, т. е. получить связанное съ нимъ удовольствіе.

Тидеманъ прекрасно понялъ, что происходитъ въ подобныхъ случаяхъ въ душѣ маленькаго ребенка. «Ему (его сыну 17 мѣсяцевъ отъ роду) нѣсколько разъ запрещали брать съѣдобныя вещи кромѣ тѣхъ, которыя ему давали въ руки, хотя, впрочемъ, его ничѣмъ не запугивали. Онъ схватилъ незамѣтно кусочекъ сахару и спрятался въ уголъ, гдѣ его не было видно. Никто не могъ понять, что бы это значило; его стали искать и застали за сахаромъ. Животныя, получавшія побои, убѣгаютъ со своею добычей единственно по ассоціаціи идей, потому что вспоминаютъ наказаніе. Здѣсь же этого не было, такъ какъ его никогда не наказывали; онъ поступилъ такъ, потому что сообразилъ, что сможетъ съѣсть сахаръ, если его не замѣтятъ, — иначе у него его отнимутъ».

Сынъ Дарвина Додди стащилъ кусокъ сахару; отецъ встрѣтилъ его въ тотъ моментъ, когда онъ выходилъ изъ столовой. Онъ замѣтилъ въ его поведеніи что-то странное и натянутое и подумалъ, что «это поведеніе, вѣроятно, объясняется борьбой между удовольствіемъ съѣсть сахаръ и началомъ угрызеній совѣсти». Конечно, угрызенія совѣсти играли здѣсь очень небольшую роль. Можно однако думать, что рядъ подобныхъ опытовъ, неоднократно испытанныя непріятности въ видѣ выговора или наказанія за нѣкоторыя строго опредѣленные поступки, а быть можетъ, и нежеланіе причинить огорченіе любимымъ людямъ, — однимъ словомъ, социальныя влеченія и привычки, служащія противовѣсомъ эгоистическимъ инстинктамъ ребенка, отучать его удовлетворять свои инстинкты съ такой же непринужденностью, какъ въ то время, когда его проступки оставались безнаказанными.

III. Можно ли утверждать, что голова двух- или

трехлѣтняго ребенка въ состояніи вмѣстить отвлеченное представленіе о невидимомъ свидѣтелѣ его поведенія? Когда маленькій Тидеманъ (въ возрастѣ 2 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ) думалъ, что поступаетъ хорошо, то говорилъ: «Всѣ скажутъ, вотъ хорошій мальчикъ». Когда же онъ бывалъ золъ и ему говорили: «Сосѣдь тебя видитъ», то онъ тотчасъ же переставалъ злиться. Этотъ пресловутый сосѣдь, образъ котораго ему внушали, это пугало служило только для болѣе или менѣе существеннаго усиленія авторитета того лица, которое добивалось повиновенія. Ничто не доказываетъ, чтобы при похищеніи кусочка хлѣба или сахара, въ отсутствіе надзора, ребенка сколько-нибудь смущала мысль о томъ, что «его видитъ сосѣдь».

IV. Стыдъ есть двигатель, которымъ слѣдуетъ пользоваться съ осторожностью. Злоупотребляя имъ, можно привить злорадство и ненависть. Въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ не раздражаетъ недовѣрчивую, злопамятную натуру, склонную помнить скорѣе непріятности, чѣмъ удовольствія, какъ постоянныя оскорбленія самолюбія. У жизнерадостныхъ дѣтей, склонныхъ мѣнять свой образъ мыслей при каждой переменѣ вѣтра, бываетъ наоборотъ: стыдъ скользитъ по нимъ и не оставляетъ глубокихъ слѣдовъ. Мягкіе и апатичные характеры послѣ перваго возбужденія приспособляются къ униженію, какъ ко всякой необходимости, которую налагаетъ сила. Робкія, хитрыя, скрытныя дѣти, вообще отличающіяся наблюдательностью, скоро замѣчаютъ, что есть два легкихъ способа, чтобы избѣжать униженія или наказанія: это — дѣйствовать тайкомъ или солгать послѣ совершенія поступка. Такимъ образомъ, воспитательная система, удѣляющая слишкомъ много мѣста стыду, можетъ привить скрытность и ложь.

V. Локкъ злоупотреблялъ немного стыдомъ, какъ и чувствомъ чести, въ качествѣ нравственно-воспитательнаго средства. Онъ допускалъ примѣненіе тѣлесныхъ наказаній въ крайнихъ случаяхъ, на примѣръ,

въ случаѣ упрямства или умышленнаго и явнаго непослушанія, но единственно потому, что, по его мнѣнію, исправленіе можетъ пробудить въ сердцѣ ребенка раскаяніе и стыдъ; чувство же стыда за полученныя розги должно оказать на него больше вліянія, чѣмъ боль отъ ударовъ. Мнѣніе англійскаго философа вызываетъ серьезныя возраженія, что прекрасно указано Ф. Пилономъ. «Даже въ томъ единственномъ случаѣ», говорилъ Локкъ, «когда, по-моему, должно къ нему прибѣгнуть, слѣдуетъ поступать по возможности такъ, чтобы не физическая боль, а стыдъ, что ребенокъ наказанъ розгами, составлялъ главную часть наказанія». На это Пилонъ справедливо отвѣтилъ: «Да, по возможности! Но возможно ли это?» Локкъ отлично видитъ, что къ боли отъ побоевъ у ребенка не всегда обязательно присоединяется стыдъ за то, что онъ заслуживаетъ порицаніе. Но онъ не замѣчаетъ, что эта драгоцѣнная связь не только сомнительна, но, по самой природѣ тѣлесныхъ наказаній, почти невозможна. Нравственное чувство, которое желательно вызвать, не возбуждается, а скорѣе заглушается рѣзкимъ и безусловно преобладающимъ ощущеніемъ физической боли, а также другими чувствами, вызываемыми тѣлеснымъ наказаніемъ. Нѣтъ надобности возвращаться къ тому, что было сказано въ одной изъ предыдущихъ главъ о раздраженіи, озлобленіи и ненависти, прививаемыхъ дѣтямъ тѣлесными наказаніями почти физиологическимъ путемъ. Укажемъ лишь на неполноту анализа Локка. Онъ говоритъ только о томъ стыдѣ, порицаніи и наказаніи, которое ребенокъ признаетъ заслуженнымъ. Но приходится считаться не только съ этой цѣлительной формой стыда. Есть еще другой стыдъ, который гораздо чаще вызывается побоями, если ребенокъ уже вышелъ изъ самаго ранняго возраста: это — стыдъ отъ полученнаго оскорбленія, которое ребенокъ не хочетъ или не можетъ признать равнымъ его винѣ. Этого-то послѣдній видъ стыда

никакъ не можетъ способствовать нравственному исправленію ¹⁾.

VI. Для того чтобы достигнуть цѣли, стыдъ долженъ побуждать ребенка къ такимъ поступкамъ, при которыхъ сохранялось бы уваженіе близкихъ людей. Ребенокъ долженъ страдать отъ своихъ недостатковъ точно такъ же, какъ страдали на его глазахъ отъ нихъ другіе. Мы не страдаемъ отъ нашихъ недостатковъ, если они не нравятся другимъ лишь постольку, поскольку имъ нравятся наши достоинства, и мы не думаемъ хорошо о себѣ, когда другіе о насъ только плохого мнѣнія. Если вы хотите, чтобы стыдъ сохранилъ всю свою власть надъ ребенкомъ, то постарайтесь, чтобы онъ больше цѣнилъ ваше уваженіе и чувствовалъ довольство самимъ собою.

VII. Порицаніе должно соотвѣтствовать степени вины и прежде всего тому значенію, которое самъ ребенокъ ей приписываетъ. Это значить, что нельзя порицать одинаково за простую небрежность, за нарушеніе условныхъ приличій, за поступокъ, совершенный подъ вліяніемъ неопытности, неловкости или горячности, и за воровство, ложь и низкій или злой поступокъ. Точно такъ же нельзя взвѣшивать послѣдніе дурные поступки на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ для 2-лѣтняго и 4-лѣтняго, для 4-лѣтняго и 8-лѣтняго ребенка. На самомъ дѣлѣ, раздѣленіе поступковъ на похвальные, достойные порицанія и безразличные далеко не одинаково широко и не одинаково точно для однихъ и для другихъ. Талантливые воспитатели соблюдаютъ это различіе инстинктивно, другіе же не всегда умѣютъ его проводить.

Какъ общее правило, не слѣдуетъ стыдить въ присутствіи большого числа свидѣтелей. Это требованіе относится, впрочемъ, скорѣе къ домашнему воспитанію, чѣмъ къ общественному; у послѣдняго

¹⁾ F. Pillon. Les châtimens corporels dans l'éducation. La critique philosophique, №№ отъ 19 и 26 сентября 1878.

есть свои средства и свои особыя требованія. Для того, чтобы ребенокъ покраснѣлъ за свое поведеніе, нужно, чтобы онъ видѣлъ на всѣхъ лицахъ выраженіе огорченія и порицанія; это подскажетъ ему, что онъ долженъ самъ чувствовать. Если при выговорѣ или наказаніи присутствуетъ много свидѣтелей, то кто-нибудь изъ нихъ легко можетъ словомъ жалости или улыбкой пониманія испортить весь результатъ наставленія.

VIII. Что касается меня, то я не признаю настолько тѣсной связи между семьей и школой, чтобы униженіе, перенесенное въ одной, незамѣтно передавалось и въ другую; правда, все, что происходитъ въ школѣ, находитъ свой отзвукъ и признаніе въ семьѣ, но послѣдняя должна имѣть свою особую строго замкнутую сферу дѣятельности. Есть проступки, которые безъ всякаго намека на скрытность могутъ оставаться неизвѣстными одному изъ родителей; если отнестись къ ребенку съ довѣріемъ и позволить ему соблюсти тайну, чтобы не причинить большого огорченія кому-нибудь изъ людей, чьимъ уваженіемъ онъ дорожитъ, то это можетъ только укрѣпить въ молодой 6- или 7-лѣтней душѣ чувство нравственной отвѣтственности, которое заставитъ ребенка краснѣть передъ самимъ собою за никому неизвѣстный дурной поступокъ. Но чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ полезнѣе стыдить его въ присутствіи немногихъ лицъ, не впадая, впрочемъ, въ крайность. Выраженіе глазъ, позы, слова порицанія, молчаніе, холодность друзей должны служить ему достаточнымъ предупрежденіемъ или наказаніемъ.

IX. Стыдливость есть стыдъ, испытываемый по поводу того, что кажется противорѣчащимъ чести, а въ особенности чистотѣ. Вопреки Руссо, она не врождена человѣку. Руссо считаетъ стыдливость инстинктомъ женщинъ и какъ бы «даромъ высшаго существа»: она естественнымъ образомъ сдерживаетъ неограниченныя желанія слабаго существа, подобно тому, какъ неумѣренныя страсти сильнаго существа

управляются разумомъ. Прудонъ впадаетъ въ противоположную крайность и отрицаетъ у женщины всякую стыдливость: эта измѣненная форма личнаго достоинства появляется у женщины только отъ страха передъ мужчиной. Я могъ бы скорѣе согласиться съ Прудонемъ, когда онъ говоритъ, что у маленькихъ дѣтей нѣтъ стыдливости, но не прибавилъ бы, какъ онъ, что ея очень мало и у подростковъ и юношей до половой зрѣлости. Въ дѣйствительности, понятіе и чувство стыдливости сильно зависятъ у обоихъ половъ отъ воспитанія.

Х. Ребенка можно очень рано приучить къ стыдливости, даже раньше какого бы то ни было знакомства съ грязной стороною жизни. Первое средство состоитъ въ томъ, чтобы ему внушить «чисто физическое отвращеніе даже къ случайному прикосновенію и требовать съ брезгливымъ выраженіемъ въ голосъ, чтобы онъ умылъ руки, если его застали за этимъ дѣломъ. Этотъ маленькій искупительный актъ оставляетъ въ памяти дѣтей благотворное впечатлѣніе, и слѣды его не исчезнуть вполне даже тогда, когда разумъ вскрыетъ этотъ приѣмъ» ¹⁾.

Слѣдуетъ также, чтобы всѣ лица, близко соприкасающіяся съ ребенкомъ, относились съ крайней щепетильностью ко всему, что можетъ оскорбить его зрѣніе или слухъ. Няньки и даже матери, а также и взрослые дѣти слишкомъ часто забываютъ, что юный наблюдатель все видитъ и ничего не забываетъ. Такъ какъ стыдливость произошла отъ употребленія одежды, то слѣдуетъ одѣваться и раздѣваться при ребенкѣ такъ, какъ если бы это былъ взрослый.

XI. Стыдливость драгоценна прежде всего тѣмъ, что предохраняетъ отъ всего нечистаго. Но стыдливость и цѣломудріе—не синонимы. Одни дѣти краснѣютъ, еще не зная зла, другія не краснѣютъ

¹⁾ Fonssagrives. L'éducation physique des garçons, стр. 317.

вовсе, хотя и тронуты уже порокомъ. Родители не должны ни на минуту забывать о необходимости бдительнаго вниманія. Порча происходитъ отъ тысячи физическихъ и общественныхъ причинъ. Надо съ самаго же начала принять мѣры противъ тѣхъ и другихъ. Ребенокъ долженъ носить днемъ глухіе панталоны, а ночью длинную рубашку и спать, положивши голову на руки, сложенные ладонями. Частыя обмыванія предохраняютъ его отъ раздражающаго зуда. Специальныя заботы и средства освобождаютъ его отъ паразитовъ, которые живутъ въ нижнемъ концѣ кишечника и своими быстрыми движеніями вызываютъ далеко не безопасное возбужденіе. Его игры съ другими дѣтьми и прислугой требуютъ постоянного присмотра. Онъ не долженъ оставаться одинъ въ комнатѣ ни подъ какимъ предлогомъ. Избытокъ силъ долженъ найти себѣ выходъ въ движеніяхъ на свѣжемъ воздухѣ, иначе онъ роковымъ образомъ разрядится по путямъ чувствъ.

ХІІ. Чрезмѣрное возбужденіе нервовъ, предрасполагающее ребенка къ нездоровымъ привычкамъ, обычно находитъ себѣ пищу въ несдержанныхъ играхъ, въ обильныхъ и страстныхъ ласкахъ, которыя будятъ въ юныхъ существахъ съ нѣжными и впечатлительными нервами безсознательныя желанія. Эта опасность особенно велика у дѣтей, которыя въ силу наслѣдственнаго предрасположенія, а иногда по своей болѣзненности отличаются особымъ влеченіемъ къ ощущеніямъ, связаннымъ съ половымъ инстинктомъ. Наше неблагоразуміе часто усиливаетъ дѣйствіе этихъ влеченій.

Пусть врожденный инстинктъ любви, основанный на пріятности поцѣлуя и прикосновенія, получить справедливое удовлетвореніе, но не больше. Ребенокъ, лишенный поцѣлуевъ и доказательствъ любви, предоставленъ неводержанности въ одиночествѣ. Если же его слишкомъ много цѣлуютъ и ласкаютъ, особенно посторонніе люди, то онъ попадаетъ въ ту же бѣду

другимъ путемъ. Ласковые, но сдержанные обычаи общежитія должны служить для него предохранительнымъ или отвлекающимъ средствомъ отъ любовнаго влеченія, которое сказывается сильно у нѣкоторыхъ дѣтей, но требуетъ вниманія у всѣхъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Легковѣріе.

I. Въ основѣ легковѣрія къ словамъ другихъ лежитъ первоначальная вѣра, сопровождающая упражненіе чувствъ. Эта вѣра остается, но съ ограниченіями относительно нѣкоторыхъ, хорошо извѣстныхъ явленій. — II. Нужно исправлять у ребенка или научить его самостоятельно исправлять массу ошибочныхъ сужденій съ вреднымъ или неразумнымъ примѣненіемъ. — III. Ребенокъ легковѣренъ благодаря своей непосредственности. Соотношеніе между стремленіемъ къ дѣйствию и памятью душевныхъ движеній: довѣріе и осмотрительность. — IV. Надо дать просторъ этой довѣрчивости и ограничивать ее только сознательно. — V. Надо, чтобы ребенокъ узналъ, что есть исключенія изъ каждаго закона, и чтобы онъ научился обдумывать рѣшенія и пріобрѣть терпѣніе и выдержку. — VI. Большая чувствительность ребенка дѣлаетъ его иногда похожимъ на загипнотизированнаго взрослого человѣка, способнаго подчиняться всякаго рода внушеніямъ. — VII. На насъ лежитъ строгая обязанность уважать его добрую волю, умъ и невинность. — VIII. Вопреки Платону, не нужно обманывать ни народъ, ни дѣтей. Исключенія, когда допускается ложное внушеніе, очень рѣдки. — IX. Разказы для дѣтей должны быть правдоподобны; не нужно нелѣпныхъ и устрашающихъ вымысловъ.

I. Слово «легковѣріе» понимается часто неправильно. Оно означаетъ склонность вѣрить всему и всѣмъ безъ достаточныхъ основаній. Такая склонность предполагаетъ неспособность судить самостоятельно, а это невѣрно даже для ребенка въ возрастѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ начать вѣрить свидѣтельству другихъ, онъ уже началъ видѣть своими глазами и слышать своими

ушами. Очевидность составляет основную черту всѣхъ его ощущений и сопровождается развитіе всѣхъ его чувствъ. Мало-по-малу этой первоначальной безусловной вѣрѣ приходится выдержать рядъ испытаній. Ребенку дали, напримѣръ, ложку слишкомъ горячаго супа: наученный горькимъ опытомъ, онъ дѣлаетъ матери знакъ, означающій: «Подуй на ложку, раньше чѣмъ подносить ее къ моему рту». Вскорѣ у него уже есть достаточно оснований не довѣрять пламени и югню. Къ ходьбѣ онъ приступилъ съ полной увѣренностью, но упалъ и ушибся и съ тѣхъ поръ уже не возобновляетъ своихъ попытокъ къ передвиженію безъ чьей-нибудь поддержки. Въ десять мѣсяцевъ онъ много разъ пробуетъ поднять тяжелую крышку сундука, но въ полтора года онъ уже убѣжденъ въ бесполезности своихъ усилій и не имѣетъ болѣе желанія тратить на это свой трудъ и время.

II. Надо помнить, что даже въ раннемъ дѣтствѣ принципъ отрицательнаго воспитанія долженъ быть примѣняемъ лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ. Слѣдуетъ не только удерживать ребенка отъ заблужденій, вредящихъ его благополучію, здоровью, хорошему расположенію духа и нравственности, но надо также всегда исправлять, пока онъ малъ, — а когда подрастетъ, то научить его самостоятельно исправлять — ложныя сужденія, въ которыя его вовлекаетъ безстрашная инстинктивная вѣра. Эта система необходима особенно еще потому, что дѣтское знаніе далеко не безкорыстно: любопытство ребенка не теоретическое, оно имѣетъ въ виду непосредственную практику или ожидаетъ только ближайшаго случая для примѣненія полученныхъ знаній, а ютъ этого часто бываетъ легче предохранить, чѣмъ удержать.

III. Ребенокъ всегда представляетъ собою существо болѣе или менѣе непосредственное. Для него видѣть предметъ или думать о немъ значить любить или ненавидѣть его, а, слѣдовательно, и желать его или отвергать. Мозгъ еще слишкомъ слабъ, чтобы сдер-

жать игру мышцъ, пришедшихъ въ движеніе вслѣдствіе возбужденія чувствъ, а опытъ еще не можетъ представить ему достаточно вѣскихъ основаній, чтобы сдержать себя. Если онъ самъ останавливаетъ или сдерживаетъ какое-нибудь дѣйствіе, начавшееся въ немъ помимо его, то этимъ онъ бываетъ чаще всего обязанъ не усвоеннымъ привычкамъ, а собственному темпераменту. Быстрота и увѣренность дѣйствій ребенка, вышедшаго уже изъ періода рефлекторныхъ движеній, зависятъ, на самомъ дѣлѣ, отъ большей или меньшей энергіи его природныхъ побужденій къ дѣйствію. Не надо также забывать, что послѣднія находятся въ тѣсной связи съ тѣмъ, что англичане называютъ эмоціоной памятью. «Довѣрчивый темпераментъ», говоритъ Дж. Селли, «означаетъ особенно хорошую память на удовольствія, а осмотрительный и боязливый — такую же память на непріятности» ¹⁾.

IV. Одни дѣти склонны больше къ довѣрчивости, другія къ осторожности. Но, вообще, ребенокъ довѣрчивъ: когда дѣло идетъ о чемъ-нибудь интересномъ, онъ не сомнѣвается ни въ результатѣ, ни въ своемъ умѣніи его достигнуть. Надо предоставить ему его счастливую довѣрчивость и умѣрять ее только въ случаѣ достаточнаго основанія; усиливать и ограничивать ее — одинаково вредно. Это чувство мѣры, повидимому, измѣнило выдающемуся гигиенисту, когда онъ сказалъ: «Слѣдуетъ, чтобы мать приучала ребенка путемъ опыта, приобрѣтаемаго цѣной нѣсколькихъ шлепковъ и ушибовъ отъ паденія, смотрѣть на боль не какъ на необычайную случайность, а какъ на обыкновенную вещь, входящую въ обиходъ нашей жизни» ²⁾. Гораздо лучше показать ему, какъ избѣжать боли или уменьшить ее. Если его не жалѣютъ сверхъ мѣры за шишку на лбу или за уколъ булавкой, — это хорошо; но еще лучше предупредить его, чтобы

¹⁾ Sully. *Eléments de psychologie*, стр. 638. (Селли Д. Основы общедоступной психологіи. 4 изд., Спб., 1908).

²⁾ Fonssagrives. *L'éducation physique des garçons*..

онъ не подвергалъ себя этой непріятности, а иногда помочь ему избѣжать ея. Тогда онъ будетъ остороженъ, но не боязливъ. Онъ научится ходить, бѣгать, вѣсть, качаться, трогать и ощупывать вещи и животныхъ и обращаться съ ними, — и все это онъ будетъ дѣлать смѣло и обстоятельно, лишь бы только мы его не жалѣли, а слѣдили за нимъ и ободряли его.

V. Нужно непрерывно поддерживать привычки, относящіяся къ чувствительности, но при этомъ осторожно ихъ регулировать. Въ нихъ слѣдовало бы внести побольше разнообразія даже у двухлѣтняго ребенка для того, чтобы онъ не обратился въ неудержимое влеченіе. Хрупкія пружины дѣтской дѣятельности надо спускать съ привѣтливой осторожностью. Иногда не мѣшаетъ не спѣшить съ удовлетвореніемъ желаній, которыя обычно исполняются; хорошо также, чтобы ребенокъ видѣлъ, что даже самыя законныя опасенія не всегда осуществляются. Если искусно противопоставить эти исключенія знакомому правилу, то они даютъ ребенку матеріалъ для размышленій и учатъ его лучше понимать тѣ средства, съ помощью которыхъ мы сами выпутываемся изъ бѣды: они приучаютъ къ терпѣнію и выдержкѣ. Единственная вещь, на которую двухлѣтній ребенокъ долженъ всегда и вполне разсчитывать, это — любовь и снисходительность его близкихъ. Нужно также, чтобы похвала и порицаніе за серьезныя вещи воздавались ему съ полной справедливостью и чтобы онъ ни того, ни другого не могъ заранѣе предвидѣть. По мѣрѣ того, какъ онъ становится старше, для него бываютъ очень полезны небольшія колебанія въ серьезныхъ дѣлахъ. Они составляютъ не только необходимое условіе развитія его нравственнаго чувства, но и, вообще, заставляютъ его больше цѣнить заслуженную похвалу и способствуютъ такимъ образомъ увеличенію его истинныхъ удовольствій.

VI. Между вѣрой и чувствомъ существуетъ тѣсная связь. Сильное впечатлѣніе выдвигаетъ въ умъ на

передній планъ одну идею или одинъ образъ въ ущербъ всѣмъ остальнымъ, которые оно могло бы вызвать. Этотъ образъ въ свою очередь вызываетъ новыя чувства, которыя вступаютъ въ связь съ первоначальнымъ и усиливаютъ его. Такъ, страхъ вызываетъ устрашающія галлюцинаціи. Сильное желаніе заставляетъ насъ вѣрить въ существованіе предмета желанія или въ то, что его легко добыть; отъ этого еще больше усиливается желаніе. Упорное ожиданіе производитъ такое же дѣйствіе, — настоящее внушеніе наяву. Вотъ примѣръ у взрослого человѣка: «Я находился въ Парижѣ», рассказываетъ Виганъ, «на вечерѣ у г. Беллара, спустя нѣсколько дней послѣ казни князя Московскаго (Нея). Швейцаръ, услышавъ имя *Maréchal aîné* (старшаго маршала), доложилъ, что пришелъ маршалъ Ней. Внезапная дрожь пробѣжала по всѣмъ собравшимся, и я, со своей стороны, могу увѣрить, что на одно мгновеніе сходство съ княземъ было для моихъ глазъ настолько полнымъ, какъ если бы это былъ онъ самъ» ¹⁾.

Эти любопытныя явленія внушенія объясняются, какъ и всѣ другія, просто замедленіемъ кровообращенія въ какой-нибудь части мозга, въ зависимости ли отъ яркаго образа или отъ механическаго дѣйствія, аналогичнаго тѣмъ, какія примѣняются гипнотизерами. Человѣкъ приходитъ, такимъ образомъ, въ состояніе обостреннаго зрѣнія, при чемъ у него пріостанавливается умственная дѣятельность по отношенію ко всему, что не составляетъ предмета его видѣнія.

Зная фізіологическія условія подобнаго состоянія внушаемости или легковѣрія, нетрудно понять, что оно можетъ быть вызвано также лихорадкой и даже процессомъ пищеваренія. Ученый Мори, засыпая однажды послѣ обѣда, ясно увидѣлъ красныя вишни на зеленой фарфоровой тарелкѣ, — тѣ же вишни и

¹⁾ Nouvelle espèce de folie, 1844, p. 56, cité par M. de Rochas, Revue scientifique 12 февр. 1887 г.

тарелку, которыя обратили на себя его вниманіе за-
ѣдой ¹⁾. Пищевареніе вызвало при засыпаніи эту гал-
люцинацію, отвлекши отъ мозга часть крови къ
срединной части тѣла. Разстройства желудка, связан-
ныя съ воспаленіемъ этого органа, вызываютъ гал-
люцинаціи печальнаго характера.

VII. Въ послѣднее время много говорили о при-
мѣненіи гипнотизма, какъ воспитательнаго средства,
не только у порочныхъ и больныхъ дѣтей, но и
у всѣхъ дѣтей, лѣность и неисправимые недостатки
которыхъ не поддаются обычнымъ воспитательнымъ
пріемамъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ способъ дѣйствія,
мышленія и чувствованія, который считается хоро-
шимъ и отъ котораго ожидается болѣе или менѣе
прочное дѣйствіе, навязывается ребенку путемъ своего
рода внушенія, аналогичнаго гипнотическому по
своимъ причинамъ и слѣдствіямъ. Прежде чѣмъ выска-
заться о пользѣ и о законности подобнаго рода
лѣченія, мы должны подождать новыхъ и рѣшающихъ
опытовъ. Сомнѣнія, подсказываемыя уваженіемъ къ
личности ребенка, не имѣютъ здѣсь значенія, такъ
какъ несомнѣнно, по мнѣнію г. Маріона, что «вос-
питаніе требуетъ порядочной дозы детерминизма» и
что «большая часть дѣтей, какъ и вообще всѣ слабые
умы, принимаютъ, особенно при извѣстныхъ условіяхъ,
съ невѣроятной легкостью тотъ отпечатокъ, какой имъ
придаютъ» ²⁾. Впрочемъ, по отношенію къ самымъ
маленькимъ дѣтямъ, этотъ доводъ не имѣетъ значенія,
если только вѣрно, какъ утверждаетъ Прейеръ, что
ихъ нельзя загипнотизировать. «Причина, почему
ребенка нельзя загипнотизировать», говоритъ онъ,
«заключается въ его слабой волѣ. Она недостаточно
сильна, чтобы направить его вниманіе и сосредоточить
его на нѣкоторое время въ одномъ направленіи, на
одной точкѣ, что составляетъ необходимое условіе

¹⁾ Mory. Le sommeil et les rêves, стр. 271. (Мори. Сонъ и сно-
видѣнія. Спб., 1867).

²⁾ Revue philosophique, февраль. 1887.

гипнотическаго сна» ¹⁾. Мнѣніе это, впрочемъ, оспаривается.

Прочно установлено только то, что въ нормальномъ состояніи крайнее легковѣріе ребенка выражается въ сужденіяхъ, эмоціяхъ и поступкахъ, которые часто дѣлають его похожимъ на загипнотизированнаго взрослого человѣка (при чемъ нужно, конечно, принять во вниманіе разницу лѣтъ). Отсюда вытекаетъ для насъ строгая обязанность уважать добрую волю, умъ и невинность молодого существа и то, что можно назвать его свободой.

VIII. Платонъ совѣтовалъ правительству обманывать народъ для его же пользы. Это же правило онъ примѣнилъ бы, конечно, и къ воспитанію юношества. Платоновскій принципъ былъ однажды предметомъ конкурса. Академія, которая предложила вопросъ: «Полезно ли народу быть обманутымъ?», безпристрастно присудила двѣ преміи, одну за сочиненіе, которое лучше всѣхъ отстаивало положительное рѣшеніе вопроса, а другую за сочиненіе, которое лучше всѣхъ защищало отрицательное рѣшеніе. Я спрашиваю себя, какой результатъ дала бы педагогическая анкета по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли обманывать ребенка для его же пользы или, по крайней мѣрѣ, для его удовольствія. Что касается меня, то я продолжаю думать, что подобная ложь не можетъ принести настоящей пользы ни дѣтямъ, ни народамъ. Въ крайнемъ случаѣ, я допускаю, по отношенію къ десяти или двѣнадцатимѣсячному ребенку, словесное внушеніе, въ родѣ: «это хорошо», когда дѣло идетъ о новомъ кушаньи, которое ему не нравится, можетъ быть, только по своей новизнѣ. Но какую логическую или нравственную пользу можно извлечь, увѣряя его, что горькое, въ дѣйствительности, вещество имѣетъ пріятный вкусъ, хотя бы интересы его здоровья и извиняли подобную ложь?

¹⁾ Preyer. L'âme de l'enfant (Die Seele des Kindes), стр. 287.

IX. Большая впечатлительность ребенка отдает его во власть внушаемых ему ощущений и ярких образовъ. Онъ видитъ все, о чемъ ему говорить. Дѣйствіе образовъ усиливается еще дѣйствіемъ словъ, интонацій и жестовъ. Каковы бы ни были наши рассказы, для наивнаго слушателя они становятся осязательной дѣйствительностью. Въ этомъ и заключается прелесть, но зато и опасность всѣхъ чудесныхъ рассказовъ, которые ему преподносятся. Пусть они будутъ хоть правдоподобны; я не вижу необходимости пичкать молодой умъ вещами, которыя ему придется впослѣдствіи переучивать по-новому. Не нужно прежде всего нелѣпыхъ рассказовъ о мертвецахъ, отъ которыхъ ребенокъ глупѣетъ и становится жертвой печальныхъ предразсудковъ, если только не попадаетъ во власть болѣзненнаго страха. Но разъ ужъ онъ такъ вѣрится сочиненнымъ для него маленькимъ комедіямъ и драмамъ, то я желалъ бы, чтобы ихъ ради прикрасъ не переиначивали и не портили. Не станемъ, наконецъ, лишать его интереса къ этимъ рассказамъ и поостережемся поселять въ головѣ маленькаго ребенка сѣмя скептицизма, убѣждая его не плакать надъ ними, потому что они вымышлены. Мы же первые страдаемъ отъ такой практической неосторожности: мы заставимъ ребенка остерегаться самыхъ полезныхъ и законныхъ нашихъ внушеній. Такъ и гипнотизеръ встрѣчаетъ иногда противодѣйствіе своимъ попыткамъ со стороны воли, которая какъ бы сама себя гипнотизируетъ для сопротивленія. Къ этой силѣ инерціи не разъ присоединилось бы болѣе или менѣе сознательное притворство, аналогичное тому, какое Бергсонъ отмѣтилъ у нѣкоторыхъ людей ¹⁾, и представляющее извѣстныя затрудненія въ воспитаніи.

¹⁾ Revue philosophique, ноябрь 1886.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Правдивость и ложь.

I. Ложь можно считать у ребенка почти инстинктивной. — II. Главныя благопріятствующія причины. — Ребенку дѣлають замѣчанія за умышленныя и неумышленныя ошибки. — III. Не со всякой ложью слѣдуетъ бороться. — IV. Существуетъ хорошій и дурной способъ, чтобы побудить ребенка сознаться въ своемъ проступкѣ. — V. Не слѣдуетъ подвергать искренность ребенка тяжелому испытанію. — VI. Лучше похвалить его за то, что онъ сказалъ правду, чѣмъ за то, что онъ сознался въ своемъ проступкѣ. — VII. Случай, когда признаніе необходимо и когда воздѣйствіе должно быть физическимъ и, въ особенности, нравственнымъ и основаннымъ на потребности уваженія. — VIII. Искренность прививается лучше всего примѣромъ. — IX. Безусловная необходимость откровенности по отношенію къ ребенку.

I. Ребенокъ такъ легко прибѣгаетъ ко лжи, что ее можно считать почти естественной его склонностью. Если онъ не лживъ по природѣ, то домашняя и общественная среда, въ которой онъ развивается, учитъ его выдавать ложь за истину. Быть можетъ, нѣкоторые характеры особенно склонны къ этому въ силу наслѣдственности. Такъ, у нѣкоторыхъ дѣтей можно съ колыбели отмѣтить признаки врожденнаго расположенія къ скрытности, притворству и хитрости. Займемся лишь главнѣйшими условіями, которыя, по словамъ Монтэня, располагають ребенка ко лжи.

II. Мы могли бы привести длинный рядъ причинъ, побуждающихъ какъ ребенка, такъ и взрослого увѣрять другихъ въ томъ, чего нѣтъ. Приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ числа главнѣйшихъ. Нужно сознаться, что сама природа — наша первая наставница въ неправдѣ. Обманывая насъ, она учитъ насъ самихъ обману. Я говорю о тѣхъ видимостяхъ, которыя она предлагаетъ считать дѣйствительностью, объ иллюзіяхъ, отъ которыхъ не избавлено ни одно изъ нашихъ чувствъ. Промахи, которые дѣлаеть ребе-

нокъ, вызываютъ въ немъ сначала удивленіе и досаду; но прямота его и полная довѣрчивость, повидимому, этимъ еще не задѣваются. Не то происходитъ, когда онъ видитъ, что и мы, подобно вещамъ и при помощи вещей, стараемся его обмануть, будь то въ шутку или ради его пользы. Ребенокъ сердится за явный обманъ, если онъ ему дѣйствительно непріятенъ, но онъ испытываетъ также нравственное мученіе, какъ бы нѣкоторое смущеніе, когда лжетъ, чтобы скрыть первый проступокъ. Въ концѣ-концовъ, насъ же первыхъ ребенокъ и ловить на лжи, несмотря на всѣ наши уловки. «Ложь есть лишь средство, и притомъ дорогое» ¹⁾. Но оно легко доступно ребенку, который часто видитъ его примѣненіе въ окружающей средѣ и среди своихъ товарищей. Это очень удобное средство; оно всегда является къ услугамъ всѣхъ эгоистическихъ страстей, — великихъ совѣтчицъ по части софизмовъ. Склонность къ лакомству, лѣность, алчность, зависть, страхъ во всѣхъ видахъ, непослушаніе и тщеславіе часто служатъ гораздо болѣе сильными двигателями, чѣмъ инстинктъ правдивости.

III. Если полезно, чтобы ребенокъ ошибался и самъ же исправилъ свое ошибочное сужденіе, то такъ же необходимо, чтобы онъ солгалъ, для того, чтобы онъ могъ узнать характеръ и значеніе этого недостатка. Такъ, постепенно, мы открываемъ ему и учимъ его замѣчать, что необычный наружный видъ вещей зависитъ отъ вполне опредѣленныхъ причинъ; такъ приходится поступать въ зависимости отъ медленнаго и послѣдовательнаго развитія чувствъ и сужденія. Аналогичнаго метода мы должны держаться и по отношенію къ его умышленной лжи: мы заставляемъ его оглянуться на самого себя, и онъ, конечно, замѣчаетъ, что, обманывая, онъ уступилъ побужденію, которое могъ и долженъ былъ въ себѣ подавить. Само собою разумѣется, что въ такомъ урокъ практи-

¹⁾ Н. Marion. Leçons de psychologie, стр. 194.

ческой морали должна быть соблюдена мѣра и что онъ умѣстенъ только въ особо важныхъ случаяхъ.

IV. Впрочемъ, не со всякой ложью слѣдуетъ бороться. Пусть ребенокъ немного извратитъ истину жестомъ, мимикой, — словомъ, лишь бы это происходило не слишкомъ часто и не вызывалось дурной шуткой; пусть онъ выбѣжитъ изъ угла, гдѣ онъ спрятался, и поймаетъ или испугаетъ кого-нибудь; пусть онъ сожметъ въ знакъ храбрости и, вставши съ шишкой на лбу, скажетъ: «Я упалъ въ шутку»; пусть онъ, желая избѣжать маленькаго упрека и не причинять обиды матери, скажетъ, что назвалъ «гадкой» не ее, а воду въ ваннѣ, — все это — небольшой обманъ, на который слѣдуетъ закрывать глаза. Зато опасно допускать со стороны ребенка ложь, вызываемую не побужденіями его наивной души, а противообщественными чувствами: завистью, неуступчивостью, непослушаніемъ.

V. Ребенка побуждаетъ лгать боязнь выговора и страхъ, что онъ не получить ожидаемаго удовольствія, но это случается чаще послѣ 3—4 лѣтъ. Недовѣріе, притворство и ложь происходятъ въ этихъ случаяхъ отъ способа, какимъ мы вывѣдываемъ правду. «Кто это сдѣлалъ? Опять ты?» Стоитъ только поставить эти вопросы, да еще со строгимъ видомъ и строгимъ голосомъ, чтобы ребенокъ сталъ придумывать отвѣтъ, который бы избавилъ его отъ наказанія или хотя бы отсрочилъ его. Ребенокъ, воспитываемый мягко, откровененъ, потому что чувствуетъ довѣріе. Мягкій выговоръ при увѣренности въ прощеньи и забвеніи — очень чувствительное наказаніе для хорошо воспитаннаго ребенка; въ немъ нѣтъ ничего, что задерживало бы готовое сорваться съ устъ признаніе. Но иногда надо пожалѣть его слабыя силы и помочь его слабенькой доброй волѣ, мучительно колеблющейся между стыдомъ и любовью. Нужно сказать ему, что знаешь правду, когда, дѣйствительно ее знаешь, и разспросить его только о подробностяхъ его поступка, о томъ, какъ онъ его совершилъ и что его къ нему побудило.

VI. Не слѣдуетъ подвергать тяжелому испытанію, особенно въ мелочахъ, его невинную и хрупкую искренность. Для того, чтобы чувствовать побужденіе говорить правду, нужно знать, что встрѣишь вѣру. Можно иногда притвориться, что вѣришь тому, что говоритъ ребенокъ, и не выражать сомнѣнія въ его чистосердечіи, особенно когда дѣло идетъ о пустякахъ. «Лучше», говоритъ миссъ Эджвортъ, «стать на его сторону по поводу какого-нибудь разбитаго стакана, чѣмъ подвергать испытанію искренность ребенка». Если же мы станемъ относиться къ нему со строгостью и требовать отъ него такой же строгости къ самому себѣ въ случаѣ небрежности или шалости, которая ему кажется незначительной или даже простительной, то этимъ самымъ мы и подвергнемъ его искренность испытанію.

VII. Можно его иногда и похвалить, но лучше хвалить кого-нибудь другого за то, что тотъ сказалъ правду, несмотря на связанный съ нею рискъ и опасность. Пусть онъ видитъ, что мы удовлетворены его искренностью: это важнѣе, чѣмъ прощать ему вину за то, что онъ самъ въ ней сознался. «Я не знаю человѣка, въ которомъ было бы больше готовности сознаваться», говорилъ маркизь Мирабо брату-судьѣ о своемъ вспыльчивомъ, неисправимомъ сынѣ. Не слѣдуетъ запечатлѣвать въ умѣ маленькихъ дѣтей—какого бы то ни было возраста—дурное правило, будто сознаться въ своей винѣ значить на половину ее искупить. Но бываютъ случаи, когда сознание необходимо и гдѣ необходимы какъ физическія, такъ и моральныя мѣры воздѣйствія, особенно моральныя, основанныя на потребности въ уваженіи. «Если ребенокъ извращаетъ то, о чемъ рассказываетъ, если онъ преувеличиваетъ для того, чтобы похвастать, то слѣдуетъ заставить его умѣлыми вопросами постепенно возстановить факты; потомъ уже можно заставить его признать свою ошибку и пристыдить» ¹⁾.

¹⁾ Н. Marion. Leçons de psychologie, стр. 196.

VIII. Иногда слѣдуетъ присоединить къ нравственной боли и физическую непріятность. Если, напримеръ, ребенокъ намъ скажетъ: «Я хочу ѣсть или пить, я не получалъ яблока или пирога», и если ложь очевидна, то мы можемъ ему отвѣтить, что не вѣримъ ему, потому что прекрасно знаемъ, что это не такъ. Если онъ снова скажетъ неправду, съ цѣлью удовлетворить какое-нибудь желаніе или получить удовольствіе, то отвѣтимъ ему спокойно, что не вѣримъ ему, потому что онъ уже обманывалъ насъ въ подобныхъ случаяхъ и, конечно, обманывается и теперь. Если у ребенка есть, дѣйствительно, нужда, если онъ дорожитъ желаннымъ предметомъ или игрушкой, то четверть или полчаса лишенія давятъ ему страданія, но не причиняютъ какого-либо существеннаго ущерба для него и заставляютъ подумать о преимуществахъ искренности.

Если ребенокъ упорно держится своихъ лживыхъ привычекъ, то есть еще другой «хорошій способъ исправленія, состоящій въ томъ, чтобы провѣрять его утвержденія съ помощью товарищей или братьевъ; нужно ему сказать серьезно и съ горечью, что приходится относиться съ недоувѣріемъ къ его словамъ, и выражать, наоборотъ, безусловное довѣріе тѣмъ изъ его товарищей, кто никогда не лгалъ. Привычка ко лжи легко укореняется, если она не уступаетъ совершенно подобному воздѣйствію» ¹⁾. Впрочемъ, это правило приложимо съ пользой лишь въ томъ возрастѣ, когда ребенокъ вышелъ уже изъ періода дѣтства, но еще не обратился въ юношу. Привычки, основанныя на силѣ сужденія и воли и на чувствѣ личнаго достоинства, почти не усваиваются въ возрастѣ 3 или 4 лѣтъ, но такъ же плохо воспринимаются послѣ 12 или 13 лѣтъ.

IX. Въ общемъ, искренность прививается лучше всего примѣромъ. Казалось бы, нѣтъ надобности на-

¹⁾ Marion, loc. cit.

стаивать, что по отношенію къ ребенку, въ особенности своему, необходима самая щепетильная искренность. Между тѣмъ многимъ родителямъ приходится повторять старое изреченіе: «Мы должны относиться къ ребенку съ величайшимъ уваженіемъ», — изреченіе, которое великій поэтъ прекрасно выразилъ словами: «Пожалѣйте русыя головки!» ¹⁾).

«Къ несчастью, мало дѣтей воспитывается въ такой средѣ, гдѣ ложь внушаетъ ужасъ. Какъ мало родителей и учителей, не говоря уже о прислугѣ, не позволяютъ себѣ притворяться и лгать хотя бы въ мелочахъ! Пусть воспитатель служить своимъ питомцамъ всегда примѣромъ правдивости и прямоты; пусть его поведеніе всегда и вездѣ свидѣтельствуешь объ отвращеніи къ притворству, даже къ хитрости; пусть онъ никогда не требуетъ и не позволяетъ, чтобы дѣти выдавали одинъ другого или доносили другъ на друга; наоборотъ, пусть онъ наказываетъ за всякій видъ доноса, но пусть и постарается научить виновныхъ добровольно и смѣло сознаваться въ своихъ проступкахъ; если онъ обѣщаетъ награду или наказаніе, пусть никогда не забываетъ обѣщанія: это лучший способъ развить у воспитанниковъ инстинктъ правдивости и прямоты» ²⁾. Не забудемъ, впрочемъ, что по отношенію къ воспитанію маленькихъ дѣтей послѣднее правило можетъ быть нѣсколько смягчено. Мы уже говорили, что Руссо былъ неправъ, когда требовалъ, чтобы сдѣланныя однажды угрозы и запрещенія оставались непреложными.

Х. Единственное, что безусловно необходимо, это — полная откровенность съ ребенкомъ. Если мы будемъ твердо держаться этого метода, основаннаго всецѣло на искренности, сдержанности и наблюденіи за самимъ собою, то ребенокъ будетъ такъ откровененъ, какъ только можно пожелать, а иногда даже

¹⁾ В. Гюго.

²⁾ Marion, loc. cit. стр. 195.

больше, чѣмъ бы хотѣлось. Какъ бы то ни было, но въ столь нѣжномъ возрастѣ не слѣдуетъ подавлять излишней откровенности. Не станемъ порицать ребенка за какую-либо невинную нескромность. Странно было бы, если бы мы стали внушать ему правило свѣтской морали, что нужно думать все, что говоришь, но не говорить всего, что думаешь. Ему и такъ слишкомъ рано приходится лишиться своей беззаботной и наивной чистоты.

Дадимъ ему говорить все, что онъ думаетъ, во-первыхъ, для того, чтобы поддержать въ немъ это драгоценное качество, а во-вторыхъ, для того, чтобы читать въ его сердцѣ, такъ какъ указанія, которыя онъ безсознательно дѣлаетъ о самомъ себѣ, необходимы намъ, чтобы направлять его мысли и руководить его чувствами и поведеніемъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Эгоизмъ и чувствительность.

I. Не слѣдуетъ поощрять эгоизмъ, происходящій отъ размышленія надъ чувствами.—II. Маленькой личности и всему, что съ ней связано, придается слишкомъ много значенія.—III. Не слѣдуетъ поощрять чувственности.—IV. Наоборотъ, нѣтъ ничего полезнѣе, какъ привлекать вниманіе ребенка къ прошлымъ удовольствіямъ.—V. Этотъ совѣтъ не приложимъ къ прошлымъ огорченіямъ: ребенокъ легко можетъ привыкнуть къ желанію вызывать жалость.—VI. Полезно также выражать въ его присутствіи сочувствіе страданіямъ другихъ и стараться ихъ облегчить.—VII. Вредъ разслабляющаго воспитанія.

I. Если привлекать вниманіе ребенка къ проявленіямъ нѣкоторыхъ чувствъ, напр., гнѣва, страха или робости, то можно внушить ему желаніе побороть ихъ и постепенно дать ему силы овладѣть ими. Не на одни эти чувства полезно обращать вниманіе ребенка. Но здѣсь нужна крайняя осторожность, такъ

какъ ребенку, какъ и взрослому, субъективный анализъ приносить больше вреда, чѣмъ пользы.

Въ общемъ, лучше возвращать мысль ребенка къ испытаннымъ имъ раньше удовольствіямъ, чѣмъ привлекать его вниманіе къ его собственнымъ достоинствамъ и заслугамъ. Эгоизмъ хорошо воспитаннаго ребенка двухъ и даже трехъ или четырехъ лѣтъ не содержитъ въ себѣ ничего опаснаго. Двухлѣтній ребенокъ, съ прекраснымъ сердцемъ и достаточно хорошо воспитанный, всегда бываетъ живо заинтересованъ, когда говорятъ о немъ, о его удовольствіяхъ, занятіяхъ, дѣлахъ, о его домѣ, отцѣ, матери, братѣ, собакѣ, — словомъ, обо всемъ, что имѣетъ отношеніе къ нему, что ему близко. Все, что касается его самого и его близкихъ, хорошо, красиво, важно; точно такъ же все, что причиняетъ ему боль: колики, головная боль, порѣзы на пальцѣ, ушибъ головы, — представляетъ собою большое зло и дѣлаетъ его несчастнымъ. Но сквозь этотъ нелишенный граціи и пользы эгоизмъ уже просвѣчиваетъ чуть-чуть и та отвратительная личность, которую прекрасно описали Паскаль и Ларошфуко. Не слѣдуетъ поощрять ребенка въ этомъ направленіи, — ни одобреніемъ, ни улыбкой.

II. Нѣкоторые люди, при самыхъ лучшихъ намереніяхъ, настолько неблагоразумны, что не могутъ оставить ребенка хоть на нѣсколько минутъ въ покоѣ. Ребенокъ еще очень малъ, но имъ уже восхищаются, его балуютъ, боготворятъ. Послушать ихъ, — ихъ ребенокъ красивѣе, умнѣе, добрѣе, послушнѣе, лучше всѣхъ дѣтей на свѣтѣ. Его некрасивые наросты на тѣлѣ — простые родимые знаки, его неистовство — нетерпѣніе, его проступки — маленькіе грѣшки. Каждую минуту его спрашиваютъ, весело ли ему, доволенъ ли онъ. Ему расточаютъ самыя странныя сентиментальныя слова; его спрашиваютъ, любитъ ли онъ мать или тетю, кого онъ больше всѣхъ любить. Все это — лишь неразумное и чрезмѣрное проявленіе любви; этимъ способомъ любовь настраивается на слишкомъ высокій тонъ,

тогда какъ она всегда должна сохранять среднюю высоту спокойствія и ясности. По этой уже причинѣ ребенокъ становится жаднымъ къ знакамъ дружбы и дѣлается для окружающихъ тираномъ.

III. Эти же замѣчанія относятся также ко всѣмъ дѣйствіямъ, поддерживающимъ чувственность у ребенка. Излишнія заботы и излишнія удовольствія разслабляютъ юное существо. Отъ слишкомъ большого разнообразія испытанныхъ ощущеній и волненій ребенокъ превращается въ эмоциональную машину, отзывающуюся на малѣйшій толчокъ, но производящую всякій разъ лишь слабое и нестойкое чувство. Когда чувствительность нарастаетъ въ ущербъ дѣятельности и волѣ, то физическая слабость и непостоянство характера еще увеличиваетъ число потребностей, которыя становится все труднѣе и труднѣе удовлетворять. Маленькій сибаритъ дѣлается игрушкой своихъ капризовъ, изнѣженнымъ страдальцемъ, да еще сверхъ того упрямымъ существомъ, не поддающимся воспитанію. Я говорю лишь о крайней формѣ разслабляющаго воспитанія; но развѣ оно не опасно во всѣхъ своихъ степеняхъ?

IV. Одна изъ самыхъ большихъ опасностей кроется въ томъ, что люди сами высоко цѣнятъ чувственныя наслажденія и тѣмъ задѣваютъ тщеславіе ребенка. Въ его присутствіи расхваливаютъ обѣды богачей, перечисляютъ удовольствія и почести, связанныя съ богатствомъ и крупными должностями. Считаютъ себя счастливыми или обездоленными своимъ положеніемъ; открыто завидуютъ однимъ и относятся свысока къ другимъ, прилагая къ тѣмъ и другимъ неправильную условную мѣрку общественнаго положенія; проявляютъ, наконецъ, беспорядочную алчность къ благамъ міра и оцѣниваютъ самихъ себя сообразно той долѣ этихъ благъ, на какую признаютъ за собою право. Удивительно ли, если ребенокъ, не знающій жизни и не способный еще понять ея требованій и сопротивленія, считаетъ себя предназначеннымъ для

наибольшей суммы удовольствій, какая только возможна? «Я хотѣлъ бы быть очень богатымъ, чтобы много веселиться и ничего не дѣлать!» говорить совершенно серьезно умный, развитой, хорошо воспитанный девятилѣтній ребенокъ!

V. Во многихъ, впрочемъ, отношеніяхъ полезно напоминать о прошедшихъ радостяхъ, но не слѣдуетъ при этомъ останавливаться на ихъ анализѣ и обострять его юное самолюбіе. Какъ пріятно припоминать вмѣстѣ съ нимъ счастливыя событія, семейныя торжества, поѣздки за городъ или приключенія во время путешествій! Въ немъ оживаютъ и укрѣпляются пріятныя воспоминанія, нѣжныя чувства и неизгладимыя впечатлѣнія его живого и богатаго воображенія. Настоящее и будущее рисуются въ идеальныхъ цвѣтахъ прошедшаго счастья. Этимъ поддерживается законное довольство собою и другими, прекрасный оптимизмъ и довѣріе, отъ которыхъ какъ у ребенка, такъ и у взрослого зависитъ взглядъ на жизнь и дѣятельное отношеніе къ ней.

VI. Мы должны всячески остерегаться напоминать ребенку о перенесенныхъ имъ страданіяхъ, если только не нужно вывести изъ нихъ ясный и понятный урокъ терпѣнія, мужества и благоразумія. Ребенокъ легко привыкаетъ вызывать жалость и проникаться жалостью къ самому себѣ. Это чувство сопровождается острымъ удовольствіемъ, способствующимъ его воспроизведенію. Если основанія для жалобъ не являются сами собою, то ребенокъ скоро научается ихъ пріискивать. Онъ удивляется, въ концѣ-концовъ, малѣйшему страданію, какъ будто оно — результатъ несправедливости. Когда же ребенокъ дойдетъ до такого состоянія, то уже не можетъ удѣлять много жалости другимъ.

Слѣдуетъ, чтобы ребенокъ привыкъ сочувствовать страданіямъ другихъ, видя, какъ старшіе ихъ жалѣютъ и стараются имъ помочь. Когда же при неизбѣжныхъ случайностяхъ и страданіяхъ прихо-

дится выражать сочувствіе ему самому, то нужно это дѣлать такъ, чтобы онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на обыденную вещь въ жизни всѣхъ людей. Но такое благоразуміе встрѣчается рѣдко.

«Маленькій царь творенія падаетъ со своей высоты, колется булавкой, ушибается объ уголъ стола, выходитъ окровавленнымъ изъ драки съ дѣтьми, — и его пронзительные крики покрываются криками матери и восклицаніями прислуги и другихъ дѣтей; всѣ причитають, бѣгутъ за водою, за каплями; маленькаго раненаго наперерывъ покрываютъ поцѣлуями, — а онъ чувствуетъ себя центромъ вниманія и, можетъ быть, злорадно уже думаетъ о томъ, чтобы извлечь маленькую выгоду изъ своего несчастья. Усердіе, съ какимъ окружающіе стараются его утѣшить, побуждаетъ его кричать еще больше; съ окончаніемъ же драмы впечатлѣніе отъ нея не изглаживается, такъ какъ всѣмъ гостямъ рассказываютъ, въ присутствіи ребенка, въ мельчайшихъ подробностяхъ, объ ужасномъ случаѣ. Изъ всего этого ребенокъ выноситъ желаніе снова порисоваться, убѣжденіе, что онъ перенесъ огромныя страданія, и малодушное желаніе избѣгать подобныхъ случайностей. Такъ получаютъ изнѣженные дѣти, нервные люди и разслабленные общества.

«У семи нянекъ дитя безъ глазу», говоритъ русская пословица. Трусливая мать можетъ съ успѣхомъ замѣнить всѣхъ семерыхъ. Не мѣшаетъ, впрочемъ, замѣтить, что ребенокъ рѣдко кричитъ при паденіи, когда онъ одинъ. Я видѣлъ дѣтей, которыя, упавши, сохраняли на лицѣ улыбку до появленія матери, и раздражались воплями, лишь только замѣчали на ея лицѣ выраженіе сочувственнаго страха. Этимъ признакомъ она и даетъ всегда понять, что не забываетъ ребенка.

«Но боль намъ приходится переносить не только въ острой формѣ, какъ при паденіи или другой случайности; болѣзнь также влечетъ ее обыкновенно за собою и даетъ развитымъ матерямъ случай зака-

лить чувствительность ребенка, — случай, къ которому большинство относится—увы!—со слишкомъ большимъ пренебреженіемъ. Ребенка жалѣютъ, ласкаютъ, предупреждаютъ его желанія, плачутъ передъ нимъ, говорятъ о немъ со слезами въ голосъ, внушая ему жалость къ его собственной участи, — и сразу улечиваются всѣ прекрасныя рѣшенія насчетъ твердости въ воспитаніи. Одна недѣля такой системы, — и получается уже изнѣженное дитя, если только не исправить его снова мягкой настойчивостью»¹⁾. Какъ все это хорошо подмѣчено и описано! Какъ все это вѣрно съ самой простой человѣческой точки зрѣнія! Замяните слово «ребенокъ» словомъ «пессимистъ» или «декадентъ», и вы увидите, какъ своеобразное баловство оказывается возведеннымъ въ философію, а такая же любовь превращается въ религію.

VII. Маріанна чуть не умерла въ раннемъ дѣтствѣ отъ воспаленія легкихъ. Мать стала окружать ее безконечными заботами. Каждый день она говорила, какое горе она испытала и какое ей пришлось бы испытать, если бы она лишилась дочери. Въ концѣ-концовъ, дѣвочка оказалась страшно избалованной, и никто въ домѣ не могъ съ нею справиться. Тогда рѣшено было отдать ее въ пансіонъ, но только въ томъ же городѣ, для того чтобы слѣдить за дѣвочкой или, вѣрнѣе, за ея воспитательницами. Такая воспитанница, конечно, заслуживала наказаній; ей грозили, что скажутъ матери, когда та придетъ, и обѣщали не разрѣшить ближайшаго отпуска. Маріанна не говорила ни слова; у хитрой десятилѣтней дѣвочки планъ былъ готовъ: по средамъ и субботамъ, наканунѣ свиданій и выходовъ, она непрерывно раздражала себя горло, и когда на другой день приходила мать, то вслѣдъ за первыми поцѣлуями слѣдоваль рѣзкій приступъ сильного кашля, который въ испуганномъ воображеніи матери вызываль страшный призракъ вос-

1) Fonssagrives. L'éducation physique des garçons, стр. 63—66.

паленія легкихъ. Этотъ пріемъ всегда достигалъ цѣли. Въ концѣ-концовъ, вся власть воспитательницъ была сведена этими военными хитростями къ нулю, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ терпѣнія и большого труда семья получила обратно свою Маріанну со всѣми ея искусственно вызываемыми простудами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Эгоизмъ, дѣятельность и знаніе.

I. Эгоизмъ сливается съ любовью къ существованію, силѣ и удовольствію. — II. Дѣятельность нравится ребенку, и это удовольствіе само по себѣ побуждаетъ его къ дѣятельности. — III. Область полезныхъ дѣйствій постепенно отдѣляется отъ игры. — IV. Ребенку нужно предоставлять значительную свободу, но не оставлять его безъ наблюденія. — V. Сравненіе его поступковъ и свойствъ съ поступками и свойствами другихъ легко порождаетъ мысль о превосходствѣ. — VI. Пусть ребенокъ пробуетъ свои силы и этимъ путемъ всесторонне развивается. — О специальной гимнастикѣ для ранняго дѣтства. — VII. Его можно хвалить, но не льстить ему и не восхищаться его силой и ловкостью. — Наивныя и странныя формы дѣтскаго эгоизма. — Ребенокъ любитъ поражать. — VIII. Необходимо заблаговременно позаботиться о томъ, чтобы вѣра въ себя не обратилась въ хвастовство несуществующими силами и способностями. — IX. Ребенокъ обнаруживаетъ такое же тщеславіе по отношенію къ своимъ познаніямъ, какъ и къ своей силѣ и ловкости. — X. Относясь съ полнымъ вниманіемъ къ серьезнымъ заблужденіямъ, нѣтъ надобности обращать вниманіе на этого рода тщеславіе.

I. Себялюбіе, сливающееся съ любовью къ существованію, силѣ и удовольствію, дѣлаетъ маленькаго ребенка безсознательнымъ эгоистомъ или «лицомъ, не знающимъ самого себя» ¹⁾. Этотъ безхитростный натискъ, этотъ откровенный пышный ростъ личности, которая любитъ себя, сама того не зная, и насла-

¹⁾ Paul Janet. La famille, стр. 131.

ждается собою во всѣхъ малѣйшихъ своихъ проявленіяхъ, мы должны направлять, насколько допускаетъ ранній возрастъ, и постараться извлечь изъ него все лучшее въ интересахъ самой личности и общества.

Себялюбіе, или эгоизмъ, интересуется и любитъ собою въ самой личности, въ томъ, какъ она живетъ и дѣйствуетъ, въ томъ, что ее окружаетъ, украшаетъ и выдвигаетъ впередъ. Все это даетъ поводъ къ тщеславію и можетъ повести насъ съ дѣтства по ложному пути, но во всемъ этомъ есть и хорошая сторона, которую нужно цѣнить въ должной мѣрѣ, и съ нея-то и надо подходить къ ребенку.

II. Къ концу третьяго мѣсяца дитя уже чувствуетъ въ себѣ способность къ дѣятельности: она ему нравится, и удовольствіе само по себѣ побуждаетъ его дѣйствовать. Съ четвертаго до седьмого мѣсяца движенія становятся обширнѣе и сложнѣе, и иногда въ ихъ координаціи, повидимому, сказывается участіе воли. Когда ребенокъ сидитъ на коврѣ, окруженный вещами, которыми онъ располагаетъ по своему усмотрѣнію, то его дѣятельность, подстрекаемая любопытствомъ и всевозможными чувствами, дѣлаетъ его настолько счастливымъ и кажется ему до такой степени необходимой, что четверть часа вынужденнаго покоя составляетъ для него столько же, сколько для взрослого цѣлый день скуки.

Вскорѣ ему становятся доступны множество мускульныхъ, умственныхъ, нравственныхъ и даже эстетическихъ наслажденій въ связи съ первыми попытками ходьбы, первыми опытами рѣчи, различными жестами, которые онъ перенимаетъ у насъ или воспроизводитъ подѣ вліяніемъ унаслѣдованныхъ отъ предковъ импульсовъ. Часто онъ интересуется, повидимому, не столько результатомъ своихъ дѣйствій, сколько самими дѣйствіями. Его юная личность наслаждается даже тѣмъ, что является причиной различныхъ переменъ вокругъ него, хотя само по себѣ представленіе

о причинѣ у нея очень смутно. Большая часть этихъ успѣховъ предчувствуется организмомъ, подготавливается предыдущими успѣхами и облегчается видомъ нашихъ дѣйствій, наиболѣе доступныхъ подражанію; всѣ эти успѣхи совершаются по мѣрѣ того, какъ развиваются нужныя для нихъ силы. Самое появленіе ихъ безпрестанно радуетъ ребенка своею неожиданностью. Все это для него — радостныя находки, которыя должны удивлять и восхищать всѣхъ. Онъ повторяетъ ихъ безъ усталы, безъ цѣли, ради удовольствія упражнять свою новую способность. Спустя нѣкоторое время движеніе уже усвоено и усовершенствовано: оно служить ему для всего совершенно такъ же, какъ первые членораздѣльные звуки служатъ ему общими терминами для обозначенія подчасъ весьма отдаленнаго сходства.

III. Отъ одного до двухъ лѣтъ нарождающаяся личность дѣлаетъ наиболѣе рѣшительные успѣхи. Область полезныхъ дѣйствій мало по малу отдѣляется отъ области игръ. Еще недавно всѣ его отношенія ограничивались небольшимъ кругомъ, теперь же вмѣстѣ съ физическимъ и нравственнымъ ростомъ этотъ кругъ расширяется почти безгранично. Ребенокъ можетъ переносить игрушки куда хочетъ, находить по желанію другія, можетъ пользоваться руками для собственныхъ или чужихъ надобностей. Нуженъ ли ему стаканъ воды или стулъ, онъ ищетъ ихъ или, по крайней мѣрѣ, проситъ въ надлежащихъ выраженіяхъ. Эта способность производить движенія, обогащенная органическими и произвольными пріобрѣтеніями, иногда даетъ ему случай поступать дурно, а слѣдовательно, получать предупрежденія и выговоры; вслѣдствіе этого удваивается удовольствіе отъ похвальныхъ поступковъ. Далѣе, его подражательные поступки, жесты и рѣчи даютъ ему возможность усвоить внѣшніе пріемы общественности по отношенію къ взрослымъ и ровесникамъ. Онъ здоровается дружественно, кланяется, вѣжливо проситъ и благодаритъ, откры-

ваетъ или закрываетъ дверь, приносить или уносить вещи, какъ мы хотимъ.

Въ сущности, ребенокъ является безсознательнымъ, но хорошимъ судьей своихъ силъ, когда дѣло идетъ объ инстинктивныхъ или очень простыхъ дѣйствіяхъ, и не нуждается въ томъ, чтобы его учили ходить, протягивать или сгибать руку, толкать или бросать предметы.

Въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ предоставить дѣйствовать самой природѣ и только слѣдить за тѣмъ, не произойдетъ ли уклоненій, и предупреждать, насколько возможно, опасности. Необходимо также, чтобы онъ убѣждался, что силы его ненадежны и что онъ не все можетъ сдѣлать, чего хочетъ; необходимо чтобы онъ иногда падалъ и испыталъ боль, — это будетъ очень полезно для его физическаго и нравственнаго воспитанія. Фонсагривъ остроумно замѣтилъ, что «онъ дѣлаетъ дѣло, когда падаетъ». Предоставимъ ему право падать; не нужно помочей и подпорокъ на колесахъ, лишь бы хрупкое существо, которое живетъ подвижностью и должно находить въ ней счастье, было окружено внимательнымъ приглядомъ и преданностью, всегда готовою оказать помощь въ опасномъ или просто сомнительномъ случаѣ ¹⁾.

По мѣрѣ того, какъ развивается умъ ребенка и расширяется его опытъ, онъ начинаетъ сравнивать между собою взрослыхъ и другихъ дѣтей; отсюда является у него представленіе о превосходствѣ, которое онъ, не колеблясь, прилагаетъ къ самому себѣ. Въ это время онъ больше, чѣмъ когда-либо, занятъ размышленіями о своей личности, своихъ свойствахъ, заслугахъ и силахъ. Но эта любовь къ самому себѣ, какъ и большинство нашихъ сложныхъ чувствъ, хотя и остается эгоистичной, тѣмъ не менѣе нуждается въ присутствіи другихъ людей; это видно изъ того,

¹⁾ См. объ этомъ во II части.

что ребенокъ проявляетъ гораздо больше дѣятельности, когда на него глядятъ. Онъ желаетъ дѣйствовать самъ, если его за это похвалили, и если за него не хотятъ что-нибудь дѣлать другіе, то онъ желаетъ самъ выполнять даже нѣсколько трудныя дѣла, которыя ему приходилось раньше предоставлять другимъ. Онъ хочетъ принимать пищу безъ чужой помощи, хочетъ вставать самъ и одѣваться собственноручно; онъ вмѣшивается во все, что бы ни дѣлалось. За объѣдомъ онъ подражаетъ манерамъ взрослыхъ; здѣсь его нескромность, предпріимчивость и поспѣшность его движеній влекутъ за собою иной разъ всякаго рода катастрофы, полезная сторона которыхъ не всегда достаточно ясна.

Но что, правда, значить какая-нибудь скатерть, залитая супомъ, печеніе, крошенное въ салатъ, опрокинутый или уроненный на полъ стаканъ, сорванный или проколотый портретъ, разстроенный рояль, — что значить все это въ сравненіи съ познаніемъ природы предметовъ, ихъ взаимоотношенія, разстоянія, способа употребленія, — познаніемъ, вытекающимъ изъ этихъ непріятныхъ для его самолюбія промаховъ? Что все это значить особенно въ сравненіи съ тѣми славными и добрыми поступками, которые онъ умудряется совершить самъ, несмотря на ихъ затруднительность, съ поступками, съ которыми онъ кое-какъ справляется, лишь бы доставить удовольствіе другимъ? Не станемъ обезкураживать его наивною неловкости, не лишая его въ то же время присмотра и руководства. — Пусть онъ пробуетъ — съ рискомъ, что его придется иногда пожурить, а чаще научить; мы же должны умѣть осторожно и во-время его поблагодарить за услугу и поздравить съ удачною попыткой.

Есть специальная гимнастика для ранняго возраста, и въ программу школъ для матерей входитъ воспитаніе мускуловъ маленькаго ребенка. Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно познакомить ребенка съ основными свойствами, формами и назначеніемъ различныхъ пред-

метовъ: для каждой вещи есть свой способъ пользования, особый пріемъ, которому случай не всегда научить. Приведемъ два-три обыденныхъ примѣра: я знаю много взрослыхъ людей, которые затрудняются снять съ огня горячій кофейникъ, взять и отнести полный стаканъ горячей воды, тащить болѣе или менѣе тяжелые предметы, осторожно взять въ руки нѣжныя, хрупкія или загрязненные вещи, срѣзать цвѣтокъ, выколотъ бесполезное растеніе, сорвать гроздь винограда и т. д. Мнѣ кажется, что удовольствіе, которое долженъ испытать ребенокъ отъ умѣнія исполнять много подобныхъ дѣлъ, служить достаточнымъ основаніемъ, чтобы его всему этому научить. Этой задачей часто пренебрегаютъ, и я предлагаю ее вниманію матерей, заботящихся о томъ, чтобы хорошо воспитать своихъ дѣтей, такъ какъ знаю, что на нее съ полнымъ правомъ обращено вниманіе въ хорошихъ школахъ матерей. Это — важная сторона въ воспитаніи чувствъ.

IV. По мѣрѣ того, какъ личность ребенка становится сознательнѣе, онъ начинаетъ желать, чтобы его цѣнили за силу и ловкость. Мы можемъ хвалить его, но не выражать ему удивленія, если онъ смогъ — или только попытался — выполнить дѣйствіе, представляющее нѣкоторыя трудности. Похвалимъ его лучше за дѣло, чѣмъ за намѣреніе; дѣло есть нѣчто осязаемое, его онъ можетъ измѣрить затраченнымъ усиліемъ, продолжительностью усилія и значеніемъ результата. Но, какъ и взрослый, онъ не можетъ быть справедливымъ судьей нравственной цѣнности поступковъ, мотивовъ и побужденій, и всегда готовъ ее преувеличить, какъ только мы обратимъ его вниманіе въ эту сторону.

Жозефъ выражаетъ и даже скрываетъ свою наивную гордость страннымъ манеромъ. Онъ уже шесть мѣсяцевъ носить панталоны и не желаетъ, чтобы его называли «дѣтка». Крестная мать, которая часто его поддразнивала, сказала ему: «Ты — красивый

мальчикъ». — «Нѣтъ, я—Жозефъ!» Онъ сердится также, когда въ разговорѣ съ нимъ зюсюкають, какъ онъ самъ дѣлалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. «Я такъ не говорю», кричитъ онъ, «такъ говорятъ маленькія дѣти!» Если онъ сдѣлалъ что-нибудь дурное, то полусерьезно обвиняетъ въ этомъ одного своего сосѣда, маленькаго мальчика, потому что тотъ на 6 или 7 мѣсяцевъ моложе его. Когда его запирають въ отдѣльную комнату, то сначала онъ плачетъ; потомъ, чтобы показать неуваженіе къ власти и обезоружить ее смѣхомъ, онъ начинаетъ пѣть припѣвъ къ «Beau Nicolas», которымъ уже два года забавляются всѣ дѣти Франціи и Наварры. Затѣмъ онъ робко отворяетъ дверь и смотритъ, не забыли ли о немъ, сердится, снова запирается въ своемъ убѣжищѣ и кричитъ и поетъ во все горло. Наконецъ, онъ открываетъ дверь шире и говоритъ тому, кого видитъ: «Ты думаешь, это я плакалъ! Это Беберъ (маленькій сосѣдъ Альбертъ)! Видишь, я не плачу. Правда, я хорошій?» Ему отвѣчаютъ: «Нѣтъ, ты не былъ хорошимъ, когда тебя туда посадили». — «Я больше не буду», говоритъ онъ, и на этомъ урокъ заканчивается.

Тотъ же ребенокъ продѣлывалъ много вещей только оттого, что кругомъ смѣялись и говорили, что онъ смѣшны. Каждую минуту онъ говорилъ: «Правда, смѣшно, что я дѣлаю?» Если онъ что-нибудь дѣлалъ, напримѣръ, подражалъ въ чемъ-нибудь взрослымъ, стучалъ молоточкомъ по дощечкѣ (у его отца магазинъ издѣлій изъ краснаго дерева), шелъ размѣреннымъ шагомъ, опираясь на палку, подражалъ изъ окна бродячимъ пѣвцамъ или бросалъ уличнымъ артистамъ сложенный кусочекъ бумаги, то говорилъ: «Какъ смѣшно!» Однажды его не было слышно въ домѣ съ четверть часа; его стали искать, но безуспѣшно. Въ концѣ-концовъ, его нашли въ углу двора; онъ лежалъ рядомъ съ собакой головою въ нишѣ. Вѣроятно, онъ игралъ и, играя, заснулъ или, можетъ

быть, выбралъ это положеніе для того, чтобы спать, какъ собака, и потомъ сказать: «Какъ смѣшно, что я сдѣлалъ!» Это, дѣйствительно, были первыя слова, какія онъ произнесъ, когда его разбудили.

Это — примѣръ дѣтскаго тщеславія, быть можетъ, не столь ужъ невиннаго и необдуманнаго, какъ кажется съ перваго взгляда. За такимъ тщеславіемъ тѣмъ болѣе необходимо слѣдить, чѣмъ впечатлительнѣй ребенокъ и чѣмъ болѣе онъ склоненъ подражать манерамъ окружающихъ. Надо принять мѣры заблаговременно, — гораздо раньше, чѣмъ ребенокъ начнетъ «носить панталоны», чтобы побороть въ немъ наклонность къ усиленію эгоизма, являющуюся, быть можетъ, результатомъ наслѣдственности, врожденнаго характера, но развивающуюся подъ вліяніемъ соціальной среды. Потребность вѣрить въ превосходство своихъ силъ и свойствъ легко можетъ перейти въ потребность хвастать несуществующими силами и свойствами.

Одна мать часто говорила: «Мнѣ пришла въ голову мысль, и т. д.». Ея мальчикъ, которому еще не было двухъ лѣтъ, началъ однажды фразу этими же словами. Всѣ засмѣялись. Онъ долго гордился этимъ; когда приходили гости, онъ всегда располагался передъ ними, чтобы видѣть, какой эффектъ произведутъ его слова: «Мнѣ пришла въ голову мысль». Если на него не обращали вниманія, то онъ тянулъ за рукавъ и заставлялъ всѣхъ заниматься имъ и его фразой.

Фенелонъ, какъ и Локкъ, принадлежитъ къ числу педагоговъ, показавшихъ лучше другихъ смѣшную и опасную сторону жеманства, которому даютъ развиваться въ ребенкѣ по небрежности, слабости или изъ тщеславія. Тому, кто хочетъ побороть въ своемъ ребенкѣ всякаго рода тщеславіе, стоитъ подумать надъ его прекрасными совѣтами, хотя они немного и общи. «Удовольствіе», говоритъ онъ, «которое стараются получить отъ дѣтей, производитъ на нихъ пагубное

дѣйствіе; они замѣчаютъ, что на нихъ любятъ, слѣдятъ за всѣмъ, что они дѣлаютъ, ихъ слушаютъ съ удовольствіемъ; на этомъ основаніи они привыкаютъ думать, что свѣтъ всегда будетъ занятъ ими... Въ этомъ возрастѣ, когда ребенокъ знаетъ пока одно только одобреніе, но еще не успѣлъ испытать противорѣчія, легко зарождаются призрачныя надежды, готовящія въ будущемъ разочарованія. Я видѣлъ дѣтей, которыя каждый секретный разговоръ принимали за разговоръ о нихъ. Они воображали, что все въ нихъ необычайно и удивительно. «Нужно заботиться о дѣтяхъ, не показывая имъ, что о нихъ часто думаютъ. Покажите имъ, что вы относитесь внимательно къ ихъ поведенію не изъ удивленія передъ ихъ умомъ, а по чувству дружбы и изъ-за ихъ нужды въ руководствѣ. Довольствуйтесь постепенной работой надъ ними, пользуясь для этого естественными случайностями. Даже если бы вы могли безо всякаго давленія быстро развить умъ ребенка, вы должны бояться этого, такъ какъ опасность тщеславія и предвзятости всегда превышаетъ больше, чѣмъ результаты преждевременной выучки, производящія столько шуму» ¹⁾).

Ребенокъ обнаруживаетъ иногда такое же тщеславіе по поводу своихъ познаній, какъ и по поводу своей силы и ловкости. Въ сущности, онъ часто смѣшиваетъ эти различныя свойства. Если двухлѣтній ребенокъ называетъ свою сестру глупой, когда она не дѣлаетъ того, чего онъ хочетъ, то употребляетъ этотъ терминъ въ общемъ смыслѣ недовольства или досады. Но другой ребенокъ, въ возрастѣ отъ 4 до 5 лѣтъ, обнаруживалъ большое презрѣніе къ нянькамъ и обращался съ ними, какъ съ очень невѣжественными лицами, оттого что онъ самъ зналъ много вещей отъ папы и мамы, которые

¹⁾ Fénelon. L'éducation des filles, стр. 19.

знають все и не могутъ ошибаться. Обладая точными свѣдѣніями о массѣ вещей, онъ тономъ неизмѣримаго превосходства безпощадно указывалъ имъ ихъ ошибки и прибавлялъ: «Развѣ вы можете это знать?»

Въ тотъ періодъ, о которомъ мы говоримъ, онъ зналъ четыре страны свѣта и умѣлъ немного ориентироваться на улицахъ, такъ какъ разспрашивалъ въ разныхъ мѣстахъ города, гдѣ сѣверъ. При его понятливости этого было для него достаточно, чтобы опредѣлить остальные страны свѣта. У себя дома онъ ориентировался въ совершенствѣ. Вотъ примѣръ: онъ предложилъ своему брату взять одну изъ двухъ вещей, которыя держалъ въ рукахъ. «Возьми восточную», сказалъ онъ ему, хотя бѣдный мальчикъ не въ силахъ былъ понять такого мудренаго слова. Въ глазахъ постороннихъ это показалось бы педантизмомъ; для него же оно было вполнѣ естественно и не заключало въ себѣ ничего показного: онъ хотѣлъ только дать точное указаніе.

Нѣтъ надобности удѣлять слишкомъ много вниманія этому наивному расцвѣту юной личности; наоборотъ, надо дать ей свободу и только въ случаѣ надобности исправлять серьезныя уклоненія, либо краткимъ выговоромъ, либо явнымъ равнодушіемъ, но никогда не позволяя себѣ оскорбительнаго или насмѣшливаго замѣчанія. Иногда и робость дѣлаетъ дѣтей развязными; когда они думаютъ, что за ними слѣдятъ, то стараются отвлечь наше вниманіе играми, остротами и шутками. Но часто они дѣлаютъ это изъ безсознательнаго тщеславія, чтобы получить отъ насъ ласки и похвалу. Ничего не поощряя и поменьше сдерживая, дадимъ имъ прежде всего примѣръ скромности и простоты.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Эгоизмъ и любовь къ нарядамъ.

I. Любовь къ нарядамъ развивается у дѣтей очень рано; въ этомъ дѣлѣ воспитаніе играетъ нѣкоторую роль. — II. Къ тщеславію примѣшивается ясно выраженное эстетическое чувство. — III. Чрезвычайная любовь къ нарядамъ объясняется часто вліяніемъ среды. — IV. Впрочемъ, въ первые годы нѣтъ разницы между обоими полами въ смыслѣ любви къ нарядамъ. — V. То же можно сказать и о стремленіи судить о людяхъ по ихъ одеждѣ. — VI. Не всегда легко опредѣлить точно границу, гдѣ это полуэстетическое стремленіе превращается въ недостатокъ. — VII. Нужно въ разумной мѣрѣ поддерживать врожденную любовь къ нарядамъ, связанную со всѣми социальными свойствами и, въ особенности, со стыдливостью.

I. Любовь къ нарядамъ обнаруживается у большинства дѣтей очень рано. Развивается ли она самостоятельно или въ этомъ участвуетъ воспитаніе? Боюсь, что послѣднее играетъ здѣсь большую роль. Всѣ мы знаемъ, какъ ведутъ себя въ этомъ отношеніи матери и кормилицы съ маленькими дѣтьми. Когда нужно собираться на прогулку, которую дѣти такъ любятъ, то не ограничиваются тѣмъ, чтобы одѣться при нихъ и просто надѣть на нихъ верхнее платье и шляпы, хотя этого было бы вполне достаточно, чтобы они связали одѣваніе съ ожиданіемъ большого удовольствія. Имъ говорятъ: «Дѣточка надѣнетъ красивое платье, красивую шляпу, хорошенькіе башмачки», — и еще сотни подобныхъ выраженій. Позже имъ говорятъ: «Если Генрихъ будетъ умницей, я надѣну ему то или другое (какой-нибудь нарядъ)». Имъ предлагаютъ посмотреть на себя въ зеркало и говорятъ: «Вотъ и Женья! Женья — красивый мальчикъ!» Слова «красивый» и «хорошенькій» прилагаются ко всему, что на нихъ одѣваютъ, и ко всему, чѣмъ ихъ учатъ вокругъ себя восхищаться.

II. А вотъ примѣръ другого рода, заимствован-

ный у Жоржъ Зандъ. Когда ей было три съ половиной года, ее очень поразило бѣлое платье и покрывало на одной изъ сестѣнокъ, которыя та надѣла въ день своей конфирмаціи. Это бѣлое платье «показалось мнѣ самой красивой вещью на свѣтѣ. Я не могла имѣть вдоволь налюбоваться; когда же моя мать вдругъ сказала, что это платье совсѣмъ желтаго цвѣта и что дѣвушка очень плохо одѣта, то это доставило мнѣ страшное огорченіе. Мнѣ казалось, что мнѣ причинили большое горе, отозвавшись дурно о предметѣ моего восхищенія» ¹⁾. Здѣсь мы имѣемъ эстетическое чувствованіе первобытной свѣжести и чистоты, которое долженъ испытывать каждый впечатлительный ребенокъ, если ему не было сдѣлано никакихъ внушеній по части нарядовъ. Если эти живыя впечатлѣнія не испорчены дурнымъ примѣромъ и неподходящими словами, то они могутъ оставить по себѣ только пріятное воспоминаніе безо всякой примѣси пустого легкомыслія. Жоржъ Зандъ, вѣроятно, не разъ испытала подобное чувство, но никогда не любила наряжаться, хотя и восхищалась нарядами, какъ художница.

III. Если у дѣтей развивается чрезмѣрная любовь къ нарядамъ, то нужно внимательно слѣдить за всѣмъ, что ихъ окружаетъ. Ошибки воспитанія мы приписываемъ часто наслѣдственности, темпераменту, врожденному характеру. Изъ трехъ сестеръ, которыхъ я зналъ еще маленькими дѣвочками, только у одной, правда, немного болѣе избалованной, чѣмъ старшія, появилась страсть къ нарядамъ, когда она играла въ модной мастерской; потомъ эта страсть еще больше развилась въ монастырѣ и осложнилась завистью къ воспитанницамъ, одѣвавшимся лучше ея. Въ этомъ случаѣ не было прямого участія ни наслѣдственности, ни примѣра, какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери. Но я видѣлъ у дочерей испорченныхъ матерей какъ бы врожденную страсть къ нарядамъ,

¹⁾ George Sand. Histoire de ma vie, т. II стр. 160.

находившую себѣ сильную поддержку въ ежедневныхъ впечатлѣніяхъ. У одной болѣзненной дѣвочки эта любовь перешла въ странное навязчивое стремленіе; мать ея, исполнявшая всѣ ея прихоти, научила ее кокетству, если не собственнымъ примѣромъ, то, по крайней мѣрѣ, неразумнымъ восхищеніемъ передъ знатными людьми.

IV. Въ любви къ нарядамъ я не вижу, впрочемъ, никакой разницы между особыми полами въ теченіе первыхъ лѣтъ жизни. Позже дѣло, конечно, мѣняется, и въ этомъ можно видѣть результатъ того, что у мальчиковъ и дѣвочекъ развиваются различныя свойства характера. Здѣсь не мѣсто разбирать этотъ вопросъ. Достаточно сказать, что настоящая любовь къ нарядамъ развивается у большинства мальчиковъ и сохраняется до юношескаго возраста и даже позже, если она находитъ поддержку въ указаніяхъ и похвалахъ со стороны семьи.

Приведу два примѣра изъ тысячи. Я знаю восьмилѣтняго мальчика, который чувствуетъ большое горе, когда мать выходитъ изъ дому въ старомъ платьѣ, и подаетъ ей руку съ торжествующимъ видомъ, когда она хорошо одѣта. Онъ не выноситъ лѣтомъ длинныхъ чулокъ, потому что хорошій тонъ требуетъ хорошихъ носочковъ. Я зналъ еще другого мальчика, немного постарше, который пришелъ въ ярость, когда пуртовой принесъ ему новые штанишки, показавшіеся ему широкими, тогда какъ въ этой время была мода на панталоны въ обтяжку. «Развѣ я ихъ надѣну», кричалъ онъ, «я не хочу ихъ носить!»

V. То, что сказано нами о любви къ нарядамъ, относится и къ стремленію судить о людяхъ по ихъ одеждѣ. Этотъ недостатокъ свойственъ далеко не одному женскому полу. Онъ встрѣчается у мальчиковъ 6 или 8 лѣтъ, къ которымъ онъ переходитъ отъ родителей или знакомыхъ. Одинъ маленький мальчикъ (теперь онъ — членъ апелляціоннаго суда) съ презрѣніемъ отвернулся отъ одной дамы, которая принадлежала,

по его мнѣнію, къ хорошему обществу: она была въ черныхъ чулкахъ, тогда какъ мода строго требовала бѣлыхъ; поэтому надъ нею былъ произнесенъ приговоръ: въ его глазахъ она была достойна осужденія.

VI. Наше желаніе нравиться одеждой питается, до нѣкоторой степени, инстинктомъ прекраснаго, а до нѣкоторой степени, и тщеславіемъ. Для насъ это — природное влеченіе, — если угодно, наслѣдіе отдаленныхъ временъ. Не всегда бываетъ легко опредѣлить точно границу, когда это свойство становится недостаткомъ. Чтобы сдѣлать точное распознаваніе, необходимо выяснить, что обращаетъ ребенка въ маленькаго тщеславнаго человѣчка.

Вотъ, на примѣръ, дѣвочка 28 мѣсяцевъ отъ роду; мать дала ей зонтикъ сестры, который всегда возбуждалъ въ ней большую зависть. Немного погодя Цецилія исчезла вмѣстѣ съ зонтикомъ. Ее искали по всему дому и вокругъ него; думали уже, что она пропала, когда сестра въ полдень привела ее съ собою. Дѣло въ томъ, что дѣвочка однажды провожала старшую сестру въ школу и пришла въ восторгъ отъ красивыхъ зонтиковъ другихъ дѣтей; когда же она сама получила въ свое распоряженіе подобный предметъ, то поторопилась похвастать имъ передъ маленькими ученицами. Въ этомъ случаѣ тщеславіе представляетъ собою вполне естественное свойство, результатъ стремленія, которое хотя и подчинялось вліянію подражанія, но не встрѣчало прямой поддержки въ ежедневныхъ примѣрахъ и бесѣдахъ. Воспитатель пройдетъ съ улыбкой мимо этой дѣвочки и не дастъ никакого совѣта.

А вотъ другой трехлѣтній ребенокъ, которому родители не отказываютъ въ самыхъ дорогихъ бездѣлушкахъ; онъ мечтаетъ только о позолоченныхъ каскахъ и сабляхъ, о башмакахъ съ золочеными пряжками, о воздушныхъ шарахъ и царскихъ каретахъ. Случается, что на улицѣ онъ бросаетъ свою няню, подходитъ къ полуодѣтому уличному маль-

чику, который забавляется безъ игрушекъ, и говоритъ: «А у тебя нѣтъ такой сабли!» Однажды онъ спросилъ мать, какъ могутъ уличныя дѣти съ ихъ «грязной» фигурой бѣсть яблоки и виноградъ, и какъ они ложатся спать «въ своихъ грязныхъ и рваныхъ рубашкахъ». Быть можетъ, это тщеславіе и естественно, но оно, несомнѣнно, испытало на себѣ вліяніе воспитанія.

VII. Необходимо у дѣтей обоого пола не только терпѣть, но и заботливо поддерживать въ разумныхъ границахъ врожденную любовь къ нарядамъ, тѣсно связанную со всѣми социальными свойствами, а въ особенности со стыдливостью. Не слѣдуетъ губить эти свойства въ дѣтяхъ, навязывая имъ роскошь, отъ которой они чувствуютъ стѣсненіе и досаду. Постараемся, прежде всего, не давать имъ примѣра необычайныхъ нарядовъ. Аккуратная, чистая, свѣжая одежда—вотъ и весь нарядъ для маленькихъ дѣтей. Не нужно похвалъ ихъ одеждѣ, не нужно и награждать въ видѣ нарядовъ. Для матери, которая хоть не много подумаетъ объ этомъ, лучшимъ совѣтчикомъ будетъ здравый смыслъ и свойственная ей прозорливость: она не пожелаетъ для своихъ дѣтей того, что инстинктивно или сознательно не нравится ей въ чужихъ дѣтяхъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе къ русскому изданію.	
Общія соображенія о сущности и предѣлахъ нравственнаго воспитанія	

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Первоначальное развитіе и нравственное формированіе воли.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Развитіе воли въ ея активной или положительной формѣ	1
---	---

I. Воля, какъ и всѣ душевныя силы, развивается посредствомъ методическаго упражненія, стремящагося превратить ее въ преобладающую привычку.— II. Первоначальное развитіе воли.—Самопроизвольное упражненіе воли, направляемое, но не подавляемое воспитаніемъ.—Непосредственныя проявленія воли у ребенка.— III. Основные стимулы дѣятельности согласно различнымъ характерамъ. — Воля ребенка, обнаруживающаяся въ дѣятельности непосредственно за впечатлѣніемъ.— IV. Слѣдуетъ обращать вниманіе ребенка скорѣе на мотивы и средства дѣйствія, чѣмъ на основные стимулы дѣятельности.— V. Полезность обсужденія только что совершенныхъ дѣйствій.— VI. Не слѣдуетъ упускать изъ виду фізіологическія условія воли; при своемъ слабомъ мозгѣ ребенокъ обладаетъ крайне незначительной силой хотѣнія.— VII. Мѣра и сообразованіе съ обстоятельствами въ дѣлѣ упражненія воли.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Развитіе воли въ ея отрица- тельной или репрессивной формѣ	30
---	----

I. Въ чемъ состоитъ репрессивная воля, т. е. сила задержки или запрета? — Задержка сводится только къ ослабленію дѣйствія. — II. Роль подавляющихъ

чувствъ въ дѣлѣ задержки. — III. У самыхъ маленькихъ дѣтей задержку рефлексовъ производятъ пріятныя чувства въ соединеніи съ чувствами непріятными. — Репрессивная воля, благодаря отвлеченіямъ со стороны вниманія, привыкаетъ понемногу побѣждать инстинкты и успѣшно бороться съ непріятными ощущеніями. — IV. Для достиженія этой цѣли нужно развивать волю одновременно и какъ побуждающую, и какъ задерживающую силу. — Соціальныя стимулы или стимулы сочувствія имѣютъ въ такихъ случаяхъ очень большое вліяніе. — V. Не слѣдуетъ широко прибѣгать къ отвлеченіямъ вниманія ребенка въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ можетъ пользоваться своими силами безъ всякой опасности. — VI. Не слѣдуетъ смѣшивать добровольное терпѣніе съ силою воли, имѣющей до нѣкоторой степени органической характеръ. — VII. Точная оцѣнка вещей способствуетъ возникновенію терпѣнія и разсудочнаго мужества. — VIII. Нужно, чтобы нравственное чувство приходило на помощь разсудочной дѣятельности для поддержанія волевыхъ привычекъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Послушаніе 44

I. Послушаніе—одно изъ самыхъ широкихъ средствъ воспитанія. — II. Симпатія и педагогическій авторитетъ или, вообще, удовольствіе и страданіе составляютъ два крупныхъ средства для достиженія послушанія. — Предѣлы повиновенія изъ чувствъ симпатіи. — Портретъ избалованнаго ребенка. — III. Первенствующая роль авторитета въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія. — IV. Воспитатель долженъ самъ серьезно относиться къ своему авторитету. — V. Авторитетъ долженъ обладать умѣніемъ идти иногда на уступки. — VI. Авторитетъ имѣетъ свои границы въ законной свободѣ ребенка. — VII. Нехорошо слишкомъ много руководить ребенкомъ. — VIII. Роль логическихъ доводовъ по отношенію къ послушанію. — IX. Резюме.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Средства къ упроченію послушанія и нравственности. Дисциплина пріятныхъ послѣдствій 64

I. О дисциплинѣ естественныхъ послѣдствій. — II. Пріятныя послѣдствія. — Соревнованіе. — Личное соревнованіе или сравненіе себя съ самимъ собою. — Сравне-

ніе себя съ другими.—III. Различные стимулы соревнованія, въ свою очередь становящіеся предметомъ стремленій и зависти. — Похвала. — IV. Могутъ ли сами ученики выражать публично похвалу и порицаніе?—V. Почетныя отличія и награды.—VI. Привязанность, какъ стимулъ соревнованія. — VII. Матеріальныя награды.—VIII. Солидарность въ дѣлѣ санкціонированія поступковъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Дисциплина непріятныхъ послѣдствій. 76

I Непріятныя послѣдствія поступковъ. Забота объ этомъ не должна быть всецѣло предоставлена одной природѣ.—II. Связь между дисциплиной послѣдствій и упражненіемъ чувствъ.—III. Нѣсколько примѣровъ послѣдствій скорѣе моральнаго, чѣмъ физическаго свойства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Дисциплинарныя мѣры моральнаго и матеріальнаго возмездія . 95

I. Выговоры.—II. Угрозы.—III. Наказанія въ собственномъ смыслѣ слова. — IV. Различныя чувства, какъ орудія воспитанія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. О нравственномъ чувствѣ и нравственныхъ привычкахъ у маленькаго ребенка 112

I. Успѣхи въ дѣлѣ различенія добра и зла.—Они должны достигаться путемъ медленнаго и хорошо усвоеннаго опыта.—Пользованіе нѣкоторыми опредѣленіями при обыкновенныхъ поступкахъ, а также при поступкахъ необычныхъ.—О необходимости тщательно слѣдить за собою при оцѣнкѣ поступковъ, совершающихся въ присутствіи ребенка.—II. Ребенокъ—моралистъ.—Онъ высказываетъ сужденія о поведеніи другихъ.—Родители не достаточно соблюдаютъ осторожность, критикуя въ присутствіи дѣтей поведеніе другихъ.—Ребенокъ понемногу подыскиваетъ нравственные мотивы для своихъ дѣйствій.—III. Не слѣдуетъ судить о нравственности ребенка по тѣмъ нравственнымъ оцѣнкамъ, которые онъ можетъ провозглашать. — IV. Представленіе о нравственномъ законѣ долга въ сущности является крайне недостаточнымъ мотивомъ

для дѣйствія. — Прежде, чѣмъ стать внутреннимъ закономъ, нравственный законъ требуетъ многократнаго внѣшняго примѣненія. — V. Трехмѣсячный ребенокъ можетъ уже обладать нѣкоторымъ количествомъ регулярныхъ привычекъ, но онѣ еще не являются нравственными привычками. — Тѣ же самыя привычки, спустя значительное время, становятся очень неустойчивыми. — VI. Нравственность, какъ и послушаніе ребенка, зависитъ отъ среды и отъ окружающихъ. — Зачатки угрызений совѣсти у полугодовалого ребенка. — Даже присутствіе родителей не всегда удерживаетъ отъ зла, но необходимо, чтобы ихъ воздѣйствіе производилось безъ угрозъ, путемъ убѣжденія. — VII. Нравственность ребенка всегда вытекаетъ изъ его эгоизма. — Онъ дѣлаетъ пріятное другимъ, чтобы доставить удовольствіе самому себѣ. — Его любовь къ справедливости и равенству почти всецѣло носитъ субъективный характеръ. — VIII. Патологическая безнравственность у нѣкоторыхъ дѣтей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Аффективное и нравственное воспитаніе внѣшнихъ чувствъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Вкусъ 129

I. Моральное совершенствованіе чувства вкуса ради счастья и нравственности ребенка. — II. Какъ слѣдуетъ регулировать аппетитъ ребенка по отношенію его любимымъ кушаньямъ. — Не всегда легко найти истинную середину между безусловной необходимостью и чрезмѣрнымъ излишествомъ; ошибки Локка, Руссо и Спенсера въ этомъ отношеніи. — III. Ребенокъ, допущенный къ столу родителей, легче приучается къ умѣренности и послушанію. — IV. Какимъ образомъ можно приучить его довольствоваться разнаго рода пищей. — V. У чувства вкуса бываютъ свои природныя антипатіи, которыя не слѣдуетъ смѣшивать съ капризами. — Эти антипатіи не всегда указываютъ на простое отвращеніе къ нѣкоторымъ вкусовымъ ощущеніямъ. — Различныя ощущенія, примѣшивающіяся къ ощущеніямъ вкуса. — Практическіе выводы, вытекающіе изъ этого факта. — VI. Мѣры, которыми слѣдуетъ пользоваться при упорныхъ вкусовыхъ антипатіяхъ. — Въ этомъ случаѣ мѣры кротости дѣйствительно не усиливаютъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Обоняніе 139

I. Важная роль обонянія съ точки зрѣнія доста-
вляемаго имъ удовольствія.—Обонятельная чувстви-
тельность у маленькихъ горожанъ и сельскихъ жи-
телей.—II. Результаты аффективнаго воспитанія чув-
ства обонянія. — III. Злоупотребленіе ароматами и
благоуханіями вредно во многихъ отношеніяхъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Зрѣніе 144

I. Еще неизвѣстно ничего опредѣленнаго о послѣ-
довательности, въ которой ребенокъ достигаетъ спо-
собности распознавать различные цвѣта.—II. Первые
зрительныя удовольствія.—Первые непріятныя зри-
тельныя ощущенія.—III. Вѣроятное происхожденіе
пріятныхъ и непріятныхъ цвѣтовыхъ ощущеній.—
IV. Роль индивидуальнаго опыта.—V. Практическіе вы-
воды изъ предшествующихъ замѣчаній.—VI. Указанія,
относящіяся къ непріятнымъ зрительнымъ ощу-
щеніямъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Слухъ 151

I. Первоначальныя слуховыя ощущенія.—Первые
признаки пріятныхъ ощущеній слуха.—Въ нѣкото-
рыхъ случаяхъ удовольствіе, связанное съ слухо-
выми ощущеніями, не является выраженіемъ ни
какихъ-либо эмоцій, ни эстетическихъ наслажденій.—
II. Физиологическое объясненіе первыхъ музыкаль-
ныхъ впечатлѣній.—III. Практическіе выводы; предва-
рительныя соображенія.—IV. Требованія гигиениче-
скаго и педагогическаго характера.—V. Второе тре-
бованіе, относящееся скорѣе къ области аффектив-
наго воспитанія.—VI. Полезный совѣтъ нѣкоторымъ
матерямъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Осязаніе 157

I. Смутныя пріятныя ощущенія элементарнаго ося-
занія.—Первые признаки осязательно-мускульныхъ
страданій. — Неодинаковая возбудимость разныхъ
участковъ кожного покрова.—Ощущенія царапинъ и
уколовъ.—Ощущеніе отъ прикосновенія жидкостей.—
II. Эмоціональное воспитаніе осязанія составляетъ
дѣло предохраненія и укрѣпленія.—III. Укрѣпленіе
зависитъ отъ нравственнаго воспитанія не менѣе,
чѣмъ отъ гигиены.—IV. Необходимо поступать при

этомъ съ чувствомъ мѣры.— V. Нельзя сдѣлать изъ темперамента ребенка все, что угодно.—Но всегда можно кое-что сдѣлать, хорошо принявшись за дѣло. Примѣръ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Мускульное чувство. 163

I. Движенія, о которыхъ воспитанію не зачѣмъ заботиться.—Оно должно содѣйствовать исключительно двигательнымъ наклонностямъ ребенка.—Сознаніе роста собственныхъ силъ и упражненіе ихъ доставляютъ ребенку огромное удовольствіе.—Остается лишь предоставить его самому себѣ, заботясь только о предупрежденіи опасностей и излишествъ.—II. Утомленіе органовъ чувствъ.—Оно выражается сномъ. Но кратковременность состояній бодрствованія, у совсѣмъ маленькаго ребенка, можетъ имѣть другія фیزیологическія причины.—По возможности, не слѣдуетъ прерывать сонъ дѣтей.—Ребенокъ рано начинаетъ различать окружающихъ по тому, какъ они прикасаются къ нему и прижимаютъ его къ себѣ.—III. Онъ уже очень чувствителенъ къ наносимымъ ему ударамъ.—IV. Ребенокъ испытываетъ потребность прижиматься къ предметамъ.—V. Онъ прикидывается утомленнымъ изъ лѣности.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Чувство температуры 169

I. Общее вліяніе умѣренной и чрезмѣрной температуры.—II. Термическія ощущенія, на которыя должно быть направлено дѣйствіе аффективнаго и моральнаго воспитанія.—Они вызываютъ реакцію, которой слѣдуетъ содѣйствовать.—III. Закаливаніе противъ холода имѣетъ свои предѣлы и можетъ имѣть свои опасности.—IV. Притупленіе чувствительности къ холоду не всегда такъ полезно, какъ это кажется.—V. Неудобства слишкомъ искусственныхъ средствъ борьбы съ суровостью температуры: жизнь въ четырехъ стѣнахъ.—VI. Купанья въ водѣ и воздушныя ванны.—Примѣръ легкости, съ которой ребенокъ приучается къ омовеніямъ и къ заботамъ о чистотѣ.—Ежедневныя воздушныя ванны при вставаніи съ постели и на прогулкѣ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Воспитаніе эмоціональныхъ и аффективныхъ наклонностей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Эгоистическія чувства. Гнѣвъ. 182

I. Первые признаки гнѣва.—Гнѣвъ—это прирожденная способность, которую воспитаніе должно сохранить, стараясь лишь дисциплинировать ее.—II. Вспышки гнѣва у ребенка бываютъ иногда вполне законны; и наше дѣло состоитъ въ томъ, чтобы уяснить себѣ ихъ причины.—Онѣ могутъ служить указаніемъ на живой и впечатлительный характеръ.—Полезно, чтобы ребенокъ испытывалъ иногда добродѣтельное негодованіе противъ другихъ и противъ самого себя.—III. Воспитатель долженъ подавать примѣръ доброты и терпѣнія, умѣренно пользуясь въ то же время драгоценнымъ стимуломъ гнѣва.—IV. О роли, которую гнѣвъ можетъ играть въ воспитаніи.—Не всегда слѣдуетъ скрывать свой гнѣвъ отъ ребенка; необходимо лишь умѣрять его проявленія.—V. Лучшая кротость—это кротость выработанная, а не вынужденная.—VI. Не слѣдуетъ позволять ребенку швырять въ гнѣвъ разные предметы или дурно обращаться съ животными.—VII. Гнѣвъ, выражающійся въ капризахъ; употребленіе средствъ, отвлекающихъ вниманіе, и политика уступокъ.—VIII. Мѣры спокойнаго принужденія.—IX. Слѣдуетъ обращаться къ сознанію ребенка, желая помочь ему подавлять свои дурныя душевныя движенія.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Страхъ 191

I. Наслѣдственный характеръ этого чувства, по крайней мѣрѣ, какъ общаго импульса.—Мужество и страхъ передаются съ кровью и развиваются подъ вліяніемъ воспитанія и примѣра.—II. Локкъ совѣтуетъ приучать дѣтей не бояться дѣйствительной и, въ особенности, неизбежной опасности.—III. Нужно осторожно приучать ребенка къ опасностямъ.—IV. Какъ Руссо совѣтуетъ дѣйствовать, чтобы исправить ребенка отъ страха темноты.—V. Воспитаніе можетъ очень много сдѣлать для созданія или ослабленія этого вида страха.—Не слѣдуетъ насмѣхаться надъ страхомъ ребенка.—О страхѣ, причиняемомъ видомъ умершихъ.—Нужно представлять ребенку смерть въ

видѣ спокойнаго и вѣчнаго сна.—Можно, безъ всякой опасности, показывать ему умершихъ, сопровождая это соотвѣтственными объясненіями.—Примѣръ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Чувство собственности 204

I. Инстинктъ или чувство собственности у ребенка.—Психологическое объясненіе наклонности къ собственности: пользованіе переходитъ въ присвоеніе.—Понятіе о моемъ и твоемъ очень смутно у маленькаго ребенка.—II. Слѣдуетъ противопоставлять чрезмѣрной жадѣ стяжанья наклонность къ добрымъ чувствамъ.—III. Нужно возбуждать въ ребенкѣ стремленіе заботиться о чемъ-либо.—IV. Какъ слѣдуетъ бороться со склонностью къ воровству.—V. Нужно приучать ребенка беречь собственные вещи.—VI. Безпорядокъ и дисциплина естественныхъ послѣдствій.—VII. Необходимо приучить ребенка уважать чужую собственность.—VIII. Слѣдуетъ заставить его обращаться съ животными, какъ съ людьми, но не относиться одинаково къ неодушевленнымъ предметамъ и къ животнымъ.—Въ дѣйствительности, ребенокъ не смѣшиваетъ неодушевленныхъ предметовъ съ одушевленными.—IX. Какъ научить ребенка бережно относиться къ растеніямъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Зависть и ревность 215

I. Чувство зависти обнаруживается у многихъ дѣтей очень рано.—II. Различныя средства борьбы съ завистью у самыхъ маленькихъ дѣтей.—III. Мѣры, которыя слѣдуетъ принимать, чтобы самимъ не способствовать возбужденію чувства зависти у дѣтей.—IV. О зависти старшихъ по отношенію къ младшимъ, младшихъ по отношенію къ старшимъ и о средствахъ ея исцѣленія.—Все, что дѣлается для развитія добрыхъ чувствъ, совершается въ ущербъ зависти.—V. Зависть вытекаетъ часто изъ сознанія своего ничтожества по сравненію съ другими.—Объ опасности чрезмѣрнаго напряженія стимула соревнованія.—VI. Зависть и ревность могутъ содѣйствовать нравственному развитію.—Примѣръ.—VII. Мѣры воздѣйствія на благоразуміе и разсудокъ, которыя слѣдуетъ принимать по отношенію къ завѣдомо ревнивому ребенку.—VIII. Иногда хорошая шутка показываетъ ребенку все смѣшное въ его состояніи, и онъ успокаивается подъ вліяніемъ разсудка.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Любопытство 224

I. Любопытство представляет вначалѣ наклонность скорѣе аффективнаго, чѣмъ умственнаго характера.—II. Не слѣдуетъ излишне возбуждать любопытство, и нужно удовлетворять его, разъ оно уже возбуждено нами.—III. Позднѣе слѣдуетъ научить ребенка смотрѣть, ничего не трогая.—Нужно также осторожно прибѣгать иногда къ системѣ отвлеченія вниманія.—IV. Слѣдуетъ, не впадая въ крайность, развивать любопытство, побуждающее къ знанію, душевной привязанности и дѣятельности.—V. Благо-разумное употребленіе системы Фребеля.—Ребенокъ очень склоненъ питаться пустяками и глупостями; не слѣдуетъ поощрять его въ этомъ.—VI. Какъ слѣдуетъ отвѣчать на вопросы дѣтей.—VII. Есть щекотливые вопросы, на которые всегда нужно имѣть готовые отвѣты.—VIII. Вопросъ о любопытствѣ дурно-го качества.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Воспитаніе альтруистическихъ и соціальныхъ чувствъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Чувство симпатіи къ людямъ. 237

I. Привязанность, дружба—чувства чисто эгоистическія у маленькаго ребенка.—II. Нѣкоторые дѣти склонны къ исключительнымъ привязанностямъ.—III. Нужно относиться къ ребенку такъ, какъ будто его привязанность безкорыстна, потому что любить и быть любимымъ—его потребность.—IV. Не слѣдуетъ насиловать антипатій ребенка, но въ извѣстныхъ случаяхъ незамѣтно ихъ смягчать; слѣдуетъ наблюдать за его необдуманнѣйшими симпатіями.—V. Не нужно забывать, что привязанность питается не только ласками, но и проявленіями матеріальнаго характера.—VI. Не слѣдуетъ требовать отъ ребенка симпатіи и моральнаго сочувствія, которое, впрочемъ, въ зачаточномъ состояніи существуетъ въ душѣ ребенка и способно къ развитію съ самыхъ раннихъ поръ.—VII. Въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія ребенка преобладающая, но не исключительная роль принадлежитъ матери.—Мать должна подавлять излишніе проявленія и предупреждать нежела-

тельные уклоненія чувства привязанности.—Среда, окружающая ребенка, нуждается въ тщательномъ отборѣ.—Выборъ няни для ребенка.—Пользуясь привязанностью ребенка, можно сдѣлать съ нимъ что угодно,—какъ хорошее, такъ и дурное.

ГЛАВА ВТОРАЯ. О чувствѣ симпатіи по отноше-
нію къ животнымъ. 248

I. Не нужно пытаться заставить ребенка понимать страданія, присутствіе которыхъ у существъ, сильно отъ него отличающихся, онъ не можетъ себѣ представить.—II. Но, пользуясь вліяніемъ примѣра и разсужденій, приспособленныхъ къ его пониманію, слѣдуетъ возбуждать и поддерживать въ немъ симпатію къ животнымъ.—III. Можно обращаться къ сознанію пятилѣтняго ребенка, чтобы заинтересовать его радостями и страданіями животныхъ.—IV°. Съ врожденной жестокостью можно бороться выговорами и, по мѣрѣ необходимости, наказаніями.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Дѣятельная благожелатель-
ность или благотворительность. 254

I. Благожелательность порождаетъ благотворительность, самое существенное выраженіе которой у ребенка состоитъ въ подаркахъ, уступкахъ и услугахъ другимъ.—II. Дѣти болѣе охотно даютъ матерямъ, потому что привыкли больше получать отъ нихъ.—III. Слѣдуетъ умѣрять нашу щедрость, вытекающую изъ любви къ дѣтямъ, чтобы они не стали считать ее обязательной по отношенію къ себѣ.—IV. Удовольствіе отъ полученія ожидаемой вещи ведетъ къ пониманію такого удовольствія у другихъ.—V. Щедрые и скупые характеры.—О благожелательности, имѣющей цѣлью доставленіе удовольствія другимъ, соединенное съ болѣе или менѣе труднымъ усиліемъ; нужно предоставлять ребенку случаи оказывать намъ услуги.—VI. Самолюбіе и симпатія къ людямъ должны дѣйствовать заодно.—VII. Можно давать очень плохіе уроки благотворительности.—Примѣръ хорошо преподаваемаго урока.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Вѣжливость 262

I. Въ чемъ можетъ проявляться вѣжливость у ребенка.—Чтобы пріучить ребенка прилично вести себя, нужно разсчитывать на дѣйствіе примѣра.—II. Дѣти

постарше — успѣшнѣе подражаютъ примѣрамъ. — III. Самолюбіе и застычивость могутъ внести въ проявленія вѣжливости преувеличеніе и искусственность. — IV. Вѣжливость должна выражаться и во внѣшнихъ приемахъ и въ чувствахъ. — Слѣдовало бы предоставить каждому ребенку возможность сохранить свою естественную простоту и свою самобытность. — V. Необходимость обходительной любезности и хорошаго расположенія духа. — Хорошее расположеніе духа представляетъ отличительную черту вѣжливости. — VI. Хорошее расположеніе духа составляетъ обязанность, которой слишкомъ часто пренебрегаютъ родители и наставники. — VII. Веселость не должна соединяться съ злорадствомъ; нежелательность насмѣшливыхъ шутокъ. — VIII. Привычка слѣдить за собою и владѣть собою въ присутствіи другихъ способствуетъ развитію чувствъ справедливости; слѣдуетъ быть одновременно и вѣжливыми и справедливыми.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Подражаніе 272

I. Дѣти подражаютъ преимущественно тѣмъ движеніямъ, какія часто производили ихъ предки; самостоятельность ребенка представляетъ собою въ значительной степени результатъ наслѣдственной передачи. — II. Надо помирить самостоятельность съ подражаніемъ. — III. Достаточно указать, чего нужно достигнуть, и побуждать ребенка къ тому, чтобы онъ этого желалъ. — IV. Давая ребенку примѣръ, необходимо сообразоваться съ его возрастомъ и естественными и пріобрѣтенными склонностями; въ особенности же слѣдуетъ вызывать въ немъ побужденія къ дѣятельности. — V. Мы должны слѣдить за собою, чтобы онъ не видѣлъ съ нашей стороны дѣйствій, которымъ не долженъ подражать. — VI. Когда онъ начинаетъ достаточно ясно судить и рассуждать, то можно предостеречь его осторожно отъ пороковъ, свойственныхъ нѣкоторымъ людямъ. — VII. Воля ребенка развивается отъ соприкосновенія съ нашей. — VIII. Мы должны подавать ему одни только примѣры твердости и рѣшительности.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Воспитаніе сложных или производных чувствъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Робость или застѣнчивость . 279

I. Робость или застѣнчивость существуетъ у самаго маленькаго ребенка. — II. Зачатокъ ея встрѣчается даже у животныхъ. — III. Она бываетъ часто результатомъ слишкомъ суроваго воспитанія. — IV. Она происходитъ также отъ недостатка любовнаго вниманія къ дѣтямъ. — V. Локкъ считаетъ, что въ раннемъ дѣтствѣ она не имѣетъ значенія. — Различныя невыгодныя ея стороны. — VI. Замѣчательный примѣръ вреда отъ нравственнаго стѣсненія. — VII. Застѣнчивость ведетъ къ усиленію самолюбія и тщеславія. — VIII. Лѣкарства хуже болѣзни. — IX. Поборотъ ее можно, какъ и страхъ, постепенно приучая ребенка и давая другое направленіе его мыслямъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Стыдъ и стыдливость. 285

I. Физиологическое дѣйствіе стыда. — II. Ребенокъ не столько стыдится дурнаго поступка, сколько недоволенъ, что ему мѣшаютъ исполнить запрещенное дѣло. — III. Даже 3-лѣтній ребенокъ не знаетъ страха передъ невидимымъ свидѣтелемъ. — IV. Стыдъ есть двигатель, которымъ нужно пользоваться съ осторожностью. — V. Локкъ злоупотреблялъ этимъ дисциплинарнымъ средствомъ: онъ ожидалъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ стыдъ тѣлеснаго наказанія вызоветъ исправленіе виновнаго. — VI. Стыдъ долженъ заставлять ребенка краснѣть за свои недостатки, причиняющіе другимъ людямъ страданія; для того, чтобы онъ оказалъ свое дѣйствіе, надо научить ребенка уваженію. — VII. Стыдъ долженъ соответствовать степени вины по понятію ребенка. — VIII. Не слѣдуетъ стыдить ребенка въ присутствіи большого числа свидѣтелей. — IX. Стыдливость есть стыдъ того, что кажется противорѣчащимъ чистотѣ. — X. Ребенку можно очень рано привить стыдливость, даже раньше какого бы то ни было знакомства съ грязной стороной жизни. — Стыдливость и цѣломудріе — не синонимы. — XI. Какіе источники загрязненія нужно предвидѣть и предупреждать. — XII. Не должно быть страстныхъ ласкъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Легковѣріе 294

I. Въ основѣ легковѣрія къ словамъ другихъ лежитъ первоначальная вѣра, сопровождающая упражненіе чувствъ. Эта вѣра остается, но съ ограниченіями относительно нѣкоторыхъ, хорошо извѣстныхъ явленій.—II. Нужно исправлять у ребенка или научить его самостоятельно исправлять массу ошибочныхъ сужденій съ вреднымъ или неразумнымъ примѣненіемъ.—III. Ребенокъ легковѣренъ благодаря своей непосредственности. Соотношеніе между стремленіемъ къ дѣйствию и памятью душевныхъ движеній: довѣріе и осмотрительность.—IV. Надо дать просторъ этой довѣрчивости и ограничивать ее только сознательно.—V. Надо, чтобы ребенокъ узналъ, что есть исключенія изъ каждаго закона, и чтобы онъ научился обдумывать рѣшенія и пріобрѣлъ терпѣніе и выдержку.—VI. Большая чувствительность ребенка дѣлаетъ его иногда похожимъ на загнипнотизированнаго взрослого человѣка, способнаго подчиняться всякаго рода внушеніямъ.—VII. На насъ лежитъ строгая обязанность уважать его добрую волю, умъ и невинность.—VIII. Вопреки Платону, не нужно обманывать ни народъ, ни дѣтей. Исключенія, когда допускается ложное внушеніе, очень рѣдки.—IX. Разказы для дѣтей должны быть правдоподобны; не нужно нелѣпыхъ и устрашающихъ вымысловъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Правдивость и ложь 302

I. Ложь можно считать у ребенка почти инстинктивной.—II. Главныя благопріятствующія причины.—Ребенку дѣлаютъ замѣчанія за умышленныя и неумышленныя ошибки.—III. Не со всякой ложью слѣдуетъ бороться.—IV. Существуетъ хорошій и дурной способъ, чтобы побудить ребенка сознаться въ своемъ проступкѣ.—V. Не слѣдуетъ подвергать искренность ребенка тяжелому испытанію.—VI. Лучше похвалить его за то, что онъ сказалъ правду, чѣмъ за то, что онъ сознался въ своемъ проступкѣ.—VII. Случай, когда признаніе необходимо и когда воздѣйствіе должно быть физическимъ и, въ особенности, нравственнымъ и основаннымъ на потребности уваженія.—VIII. Искренность прививается лучше всего примѣромъ.—IX. Безусловная необходимость откровенности по отношенію къ ребенку.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Эгоизмъ и чувствительность . 308

I. Не слѣдуетъ поощрять эгоизмъ, происходящій отъ размышленія надъ чувствами.—II. Маленькой личности и всему, что съ ней связано, придается слишкомъ много значенія.—III. Не слѣдуетъ поощрять чувственности.—IV. Наоборотъ, нѣтъ ничего полезнѣе, какъ привлекать вниманіе ребенка къ прошлымъ удовольствіямъ.—V. Этотъ совѣтъ не приложимъ къ прошлымъ огорченіямъ: ребенокъ легко можетъ привыкнуть къ желанію вызывать жалость.—VI. Полезно также выражать въ его присутствіи сочувствіе страданіямъ другихъ и стараться ихъ облегчить.—VII. Вредъ разслабляющаго воспитанія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Эгоизмъ, дѣятельность и знаніе 314

I. Эгоизмъ сливается съ любовью къ существованію, силѣ и удовольствію.—II. Дѣятельность нравится ребенку, и это удовольствіе само по себѣ побуждаетъ его къ дѣятельности.—III. Область полезныхъ дѣйствій постепенно отдѣляется отъ игръ.—IV. Ребенку нужно предоставлять значительную свободу, но не оставлять его безъ наблюденія.—V. Сравненіе его поступковъ и свойствъ съ поступками и свойствами другихъ легко порождаетъ мысль о превосходствѣ.—VI. Пусть ребенокъ пробуетъ свои силы и этимъ путемъ всесторонне развивается.—О специальной гимнастикѣ для ранняго дѣтства.—VII. Его можно хвалить, но не льстить ему и не восхищаться его силой и ловкостью.—Наивныя и странныя формы дѣтскаго эгоизма.—Ребенокъ любитъ поражать.—VIII. Необходимо заблаговременно позаботиться о томъ, чтобы въра въ себя не обратилась въ хвастовство несуществующими силами и способностями.—IX. Ребенокъ обнаруживаетъ такое же тщеславіе по отношенію къ своимъ познаніямъ, какъ и къ своей силѣ и ловкости.—X. Относясь съ полнымъ вниманіемъ къ серьезнымъ заблужденіямъ, нѣтъ надобности обращать вниманіе на этого рода тщеславіе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Эгоизмъ и любовь къ нарядамъ 324

I. Любовь къ нарядамъ развивается у дѣтей очень рано; въ этомъ дѣлѣ воспитаніе играетъ нѣкоторую роль.—II. Къ тщеславію примѣшивается ясно выраженное эстетическое чувство.—III. Чрезвычайная лю-

бовъ къ нарядамъ объясняется часто вліяніемъ среды.—IV. Впрочемъ, въ первые годы нѣтъ разницы между обоими полами въ смыслѣ любви къ нарядамъ.—V. То же можно сказать и о стремленіи судить о людяхъ по ихъ одеждѣ.—VI. Не всегда легко опредѣлить точно границу, гдѣ это полуэстетическое стремленіе превращается въ недостатокъ.—VII. Нужно въ разумной мѣрѣ поддерживать врожденную любовь къ нарядамъ, связанную со всѣми социальными свойствами и, въ особенности, со стыдливостью.

Душевная жизнь дѣтей.

Библиотека педагогической психологіи
подъ редакціей

прив.-доц. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ „Московское Книгоиздательство“ имѣетъ въ виду издать рядъ наиболѣе выдающихся сочиненій по дѣтской психологіи, принадлежащихъ иностраннымъ авторамъ и до сихъ поръ недоступныхъ значительной части русскихъ читателей.

Цѣль этихъ сочиненій—освѣтить внутренній міръ ребенка, прослѣдить развитіе его душевныхъ способностей, уяснить совершающіеся въ немъ процессы, поскольку это достигнуто современною наукою, т.-е. дать извѣстныя положительныя знанія, которыя помогутъ воспитателю понять душевную жизнь ребенка и, слѣдовательно, наиболѣе цѣлесообразно воздѣйствовать на нее.

Намѣчаемая къ изданію книги, написанныя разными авторами, отличаются другъ отъ друга какъ характеромъ изложенія, такъ и пріемами разработки содержащихся въ нихъ матеріаловъ. Но, освѣщая различныя стороны душевной жизни дѣтей, заключая въ себѣ наблюденія надъ дѣтьми различнаго возраста, онѣ по существу дополняютъ другъ друга, какъ видно изъ нижеслѣдующей краткой характеристики книгъ, которыя войдутъ въ „Библиотеку педагогической психологіи“.

У. Друммондъ. Введеніе въ изученіе ребенка.

Книга Друммонда представляетъ собою, какъ показываетъ самое заглавіе, „Введеніе въ науку о дитяти“. Въ очень доступной и интересной формѣ авторъ характеризуетъ различные методы изслѣдованія обѣихъ сторонъ дѣтскаго существа—физической и духовной, не забывая при этомъ указать на предосторожности, которыя необходимы въ этой сложной и тонкой работѣ. Какъ врачъ, авторъ удѣляетъ достаточно мѣста изученію біологическихъ основъ дѣтской психики, но онъ не игнорируетъ и высшихъ проявленій духа ребенка, останавливаясь на выясненіи роли и такого фактора въ жизни дитяти, какъ религія. Въ послѣдней части работы содержатся краткія указанія относительно различныхъ ненормальныхъ проявленій въ области дѣтской жизни.

М. Шиннъ. Записки о развитіи ребенка.

Это—одна изъ немногихъ работъ, гдѣ вдумчивый психологъ излагаетъ свои систематическія наблюденія надъ жизнью ребенка. Миссъ Шиннъ слѣдила изо дня въ день за развитіемъ своей племянницы, начиная со дня рожденія послѣдней до трехлѣтняго возраста. Близость къ ребенку и естественное пристрастіе къ нему уравновѣшивались здѣсь серьезною научною подготовкою, которая заставляла автора строго отдѣлять дѣйствительные факты отъ того, что обычно склонны видѣть въ ребенкѣ любящіе взрослые. Въ этой объективности, которая учитъ познавать и понимать постепенно усложняющіеся процессы, происходящіе въ душѣ безсловеснаго вначалѣ, а затѣмъ лишь лепечущаго дитяти,—главное значеніе книги.

Б. Перз. Нравственное воспитаніе, начиная съ колыбели.

Терминъ „моральный“ берется авторомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ наше понятіе „нравственный“, и благодаря этому въ этомъ сочиненіи предлагается достаточно матеріала для характеристики самыхъ разнообразныхъ проявленій дѣтской психики. Авторъ разсматриваетъ послѣдовательно развитіе воли у ребенка, значеніе повиновенія, возникновеніе нравственныхъ привычекъ, роль чувствъ (обонянія, зрѣнія, слуха, осязанія, мускульнаго и температурнаго чувства) въ нравственномъ воспитаніи, а затѣмъ переходитъ къ высшимъ нравственнымъ (и безнравственнымъ) формамъ душевной жизни дѣтей. Здѣсь отдѣльныя главы посвящены вопросамъ о гнѣвѣ, страхѣ, инстинктѣ собственности, ревности, любопытствѣ, симпатіи къ людямъ и животнымъ, стыдливости, лжи, самолюбіи и пр.

Б. Перз. Дитя отъ трехъ до семи лѣтъ.

Посвятивъ одно сочиненіе первымъ тремъ годамъ жизни ребенка (сочиненіе это появилось въ русскомъ переводѣ еще въ 1879 году), авторъ въ настоящей работѣ разсматриваетъ слѣдующій періодъ, когда у ребенка вполнѣ сознательная жизнь начинаетъ преобладать надъ жизнью растительною. Здѣсь уже разбираются высшія формы умственной дѣятельности, воображеніе и отвлеченное мышленіе, разсматривается развитіе памяти и вниманія, эстетическихъ чувствованій и воли. Какъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, авторъ и здѣсь пользуется многочисленными примѣрами изъ дѣтской жизни, иллюстрируя и оживляя ими свое изложеніе.

М. О'Ши. Роль активности въ жизни ребенка.

Возставая противъ современной системы воспитанія, которая отводитъ главное мѣсто „знаніямъ“, авторъ стремится показать, что большее значеніе имѣетъ для дѣтей собственное „дѣланіе“. Только дѣлая что-нибудь, ребенокъ вполнѣ усваиваетъ различныя познанія—проповѣди этой истины посвящена книга О'Ши. Но способности ребенка къ различнымъ дѣйствіямъ развиваются въ опредѣленной послѣдовательности, и авторъ выясняетъ эту послѣдовательность, показывая въ то же время, какъ къ ней должно примѣняться обученіе.

Д. А. Колоцца. Дѣтскія игры. Ихъ психологическое и педагогическое значеніе.

Эта работа профессора Палермскаго университета, какъ указываетъ ее подзаголовокъ, разбираетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій дѣтской жизни—игру—съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего здѣсь дѣлается попытка выяснить психологическое значеніе игры, прослѣдить ея возникновеніе и развитіе, опредѣлить ея роль въ общемъ строѣ душевной жизни ребенка. Затѣмъ игра разсматривается, какъ средство воспитанія, и авторъ, критикуя часто неразумное отношеніе взрослыхъ къ играмъ и игрушкамъ дѣтей, даетъ въ то же время нѣкоторые цѣнные положительные совѣты въ этой области. Средняя часть книги—„Игра въ исторіи педагогики“—представляетъ собою обзоръ мыслей, высказанныхъ по вопросу объ игрѣ крупнѣйшими мыслителями древняго и новаго времени.

С. Холль. Ранняя юность.

Вопросу о переходномъ или критическомъ возрастѣ посвящена эта работа, представляющая собою сжатое изложеніе (мѣстами измѣненное и дополненное) большого двухтомнаго труда того же автора. Сознывая всю важность этого возраста, требующаго особаго вниманія со стороны воспитателя, авторъ не ограничивается однимъ лишь сообщеніемъ чисто-научныхъ данныхъ, но присоединяетъ къ нимъ практическіе выводы, вытекающіе для педагога изъ научныхъ положеній. Одну изъ главъ авторъ посвящаетъ специально дѣвочкамъ и ихъ развитію въ тотъ періодъ, когда въ нихъ начинается формироваться женщина. Какъ и О'Ши, Холль настоятельно рекомендуетъ удѣлять много вниманія физическимъ упражненіямъ, и этотъ походъ противъ современнаго, преимущественно словеснаго обученія составляетъ одно изъ существенныхъ достоинствъ его книги.

С. Холль. Сборникъ статей по психологіи дѣтства.

С. Холль—одинъ изъ первыхъ и наиболѣе ревностныхъ проповѣдниковъ той истины, что для руководительства ребенкомъ необходимо прежде всего научиться его понимать. И Холль самъ много сдѣлалъ какъ для изученія психологіи дѣтства, такъ и для широкой популяризации знаній въ этой области. Имя его пользуется большой извѣстностью не только на его родинѣ, въ Америкѣ, но и въ Европѣ (сборникъ статей Холла существуетъ въ нѣмецкомъ переводѣ), и ознакомленіе русскихъ читателей съ работами Холла нельзя не считать желательнымъ. Въ настоящій сборникъ войдутъ статьи американскаго психолога, печатавшіяся разрозненно въ періодическихъ изданіяхъ и касающіяся различныхъ сторонъ душевной жизни дѣтей, напримѣръ, дѣтской лжи, страха и т. д.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода.

Привести въ связь индивидуальное развитіе ребенка съ развитіемъ человѣческаго рода, объяснить первое послѣднимъ—такова задача этой книги. Авторъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ психологовъ, разсматриваетъ цѣлый

рядъ проявленій душевной жизни ребенка—распознаваніе цвѣтовъ, движенія (въ частности, причины преобладанія правой руки), внушаемость, подражаніе, вниманіе и т. д.—и даетъ обстоятельный научный анализъ каждого изъ нихъ.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе съ соціологической и этической точки зрѣнія.

Это сочиненіе удостоено преміи Датскою Королевскою Академіею по докладу Г. Геффдинга. Здѣсь авторъ, опираясь въ значительной степени на выводы предшествующей своей работы, старается показать, какъ складывается въ ребенкѣ „соціальное существо“ благодаря вліяніямъ окружающей среды. Поставленные и разрѣшаемые здѣсь вопросы находятся въ тѣсной связи съ важнѣйшими вопросами воспитанія, и такимъ образомъ книга Болдуина на-ряду съ научной цѣнностью приобрѣтаетъ также большое практическое значеніе.

А. Чемберленъ. Дитя. Очерки эволюціи человѣка.

Подобно Болдуину, и Чемберленъ разсматриваетъ развитіе ребенка въ связи съ развитіемъ человѣческаго рода. Но онъ подходитъ къ вопросу съ иныхъ сторонъ, и главы его книги трактуютъ о значеніи безпомощности въ младенческомъ возрастѣ, о смыслѣ дѣтскаго возраста и игры, о дѣтской рѣчи и дѣтскомъ искусствѣ, объ общихъ чертахъ у ребенка и дикаря, у ребенка и преступника, у ребенка и женщины.

Все изданіе составитъ 15 выпусковъ (сочиненія Шиннъ, Чемберлена и оба сочиненія Болдуина въ виду значительнаго ихъ объема будутъ раздѣлены на два выпуска каждое).

Книги будутъ выходить съ промежутками въ 1½—2 м-ца. Последовательность ихъ выхода расположеніемъ въ настоящемъ перечнѣ не опредѣляется.

Условія подписки

Подписная цѣна на всѣ 15 выпусковъ въ изданныхъ переплетахъ съ доставкой на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ и пересылкою въ провинцію—30 руб.

Разсрочка: при подпискѣ—2 руб., при полученіи первыхъ 13-ти выпусковъ по 2 руб. и двухъ остальныхъ по 1 рублю.

Были изъ печати:

Вып. I.—Д. А. Колодца. „Дѣтскія игры. Ихъ психологическое и педагогическое значеніе“.

„ II.—Б. Перз. „Нравственное воспитаніе, начиная съ колыбели“.

Печатается выпускъ III.—М. О'Ши. „Роль активности въ жизни ребенка“.

Изданія „Московского Книгоиздательства“:

„Земля“. Сборникъ I. Цѣна 1 р. 25 к.

Содержаніе: Леонидъ Андреевъ — Проклятiе Звѣря. Шоломъ Ашъ — Грѣхъ. Иванъ Бунинъ — Тѣнь Птицы. Борисъ Зайцевъ — Крестовый походъ дѣтей. А. Купринъ — Суламіеъ. А. Серафимовичъ — Дочь. А. Ѳедоровъ — Петля. Стихи: А. Блока, С. Городецкаго; Н. А. Морозова, Е. Тарасова, Г. Чулкова. А. Ѳедорова.

„Земля“. Сборникъ II. Цѣна 1 р. 25 к.

Содержаніе: М. Арцыбашевъ — Рабочій Шевыревъ. Ив. Бунинъ — „Небо и Земля“, мистерія Байрона. Бор. Зайцевъ — Спокойствіе. Н. Крашенинниковъ — Меблированныя комнаты. Н. Олигеръ — Бѣлые лепестки. А. Ѳедоровъ — Король Мустанговъ.

„Земля“. Сборникъ III. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: В. Башкинъ — Липы шумѣли. А. Купринъ — Яма. Н. Олигеръ — Осенняя пѣсня. Ѳедоръ Сологубъ — Старый дѣмъ.

А. Купринъ. Собраніе сочиненій.

Томъ I. Цѣна 1 р. 25 к.

Содержаніе: Молохъ. Ночная смѣна. Болото. Походъ. Одиночество. Ночлегъ. Лѣсная глушь. Дознаніе. Въ циркѣ. На покой.

Томъ II. Цѣна 1 р. 25 к. — Поединокъ.

Томъ III. Цѣна 1 р. 25 к.

Содержаніе: Трусъ. Мирное житіе. Корь. Жидовка. Конокрады. Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ. Обида. Рѣка жизни. Съ улицы. Allez! Вечерній гость. Собачье счастье. Убійца. Бриллианты. Бѣлыя ночи. Пустыя дачи.

Томъ IV. Цѣна 1 р. 25 к.

Содержаніе: Гамбринусъ. Прапорщикъ армейскій. Осенніе цвѣты. Сентиментальный романъ. На глухарей. Какъ я былъ актеромъ. Черный туманъ. Мелюзга. Изумрудъ. Наталья Давыдовна. Господня рыба. Тостъ. Счастье. Демиръ-Кая. Искусство.

Томъ V. Цѣна 1 р. 25 к.

Содержаніе: На переломѣ (кадеты). Олеся. Морская бо лѣзнь. Суламіеъ.

М. Арцыбашевъ. Томъ IV. Цѣна 1 р. 25 к.

Содержаніе: Человѣческая волна. Милліоны.

А. И. Эртель. Собрание сочинений.

Томъ I. Записки Степняка. Часть 1-я } Цѣна 2 р. 50 к.

" II. " " 2-я }
" III. Волхонская барышня. Минераль-
ныя воды " 1 р. 50 к.

" IV. Двѣ пары. Бабій бунтъ. Жадный
мужикъ. Карьера Струкова " 1 р. 50 к.

" V. Гарденины. Часть 1-я }
" VI. " " 2-я } " 2 р. 50 к.

" VII. Смѣна. Въ сумеркахъ. Пятихины
дѣти. Духовидцы. Специалистъ.
Восторги. Разговоръ " 2 р. — к.

Р. Киплингъ. Рассказы. Томъ I. Цѣна 1 р. 50 к.

" " II. " 1 р. 50 к.

Печатается томъ III. " 1 р. 50 к.

Р. Фалькенбергъ. Исторія новой философіи перев. и ред.
пр.-доц. моск. унив. Д. Викторова. Цѣна 3 р. 75 к.

Д. Колодца. Дѣтскія игры, ихъ психологическое и педа-
гогическое значеніе. Пер. подъ ред. прив.-доц. моск.
унив. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха. Ц. 1 р. 50 к.

Фридрихъ Ницше. Продолжается подписка на полное со-
брание сочиненій въ 10-ти томахъ подъ редакціей
проф. Ѳ. Зѣлинскаго, С. Франка, Г. Рачинскаго и
Я. Бермана. Подписная цѣна 30 р. — въ роскошныхъ
переплетахъ 40 р. Подробный проспектъ высылается
по первому требованію.

Вышелъ т. II. **Содержаніе:** Несвоевременныя размы-
шленія. Мы — филологи. Приложенія: Предисловіе
С. Франка. Введеніе и заключительныя замѣчанія —
Е. Фёрстеръ-Ницше. Ницше и Вагнеръ — Э. Метнера.

К. Марксъ. „Капиталъ“. Первый полный перев. подъ ред.
В. Базарова и И. Степанова; общ. ред. А. Богданова.

Томъ I Цѣна 2 р. 75 к. | Томъ III, ч. 1-я. Ц. 1 р. 75 к.
" II " 2 р. 50 к. | " III, ч. 2-я. " 1 р. 75 к.

Я. Верманъ. Діалектика въ свѣтѣ современной теоріи по-
знанія. Цѣна 1 р. 25 к.